

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2014
№17

2014 № 1 (17)

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Технический директор
Сергей Каунов

Редакционная коллегия
К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский,
Е.С. Галкина, О.В. Кильдюшов, М.Н. Любомудров, О.Б. Неменский,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЛОБА ДНЯ

Уроки Майдана. Экспертный опрос.....	3
Олег Неменский	
Евромайдан и никакого национализма.....	13
Марина Мозжерова	
«Российская демографическая проблема»: мифы и реалии.....	21
Тема номера. НАЦИОНАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ	
Александр Жучковский	
«Первая пятилетка» Патриарха Кирилла.....	33
Марк Любомудров	
Русская триада.....	44
Владимир Близнеков	
Святая националистка.....	56
Анджей Вержбицки	
Католицизм и польское нацистроительство.....	69
Сергей Сергеев	
Владимир Соловьёв и Константин Леонтьев против национализма.....	81
Дмитрий Павлов	
Иранская национальная идентичность: между традицией и постмодерном.....	100
Мирослав Валькович	
Язычество и национал-демократия.....	105
ПЕРЕВОДЫ	
Эдриан Гастингс	
Национализм как христианский феномен.....	107
СОЦИОЛОГИЯ	
Павел Крупкин	
Коллективные идентичности и социогенез.....	128
ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ	
Настасья Иванова	
Власть и химера антифашизма.....	146
РУССКАЯ НАЦИЯ И РУССКАЯ ЗЕМЛЯ	
Андрей Тесля	
«Украинский вопрос» в публицистике Ивана Аксакова начала 1860-х гг.....	152
НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО	
Сергей Петров	
Правда о Мамае.....	167
PERSONALIA	
Александр Котов	
Бюрократический национализм Михаила Каткова.....	174
НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИЯ	
Александр Севастьянов	
Конституция русского национального государства. Статья третья.....	187
ЮБИЛЕИ	
Мария Семанова-Фомина	
Из-под глыб советизма.....	208
ПОЛЕМИКА	
Максим Брусиловский	
I. Подростковый кризис роста в русском национализме. II. К теме «Национальная конституция».....	212
Ярослав Бутаков	
Что ответят левые на русский вопрос?.....	218
ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ	
Кто мы: евразийцы или европейцы?.....	235
Авторы номера.....	238
Summary.....	240

Уроки МАЙДАНА

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА 2014 № 1 (17)

ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС

1. Каковы предварительные итоги победы Майдана? Каково, на ваш взгляд, социально-политическое содержание происходящего?

2. Можно ли сказать, что главной силой Майдана является украинский национализм? Открывает ли Майдан для него новые перспективы?

3. Насколько сильна русофобская составляющая в современном украинском национализме? Должны ли русские на Украине опасаться его прихода к власти?

4. Каковы перспективы русского движения на Украине? Может ли оно что-то противопоставить украинскому национализму?

5. Насколько вероятны гражданская война, раскол или федерализация Украины в ближайшее время?

6. Как вы оцениваете политику РФ в украинском вопросе? Какова она должна быть, на ваш взгляд?

7. Как должны оценивать происходящее русские националисты? Возможна ли для них поддержка украинских националистов (или сотрудничество с ними, хотя бы прагматическое)? Каковы, в общем, уроки Майдана для русских националистов?

Олег Кильдюшов, философ, социолог

1. На Украине возникла уже знакомая по 2004 году ситуация кризиса легитимности власти, при сохранении ее легального характера. Сегодня на смену морально и политически обанкротившемуся режиму Януковича пришли новые силы, почти не связанные со старой коррумпированной системой: реальную власть в Киеве осуществляют не проверенные герои парламентских баталлий Яценюк, Кличко и Тягнибок, а герои реальных боев на улице Грушев-

ского. Мы почти не знаем их в лицо, но не стоит сомневаться, что они себя еще проявят. Как и в том, что они вряд ли проливают свою и чужую кровь для того, чтобы отдать власть Юлии Тимошенко, которая в их глазах представляет все ту же прогнившую систему...

В целом ситуацию можно описать формулой: вместо институциональных остатков УССР на Украине возникает совершенно новый политический проект. Его основные параметры пока четко не определены, но ясно одно: это вряд ли будет дружественное по отношению к России и русским государство. В лучшем случае нас ждет этнократический русофобский режим типа прибалтийских. В худшем — нас ждет малоприятное путешествие в утопию украинского «интегрального национализма», то есть местного извода нацизма образца 1920–1930 годов.

И если с политическим содержанием данного кризиса все более или менее ясно (борьба за власть всех против всех), то вот с социальным как раз не ясно ничего: далеко не социально-экономические требования определяют дискурс Евромайдана, более того, реализация одного из его важнейших, чисто политических требований — немедленного подписания соглашения об ассоциации с ЕС — нанесет серьезный удар по социально-экономическим интересам большинства отраслей украинской экономики, в которых еще теплится какая-то жизнь. То есть и по кошелькам миллионов людей, в т.ч. тусующихся на Майдане.

А если исходить из того, что обе стороны конфликта финансируются практически из одного и того же кошелька — т.е. из финансовых ресурсов украинского олигархата, то картина

становится совершенно запутанной. Можно даже подумать что украинские «владельцы заводов, газет, пароходов» решили совершить коллективное самоубийство как социальный класс. Однако картина немного проясняется, если учесть важнейший мотив их нынешней политической ангажированности — за период укрепления власти режима Януковича многим олигархам Востока Украины пришлось потесниться под рейдерским натиском т.н. «семьи», возглавляемой старшим сыном президента Александром...

2. Национализм выступает своеобразной дискурсивной «крышей»: несмотря на то что среди радикалов немало разнородных элементов — традиционных левых, анархистов, футбольных фанатов и др., именно пафос «национально-освободительной борьбы с оккупационным режимом» сегодня объединяет всех их. То есть здесь можно наблюдать примечательный феномен «вторичной национализации» — когда люди, и так лояльные украинскому проекту, получают дополнительную этнополитическую социализацию. При этом многие протестующие за неимением собственного политического языка совершенно неожиданно для себя оказались под бандеровскими знаменами — причем не на Западе Украины, а в Центре и даже на Юго-Востоке. В этом смысле у украинского этнонационализма галицийского толка открываются невиданные ранее перспективы — он на глазах становится нормативным даже в русскоязычном Киеве!

3. Украинский национальный проект по определению является антирусским, поскольку в нем речь идет как раз о том, чтобы изменить этническую идентичность традиционных русских земель и превратить живущих там русских людей в «украинцев». В этом смысле у различных украинских политических сил речь может идти лишь о различной степени интенсивности государственной русофобии. Понятно, что при правлении выходцев из Галиции она примет

просто клинические формы, как сейчас во Львове или Ивано-Франковске. Однако если посмотреть на политико-символический язык, использовавшийся нынешней украинской властью в последние годы (2010–2013), то он удивительно напоминает государственную русофобию времен В. Ющенко: тот же «голодомор-геноцид», те же «герои Крут», запрет русского языка в школах и вузах и т.д. Так что, как говорил классик: «Оба хуже».

И это неизбежно, поскольку у русских Украины нет своего политического представительства: Партия регионов давно предала их интересы.

4. У русского движения нет никаких серьезных перспектив, в частности электоральных, поскольку для этого просто нет ресурсов, причем не только финансовых (это как раз вопрос решаемый), но самое главное — дискурсивных: им попросту нечего противопоставить бандеровскому проекту, так как у них нет никакого разработанного концепта «Русская Украина». А апелляция к одиозной путинской РФ как носителю русскости лишь дискредитирует данный проект в глазах молодых и продвинутых граждан Украины даже из числа этнически и культурно русских. Ностальгия же по советскому прошлому, распространенная на Юге и Востоке страны, не может стать идейной основой для нового политического будущего.

Так что пока русским нечего противопоставить своим оппонентам. Более того: в политическом смысле самих русских просто не существует, так как все проекты русских партий и движений оказались неэффективными, коррупционными, скандальными...

5. Ни один из данных сценариев на сегодня не является более или менее вероятным — на это просто нет политического спроса ни внутри страны, ни у основных внешних игроков. Вероятнее всего, стороны конфликта после столь «горячей» фазы вновь перейдут к своему любимому делу — торгу за ресурсы,

очередному переделу финансовых потоков и собственности...

А федерализация, которая действительно была бы решением многих структурных проблем Украины, пока, увы, является табу в местном «политикуме».

6. Ее очень сложно оценить, поскольку никакой «украинской политики» у РФ просто не существует: кремлевские сидельцы раза за разом чисто ситуативно пытаются реагировать на очередные кризисы на Украине, договариваются с себе подобными в Киеве, то запугивая, то подкупая их, и т.д. Все это с большим трудом тянет на долгосрочную и продуманную политику в отношении ключевой территории исторической Руси.

И эта политическая и концептуальная беспомощность будет сохраняться до тех пор, пока власти РФ не определятся, чем для них собственно является Украина: а) обычной за границей (типа Чехии); б) необычной, но все же за границей («ближним зарубежьем» типа Киргизии); в) некоей «братской страной» (типа Белоруссии); г) вообще никакой не за границей, а частью нашей общей Родины, отпавшей от остальной Руси во время «геополитической катастрофы» конца XX века. Однако представление о неприемлемости и временности этого положения и необходимости восстановления общерусского единства может стать политическим мейнстримом лишь при ответе на вопрос: а что такое сама РФ? Является ли она национальным государством русского народа? Лишь при положительном ответе на этот вопрос в РФ возможна выработка применительно к Украине и СНГ в целом адекватной «русской политики», то есть политики объединения со странами, возникшими на территории исторической Руси. (Здесь можно провести аналогию с «германской политикой» — *нем.* Deutschlandpolitik, проводившейся в ФРГ начиная с канцлера Конрада Аденауэра и направленной на решение «немецкого вопроса» путем объединения всех немцев.)

7. Как и все демократы, они должны поддерживать все демократические требования протестующих, а как защитники русских национальных интересов — резко осудить русофобский мейнстрим Евромайдана. Не может быть никакого сотрудничества с теми, кто отказывает русским Украины в праве на существование и видит будущее Украины в качестве антирусского политического образования на содержании у Запада. У такого проекта нет никакого долговременного будущего.

Главные уроки Майдана в том, что русские националисты, — впрочем, как и все остальные политические силы в России, — оказались не готовы к такому резкому обострению ситуации на Украине, прежде всего на идейном, концептуальном, уровне. Поэтому часто поражала неадекватность их реакции: их детские по уровню политической рефлексии «за» или «против» Майдана были просто неуместны, так как среди противостоящих там сил нет «наших», т.е. тех, с кем могли бы отождествлять себя русские национал-демократы. Лет десять назад я написал статью о русских Украины под названием «Между бандитами и бандеровцами» — эту формулу я и сейчас считаю наиболее адекватной для описания трагического положения наших украинских братьев: и вот теперь, после четырех лет господства «донецких», мои киевские друзья и родственники воочию увидели все «прелести», которые принесли с собой в мать городов русских галицийские борцы за евроинтеграцию: уличный террор, вандализм в отношении чуждого им культурного и природного наследия, чисто азиатская антисанитария, факельные шествия, пещерная русофобия...

На этом фоне задача русских демократических националистов заключается в том, чтобы прежде всего на идейном, концептуальном уровне преодолеть зависимость от чужого навязанного дискурса и выработать собственный язык описания для происходящего

в Киеве. Речь идет о разработке проекта и позитивного образа совместного — русского — будущего наших стран — осколков исторической Руси. Решение этой главной русской исторической задачи XXI века невозможно в рамках осуществляемой демократически нелегитимным режимом В. Путина политики «россиянства» (поддержка нерусской «многонационалии» и замещение русского населения «трудолюбивыми мигрантами» из Средней Азии и с Кавказа); малосимпатичные симптомы этой азиатчины неприемлемы и для русских граждан Украины. Так что главным препятствием на пути объединения нашей исторической Родины является ныне правящий в РФ архаичный клептократический режим, который в принципе не способен предложить новое совместное и, самое главное, современное европейское будущее — причем всей Украине, а не нескольким жуликам в Киеве, с которым он все время пытается договориться.

Так что у подобного нового русского проекта для Украины нет ни единого шанса, пока в самой России за манифестацию своей русскости можно запросто получить от россиянской охраны позорную «русскую» 282-ю статью...

Павел Святенков, политолог

1. Теперь, когда Майдан победил, на Украине может возникнуть этнократический режим, похожий на те, что существуют в прибалтийских республиках — Латвии и Эстонии. Его эффективность будет прямо зависеть от того, придет ли Запад ему на помощь — деньгами и социальными технологиями. Если придет, мы можем увидеть в лице Украины «большую Грузию» времен Саакашвили, иначе говоря, враждебно настроенное к России государство, которое может затеять против нас «горячую» войну.

2. Думаю, что украинских националистов используют как ударную силу, как боевиков. Но предоставлять им главенствующую роль в украинской по-

литике никто не собирается, разве что понадобится война с Россией.

3. «Украина — не Россия», как изящно сформулировал в своё время президент Украины Кучма. Русофобия — единственная составляющая украинского национализма, к сожалению. Ибо вся политика украинизации в XX веке сводилась к попыткам объяснить украинцам, что они не имеют ничего общего с клятыми москалями. Да, увы, опасаться прихода к власти украинских националистов стоит. Впрочем, практически любое «западенское» правительство Украины будет враждебно России. Сейчас, когда Украина находится в разобранном состоянии, это звучит почти невероятно, но ведь если Западу захочется навести порядок на Украине (и он его наведет по грузинскому образцу), Украина сможет выдвинуть к России и территориальные претензии. Исконные казацкие земли могут простираться неограниченно далеко. Сценарий многодесятилетнего противостояния по модели Пакистан–Индия кажется мне более чем вероятным.

4. Пока я не вижу перспектив. Ибо не вижу проекта. Идея присоединения к многонациональному евразийскому пространству вызывает у русских Украины справедливый скепсис. А никаких других сценариев Россия не предлагает. Идея существования в виде «Приднестровья», то есть непризнанной республики, также малопривлекательна. Так что лишь прямая военная агрессия западенцев может вызвать противодействие на Востоке Украины вообще и у русских в частности.

5. Думаю, это маловероятно. Ибо для гражданской войны, раскола и т.п. необходимы как минимум два субъекта; а где они? Восток Украины недоволен Януковичем и безмолвствует. Запад активно пытается свалить его. Конечно, противостояние может обостриться, если пойдет агрессивная украинизация Востока. Но ведь и это — не факт. Восток может принять украинизацию, если

увидит в ней гарантию европеизации и модернизации, что вполне вероятно.

6. Политика России в украинском вопросе является многонациональной, евразийской, неэффективной, губительной и откровенно проигрышной. Описать в двух словах контригру не берусь, для этого надо писать огромный текст.

7. А по какому вопросу? Украинские националисты своими главными врагами видят русских. Как здесь сотрудничать? Мы спокойно сотрудничаем с националистами тех народов, которые не видят в русских врага.

Что касается уроков Майдана, то урок один — объединенная нация, вдохновленная идеями национализма, способна на многое. Но для этого нужно, чтобы идеи демократии и национализма совпадали. На Украине национальная демократия почти состоялась, у нас — пока нет. Это значит, что русским националистам открывается огромное поле для работы.

Всеволод Радченко, политолог

1–7. Победила оппозиция. На Востоке временная паника и попытки самоорганизоваться. Ситуация развивается стихийно, появляются новые участники, расширяется территория конфликта. С уверенностью констатировать можно только главного проигравшего — это Янукович. Единственным очевидным выгодоприобретателем стал «Правый сектор». Это рождённое революцией полувоенное объединение несистемных ультранационалистических группировок быстро получило поддержку улицы, продемонстрировав эффективность радикальных действий. Уставшие от безрезультативного двухмесячного прозябания люди увидели наглядный урок. Власть пошла на пятую только после перехода конфликта в силовое поле. В результате изначально небольшая группа радикалов превратилась в движущую силу протеста, вовлекая в свои ряды сотни и тысячи новых добровольцев и постепенно

меняя внутренний расклад сил на самом Майдане.

Стоит отметить, что протест с первых же дней приобрёл сильный национальный окрас. Националистическое приветствие «Слава Украине! — Героям слава!» быстро прижилось и стало символом революции. Его скандируют в конце буквально каждой речи выступающие на сцене Майдана, вне зависимости от своей национальной и политической принадлежности, и разношёрстная толпа единодушно откликается. Оно постоянно звучит боевым кличем на баррикадах, на улицах и в метро, став революционным паролем, распознавательным знаком «свой — чужой».

Примечателен и тот факт, что украинским праворадикалам удалось вовлечь в свою орбиту не только своих заведомых симпатизантов из западных регионов Украины, но и киевскую молодёжь, по преимуществу русскоязычную. О своей солидарности с протестующими заявили и группировки футбольных фанатов Восточной Украины и Крыма. В Донецке, цитадели Януковича, футбольные хулиганы вступили в открытый конфликт с милицией (правда, бунт быстро подавили). Воинственная русофобия вряд ли позволила бы сплотить вокруг себя русскоязычных.

Также стоит отметить факт доброжелательного отношения на Майдане к приезжим из России, в том числе со стороны боевиков в масках. Есть сильный негатив к России как к империи зла, к личности Путина, но на практике это не отражается — русские и даже российские флаги периодически появляются на Майдане. Мне лично только однажды довелось столкнуться с неприязненным отношением к себе, как к выходцу из России, со стороны немолодого уже мужчины. И то этого человека тут же осадили хлопцы-западенцы и пожилая женщина, гревшиеся у одного с ним костра на баррикадах Грушевского. Раскрученным брендом Майдана, конечно, стала кричалка «Кто не скачет,

тот москаль». Однако общение с отдельными представителями «Свободы» и «Правого сектора» показало, что для них «москаль», скорей синоним «совка» — человека без роду и племени, предавшего национальные корни и навязывающего другим холопский менталитет. Примерно такое же объяснение я слышал от разных молодых ребят во время своих поездок в Киев в декабре-январе 2013–2014 гг. Без сомнения, отдельные проявления русофобии периодически всплывают на Майдане. Но мерить по ним всё протестное движение Украины так же несерьёзно, как оценивать российский протест 2011–2012 гг. через факт присутствия там небольшой группы ЛГБТ-активистов или сводить Русский марш к отдельным зигующим малолеткам.

Тем не менее опасение вызывает нежелание украинских националистов признать наличие другой, русской Украины. Они готовы рассматривать татарскую автономию в Крыму, но не готовы примириться с Малороссией. В этом вопросе они наступают на те же грабли, на которые наступали ненавистные им большевики, пытавшиеся навязать галичанам новую советскую идентичность. Стремление ассимилировать Восток понятно. Наличие другой идентичности и ориентации на Россию — это постоянная угроза украинской государственности и территориальной целостности. Однако нужно понимать, что любые попытки навязчивой украинизации будут только подливать масла в огонь.

Пока эта реакция во многом спускается в свисток властями Украины и прикормленными патриотическими организациями. Русское движение Украины по преимуществу несамостоятельно и периодически выступает на подтанцовке у Партии регионов либо по заказу аффилированных с Кремлём структур. Те, кто начинает идти против течения, очень быстро подвергаются травле со стороны ручных патриотов и прессингу спецслужб. Идеология национального

возрождения и славянского единства выхолащивается и подменяется но-стальгией по великому советскому прошлому, паровозом которого становятся такие его качества, как авторитарность власти вплоть до культа личности (посмотрите на митинги Антимайдана с портретами Януковича, а иногда и Путина) и вытекающий отсюда лоялизм. Сюда же для противовеса «бандеровскому» национализму хорошо встраивается культ Победы и антифашизм/антинационализм (заметьте, что русские движения Украины в большинстве своём отрицают слово «национализм» в применении к ним самим). Жизнь этих движений поддерживается периодическими мероприятиями по укреплению культурных связей России и Украины, но мобилизуется в политическом поле только для демонстрации публичной поддержки тех или иных шагов власти, ну и, разумеется, в случае угрозы этой самой власти (как это и происходит в случае с Майданом). Естественно, что марионеточное искусственное движение не имеет возможности для развития и роста и не в состоянии противопоставить более свободному и активному украинскому национализму никакой альтернативы.

Однако в случае эскалации конфликта и крушения существующей политической системы либо же в случае победы Майдана в Киеве неизбежно появление и распространение на Востоке Украины новых независимых младорусских славянских движений. И обусловлено это будет как раз защитной реакцией на ожидаемую экспансию украинского национализма.

Этот процесс предопределён. На нём уже спекулируют в своих интересах «патриоты» от власти. И чем раньше это осознают идеологи украинского национализма, чем быстрее они проведут пересмотр своей «восточной» политики и публично откажутся от навязывания своих уставов чужому монастырю, тем больше шансов для сохранности единого государства Украина. Пусть в

виде федерации либо конфедерации, но независимого и единого, сведя на ноль риск гражданской войны. Подобное признание теоретически может ослабить позиции режима на Востоке, лишить Януковича поддержки тех, кого мобилизовали через раздувание темы русофобии, и, напротив, приобрести новых союзников. В таком случае разрешатся сомнения и для многих националистов в России, появится почва для сближения и сотрудничества. К сожалению, подобный сценарий на данный момент всего лишь теория, близкая к утопии.

Однако новая альтернатива на Востоке может обрести и другого союзника.

Логично предположить, что после поражения Януковича российская политика в Украине будет подвергнута обязательной ревизии, и ставка может быть сделана именно на такие выросшие снизу пассионарные движения, ориентированные на славянское единство. Правда, в последнем случае придётся серьёзно пересматривать и национальную политику в самой России. Но может быть, именно исходя из украинских уроков и должно начаться переосмысление наших домашних проблем.

Главный же урок Майдана для русских националистов, по моему мнению, заключается в том, что глупо чураться общегражданских процессов, боясь запачкаться в одном строю с либералами. Нужно в этих процессах участвовать, перехватывать повестку, превращая любое движение в национальное. Тогда, возможно, мы услышим из уст даже записных либералов приветственное «Слава России!».

Константин Крылов, главный редактор журнала «Вопросы национализма»

1–7. Мы наблюдаем интересный, поучительный — я бы даже сказал, долгожданный (для людей, причастных к делу) — исторический момент. Виктор Янукович подарил своей стране национальную идею.

До сих пор *ukrainian dreams* имели один неустрашимый порок — они не могли объединить украинцев, русскоязычных и просто русских. Не могли в принципе, потому что хотели они очень разного, а последовательную реализацию любого проекта воспринимали как угрозу для себя и собственной идентичности. Теперь такая идея найдена — и у неё есть потенциал сплачивания населения страны в единую гражданскую нацию. Да, на базе «западенской идеи» (другой нет и быть не может), но теперь её принятие может показаться приемлемым. Поскольку над Украиной засияло новое солнце — Евроинтеграция как Сверхмечта, объединяющая украинский политикум как целое. Кто не разделит эту Сверхмечту, тот будет отброшен консолидированным общественным мнением на абсолютную периферию.

Могут сказать, что «европейский шлях» был и остаётся генеральным вектором развития Украины. Так, да не так: до Евромайдана эта идея не была объединяющей. Теперь она таковой стала. И сделано это было просто и чрезвычайно элегантно, с использованием базового для человеческой психики механизма: обмана надежд и унижения.

Теперь уже поздно объяснить, что договора, которые предполагалось заключить с Евросоюзом, не мёд и не сахар, что они не означают реальной интеграции в ЕС, что такие договора имеет Алжир, Марокко, Индия и почти вся Латинская Америка. Что даже визовый вопрос эти соглашения не решают. Все эти разговоры отныне ничего не стоят, потому что прямо перед подписанием соглашений их отняли (как бы под давлением ненавистной России), а протестующих против этого — побили. Этого вполне достаточно, чтобы из прагматического вопроса эти соглашения стали моральной ценностью и национальной мечтой, «светом в окошке». Причём такой, которую могут разделить все украинцы, независимо от языка и идентичности. Да, на Востоке эту мечту принять

сложнее (потому что там понимают, что её исполнение чревато закрытием заводов и другими неприятными последствиями), но всё-таки можно, так как идея эта отныне вышла за пределы «материального» и стала чистой Идеей — идеей движения к Абсолютному Свету (Европе) и бегства из Тюрьмы Народов (России).

Часто сравнивают Болотную и Майдан, разумеется, к невыгоде первой. Но между украинской и российской ситуацией есть как минимум три принципиальных отличия. Первое. В России с 1993 года, то есть начиная с расстрела парламента, существует режим, более или менее близкий к диктатуре. Так, ни разу за всю историю «новой России» не было настоящих президентских выборов — из нескольких кандидатов, с непредсказуемым финалом. То же самое можно сказать о свободе слова, свободе собраний и союзов и так далее. При этом процесс шёл в одну сторону — закручивания гаек. На Украине гайки не закручены. Например, существует неподконтрольная правительству пресса и телевидение. Тот же Майдан транслируется в прямом эфире, причём с явным выражением симпатии. В России подобное невозможно в принципе — ту же «снежную революцию» показывали обывателю через тройной пропагандистский фильтр. Надо ли объяснять, насколько разным будет уровень народной поддержки выступлений?

Второе. Россия — антинациональное, то есть антирусское государство, управляемое чекистами, ненавидящими русский народ, и нацменьшинствами, в основном кавказскими и некоторыми другими. Русский национализм запрещён и репрессирован. Правые русские задавлены, самые крайние гниют по тюрьмам. Сейчас уже докопались до мышей — сотрудники центра «Э» заводят уголовные дела на школоту, написавшую «вКонтакте» какие-нибудь недостаточно восторженные слова. На Украине запрет украинского национализма невозможен, так как вся «незалежность»

стоит на единственной опоре — на украинской национальной идее. Запретить или репрессировать её НЕЛЬЗЯ, причём ни в каком виде и ни в каких формах. Поэтому на Украине всю её историю существовали крайние и сверхкрайние националистические партии, не говоря уже об умеренных. Ни за какую «славу Украине!» или за поклонение Бандере никогда не сажали — и даже не думали, что такое возможно. Так вот: единственным отличием Майдана от Болотки — подчёркиваю, единственным! — стал «Правый сектор». Который объединяет именно что отможенных украинских националистов, «белую кость». Сформированную за двадцать с лишним лет легального развития «правого движа». Допустим даже, что контролируемого беспеккой (но дружественно контролируемого, так как беспекка состоит из таких же украинских националистов), но вполне живого, здорового, обученного (ребята легально тренировались) и так далее. Ну а без «Правого сектора» весь майданный сценарий был бы абсолютно московский, включая традиционные фигуры «договаривающихся лидеров» и проч.

И — last not least — совершенно разный уровень международной поддержки. На Болотную не приехал ни один западный политик. Западные СМИ ограничились вежливым выражением не слишком тёплых симпатий. На Майдане западные политики присутствуют чуть ли не постоянно, западные СМИ не просто сочувствуют, а, что называется, разжигают, и т.п. Восставшие видят, что у революции есть друзья по ту сторону границы, и это тоже важно. Почему это так — скажу ниже.

Для того чтобы устроить революцию, нужны люди, деньги, организация. На Украине можно собрать команду крепких парней, тренировать их и практически легально их финансировать. В России люди с деньгами боятся финансировать самые что ни на есть легальные — до травоядности — политические силы. За это очень больно

бьют, и не только бьют — вспомним Ходорковского. Внешней поддержки тоже не будет. Связано это с тем, что цена стабильности России и Украины разная. В том числе для внешнего мира. Грубо говоря, если революции на Украине будут происходить раз в три года, Запад этого не заметит — пока работают транзитные газопроводы. Если же что-то подобное начнётся в России, это чрезвычайно встревожит всю деловую и политическую Европу, так как под угрозой окажутся очень существенные интересы, начиная с энергопоставок и финансовых вложений и кончая вопросом о ядерном оружии. Поэтому, как ни противен им Путин, но беспорядки в России неприемлемы. Это не значит, что революция в России вообще невозможна. Напротив, я думаю, что она уже началась. Но это будет долгая история.

Насчёт распада Украины — «это вряд ли». Приведу только самые банальные соображения. Например — а кто в мире признает отделившиеся от Украины государства? То же самое Приднестровье, возникшее в сверхблагоприятной ситуации, уже двадцать лет никем не признано, и все попытки легализоваться жёстко пресекались со стороны ЕС, а также Молдовы и Москвы. А это, повторяю, был сверхблагоприятный момент, когда границы ещё можно было пробовать на зуб. Сейчас и того нельзя: всем нужна стабильность. Далее. Кто на Украине выиграет, если Украина распадётся? Я имею в виду, разумеется, игроков — то есть владельцев активов. Да никто. Украина — не та страна, которую выгодно делить с целью увода каких-то ценных активов, типа нефтяных месторождений или бриллиантовых копей. В таких случаях целостность страны выгодна. Или вот хотя бы. С украинской точки зрения распад страны может привести к потере независимости. А независимость — это реальная ценность, которую разделяют решительно все, даже обыватели. Я имею в виду независимость от России, разумеется — поскольку от любой дру-

гой европейской страны Украина была бы счастлива зависеть. Только не от России. По очень многим причинам, включая самую банальную: Россия ничего не может дать украинцам. Если от ЕС ждут хотя бы внедрения евростандартов во всех сферах жизни, то от России можно ждать только внедрения путинской модели управления. Если совсем просто: уровень жизни не повысится, а права и свободы отберут, да ещё и устроят полицейский террор. Ну и кому это надо?

Сергей Сергеев, научный редактор журнала «Вопросы национализма»

1–7. Нужно признать, что обсуждение «проблемы Майдана» стало одним из крупнейших провалов российского политологического сообщества, и в первую очередь, естественно, его специализированного «украиноведческого» сектора.

Касается это и русских националистов. Подавляющее большинство их рефлексий по поводу Майдана были, по точному определению Олега Кильдюшова, «детскими» — кто-то болел «за», кто-то — «против». Одни благословляли «беркутов» и истерически призывали к введению в Восточную Украину российских войск, другие, зайдя в эйфорию межнационалистического братания, скандировали: «Хлопцы, мы с вами! За нашу и вашу свободу!» Трудно сказать, что более безответственно и нелепо. Первые автоматически становятся в новой Украине персонами нон грата и тем самым лишаются возможностей влиять там в будущем хоть на что-нибудь, вторые — выглядят весьма двусмысленно в свете только что свершившейся отмены Радой закона о региональном статусе русского языка (напоминал же им Константин Крылов о печальном финале польской авантюры Герцена — да всё без толку!).

Я меньше всего претендую на какие-то «прорывы» в «майдановедении». Не дождавшись компетентных выкладок от специалистов, я, дилетант, просто

хочу высказать несколько банальных и очевидных, но от того не менее горьких, истин. Надеюсь, спецы меня поправят, если что не так.

Первое. После победы Майдана процесс нацбилдинга в Украине вступает в решающую фазу. Впереди — в той или иной форме — «вхождение в Европу», окончательный уход из орбиты «русского мира» и украинизация русских Юго-Востока.

Второе. Победа Майдана в очередной раз выявила антинациональную, антирусскую сущность внешней и внутренней политики правящего режима РФ. Именно в силу своей фундаментальной антинациональности курс последнего на украинском направлении оказался столь бездарным и закончился столь сокрушительным провалом. Таможенный союз без Украины теряет для России ценность, исконные русские территории, щедро политые русской кровью, и миллионы русских людей на ближайшую перспективу для нас потеряны.

Третье. Русские Юго-Востока (пока) не в состоянии предложить какую-либо серьёзную альтернативу западенскому национализму и будут вынуждены приспособливаться к тому, что им продиктует Киев.

Четвёртое, непосредственно касающееся русских националистов. Мы явно недооценили потенциал украинского национализма. Слабость и провинциальность культурного базиса «украинства» («сало, Шевченко, Бандера»), который среди русских националистов (прежде всего консервативного толка) принято презрительно третировать, не помешал его впечатляющим политическим успехам. Между тем базис высокой, мирового уровня, русской культуры («Достоевский, Чайковский, Менделеев») нимало не способствует триумфам русских националистов, которые как были, так и остаются политическими маргиналами в РФ. «Сельский национализм» (в терминологии Олега Неменского) западнцев, основанный на простой этнической солидарности,

оказался эффективен в условиях государственного кризиса, когда нарушилась стабильная работа структур «городской» цивилизации.

Да, я понимаю, что русский национализм в РФ давят и изводят на государственном уровне, а украинский на Украине — поощряют и пестуют. Но нельзя не видеть, что социальная основа для этого пестования в украинском случае была более благоприятна — Запад попал в советскую молотилку на двадцать с лишним лет (и каких лет!) позднее, чем Юго-Восток, и сохранил навыки самоорганизации и традиции сопротивления коммунистическому режиму.

Наконец, самое тревожное. Русские в РФ в большинстве своём — это те же восточные украинцы (даже в ещё более утрированном виде) — советские люди, госслужащие, лишённые способности даже к простой бытовой (не говоря уже о политической) самодеятельности. В отличие от Украины у них нет своего «Запада». Поэтому процесс национального возрождения русских схож с процессом вытаскивания человеком самого себя из болота. Для того чтобы русский национализм победил, нужна сначала смена правящего режима, но это практически невозможно при том уровне политической пассивности, на котором находятся современные русские. (И эта пассивность актуальна не только для националистов, а едва ли не в большей степени и для левых и либералов.) Пока получается замкнутый круг.

Перед глазами рисуется мрачная антиутопия. Всё увеличивающееся мусульманское население РФ объединяется общим проектом создания исламского государства на её территории. «Западом» данного проекта становится Чечня, чей потенциал в этом смысле будет покруче западенского. В таких условиях не покажется ли жителям русских областей, пограничных с Украиной (на которые, кстати, некоторые украинские националисты уже предьявляют претензии), украинизация куда меньшим злом, чем чеченизация?

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

ЕВРОМАЙДАН И НИКАКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Евромайдан — событие, очень ярко выражающее сущностные черты того, что мы привычно называем «украинским национализмом». Наименование весьма условное и вынужденное — у нас просто нет иных слов для определения этого очень оригинального явления. Однако нередко оно побуждает видеть в украинстве что-то сходное с другими националистическими идеологиями, то есть вполне рядовое явление для Европы последних двухсот лет. Тем ценнее события, подобные Евромайдану: они помогают в очередной раз уловить принципиальное своеобразие украинства, его глубокое отличие от иных национализмов.

Украинство — идеология, имеющая форму национализма, однако созданная под совершенно другие задачи и цели. Национализм всегда так или иначе направлен на достижение полноправия и суверенитета какой-либо этнической общности, на создание условий для полноценного самовыражения её культуры. Украинство уничтожило традиционное самоназвание автохтонного населения Юго-Западной Руси, лишило его базового элемента его многовековой культурной традиции — православной идентичности, а задачи возрождения народности заменило задачами уничтожения основного пласта местной истории и культуры¹. То есть

позитивная программа, свойственная любому национализму, была заменена на сугубо негативную.

Украинство — идеология дерусификации, уничтожения исторического облика западнорусских земель и ликвидации автохтонной культурной традиции с общей целью их культурной и политической привязки к Западу. Однако украинство имеет формальные признаки национализма: националистическая форма используется для его легализации в нововременном политическом дискурсе Европы, придания ему благообразного и респектабельного облика. Негативистская сущность этой идеологии выражается не только в характере производимых на её основе действий, но и в их общем итоге, не имеющем обычного для национализма позитивного выражения, то есть создания национальной государственности.

Нынешняя Украина, хотя и считается с формальной точки зрения национальной государственностью, на деле им не является: её государственным языком признан язык меньшинства, её национальные герои — антигерои для большинства населения, а её национальная идеология отражает лишь очень небольшую часть культуры и истории её народа. Украина более всего напоминает колониальное образование, однако тут важно подчеркнуть то, что основано это положение не на внешней постоянно довлеющей силе (метрополии), а на суверенно принятой государственной идеологии. Идеология этноцида, имеющая националисти-

¹ Подробнее см.: «Чтобы на Руси не было руси»: украинство как идеология русоцида // Вопросы национализма. 2011. №1(5). С. 77–123 (в издании название статьи несколько изменено редакцией).

ческую форму, на деле проявляет себя преимущественно в разрушительных действиях. Национализм, не имеющий этнических оснований, фиктивен по своей природе и носит сугубо инструменталистское предназначение. Форма является для такой идеологии лишь средством легитимации, однако она сама по себе не может изменить характер политических действий и направляемых ими социальных процессов.

Феномен добровольно колонизирующейся страны сам по себе не нов. Он основан на ситуации господства инациональной элиты, ориентированной не на развитие своей страны, а на интересы некой зарубежной общности. Однако примечательно, что в случае с Украиной инациональный характер элит имеет основание не в их инокультурном происхождении, а в их корпоративной идеологии, утверждаемой в качестве национальной. В результате национальная форма такой идеологии является лишь временным средством для перехода страны в полноценное колониальное положение. Таким образом, общая направленность процессов на Украине прямо противоположна типичным задачам национальных возрождений — она ведёт страну к прямо обратному результату. Результату, путь к которому лежит через постепенную деградацию всех сторон социально-экономической и культурной жизни общества, а потому чреват периодическими кризисами, сводящимися к своего рода качественным скачкам деградации.

То, что происходит сейчас на Украине, — это выражение глубокого кризиса украинской государственности и всего якобы национального проекта. Для исследователей представляется большой проблемой объяснение этого удивительного факта — тяжелейшего провала постсоветской Украины. Ведь после 1991 года эта республика рассматривалась как наиболее перспективная. Для большого успеха у неё было всё: высокообразованное на-

селение, большая территория, мощная индустрия, огромные природные ресурсы, выгодное геополитическое положение. Не то что, например, у соседнего «всесоюзного сборочного цеха» Белоруссии, больше всех страдавшей от разрыва старых экономических связей и не имеющей ни своих полезных ископаемых, ни выхода к морю.

Но вот прошло более двадцати лет, и мы видим нищую, раздираемую внутренними противоречиями Украину. Она уже не надеется в обозримом будущем достичь уровня экономики конца 80-х, являясь по уровню жизни (вместе с когда-то цветущей Молдавией) самой бедной страной Европы, её ВВП на душу населения меньше, чем в Албании. А рядом видим стабильную и быстро развивающуюся Беларусь, уже давно удвоившую свою экономику по сравнению с позднесоветской. В истории очень многое зависит от конкретных людей и субъективного настроения элит — всё это нередко способно превозмогать объективные обстоятельства. И представляется, что одну из важнейших причин провала постсоветской Украины надо видеть в глубоких особенностях её национальной идеологии, то есть всего того комплекса идей, который лежит в основании её государственности, даёт мотивации к политическим действиям и направляет общественную жизнь в стране.

Украина — страна, настроенная негативистски. Цель всего её государственного проекта — не достижение высокого уровня жизни и культуры, не самореализация её народа, а отрыв от России и русской культуры. Даже собственная история для неё — территория непрекращающейся борьбы со всем русским. «Сознательные украинцы» не столько строят свою государственность, сколько участвуют в международной политике вокруг России. Антирусский принцип тут первичен, он лежит в основе всей системы. Если для отрыва от России нужно будет пере-

стать быть украинцами, забыть украинский язык и отказаться от этнонима — они это охотно сделают. Именно этой потребностью они привычно объясняют историческую смену русского самосознания на украинское — ведь на это пришлось пойти, чтобы обособиться от одноимённых москалей. Ради этого же они стремятся отказаться от русского языка, во многом созданного на территории Украины и выражающего достижения местной городской культуры. Ради этого же они готовы отказываться и от традиционного для Руси канонического православия.

В идущих сейчас спорах относительно целесообразности подписания Соглашения об ассоциации с ЕС совершенно бессмысленно задавать вопрос, почему предупреждения о неизбежных мерах по защите своего рынка со стороны России воспринимается как «грубое давление», а открытые заявления Запада о том, как много всего Украина «должна сделать», таковыми не считаются. Бессмысленно задавать вопрос: как вы можете ратовать за подписание соглашения, ограничивающего государственный суверенитет, и при этом митинговать под лозунгами «свободной, независимой Украины»? Понятно же — независимой она должна быть именно от России, а не вообще — в этом смысл всей идеи. Соглашение, надо сказать, впечатляющее своей наглостью — Украине предлагается подписать совершенно кабальные условия, при этом она взамен почти ничего не получает, кроме огромных издержек. Зато обрекает на гибель почти весь пласт своей индустриальной цивилизации.

И со временем эта негативистская составляющая украинства только нарастает. Евромайдан зимы 2013/14 г. сильнее всего отличается от своего предшественника девятилетней давности — Майдана 2004 года, который был патриотическим, он утверждал государственность Украины, что в контексте украинской националь-

ной идеологии означает максимальное отмежевание от России. В этом была своего рода политическая ирония: вырастая из движения «Украина без Кучмы», Майдан-2004 шёл под кучмовским же лозунгом «Украина — не Россия!». И действительно, представить себе Украину, заговорившую по-украински, можно только при условии её полного отгораживания от России, запрета на всё русское. Способом осуществить такой запрет и виделось достижение максимального суверенитета, утверждение «подлинно национальной» власти. Царило ощущение, что все проблемы страны связаны с несвободой от «руки Москвы», а победа национальной идеи обеспечит всем украинцам то самое искомое светлое будущее. Но вот прошло меньше десятка лет, и настроения стали совсем иные.

Современный «майдановец» — это в первую очередь человек, разочарованный в собственных силах Украины. Он не верит, что новый «Ющенко» или «Тимошенко» придёт и наведёт в стране должный порядок. Он уже никому здесь не верит. Наоборот, майдановец хочет лишить Украину суверенитета. Формулируется это, конечно, более привлекательно: евроинтеграция, ассоциация, европеизация и т.п. Тут главное, чтобы над высшими чиновниками в Киеве был надзор со стороны. Ведь без этого надзора они по-прежнему будут воровать, по-прежнему ничего не будут делать для развития страны, по-прежнему будут продаваться Москве и гробить «нэньку». Логика этого этапа проста: если Украина не может сама построить у себя привлекательную для граждан жизнь, то пусть придёт ЕС и построит её здесь сам, ведь там у них это получилось. Производное национальной формы украинства — национальная государственность — оказалась помехой для достижения его цели, то есть привязки её территорий к западному сообществу. Необходимость дальнейших шагов по

евроинтеграции наткнулась на провал постсоветской украинизации.

Евромайдан — это отказ украинцев от доверия к своему государству. И совсем не только к нынешней власти — основные представители оппозиции там тоже совсем не в чести и лидерами толпы не являются. Украина разочаровала самих украинцев — точнее, наиболее «свидомых» из них. Идея «стать Европой» теперь гораздо привлекательнее, чем «стать Украиной». Пугают закрытием большей части индустрии? А много ли от неё счастья? Пугают развалом страны? Да так им и надо, пусть катятся к своим москалям! Попасть в прекрасную Европу надо как угодно — хоть тушкой. Иначе уедем сами. Рациональность при этом отказывает. Примеры соседних стран — Болгарии, Румынии, Венгрии, получивших, в отличие от Украины, неплохие условия интеграции и полноценное членство в ЕС, однако находящихся с тех пор в разрухе и не имеющих перспектив как-либо остановить процессы деградации, на Украине не учитываются.

Сейчас часто говорят, что на киевском Майдане много украинских националистов. А я, признаться, их там вообще не вижу. Националисты в любой стране заняты тем, что борются за национальное единство и национальный суверенитет — это банальная националистическая программа. А что делают т.н. украинские националисты? Разве они борются за объединение разрозненного общества страны? Нет, наоборот, они всячески противопоставляют регионы, в которых имеют идейное преобладание, остальной стране и не желают подчиняться решениям легитимной власти, а в своих заявлениях делают откровенно сепаратистские намёки. И разве они отстаивают национальный суверенитет? Нет, ведь Соглашение об ассоциации с ЕС довольно сильно ограничивает правосубъектность Украины в пользу Брюсселя. На самом деле они борются за

«транзит с Востока на Запад», как это называют в соседней Польше, то есть за вхождение и максимальное растворение в соседней цивилизации. И не удивительно, что их цели борьбы прямо противоположны тем, которые характерны для националистов в Европе, — они вообще не видят себя в роли «евроскептиков».

Есть, правда, и другой лагерь восставших — те, что рядом с Майданом, кто действовал преимущественно на улице Грушевского. Этот «Правый сектор» невелик — сравнительно с майдановцами там людей немного. Однако им свойственен несколько иной идейный настрой и, одновременно, более эффективный стиль действий. Это в основном представители ультраправых движений, разделяющих не «буржуазный национализм», а нацистские взгляды. Будучи также «свидомыми украинцами», они довольно адекватно осведомлены в прошлых и современных крайне-правых европейских идеологиях и выражают неприятие всей нынешней либеральной Европы. Их идеалы — правый социализм, расово чистое общество, авторитарно-вождистская политическая система.

Их система взглядов также является частью украинства, причём очень органичной: украинская идеология создавалась именно в контексте крайне-правых идейных течений конца XIX — первой половины XX в. Она так же проевропейская: разве что нынешняя Европа признаётся неправильной, обречённой на загнивание и последующее возрождение. Она так же радикально русофобская: актуализируются все расологические идеи о принципиальной расовой границе между украинцами и «туранцами»-москалями, в своё время сформулированные Фр. Духинским. И она основана на культе прямого действия, что и было показано на практике в силовом противостоянии с милицией и захвате зданий. Это тоже на самом деле не национализм: здесь господствует культ

«белой Европы», а не украинской традиции, культ пролетарского расового интернационализма и создания нового имперского пространства, а не украинской национальной государственности. Однако общий итог деятельности этих маргиналов ровно тот же, что и у Евромайдана: продвижение Украины к колониальной евроинтеграции, а одновременно и к дезинтеграции.

Евромайдан (и «Правый сектор») не утверждает национальное единство, а наоборот, продолжает дело по развалу страны. И если в 2004 г. в общей государственности разочаровалась вся юго-восточная половина страны, то теперь раскол пошёл дальше. Народ на Майдане не представляет ни всей Украины, ни даже её половины. Лишь несколько областей. Интересно, что майдановцы ведут себя в Киеве очень схоже с потомками мигрантов из Африки в Париже. Тот же стиль «всё круши» и выражай протест как можешь. Это не случайно: как парижские погромщики не чувствуют себя своими в Париже, так и киевские. Они на чужой территории, они так и не ощутили эту страну действительно своей. В отличие от Майдана 2004 г., теперь площадь принадлежит западцам, в основном галичанам. Тогда всё же большинство митингующих были киевляне и выходцы из центральных областей страны, и разговаривал тот Майдан по-русски. На Евромайдане господствует украинский: численное превосходство западнцев задаёт и тон, и язык.

Галичину привычно считать самым «сознательно украинским» регионом, оплотом украинского патриотизма. Это так, только если помнить об общем негативистском характере украинства. Ведь на деле именно её жители приехали в Киев заявить о своём разочаровании украинской государственностью. На деле именно её области являются самыми сепаратистскими, причём не только на словах, нередко заявляя о непослушании Киеву. На деле именно приехавшие оттуда демонстрируют в

Киеве такую политическую и бытовую культуру, вокруг которой не очень-то хочется объединяться.

Французы долго верили, что потомки мигрантов из бывших колоний смогут стать такими же французами, как и они сами. Не получилось. Так и киевляне долго верили, что отличия с Галичиной лишь региональные, что там хранится священное наследие украинской культуры, и скоро можно будет увидеть единый украинский народ. Не получилось. Город, бывший центром украинского патриотизма, но так и не сумевший заговорить на «родном» языке, теперь с ужасом смотрит на приехавших. Не то чтоб он их не поддерживал — вроде ведь всё «правильно, за Европу», но и выходить с ними на одну площадь уже не хочется. Даже киевское студенчество в массе своей осталось в стороне. С каждым днём идёт процесс отчуждения Киева от западенского украинства, осознание глубоких различий, а то и взаимной неприязни. В Киеве хотят Европу, но не через разрушение всего и вся. Возможно, именно поэтому киевлянам так и не удалось перейти на украинский.

Украинство как идеология основано не на любви к своему, к полноте традиции и истории родной земли, а на задаче вот этого «транзита» — как бы подалее оттолкнуться от России и всего русского и как бы поближе придвинуться к Западу. Но на основе такой идеологии вряд ли можно создать цельное стабильное общество, это скорее цель для организации, в чём-то напоминающей средневековые ордены, но не для нации. И ведь и вправду: они же ничего и не создали. Современная Украина сделана от начала и до конца коммунистами, и украинизация удавалась тоже именно им. Отец-основатель современной Украины — В.И. Ленин — был радостно сброшен митингующими с постамента. Церемониальный взрыв исторического фундамента, на котором всё и основывалось. Новой независимой Украине скоро будет чет-

верть века, но похвастать хоть какими-нибудь успехами она не может. Даже украинский язык так и не стал основой для консолидации общества, он не очень-то и расширил свою географию, а значит, украинская власть провалилась в самом основном вопросе национального строительства.

Зато она успешна в своём главном предназначении — во внушении украинцам мечты о соединении с Европой и страха перед Россией. Крайне спорное торгово-экономическое соглашение, какое Евросоюз обыкновенно подписывает со странами, не имеющими никакой перспективы соединения с ЕС (Северная Африка и др.), в этих мечтах представляется как вступление в ЕС, за которым обязательно последуют «европейские стандарты жизни» и самое главное — бессильная злоба и зависть москалей. Любая власть, эксплуатирующая эти мечтания, будет поначалу иметь успех на Украине, но в ней неизбежно разочаруются, когда окажется, что мечта недостижима. Современная Украина — государство, которое так и не смогло найти себе место в мире, так и не смогло достичь внутреннего согласия и обеспечить своему народу развитие. Но тем сильнее чувства обиды на Россию, которая во всём этом виновата. Виновата по определению, согласно идеологии.

Нынешние украинские власти пришли за счёт голосов русскоязычного и пророссийски настроенного электората, но никогда не отказывались от украинской идентичности и всех тех задач, которые ставит перед политиками идеология украинства. За 2012–2013 гг. они осуществили масштабную программу психологической подготовки населения к подписанию Соглашения с ЕС. Гражданам Украины подробно объясняли, что есть широкое братство народов, которые мирно живут друг с другом, наслаждаются всеми благами цивилизации и по-дружески зовут Украину к себе, и есть Россия, одинокая, сердитая, которая пытается

всеми силами сломить свободолюбивый украинский дух и заставить себе подчиниться. Россия представляется просто: она всё время давит, насилует, угрожает. Такая картинка существует не только в сознании «свидомых украинцев» и «западенцев». За последние годы она широко распространилась. «Поворот к России», о котором нередко говорят, на самом деле сейчас невозможен. Сама власть донесла до всего общества мысль, что это значит сломаться и подчиниться. А подчиниться никто не хочет.

Действительно, можно сказать о поразительном единодушии по вопросам стратегического направления развития страны между нынешними (да и любыми предыдущими) властями и теми, кто собирается на Евромайдане. Ведь подписать Соглашение с ЕС хочет совсем не только тщетно размечтавшаяся о европейских стандартах жизни площадная публика. И не только оппозиция. Этого хочет и большая часть тех, кто находится у власти, кто и сейчас ежедневно управляет страной. Да, экономические и социальные последствия такого шага будут очень тяжёлыми, и даже трудно себе представить, как на них можно пойти. Однако таковы свойства системы: те, кто у власти в Киеве, меньше всего похожи на государственных деятелей. По своим мотивациям они отчуждены от украинского государства ещё гораздо больше, чем майдановцы.

Вообще, украинские власти обладают удивительной способностью проигрывать от своего выгодного геополитического положения. Но благодаря их ошибкам и метаниям медленно идёт процесс накопления в народе обид на Россию. Ведь сильная всё равно именно она, значит и виновата во всём тоже она. Так даже неудачи Украины всё равно работают на реализацию её главной цели — отрыва от России.

Это большая беда для любого народа, когда власть состоит из ставленников крупного капитала, основанного

на добывающих отраслях промышленности или сырьевом транзите. Их естественная стратегия — добровольно стать колониальными управленцами, войдя в элиту европейских метрополий. Страна обречена на смену во власти противоборствующих команд с разной риторикой, но с крайне схожей политикой. Элиты всё более отчуждаются от народа, а народ всё менее чувствует себя в своей собственной стране. Патриотизм превращается в пустые слова, а обществом овладевает мечта о внешнем управленце — том добром лесничем, который придёт и наведёт должный порядок.

На Украине мало, неприлично мало патриотов. В большинстве своём «сознательные украинцы» поддерживают украинский проект только ради транзита на Запад, государственность для них — это своего рода транспорт для переезда из России в Европу. Они радикальные западники, а не украинцы. Украинская здесь лишь форма. Форма, почти никому не дорогая — её не жалко принести в жертву в качестве оплаты за билет на Запад, она для этого и создавалась. И Евромайдан собрался именно для того, чтобы убедительно продемонстрировать это.

Интересно, что в России в среде русских национал-патриотов то и дело появляются положительные отклики об украинском Евромайдане. За ними, на мой взгляд, проглядываются важнейшие проблемы всего современного русского национализма в России, о которых обязательно надо говорить.

Во-первых, это сформированное в советские годы ущербно-русское самосознание, которое ограничивает воображаемое русское пространство границами РСФСР, полностью признавая тем самым украинский и белорусский национальные проекты как не просто состоявшиеся, но и издревле существовавшие и имеющие своего рода естественное происхождение. Этот попросту неадекватный взгляд

соединяется с также старым стереотипом советской пропаганды о дружбе народов, а ещё более с таким пережитком старого панславизма, как представление о «братьях-славянах». В украинских националистах начинают видеть патриотов братского славянского народа, а значит и политических товарищей. Лучше всего от такого взгляда вылечивает прямое общение с этими «братьями», но, к сожалению, оно редко случается. Зашоренность старыми пропагандистскими штампами вместе с полной безграмотностью в истории Западной Руси и в украинском вопросе приносят свои печальные плоды.

Во-вторых, есть и другая проблема: у некоторых активистов национализм мутирует из идеологии национально-самоопределения в идеологию всемерной политической борьбы с ненациональной властью, делаясь тем самым чем-то вроде аналога традиционных политических учений (социализма, либерализма, консерватизма). Логика здесь такая: мы боремся с антинациональной властью олигархов, они там тоже борются с антинациональной властью олигархов, значит, мы должны друг друга поддерживать. При этом полностью элиминируется сущностное своеобразие национализма *как идеологии выявления и защиты своих национальных интересов*. Соответственно, власть антинациональных олигархов может в каких-то обстоятельствах действовать и сообразно с национальными интересами (и тогда может быть поддержана), а вот борьба соседей с их антинациональными олигархами (как она нередко воспринимается) может идти вразрез с нашими национальными интересами. Так что политического товарищества здесь быть просто не может.

Русский национализм в России ещё очень молод, единой идеологии, в сущности, нет, а старые формы политического мышления, навязываемые прежней властью и во многом поддерживаемые нынешней, господствуют. И вот

в таких случаях, как украинские майданы, эта незрелость выступает наиболее ярко. Хотя надо отметить, что речь идёт об относительном меньшинстве современных русских националистов. Всё же за последние десять лет знания по украинскому вопросу в русской политической среде существенно выросли.

Проблема русского пространства современной Украины в том, что украинство — это единственная хотя бы по форме национальная идеология на современной Украине. Русский проект для неё в актуальном культурном пространстве просто не существует. Идеология, построенная на культивировании и возрождении местных этнокультурных традиций и основанная на развитии старой городской и аристократической культуры, полностью отвергнутой украинством, до сих пор не создана. Её можно вычитывать в текстах ряда историков и публицистов, однако её нет в актуальном информационном пространстве, в массовом сознании.

Мне приходилось писать почти де-

сять лет назад, во время Оранжевой революции, о необходимости создания особого национального проекта хотя бы для юго-восточных земель Украины² и о недопустимости сохранения того положения, когда в качестве альтернативы украинству предлагаются старые штампы советской пропаганды о «дружбе братских славянских народов», практический смысл которых состоит лишь в признании украинства. За прошедшее время эти задачи стали ещё актуальнее, более того, уже не воспринимаются как вызывающе революционные — об этом говорится всё больше и чаще, хотя сделано в этом направлении ещё слишком мало. Но очередные кризисы украинского проекта всё более побуждают к созданию альтернативных идеологий, способных к консолидации общества на основе позитивных идей национального самовыражения и развития.

² См.: *Неменский О.Б.* «Недоукраинцы» или новый народ? // Русский журнал. 29 декабря 2004 г. URL: http://old.russ.ru/culture/20041229_nem.html

Издательская группа «Скимень» выпустила в свет книгу Константина Крылова «Прогнать чертей»

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Марина Мозжерова

«РОССИЙСКАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА»: МИФЫ И РЕАЛИИ

Осенью прошлого года Президент Российской Федерации сделал несколько заявлений по вопросу трудовой миграции, который в последнее время уверенно лидирует в списке проблем, вызывающих наибольшее напряжение в обществе. *«Введение визового режима в рамках СНГ будет означать, что мы отталкиваем от себя бывшие республики Советского Союза. Нам нужно не отталкивать, а приближать. Нам нужно делать этот процесс более цивилизованным, наладить работу на этом треке таким образом, чтобы он не раздражал коренное население, а вызывал положительную реакцию»*, — сказал Путин, отвечая на вопросы журналистов на пресс-конференции по итогам октябрьского саммита АТЭС. Рынок труда нуждается в трудовых мигрантах для заполнения тех рабочих мест, которые не заполняются гражданами России, отметил президент. Казалось бы, куда уж больше заполнять — ведь согласно докладу ООН, в 2013 г. число мигрантов в России составило 11 миллионов человек. Россия занимает второе место среди стран мира по числу проживающих на ее территории мигрантов из других государств.

Однако в ходе встречи с лидером ЛДПР Владимиром Жириновским, состоявшейся в начале ноября, президент снова обратился к теме миграции и подчеркнул, что интеграция мигрантов в российское общество — это многоплановая задача. Более того, Путин назвал

противодействие миграции *«нанесением ущерба фундаментальным интересам нашей страны»*.

А буквально через несколько дней СМИ сообщили о скандале, произошедшем в одном из родильных домов Владивостока: врачи отказались принять в лечебное учреждение женщину-мигрантку, которая начала рожать на крыльце роддома. Акушерки якобы выставили на улицу узбечку, у которой были схватки. Лишь после долгих уговоров полицейских и бригады «скорой» они нехотя приняли роженицу. Главный врач роддома прокомментировал ситуацию так: *«По закону бесплатная помощь оказывается в ситуациях, когда что-то угрожает жизни и здоровью человека. Плановые роды к такому состоянию не относятся. По-моему, в этих делах она уже человек опытный. Она уже рожала в Красноярске подобным образом. Судя по всему, она знала, что с нее потребуют денег, поэтому в поисках поддержки она вышла из приемного покоя, нашла зрителей и устроила спектакль. Она упала на асфальт, стала кататься по нему и кричать»*.

Как выяснилось, Шаира Улашева оказалась нелегальной мигранткой. Регистрация на территории Владивостока закончилась у нее еще в мае 2011 г. Корреспонденту НТВ она рассказала: *«Приехала во Владивосток уже давно. Сiju дома. Это у меня четвертый ребенок: младшему 1 год и 2 месяца, самому старшему 7 лет. Муж работа-*

ет дворником, иногда другую черную работу выполняет. Что еще делать? Иногда я попрошайничаю. Я с детства попрошайничаю. А детей с собой беру. С кем их оставить?».

Естественно, в блогах поднялся дикий крик: человеколюбцы предлагали судить черствых и бездушных врачей, не оказавших помощи и презревших «клятву Гиппократата» (кстати, из-за сложившейся у нас традиции тыкать этой средневековой цеховой присягой в нос медикам по любому поводу — от очередей в поликлиниках до нехватки лекарств и специалистов в стационарах — врачи с горьким юмором называют ее клятвой гиппопотамата). Тех, кто робко заикался о том, что, будучи в чужой стране, неплохо было бы соблюдать ее законы, как водится, клеймили нацистами и фашистами. В порыве праведного гнева те же люди, которые упрекают женщин России в нежелании рожать весь фертильный период и приводят набивший оскомину пример о рожавших в борозде или на сенокосе прапрабабках, как-то пропустили мимо ушей фразу главврача о том, что вообще-то роды — это физиологический процесс. Ну а доводы о том, что рожаящая в четвертый раз женщина-иностранка должна знать длительность периода беременности и пройти необходимое обследование для подготовки к родам, с презрением отвергались как антигуманные. Вопли об «оставлении в опасности» и «если бы она умерла...» заглушили все возражения и об отсутствии эпидконтроля.

Дошло до того, что последовательный либерал и гуманист Олег Козырев в своем блоге на «Эхе Москвы» и вовсе взалкал крови «врачей-убийц»: *«Должен быть уволен весь медперсонал, находившийся на тот момент в роддоме, в отставку должны быть отправлены все региональные чиновники, а также нынешний глава Минздравсоцразвития, т.к. очевидно именно Минздравом установлены те правила, которые мешают врачам следовать клятве Гиппократата...»*

И да, никакого незаконного пребывания узбечки в России не было. У нас нет визового режима с Узбекистаном».

Как водится, к борцам за общечеловеческие ценности против «фошиздов» присоединились голоса всяческих «ассоциаций мигрантов». А зампред комиссии Общественной палаты по межнациональным отношениям Асламбек Паскачев так и вовсе выдал в интервью газете «Взгляд» стопроцентный даосский коан: *«Не будучи гражданкой РФ, женщина не могла иметь полиса обязательного медицинского страхования, а полис добровольного не могла иметь, поскольку находилась на нелегальном положении».* Короче, какие деньги, слушай!

Естественно, лютая борьба за гуманизм с ходу отмела как людоедские простые предложения о залоге при пересечении границы, оплате родов государством, откуда приехала «туристка», введении медицинских страховок для любительниц «родового туризма».

Стоит отметить, что в одном из загсов Владивостока ситуацию разъяснили предельно четко: *«Она скорее всего женщина опытная и понимала, что ей необходимо получить документ — медицинскую справку, подтверждающую рождение ребенка. С этой справкой граждане Узбекистана, Таджикистана и других стран СНГ приходят в отделение загса, где им выдают свидетельство о рождении. Документ позволит матерям при необходимости продолжать миграцию вместе со своим ребенком».*

Правда, когда на следующий день счастливая родильница сбежала из роддома в свой подвал, страсти приутихли. В подвале, где живет женщина, полиция обнаружила еще двоих ее детей. После этого районный суд Владивостока вынес постановление об административном выдворении гражданки Узбекистана. А когда Следственный комитет не нашел в действиях медиков состава должностного преступления при проведении доследственной проверки и от-

казался возбуждать уголовное дело по факту отказа роддома принять узбекскую роженицу без документов, дискуссия прекратилась как по мановению волшебной палочки.

Два этих практически друг за другом происшедших события наводят на мысль о причинно-следственной связи и каком-то гротеске, или, если угодно, «злой усмешке рока». Президент сказал своему народу, что введение визового режима со странами Средней Азии противоречит фундаментальным интересам нашей страны. А насмешница-жизнь (или, как сказал бы человек верующий, Божье соизволение) тут же показала лицо этого «фундаментального интереса». Лицо оказалось 24-летней узбечкой — потомственной попрошайкой, иными словами, профессиональной нищенкой, женой перебивающегося случайными заработками дворника. Счастливая пара, живущая в подвале, тем не менее, очевидно, считает свои жизненные перспективы вполне благополучными и продолжает «плодиться и размножаться». С очевидностью следует, что всем нам необходимо понять, что такие качества — неприхотливость вплоть до полного отказа от человеческих условий жизни и готовность рожать до бесконечности — для нашей власти являются самыми важными характеристиками мигрантов, без которых нашей экономике никак не выжить. На самом деле, неужели же сложная и высококвалифицированная профессия побирушки так необходима нашей модернизируемой, интенсифицируемой, диверсифицируемой и прочая, прочая... экономике!

Вся эта истерия с несчастной рожавшей узбечкой и «фашистами-врачами», как мне кажется, безжалостно высветила две беды нашей прекраснородушной интеллигенции и/или национального движения (при всей их внешней оппозиции и непримиримости друг к другу) — непрекращающуюся готовность вступать в бесконечные пустопорожние дискуссии и нежелание слушать

специалистов-профессионалов в конкретной сфере деятельности.

Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны...

Вот это бесконечное «заглатывание наживки», какая-то болезненная, мазохистская страсть «вестись на разводки», причем очень примитивные, создает видимость бурной интеллектуальной жизни, а на самом деле загромождает мозги большого числа людей химерами, пустышками вместо обсуждения реальных наболевших проблем. Актуальные, зачастую очень сложные беды современной России, раздумья о ее будущем подменяются какими-то метафизическими схоластическими дискуссиями.

В этой истории я не стану затрагивать аспект чисто медицинский, так как прекрасно отработанная схема перевода стрелок от бездарных, если не сказать преступных организаторов «реформы здравоохранения» была явлена нам во всей красе. Казалось бы, надо обсуждать фактическое уничтожение бесплатной медицины для граждан РФ, отсутствие внятной системы расчетов за оказание медицинской помощи гражданам государств — поставщиков огромной массы «трудовых мигрантов», не платящих налоги у нас, но дающих денежными переводами к себе на родину до 40–50% ВВП стран-доноров. А нам опять подсунули унылые рассказы о врачах-убийцах, рвачах, дороговизне лекарств. Интересующиеся могут ознакомиться с «комментариями» к посту Козырева на «Эхе Москвы» — потрясающее чтение! Все попытки специалистов-медиков рассказать о программах обязательного медицинского страхования, родовых сертификатах, смысле проводимой реформы, по которой уже закрывают больницы и роддома в русской глубинке, лишают медицинской помощи наших сограждан, разбиваются аргументами уровня «Тут главный вопрос — нутро русофила. Не вижу отличий от фашиста». Как говорится, дальше уже некуда...

* * *

Я бы хотела обратить внимание на другую тему, уже ставшую обязательной при обсуждении «гибнущей и вымирающей России», «вырождающегося русского народа», — тему рождаемости. Низкая рождаемость сейчас является неперенным аргументом для оправдания завоза населения (именно населения, а не только трудовых мигрантов) из Средней Азии. А как же иначе, ведь вымираем, через сто лет нас, русских, и вовсе не будет! Глубокомысленные рассуждения о низкой рождаемости как источнике всех бед в стране и причине грядущей катастрофы, от которой может спасти только новое «великое переселение народов», стали уже просто хорошим тоном для либеральных блогеров, господ-депутатов и различных «экспертов». Причем больше всего на эту тему любят порассуждать молодые мужчины, бездетные или с одним-двумя детьми, и дамы глубоко постменопаузального возраста. Мнения людей, могущих внести непосредственный личный вклад в решение этой проблемы, то есть состоящих в браке женщин и мужчин 20–45-летнего возраста, по глубоко укоренившейся у нас традиции все эти «специалисты» во внимание не принимают. А зря. Ведь по данным исследования Института социологии РАН «Молодежь новой России: ценности и приоритеты», 55% респондентов в возрастной группе 24–26 лет сказали, что считают идеальной семью, имеющую двух детей, а более трети — 38% — респондентов указали, что планируют иметь одного ребенка. Троих и более детей хотели бы иметь не более 9% опрошенных. Практически та же тенденция фиксируется среди представителей возрастной когорты 21–23 года. То есть 64% опрошенной молодежи хотели бы иметь двух или трех детей — какое же это вырождение! А по данным Института демографии ВШЭ, среди 36–45-летних респондентов (в большинстве своем уже закрывших для себя вопрос с деторождением) 24%

хотели бы иметь троих детей, а 16% — четверых и более. Как видим, низкая рождаемость в современной России четко показывает на огромный разрыв между желаниями и возможностями ее жителей. Но признать это — значит признать провал всей социальной политики. А этого наши власти не умеют и не хотят.

Но давайте посмотрим на проблему с другой стороны. Если низкая рождаемость — это абсолютное зло, то высокая, соответственно, источник всяческих благ и процветания. Поднимем рождаемость — увеличится число рабочих рук — приток трудовых кадров — рост экономики. Просто, как мычание. Давайте же поищем такие страны-счастливицы и порадуемся за них, а заодно и поучимся, как нам добиться таких же результатов.

Если мы посмотрим основные демографические показатели по всем странам мира за 2013 г., то в первую очередь надо обратить внимание на два показателя: коэффициент младенческой смертности (на 1000 живорождений) и коэффициент суммарной рождаемости (среднее число детей на одну женщину). В развитых странах эти показатели составляют 5 и 1,6; в наиболее бедных (или, более политкорректно, наименее развитых странах) — соответственно 66 и 4,4.

Лидерами по коэффициенту суммарной рождаемости являются Нигер — 7,6, Чад — 7,9 и Сомали — 6,8. Не знаю, покажется ли это странным для наших борцов за рождаемость, но и младенческая смертность в этих странах зашкаливает: 106 умерших младенцев на тысячу родившихся в Чаде, 91 — в Нигере, 83 — в Сомали. Прошу хорошенько подумать над этими цифрами — до 10,6% детей умирает в первый год жизни! Интересно, кто из наших современников согласен заплатить за рост демографических показателей ТАКОЙ ценой? А если еще жизнями своих, а не «абстрактных» детей? Для не желающих расстаться с прекрасной иллюзией хочу предложить найти в сводке стра-

ну с высокой рождаемостью — на уровне Чада — и низкой младенческой смертностью азиатского уровня — 35, не говоря уже о минимальном европейском показателе — 5 младенцев на тысячу. Если найдут, порадуемся вместе.

Смотрим среднее количество детей на женщину — опять с резким отрывом лидируют беднейшие страны Африки: Мали — 7,34 ребенка, Нигер — 7,29, Уганда — 6,81. Хотелось бы услышать какие-либо объяснения сему «удивительному факту» — рождаемость высочайшая, а страны — беднейшие. Не спасает ни огромное число рабочих рук, ни прекрасные погодные условия без страшной русской зимы и зоны рискованного земледелия...

Еще интереснее прогнозируемые тенденции рождаемости. По имеющимся данным, в 2005–2010 гг. в 75 странах мира (45 из них относятся к группе развитых стран) значение коэффициента суммарной рождаемости было ниже уровня 2,1 ребенка на женщину, то есть фактически рождаемость в этих странах не обеспечивала простого замещения поколений. Совокупное население этих стран составляет 3,3 миллиарда человек, или 48,2% населения мира. В остальных 126 странах, в которых проживало 3,5 миллиарда человек, или 51,2% населения мира, значение коэффициента суммарной рождаемости составляло 2,1 и более. В эту группу входило только 2 страны из группы развитых (Исландия и Новая Зеландия), остальные относились к группе развивающихся стран. В 31 стране, из которых 28 стран относились к группе наименее развитых, значение коэффициента суммарной рождаемости составляло 5 и более детей на женщину, в том числе в 12 странах — 6 и более. Результаты расчетов по среднему варианту прогноза рождаемости, учитывающему уникальный опыт снижения рождаемости каждой страны и весь исторический опыт этого перехода, показывают, что к середине века число стран, в которых рождаемость будет ниже уров-

ня простого воспроизводства, практически удвоится, увеличившись до 139 в 2045–2050 гг. В таких странах будет проживать 7,1 миллиарда человек, или 75,2% населения мира. К концу века число таких стран возрастет до 184, а их совокупное население — до 81%. Результаты расчетов по среднему варианту прогноза показывают тенденцию постепенного сокращения различий в рождаемости между основными группами стран. При этом будет идти процесс сближения: в экономически развитых странах коэффициент суммарной рождаемости, как показывают прогнозы, будет постепенно повышаться: от 1,663 в 2005–2010 гг. до 1,927 к 2095–2100 гг. А у жителей развивающихся стран, напротив, коэффициент будет снижаться с 2,687 в 2005–2010 гг. до 1,993 к 2095–2100 гг.

В группе наименее развитых стран, как ожидается, будет идти смещение максимума рождаемости в возрастную группу 25–29 лет, в отличие от нынешних 15–20-летних. В итоге кривая рождаемости для беднейших стран к середине столетия будет почти совпадать с кривой рождаемости развитых стран в 1950–1955 гг. а это уже 2,2–3, а не 6–7 детей. То есть к концу XXI века ожидается выравнивание показателей суммарной рождаемости в мире.

Как видим, мировое сообщество ожидает стабилизации численности населения, но отнюдь не продолжения взрывного роста или вымирания.

Почему же у нас опять «все не как у людей», зачем раскручивается эта демографическая истерия?

В нашем обществе сложилось устойчивое убеждение, почти аксиома, что низкая рождаемость сегодня неминуемо ведет страну к запустению, гибели государства и русской цивилизации завтра. Очень модны выкладки, взятые из неведомых источников, что не будь Октябрьской революции и сохрани Российская империя показатели уровня рождаемости в значениях начала XX в., то к концу XX столетия рус-

ских было бы около 400 млн. (некоторые в полете творческой мысли приводят и вовсе астрономическую цифру в 1 млрд. человек) и мы были бы самым большим государством мира не только по площади, но и по численности населения. А так как этого не произошло, то, по мнению очень многих, вина лежит не только на событиях нашей новейшей истории — войнах, революциях, массовых репрессиях и терроре, — но и на самом народе. Не хочет население, этакие подлецы, плодиться, и точка. С точки зрения таких людей, низкая рождаемость — это какая-то трагедия, проявление деградации современных обществ, свидетельство падения нравов, эгоизма родителей, которые не хотят воспитывать много детей, и так далее. Все это и образует мифологию, которую разделяют политики, журналисты, представители Церкви, широкое общественное мнение, но которая, тем не менее, полностью оторвана от реальности.

На самом деле, как давно известно, рождаемость и смертность — биологические явления. Помимо этого, на них, а значит и на все естественное движение населения, решающее влияние оказывают социальные и экономические условия жизни людей. Высокая рождаемость целесообразна только в условиях высокой детской смертности. Большое число детей, из которых выживала только часть, позволяло обеспечить расширенное или хотя бы простое воспроизводство населения. Ситуация демографического перехода, то есть снижения рождаемости и смертности, является одной из отличительных характеристик трансформации общества из традиционного в индустриальное. Рождение большого количества детей не только не является показателем какой-то особой любви к детям, характеристикой нравственного благополучия общества, а имеет, в том числе, помимо биологических аспектов, еще и тривиальную экономическую подоплеку. В традиционном аграрном об-

ществе дети рассматривались как дополнительные рабочие руки в хозяйстве и гарантия спокойной старости родителей. В развитом индустриальном обществе дети должны длительное время учиться, чтобы получить квалификацию, соответствующую современным требованиям. Это приводит к их выключению из хозяйственной жизни, большим затратам на обучение и образование. Практически все страны с высоким образовательным уровнем имеют низкие показатели рождаемости. И наоборот, лидеры по рождаемости имеют неграмотное население (в арабских странах 38% населения старше 15 лет неграмотно, в странах «чёрной» Африки — 35%). Один мой знакомый московский журналист подсчитал, что в крупном российском городе-миллионнике затраты семьи на одного ребенка от рождения до начала им самостоятельной трудовой жизни по окончании вуза составляют от 15 до 22 миллионов рублей. Естественно, это сугубо частные расчеты, не претендующие на научную полноту и широту охвата выборки, но, думаю, с порядком цифр большинство жителей наших городов согласится.

Между тем неотъемлемая часть сегодняшней мифологии низкой рождаемости — убежденность в том, что в прошлом преобладали многодетные семьи. В головах людей смешиваются многодетность и высокая рождаемость. Рожали женщины в доиндустриальные эпохи действительно много, но из-за высокой смертности, особенно детской, выживали, доживали до возраста, когда они сами могли стать родителями, лишь немногие, потому население почти не росло, а иногда и сокращалось. В России с незапамятных времен до 20-х гг. прошлого века рождаемость составляла в среднем 7 человек на женщину за всё время её жизни, но при этом пятеро из семерых ее детей были обречены умереть, не оставив потомства.

Уже в 1920-е гг. в России до возраста родителей доживало чуть больше половины (63%) родившихся детей. Пре-

красно помню один из разделов учебника педиатрии, посвященный детской смертности, и приведенную в нем очень показательную таблицу. Согласно ей, в конце XIX — начале XX в. в Российской империи из числа родившихся к концу первого года жизни выживало около 50% детей. Затем из выживших к 18 годам умирало еще 20–25%. Поэтому средняя продолжительность жизни составляла около 32 лет.

Поскольку в массовом сознании такие показатели как средняя продолжительность жизни и ожидаемая продолжительность жизни не различаются, в периодике и на просторах Интернета гуляет романтический миф о многодетных русских семьях, рожавших по десятку детишек, которые вместе с родителями ладом и складом жили в одной избе по три поколения. Росли-вырастали, а потом по каким-то злокозненным обстоятельствам мерли, едва перешагнув порог тридцатилетия. Как такие явления возможны в природе и такие идеи могут мирно уживаться в одной голове, объяснить положительно невозможно, но на то он и миф...

Еще интереснее и неожиданнее взгляд на эту проблему биологов, чья научная дисциплина имеет огромный фактологический материал, возможность сравнения популяционных моделей разных видов живых существ на планете и многовековой опыт наблюдения.

Биологам давно известно, что поддержание стабильной популяции вида зависит от соотношения уровня рождаемости и смертности и может быть достигнуто с помощью двух радикально отличающихся популяционных стратегий. Понятно, что количество потомков, которых надо произвести для покрытия репродуктивной (т.е. смертности при родах) и детской смертности, напрямую зависит от уровня смертности: чем он выше, тем плодовитее должны быть самки. Уровень смертности задается прежде всего условиями среды в сочетании с образом жизни. Но вид может его изме-

нить, выбрав ту или иную стратегию воспроизводства.

Многие рыбы и земноводные выметывают миллионы икринок и более о них не заботятся. Из этого невероятно-го количества выживает несколько десятков. Такое репродуктивное поведение у экологов именуется К-стратегией. Высшие млекопитающие производят на свет от 1–2 до 10 детенышей, длительно вынашивают плод, чтобы он родился как можно более адаптированным к среде обитания, вкладывают намного больше энергии и заботы в его выращивание и защиту. Зато и выживает в процентном отношении намного большее количество, чем в первом случае. Эта модель носит название R-стратегии.

Человеческому виду свойственна R-стратегия, но в пределах своей потенциальной плодовитости он может сдвигаться в сторону К-стратегии, как не раз случалось в истории. Иногда это происходит стихийно, а иногда осознанно, как, например, в германских княжествах в XVI в. после Тридцатилетней войны, когда убыль населения была столь катастрофична, что во многих городах магистраты на двадцать пять лет разрешили мужчинам многоженство, чтобы увеличить численность населения.

Понятно, что при присущих человеку как виду невысокой потенциальной плодовитости, долгой беременности и тяжелыми (по сравнению с другими млекопитающими) родами, длительным периодом выращивания ребенка, огромное значение в поддержании высокой плодовитости играла детская смертность. Как сказал один биолог, у наших пращуров действительно было много братьев и сестер, но на кладбище. Как только давление фактора смертности удалось снизить, стала снижаться и рождаемость.

Отсюда понятно, почему биологи, в отличие от многих демографов, возражают против государственного вмешательства в регуляцию рождаемости. Помимо того, что само это вмешательство зачастую вопиюще некомпетентно, биологические популяционные ме-

ханизмы действуют помимо (а зачастую и вопреки) нашего коллективного создания. И утверждать, что имеющиеся сейчас в научном обороте гипотезы и теории регуляции человеческой популяции бесспорны и эффективны, было бы слишком смело.

Все попытки искусственно стимулировать рождаемость у народов со стабильной или снижающейся численностью не дали результатов. В печати время от времени сообщается, что с помощью экономических мер или программ прямых санкций в той или иной стране удалось повлиять на рождаемость. Ложность этого утверждения в долгосрочной перспективе хорошо видна на примере Франции, которая одной из первых начала проводить политику стимуляции повышения рождаемости, еще до Второй мировой войны. Результаты многих десятилетий этой работы — в пределах естественной флуктуации.

Не дали результатов и попытки снизить рождаемость у народов, находящихся в состоянии демографического взрыва. В Китае, как известно, крайне жесткая программа искусственного ограничения рождаемости дала пренебрежимо малый результат, и тот был полностью снят всплеском рождаемости в последние годы, которая последовала сразу же за прекращением ограничительной кампании.

Гораздо интереснее опыт Индии, о котором у нас совершенно не знают или не говорят. Там программа снижения рождаемости включала все возможные в наше время методы и тоже не принесла положительного результата. Когда же ее попытались усилить массовой принудительной стерилизацией мужчин, взрыв негодования привел к уходу в отставку Индиры Ганди. Кстати, как ехидно замечают биологи, этот пример прекрасно показывает «научный» уровень творцов подобных программ: они даже не понимают, что в популяциях плодовитость женщин не зависит от числа способных к размножению мужчин — их всегда избыток.

Еще один нещадно эксплуатируемый миф, порождающий страх, — это высочайшая плодовитость мусульманских народов, из-за которой в скором будущем мусульмане подавят своей численностью все остальные народы. Научная ценность его примерно такая же, как расчеты о скором вымирании на планете блондинок (муссировали подобную псевдонаучную байку лет 7–10 назад).

Не так давно ученый из института American Enterprise Николас Эберштадт опубликовал результаты своих исследований в двух работах, данные которых противоречат обычным воззрениям о продолжительном демографическом взрыве в мусульманских странах. Первая работа Эберштадта была выразительно озаглавлена: «Снижение рождаемости в мусульманском мире: настоящие кардинальные изменения, до сих пор не замеченные». Исследовав демографические данные 49 стран с преимущественно мусульманским населением, он обнаружил, что коэффициент рождаемости снизился в среднем на 41% в период между 1975–1980 гг. и 2005–2010 гг., по сравнению с 33% снижением в мире в целом.

В 22 мусульманских странах произошло снижение рождаемости на 50% и более. Наибольшее снижение рождаемости было отмечено в Иране, Омане, Объединенных Арабских Эмиратах, Алжире, Бангладеше, Тунисе, Ливии, Албании, Катаре и Кувейте. В них зарегистрировано снижение коэффициента суммарной рождаемости на 60% и более в течение этих трех десятилетий.

Рождаемость в Иране уменьшилась на поразительные 70% за 30-летний период, который, по словам Эберштадта, был «одним из самых резко выраженных снижений рождаемости, когда-либо зарегистрированных в человеческой истории». Согласно Эберштадту, к 2000 г. уровень рождаемости в Иране упал до двух родов на одну женщину, ниже уровня, необходимого для замены нынешнего населения.

Вторая статья, опубликованная

в июле 2012 г. в *Financial Times*, сообщает, что иранский коэффициент рождаемости стал еще ниже, в ней приводится отчет ООН, предупреждающий, что население Ирана начнет сокращаться в течение двух десятилетий и, если сохранятся нынешние тенденции, снизится более чем на 50% к концу столетия.

В крупных городах мусульманского мира наблюдаются наиболее резкие перепады. Эберштадт отмечает, что только в шести штатах Америки отмечаются более низкие показатели, чем в Стамбуле. В Тегеране и Исфахане рождаемость ниже, чем у любого государства в Америке.

Эберштадт утверждает, что снижение рождаемости является не только результатом роста доходов и экономического развития, хотя они, безусловно, сыграли свою роль. «Снижение рождаемости за последнее поколение было более быстрым в арабских государствах, чем практически в любом другом месте на земле». Как видим, эти исследования являются еще одним подтверждением того, что большие демографические тенденции мира остаются тайной и часто упускаются из виду.

А что же происходит в РФ? После 12-летнего периода резкого снижения рождаемости, за который число родившихся сократилось более чем в 2 раза (с 2500 тыс. в 1987 г. до 1215 тыс. в 1999 г.) наступил период умеренного роста. Несложно увидеть, что резкое снижение рождаемости и рост смертности трудоспособного населения России был связан с развалом Советского Союза, социальными катаклизмами пресловутых 90-х гг., крушением привычной жизни миллионов людей. Но после введения новых мер поддержки семей (в первую очередь материнского капитала при рождении второго ребенка) за один только 2007 г. число родившихся детей увеличилось на 8,8% по сравнению с предыдущим годом. Однако затем темп

прироста рождений стал замедляться, составив 6,4% в 2008 г., 2,8% в 2009 г., 1,5% в 2010 г. и 0,4% в 2011 г. А в 2012 г. рост вновь ускорился — на 5,5% больше, чем в 2011 г.

Еще одна замечательная тенденция, которая отмечена в эти годы, — сокращение числа абортотворцев. По этому позорному показателю мы уже «не впереди планеты всей». С 2007 г. число зарегистрированных абортотворцев стало ниже числа зарегистрированных рождений (для сравнения: до конца 1990 гг. оно превышало его более чем вдвое). В 2007 г. было зарегистрировано 92 аборта на 100 родов, в 2008 г. — 81, в 2009 г. — 73, а в 2012 г. — 63.

Как видим, ситуация с рождаемостью в России хотя и не радужная, но все-таки и далеко не такая трагическая, как нас хотят убедить.

Коэффициент рождаемости в России в 2013 г. составил 1,4 — такой же, чтоб вы знали, как в Японии, Румынии, Австрии и на один (всего один пункт!) ниже, чем китайский 1,5. Китай, стало быть, тоже вымирает?

К чему тогда эти страшилки о вымирании, апокалиптические картины обезлюдившей России, которые пытается вбить в голову населению официозная пропаганда? Возможно, причиной «демографической дымовой завесы» является то, что государственная машина оказалась не готова к даже такому скромному эаби-буму и не в состоянии предоставить даже минимальный набор социальных услуг для матерей и детей? Или четкая линия на снижение социальной ответственности государства вошла в клинч с требованиями все более европеизирующегося населения, у которого появилась возможность сравнивать не только стандарты потребления у нас и в Европе, но и затраты государства на различные социальные программы по поддержке семей с детьми? Не будем забывать и многократно описанные различия в менталитете жителей России и Средней Азии...

Но последней каплей для меня стала

информация, на которую вывела странная фраза председателя общественной организации узбеков и уроженцев Узбекистана «Адолат» Баходира Нуракова. На заседании «круглого стола» по вопросам медицинского страхования мигрантов во Владивостоке этот общественный деятель сообщил, что организация намерена заплатить за услуги роддома во Владивостоке, в котором родила нелегальная мигрантка. *«Мы готовы брать на себя расходы. Мы встречались с мужем, он говорит, что хотел, что сам хотел оплатить расходы, но его туда не пустили. Деньги не играют решающей роли, это всего лишь 20 тысяч рублей. Мы столько раз платили, потому что ситуации бывают разные».*

Вот те на! Сначала нам рассказывают о нищете узбекских дворников, потом заявляют об их готовности платить. А в конце концов оказывается, что для диаспор, которые якобы существуют на добровольные пожертвования таких «скромных забитых тружеников», 20 тысяч — вообще не сумма для обсуждения. Что же помешало диаспоре гарантировать оплату родов загодя, не доводя до скандала, по бессмертному принципу гражданина О. Бендера — «утром деньги, вечером стулья»? И вообще, сколько стоят роды в Узбекистане, ведь все источники утверждают, что несчастные мигрантки едут к нам рожать еще и потому, что на их родине родовспоможение — процедура платная?

С такими мыслями я начала поиски стоимости родов у наших южных соседей. Информация, которую мне удалось найти, просто ошеломительна. По сообщению агентства *Uznews.net*, после того как Узбекистане врачам, принимающим роды, запретили делать кесарево сечение без веской на то причины, цена родов выросла с 200 до 300–350 долларов США, а в некоторых роддомах Ташкента и до 700. *«Еще недавно проблему ночных (да и дневных) родов решали с помощью бесчисленных кесаревых сечений. Сейчас кесарево строжайше запрещено, только в крайних, тяжелых*

случаях, под отчет вышестоящим инстанциям. Поэтому акушеры подняли цену на свои услуги за то, что больше не кесарят, а во-вторых, под прикрытием ввода обезболивающих препаратов начали вкалывать роженице препараты, усиливающие схватки и делающие их практически безостановочными. К такому методу прибегают сегодня практически во всех роддомах Узбекистана. В частности, он активно практикуется в 4-м роддоме Миробадского района, где ведущие специалисты считают, их ставка от 400 до 700 долларов США за роды — абсолютная норма. И только на один вопрос согласился ответить один из сотрудников сего солидного ведомства: “Скажите, чем должна кормить в роддоме младенца мать, у которой нет молока? Ведь смеси строжайше запрещены?”. Ответ сразил наповал: “Это не наша проблема. Если она мать — молоко у нее быть должно. Иначе зачем рожать?”».

Но это были еще цветочки, настоящий ужас начался дальше. Так, по данным Института освещения войны и мира (IWPR) — независимой организации мониторинга конфликтов и поддержки средств массовой информации, во многих роддомах Узбекистана проводится жесткая программа по контролю рождаемости: под благовидным предлогом заботы о здоровье матери и ребенка самым жестоким образом нарушаются права женщин. Им насильно делают гистероэктомию (операцию по удалению матки уже рожавшим). Таким образом власти пытаются снизить рождаемость и контролировать рост численности населения.

По сообщению в *The Sunday Times*, Великобритания (перевод — Инопресса.Ру, 26.04.2010): *«В Узбекистане врачи тайком стерилизуют женщин»; «За время пребывания Каримова, отца двух дочерей, на посту президента Узбекистана коэффициент рождаемости в этой стране в среднем на одну женщину снизился с 4,4 до 2,5».*

Но наиболее подробная и шокирую-

щая информация содержится в большом материале интернет-издания Фергана.Ру от 28.09.2010. Прошу прощения за длинную цитату. Но она стоит того:

«Первым официальным документом, положившим начало сегодняшней кампании по стерилизации женщин, можно считать постановление президента Узбекистана Ислама Каримова от 13 апреля 2009 года под номером ПП–1096 “О дополнительных мерах по охране здоровья матери и ребенка, формирование здорового поколения”. Почему именно профилактическо-разъяснительная работа признана задачей государственного масштаба и что именно под этой “профилактическо-разъяснительной работой” подразумевается, можно понять из “Краткого руководства по охране здоровья матери и ребенка” от 8 июня 2009 года, в котором упоминается добровольная стерилизация как метод контрацепции. В этом документе говорится, что в республике работают выездные бригады, состоящие из акушера-гинеколога, педиатра, врача общего профиля или терапевта и привлеченных узких специалистов (гематолога, эндокринолога, нефролога, кардиолога и т.д.). Среди задач, поставленных перед бригадами, — консультирование по методам контрацепции (введение внутриматочных спиралей, оральные и инъекционные контрацептивы и “добровольная хирургическая контрацепция” — или, иначе, стерилизация).

На сайте Минздрава можно найти и образец для отчета “о выполненной работе по оздоровлению женщин фертильного возраста”. Это интересная таблица, в которой указывается, сколько женщин осмотрено, сколько из них — с ЭГЗ (экстрагенитальными заболеваниями), сколько оздоровлено (видимо, вылечено). Отдельная графа — “охват контрацептивными средствами”, которая разбита на четыре уточняющих колонки: сколько вставлено внутриматочных спиралей, скольким женщинам предложены оральные (ОК) или инъекционные (ИК) контрацептивы и, наконец, сколь-

ким проведена “добровольная хирургическая контрацепция” (ДХК).

Но основной шум в СМИ о том, что в Узбекистане принудительно стерилизуют женщин, поднялся после того, как “Экспертная рабочая группа” (ЭРГ) опубликовала релиз, в котором говорилось о приказе № 40 Минздрава республики, изданном 15 февраля 2010 года. ЭРГ утверждала, что “с 1999 по 2003 г. ДХС (добровольная хирургическая стерилизация) широко применялась по всему Узбекистану для так называемого регулирования рождаемости в стране. После появления критических замечаний... в независимых СМИ данная практика была приостановлена в 2003 г. По получаемым из многих областей Узбекистана данным, в настоящее время ДХС снова применяется в качестве основного инструмента государственного контролирования уровня рождаемости в Узбекистане”.

По данным источника IWPR, те женщины, которые отказываются от стерилизации, “лишаются государственного пособия, выдаваемого им на малолетних детей. Для получения денег женщине необходимо взять у врача справку, а врач не даст справку, пока женщину не стерилизуют”.

Добровольно-принудительная стерилизация женщин в Узбекистане проходит довольно варварскими методами. Но, видимо, чиновники не знают другого способа регулировать рождаемость. За просветительские разговоры о контрацепции в Узбекистане можно получить реальный тюремный срок — как получил семь лет Максим Попов, распространявший книжку о здоровом образе жизни для учителей. Что говорить, если сами чиновники — как они объясняют — “стесняются” говорить на эти темы с людьми. Мол, ментальность не позволяет. В Узбекистане запретили частную медицинскую практику — и теперь круговая порука врачей стала непреодолимой. При этом уровень медпомощи, которую можно получить в областной узбекской больнице (не говоря

о районных поликлиниках), очень низкий — там даже не всегда стерилизуют инструменты.

По данным Ферганы.Ру, перед операцией не проверяют пациенток на ВИЧ. Зная о катастрофическом несоблюдении требований стерильности в узбекских больницах, можно лишь предполагать, что количество заражений ВИЧ/СПИДом в Узбекистане возрастает вместе с расширением кампании по стерилизации.

Как рассказывали Фергане.Ру врачи, работающие в разных областных больницах Узбекистана, проблема стерилизации инструментов и съемных частей аппаратуры, используемой во время операций, стоит очень остро. По их словам, для стерилизации необходим формалин. «Формалин у нас дефицит, — жалуется один врач. — Начальник областного управления здравоохранения не перечисляет денег, хотя прекрасно знает, что формалин можно приобрести в Ташкенте через «Химреактив»». «Да о чем говорить, если не хватает обыкновенного медицинского спирта? — пожимает плечами другой врач. — Больные сами покупают и приносят в больницу».

Узбекистан становится закрытой страной, где скорей умрут со стыда, чем спокойно прочтут — и спокойно выслушают, что не менее важно — грамотную лекцию о современных способах контрацепции. И пока это так — в Узбекистане будет продолжаться принудительная и тайная стерилизация, и никакие заявления правозащитников не смогут изменить ситуацию.

Потому что дешевле стерилизовать женщин, чем возиться с их просвещением, искать деньги на детские пособия, налаживать работу педиатрических служб или строить современные роддома».

* * *

Итак, с одной стороны — азиатская деспотия, которая не может добиться роста экономики, необходимого для демографического перехода, скатывающаяся в раннефеодалные условия

жизни эпохи Кокандского ханства и пытающаяся контролировать численность населения абсолютно варварскими методами. На Востоке хан — всегда повелитель над жизнью и смертью подданных. Успехи медицины в условиях азиатского бесправия привели всего лишь к возможности повелевать над нерожденными детьми и женщинами, несущими «проклятие бесконечного деторождения». Понятно, что при весьма высоком коэффициенте младенческой смертности — 46 на 1000 живорождений, недоступности медицинской помощи при одновременном чудовищно низком ее уровне, для узбекской семьи 2–3 ребенка не являются гарантией обеспеченной старости. А рядом огромная страна, правитель которой грезит о великой Евразийской империи, ордах покорных подданных — рабов, согласных на минимальные условия поддержания жизни. Этот «чечн» выгоден обоим президентам по названию, ханам — по стилю управления. Выгоден он и несчастным узбекам-мигрантам, поскольку тут, в России, пусть и деньги сдерут, и в подвале поселят, так хоть эксперименты по стерилизации не проведут. Ведь на самом деле они бегут из азиатского рабства в европейский феодализм, к историческому, так сказать, прогрессу!

Невыгоден такой «стратегический демографический курс» только коренному населению России. Более того, этот путь приведет нас в реалии Узбекистана, но отнюдь не погибшей Российской империи, в чьи правопреемники так настойчиво рвется нынешняя власть.

Поэтому, мне думается, любой мало-мальски разумный человек должен осознать, что поддержка дискурса о демографических проблемах России объективно является поддержкой курса нынешней власти. Пора прекращать «кормить троллей» и на этой площадке. У нынешней России много проблем, так давайте же не будем помогать этой власти оболванивать народ и насаждать ему «комплекс вины» за несуществующие демографические проблемы!

АЛЕКСАНДР ЖУЧКОВСКИЙ

«ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА» ПАТРИАРХА КИРИЛЛА

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

1 февраля 2014 г. исполнилось пять лет со дня интронизации и восшествия на патриарший престол митрополита Кирилла (Гундяева). Первая «пятилетка» Русской Православной Церкви, сменившей в 2009 г. церковное руководство, стала, пожалуй, самым бурным ее периодом за почти четверть века развития в постсоветской России. В эти годы РПЦ все больше усиливает свое влияние на общественные процессы в России и становится фактически вторым — после государственной власти — центром внимания российского общества. Если не предметом специального интереса, то центром внимания — безусловно: сегодня сложно кому бы то ни было пройти мимо церковной темы. Кто по ней не специализируется профессионально или не имеет личных причин ею интересоваться, того она найдет сама — через репортажи телевидения, топы поисковиков и социальных сетей, уличные билборды и другие средства информации.

Наверное, ни один институт в России, как РПЦ, не вызывает последние годы столь многих и острых дискуссий, ожесточенных споров, полярных эмоциональных оценок. В одних случаях эти дискуссии провоцируются самой Церковью, инициативами и выступлениями ее официальных представителей; в других — внешними по отношению к Церкви силами, нередко с целями прямо политическими. Нередко споры возникают и по причинам су-

губо идеологическим, мировоззренческим.

Предмет этих дискуссий — степень и «право» влияния Церкви на общество и государство; явственное ее сближение и сотрудничество с государственной властью; присутствие духовенства в образовательной системе, в федеральных СМИ; моральный облик и материальные излишества священнослужителей; соотношение религиозного и социального/национального, позиция Церкви по национальному вопросу в РФ. Все эти темы, которые с завидной регулярностью возникают в повестке дня СМИ и социальных сетей, требуют, безусловно, отдельного и тщательного, в том числе социологического рассмотрения. Попробуем, однако, насколько это позволяет формат одной публикации, вкратце затронуть каждый из этих вопросов, дабы отобразить более-менее полную картину церковно-общественных отношений в современной России.

Претендуя на определенную объективность в изложении, сделаю оговорку: я исповедую Православие, являюсь членом РПЦ и, активно участвуя в дискуссиях по упомянутым вопросам, неизменно встаю на церковную сторону «идеологических баррикад». Это, разумеется, не означает полную и безоговорочную поддержку всех начинаний Церкви и инициатив ее спикеров, которые порой вынуждают даже членов РПЦ быть по отношению к ним более чем критичными. Тем более что мне

сложно воздержаться от этой критики (поводов для каковой, увы, становится все больше) как человеку, твердо стоящему на позициях русского национализма. Однако противоречия здесь нет: Православная Церковь воспринимается нами, ее членами, как сообщество людей, объединенных общей верой и тысячелетней культурно-религиозной традицией, положенной в фундамент российского государства. Противостоя нападкам на РПЦ «снаружи» и одновременно критикуя отдельные стороны ее деятельности «изнутри», мы являемся защитниками Церкви в большей степени, чем расплывшиеся в последние годы крикливые околицерковные деятели, воспринимающие в штыки любую критику священноначалия и оказывающие своей «защитой» медвежью услугу РПЦ.

«Политическое патриаршество»

Начало процесса усиления Русской Православной Церкви в российском обществе, увеличения ее политического и медийного веса можно отнести к рубежу 2008–2009 гг., когда после кончины Алексия II началась подготовка к Поместному собору РПЦ и избранию нового Патриарха Московского. Лидером «предвыборной гонки» стал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев), возглавлявший на протяжении двадцати лет Отдел внешних церковных связей (ОВЦС) РПЦ, — иерарх, хорошо известный в России и на Западе, имеющий репутацию человека весьма образованного и прогрессивного, яркий оратор и искусный полемист. После «тишайшего» Алексия II деятельный, пассионарный Кирилл смотрелся выигрышно и сразу же породил у церковного сообщества большие надежды на позитивные перемены в Церкви (и поначалу эти надежды оправдывал с лихвой).

Выборы и избрание главы РПЦ вызвали в российском обществе неподдельный интерес. Конечно, в первую очередь для православных верующих:

смена первого лица Церкви, в силу пожизненности занимаемого им поста, — событие крайне редкое, равно как и Поместный собор (последний состоялся в 1990 г.). Для светских наблюдателей представляла интерес «политическая сторона» дела, а также личность нового Патриарха, который демонстрировал амбиции не только в пределах церковной организации.

Кирилл стал ярким примером «политического Патриарха» — политика на патриаршем престоле, что, в общем-то, история для России традиционная. За редкими исключениями таковыми были все Патриархи, которые в той или иной степени оказывали влияние на политические процессы в стране (за исключением советского периода), а иногда являлись фактически ее соправителями (как Филарет и Никон в XVII в.). Новый глава РПЦ озаменовал собой оживление церковно-общественной жизни, заявил о себе как деятельном проповеднике не только внутри РФ, но и на территории исторической России (канонической территории Русской Церкви, простирающейся далеко за географические границы РФ). Много шуму наделали визиты Патриарха на Украину: его проповеди о «Русском мире», «Русской цивилизации» многими и в России, и на Украине стали восприниматься как инструмент «имперской политики» Кремля.

Одним из приоритетных направлений новой церковной политики стало миссионерство, в том числе т.н. «субкультурное» миссионерство; в среде байкеров, рок-неформалов, других молодежных «тусовок» активизировались такие известные проповедники, как диакон Андрей Кураев и Сергей (Рыбко); последний, кстати, благословлял молодежь разгонять «гей-парады» и применять физическую силу против кощунников. Значительно потеплели и участились контакты высших сановников Кремля и РПЦ. Церковь увеличила свое присутствие на федеральном телевидении, в образовательной системе, Вооруженных силах России. Бурные

дискуссии и жесткую критику РПЦ со стороны либерального сообщества породило активное продвижение ею Основ православной культуры в школы и открытие кафедры теологии в Национальном исследовательском ядерном университете (МИФИ), которую возглавил «раскрученный» в обществе митрополит Волоколамский Илларион, нынешний глава ОВЦС РПЦ (многие прочат ему патриарший престол после Кирилла). Синодальный отдел РПЦ по взаимодействию с ВС до марта 2013 г. возглавлял известный своими эпатажными заявлениями протоиерей Дмитрий Смирнов. В июле 2009 г. был воссоздан институт военного духовенства (капелланов).

Экспансия РПЦ в информационное и общественное пространство пришлась по нраву далеко не всем. Вместе с усилением влияния и активности Церкви усилилась и критика РПЦ — как изнутри, так и снаружи. Нельзя сказать, что это явилось полной неожиданностью для церковных людей — существование в режиме если не «горячей» (гонений, подобных советским), то «холодной» войны с окружающим миром для христиан — дело привычное во все времена (что уж говорить о критике). Неожиданным для наблюдателей явилась острота и ожесточенность, которой стали достигать дискуссии о месте и роли РПЦ в российском обществе.

Особо активно Церковь стали «полоскать» в прессе в 2011 г., в частности в связи с предложениями главного спикера РПЦ, председателя Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина, — например, ввести «общероссийский дресс-код», запретить произведения Маркеса и Набокова за педофилию и др. Но в 2012 г. ситуация достигла пика. «Дело “Pussy Riot”» стало первым в череде громких скандалов вокруг РПЦ этого и последующего годов. Хотя сама Церковь в этой истории была «объектом нападения»,

в конечном счете из агрессивных кощунниц (именно так они воспринимались верующими) сплывавшие в Храме Христа Спасителя девушки превратились чуть не в «жертв инквизиции», а РПЦ — из пострадавшей стороны в обвиняемую (общественным мнением). Масла в огонь критики подлили скандалы вокруг «часов Патриарха» и его же квартиры в «доме на набережной». Далее последовало несколько ДТП с участием священнослужителей, самый громкий из которых — наезд в нетрезвом состоянии иеромонаха Илии (Семина) на дорогом внедорожнике на трех рабочих в Москве (двое скончались на месте).

Истерия нагнеталась и провокациями со стороны радикально настроенных противников Церкви. Имело место несколько случаев осквернения церквей (поджоги, нанесение кощунственных надписей, надругательства над иконами) и спиливания поклонных крестов, в т.ч. на Украине. «Крестоповал» приобрел особо массовый характер. Некоторые верующие и священнослужители заговорили чуть ли не о начале гонений на Церковь. Что, конечно, было явным преувеличением, поскольку под гонениями обычно подразумевается ущемление прав и физическое преследование верующих со стороны государства. А государство сегодня к РПЦ весьма и весьма лояльно. Справедливости ради отметим, что преувеличением являются и заявления либерального сообщества о сращивании Церкви и государства, наступлении клерикализации. Последним термином обозначается непосредственное участие духовенства в государственном управлении (в строгом смысле таких государств в современном мире только два — Иран и Ватикан), чего в РФ явно не наблюдается.

В ответ на «гонения», проходившие в форме антицерковных информационных кампаний и радикальных акций хулиганствующих элементов, Церковь решила призвать верующих к моби-

лизации. Одним из ответов «воинствующим безбожникам» стала практика массовых молитвенных стояний, очень похожих на митинги, которые вошли в 2012 г. в политическую моду и проводились как противниками, так и сторонниками государственной власти. Самой крупной акцией РПЦ стал молебен «в защиту веры, поруганных святых, Церкви и ее доброго имени» у Храма Христа Спасителя 22 апреля, собравший около 60 тысяч человек.

На улицах Москвы активизировалась процерковная молодежь, которая решила не ограничиваться молитвами, и под лозунгом «добро должно быть с кулаками» стала с этими кулаками набрасываться на оппонентов — проводивших уличные акции «гей-активистов», атеистов, сторонников «Pussy Riot». Отличились и «раскрутились» на этом поприще такие активисты, как Дмитрий Царионов по кличке Энтео и Александр Босых из партии «Родина». На мой взгляд, эта деятельность не прибавила очков Церкви, скорее напротив — скомпрометировала еще больше в глазах общества, в том числе благодаря СМИ, которые активно все эти акции «пиарили». То же самое можно сказать и об околоцерковных группах вроде «Ассоциации православных экспертов» Кирилла Фролова, который много лет занимается неуместной и неумной апологетикой церковного и государственного начальства. Подобострастное воспевание Патриарха-миссионера и агрессивный лай на «антиклерикалов» и «миссиофобов» (так они обозвали своих внутрицерковных оппонентов) со стороны этих «православных экспертов», создавших себе имидж «патриаршего пула», нанесло Патриарху и Церкви в этот период больше вреда, чем пользы.

Отдельно в контексте темы стоит сказать несколько слов о Санкт-Петербурге. С приходом на пост губернатора подчеркнуто религиозного Георгия Полтавченко город приобрел

репутацию «православной столицы». Лестная для православного сообщества, эта характеристика стала ругательной в устах «антиклерикалов», которые, впрочем, предпочитают пользоваться такими эпитетами, как «столица мракобесия». В Петербурге возникла традиция крестных ходов 12 сентября, в день святого князя Александра Невского, и 4 ноября, в праздник Казанской иконы Божией Матери. Молебны и крестные ходы проходят в центре Петербурга и собирают известных городских политиков, включая губернатора, и десятки тысяч верующих. Крестный ход 12 сентября 2013 г. впервые за 95 лет прошел по Невскому проспекту и собрал свыше 70 тыс. человек. В Петербург также, после Москвы, доставлялись знаменитые православные святые из Греции, к которым выстраиваются огромные очереди. Так, при принесении Пояса Богородицы в октябре 2012 г. к святыне пришло около 350 тыс. петербуржцев (в Москве — миллион человек, всего в РФ — свыше 3 млн.), к Дарам волхов — 165 тыс. (в Москве — 412 тыс., в РФ — 600 тыс.). Каждый раз, особенно в Москве и Петербурге, эти огромные очереди и неизбежно связанные с ними инфраструктурные издержки приводили к обострению антицерковных настроений и выплескиванию недовольства либеральной публики в СМИ и блогосферу. Нередко дело доходило до прямых оскорблений верующих; паломников изображали «советским быдлом», «стадом баранов», «средневековыми мракобесами». Многим запомнилась запись в социальной сети одного из лидеров либеральной оппозиции Ольги Романовой в Москве: «Кропоткинская перекрыта — молебен у них, у б...дей» — она попала в пробку из-за массового молебна у ХХС в память об избавлении России от нашествия Наполеона.

Возвышение «православной столицы», к сожалению, получило и свои отрицательные имиджевые стороны — из-за «политического продвижения»

Православия в городе. Если возрождение религиозных традиций и высокая активность верующих в Петербурге для церковного человека — факт позитивный, то игра некоторых политиков на «православном поле» многими церковными же людьми воспринимается весьма негативно. Деятельность петербургского депутата-единоросса Виталия Милонова давно приобрела характер нескончаемого скандала и самопиара. Такие люди как Милонов (и как упоминавшиеся московские «ревнители Православия») занимают профанацией «борьбы за нравственность» и отстаивания «традиционных ценностей». Многие общественные инициативы и законопроекты Милонова сослужили плохую службу Церкви и ее репутации. Его вредительская деятельность коснулась и русского движения — под православными и патриотическими лозунгами депутат увлекает за собой даже некоторых националистов, убеждая их в том, что главная опасность России — всяческие содомиты и жаждущие развалить страну либералы, против которых что есть мочи борются патриотические власти российские.

Подобной деятельностью занимается и ряд депутатов Государственной Думы. Некоторые их инициативы (например, предложение Елены Мизулиной закрепить особую роль Православия в Конституции РФ) связаны скорее с желанием привлечь к себе внимание и продемонстрировать лояльность президентскому курсу на «традиционные ценности». По этой причине даже разумные идеи в той же «религиозно-нравственной области» оказываются скомпрометированными (нельзя исключать, что в отдельных случаях Милоновы–Мизулины и действуют с целью компрометации таких идей).

Скандалы вокруг РПЦ не утихли и в 2013 г. Очередная эскалация антицерковных настроений возникла в связи с делом священника Глеба Грозовского, который был обвинен в педофилии

(по некоторым данным, священник пал жертвой клеветы, а уголовное дело имеет заказной характер). Под конец года в Церкви возник грандиозный «секс-скандал»: жалобы семинаристов на гомосексуальные домогательства со стороны педагогического состава Казанской духовной семинарии, церковная комиссия из Москвы с дальнейшим смещением с должности проректора КДС, активное освещение этой истории диаконом Андреем Кураевым, исключение Кураева из Московской Духовной академии (где он преподавал 10 лет) и последующее разворачивание им мощной информационной кампании против «голубого лобби» в РПЦ.

Говоря о череде громких скандалов вокруг РПЦ и нагнетании антицерковных настроений, зададимся вопросом: каковы причины столь негативной реакции на усиление позиций Церкви и пристального внимания общества к ее деятельности? Во-первых, доминирование в «среднем классе» и крупных СМИ либеральных идеологических воззрений: постоянное присутствие Церкви в общественном пространстве вызывает иррациональное раздражение даже у тех, кто на словах выступает за полную свободу мнения, слова и вероисповедания. Во-вторых, не стоит сбрасывать со счетов политические причины антицерковных кампаний последних лет, их политтехнологический характер. Инициированы они могут быть как либеральными силами, которые рассматривают РПЦ как одну из прогосударственных сил и опор путинского режима (что верно лишь отчасти), так и силами вполне государственными, которые могут использовать травлю Церкви в одних случаях — как «громоотвод» или «распыление» гражданского недовольства, в других — как инструмент раскола оппозиции: достаточно вспомнить, какие идеологические разборки в рядах «несогласных» повлекло за собой «Дело “Pussy Riot”». В-третьих — это стоит признать — в раздражении людей

и упомянутых скандалах присутствует немалая доля вины самой Церкви.

Там, где речь идет об очевидных провокациях и внешних ударах (то же «Дело “Pussy Riot”»), не всегда адекватна реакция представителей РПЦ. В случаях же с упомянутыми ДТП, вызывающих заявления церковных спикеров, роскоши духовенства, скандала с «голубым лобби» и др. говорить о «врагах Церкви» и «антицерковных кампаниях» (даже если эти истории в таковых кампаниях используются) — нелепо и недопустимо. Это внутренние проблемы РПЦ, которой вместо вставания в позу невинности следует заняться самоочищением. Очевидно же, что Церковь, которая ставит задачи христианизации общества, призывает людей к нравственному образу жизни, в первую очередь обязана блюсти чистоту в собственных рядах. Поэтому и неудивительно, что «политика открытости» РПЦ последних лет, ее экспансия во многие области общественной жизни заставляет людей, особенно настроенных предвзято, пристально следить за людьми Церкви и побуждает к активному обсуждению и обличению ее пороков.

При этом было бы несправедливо на примере отдельных скандалов или недостойных священнослужителей делать выводы о всеобщем характере подобных явлений в Церкви. Когда мы слышим об утопающих в роскоши священниках или епископах, о сбившем людей насмерть пьяном монахе, о провокационных высказываниях некоторых официальных спикеров РПЦ и т.д., надо понимать, что подобные люди составляют в Церкви меньшинство. Проблема заключается в том, что представители этого меньшинства часто являются в РПЦ лицами официальными и публичными. К тому же скандал всегда привлекает внимание и раскручивается прессой и антицерковно настроенными людьми. Повседневные же «добрые дела» Церкви любителям «клубнички» и «жареных фак-

тов» мало интересны. По опыту пребывания в Церкви и общения с множеством священников могу сказать, что в основной своей массе это достойные пастыри. Не стоит забывать и о широкой социальной и благотворительной деятельности РПЦ, о многих примерах личного мужества и самопожертвования священников в наши дни, например при пожарах и наводнениях. Неоднократно во время стихийных бедствий Церковь централизованно осуществляла сбор средств и вещей для пострадавших.

Ставка на «административный ресурс»

Со сменой церковного руководства в 2009 г. в Русской Православной Церкви начались процессы, характерные и для политической системы страны. Патриархом Кириллом был взят курс на построение крепкой «вертикали власти». Приоритетным для укрепления церковной организации вместо духовного авторитета пастырей стало использование «административного ресурса» и «эффективного менеджмента». Православный публицист Дмитрий Саввин метко охарактеризовал одновременное закрепощение политической и церковной системы «синхронизацией вертикалей».

Риторика Патриарха во многом стала схожа с президентской — демонстрация «центризма», стремление угодить сразу всем идеологическим группам (для либералов — либерал, для консерваторов — консерватор). Вместе с внешним усилением Церкви в церковной политике и личности первого лица Церкви (изначально имевшего репутацию «либерала») со временем стали проступать авторитарные черты, признаки сильной бюрократизации и закрепощения церковной жизни. Некоторые реформы сыграли, безусловно, положительную роль, упорядочивая информационную и хозяйственную деятельность РПЦ, церковную политику в целом. Из чис-

ла этих реформ — учреждение Межсоборного присутствия, Финансово-хозяйственного управления, Синодального информационного отдела во главе с Владимиром Легойдой, одним из самых адекватных и политически грамотных представителей РПЦ. Иные же реформы, как дробление епархий и умножение числа епископов, стали играть роль скорее отрицательную, послужив той же задаче укрепления «вертикали» и ослабления епархиальных центров силы.

Стала проявляться характерная для авторитарного стиля управления цензура. Издательский совет Московского Патриархата ввел обязательное рецензирование всех изданий, распространяющихся через систему церковной книготорговли — шаг, с одной стороны, правильный, отсекающий псевдорелигиозную макулатуру, но автоматически породивший цензуру неугодных авторов. Коснулась цензура и деятельности духовных учебных заведений, и в особенности — публичных выступлений священников. В 2013 г. был наложен запрет на выступления в СМИ известного петербургского священника Георгия Митрофанова (в частности, он позволил себе критику Всеволода Чаплина). Упомянувшиеся выше репрессии против протоиерея Андрея Кураева — блестящего интеллектуала и активнейшего миссионера — последовали за «эпатажные заявления в блогосфере». Свобода слова, даже в рамках внутрицерковной дисциплины и почтения к священноначалию, сворачивается в РПЦ все больше. Как гласит девиз одного модного сообщества в социальных сетях, «либо ты в тренде — либо уходи». Трендом «патриаршей пятилетки» стала централизация церковной власти, ослабление «регионов», полное отсутствие самокритики в верхах, существенное урезание свободы слова и мнения, сдвигание на «задний план» реальных духовных авторитетов, карьерное продвижение деятелей ла-

кейского, кабинетно-паркетного типа. В Церковь проникла, по выражению Кураева, «бацилла папизма» — распространение риторики непогрешимости главы Церкви. Кто оказался «не в тренде» — тому пришлось уйти или замолчать.

В 2011 г. знаковым событием для церковного сообщества стало появление статьи Дмитрия Соколова-Митрича под названием «Очень маленькая вера. Почему второго Крещения Руси нет и не будет» (журнал «Русский репортер», 05.11.11). В информационном пространстве и церковных коридорах эта публикация вызвала настоящую информационную бурю: проводились круглые столы, публиковались одобрительные и гневные комментарии наблюдателей и официальных лиц Церкви (последние, разумеется, демонстрировали негодование). Работа Соколова-Митрича, ставшая результатом большого журналистского труда и долгого общения с духовенством РПЦ, стала чувствительным ударом для Церкви, и неспроста. Название статьи говорит само за себя. Автор констатировал не просто «очень маленькую веру», а ее фактическое отсутствие среди строителей церковной «вертикали власти» при отсутствии духовных авторитетов: «Если не хватает апостолов, приходится тиражировать администраторов».

«Когда пришел новый Патриарх, нам казалось: вот сейчас что-то изменится, у Церкви откроется второе дыхание, — Соколов-Митрич воспроизводит беседу с насельниками одного монастыря. — Но прошло два года, и большинство надежд развеялось. Образ действий святейшего стал более-менее понятен. У него сильный крен в великие дела, в этом смысле он похож на Путина: вот Мюнхенскую речь произнести — это да, а грамотно реформировать лесную отрасль — дело десятое. И логика дальнейших действий святейшего становится вполне предсказуемой: если невозможно просла-

вить себя по совокупности малых заслуг, значит, придется постоянно повышать планку амбиций по спасению отечества и человечества — продавливать введение армейских священников, собирать Всеправославный собор, встречаться с папой Римским. А что в это время происходит в сердцах человеческих, уже неважно».

Человеческие сердца в Церкви заметно черствеют. И, что особо печально, касается это не только «эффективных менеджеров» и патриарших лакеев, но и кузниц церковных кадров — семинарий. Парадоксально, но духовные вузы нередко способствуют не укреплению, к чему призваны, а потере веры учащимися. Среди семинаристов популярна такая шутка: в первом классе семинарии юноши, проходя мимо церкви, крестятся и кланяются, во втором классе — крестятся, но уже не кланяются, в третьем — уже не крестятся и не кланяются. Уточнение «*верующий священник*» сегодня уже не всегда вызывает удивление и смех.

Следствием внутрицерковного кризиса стало отчасти и все то, о чем говорилось в первой части статьи. Не будучи достойным примером служения собственным же ценностям, люди Церкви перестают быть достойным примером для подражания и в светском обществе. «Социологи, эксперты, да и сами священнослужители отмечают в последнее время повсеместный рост антиклерикальных настроений. Такое ощущение, будто какая-то невидимая сила наклонила социальную плоскость: симпатизирующие Церкви люди скатываются к равнодушию, равнодушные — к ненависти, а ненавидящие — к радикализму» — слова Дмитрия Соколова-Митрича звучат как приговор.

И еще одна цитата из «Очень маленькой веры»: «Речь не о какой-то внутрицерковной оппозиции — мы общались с людьми вполне системными, большинство из них на выборах патриарха поддерживало Кирилла. Сегодня

они исполнены в лучшем случае фатализма, в худшем — тревожного пессимизма. И еще: эти люди абсолютно уверены, что конфиденциальная беседа с журналистом — единственный способ донести до высшего руководства правду, не попав под репрессии». Последние слова со всей очевидностью демонстрирует история, приключившаяся с Андреем Кураевым. По его словам, каналы коммуникации и самоочищения Церкви замусорены. Объясняя причины единолично объявленной им войны «голубому лобби», он подчеркивает, что не может выйти на контакт с Патриархом и не имеет права выйти в церковный суд, поэтому единственной для него возможностью достучаться до церковных верхов осталась «беседа с журналистом», только уже не конфиденциальная, — чтобы его свидетельства не затерялись в недрах патриаршей канцелярии, а стали предметом внутрицерковного обсуждения.

С другой стороны, важной особенностью церковной жизни в России является то, что оказание практического влияния на Церковь возможно исключительно в пределах самой Церкви. Выход за пределы РПЦ означает автоматическую маргинализацию и «политическую смерть». Самый известный пример — печальная судьба архиеерея Анадырско-Чукотской епархии Диомида (Дзюбана), который в 2007 г. стал жестко критиковать Московскую Патриархию и сделался символом внутрицерковной оппозиции. В конце 2008 г. Диомид был извергнут из священного сана, и вскоре полностью выпал из поля зрения общества. Похожая судьба сложилась и у многих других раскольников, чья деятельность после ухода из РПЦ приобретала откровенно сектантские черты. Поэтому Андрей Кураев неоднократно заявлял о том, что даже при запрещении его в служении и лишении сана он останется внутри Церкви и будет считать Кирилла своим каноническим Патриархом.

Русская Церковь и «русский вопрос»

Предметом острой критики священноначалия со стороны общества и немалой части членов РПЦ является отстраненность Церкви от одного из самых болезненных вопросов современной России — национального. Дабы предупредить разночтения, сделаю принципиальную оговорку. Критика РПЦ по «русскому вопросу», равно как и по другим вопросам, затронутым в статье, относится к Церкви официальной, т.е. Московскому Патриархату. Было бы странным критиковать Церковь как единое целое — многомиллионное сообщество православных христиан, которое и есть «Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь», а вовсе не только духовенство. Большинство членов РПЦ, в том числе и священнослужители, не могут нести ответственности за не всегда разумную политику и риторику церковного руководства.

Следует определиться и с характеристикой церковного народа, который социологически неверно отождествлять с категорией «православные» или «верующие». Когда в РПЦ говорят от имени «православного большинства» в России (тем более когда эти слова противоречат русскому большинству), многими это резонно воспринимается как спекуляция. Церковь — это не просто совокупность «верующих россиян», — это именно те, кто себя с РПЦ ассоциирует непосредственно, кто имеет представление о христианском вероучении и участвует в церковных богослужениях. Пресловутое «православное большинство» — величина настолько условная, что рассматривать ее как некую социологическую данность, от имени которой можно говорить Церкви, неправильно.

По данным самых разных социологических исследований, на сегодня «православные верующие» составляют от 60 до 80% российских граждан. ВЦИОМ, например, называет цифру

75%, Левада-Центр — 74%, Фонд общественного мнения — 64% (июнь 2013 г.) Согласно соцопросам, из причисляющих себя к православным верующим граждан половина незнакома с содержанием Библии, четверть вовсе не соблюдают религиозные традиции, лишь примерно 10% соблюдают религиозные обряды и участвуют в церковной жизни. По оценкам социологов, постоянно посещают богослужения менее 2% населения России (сама РПЦ не ведет учета количества своих членов или посещаемости богослужений). Церковь, правда, выражает несогласие с этими данными и обвиняет социологов в их занижении. Тем не менее стоит признать: *русское большинство в своей массе не является религиозным и тем более церковным.*

Итак, Церковь как сообщество воцерковленных людей составляет не более 2% российского населения. Но даже в таких процентах РПЦ является самым крупным общественным институтом в России. Выше уже говорилось о том, что антицерковные настроения свойственны условно «либеральной» части общества. Церковных людей, соответственно, логично отнести к «консерваторам», поскольку они исповедуют «традиционные ценности». Однако люди Церкви являются органичной частью всего российского общества, и однозначное отнесение их к «консервативной» его части также будет неверно. Русская Церковь — сложный многосоставный организм, который можно назвать консервативным с большой натяжкой. В ней есть свои консерваторы и либералы, националисты и «уранополиты» (внутрицерковная версия «космополитов»).

Русская Православная Церковь (до 1943 г. — Российская) сама по себе никогда не была «националистической», и не может быть таковой по определению. Определение Православной Церкви как Русской указывает не на ее «этнический» характер, а на характер ее национальной административно-канонической самостоятельности (ав-

токефальности). Национальной же в этническом смысле Русская Церковь быть не может по совершенно очевидной причине: цель и смысл ее существования заключается в спасении человеческих душ и простирается за пределы этого мира. А за этими пределами о людях русской или какой-либо еще национальности ничего не известно. Да и наличие самих национальностей, согласно Священному Писанию, есть результат человеческого греха, который был наказан Богом, разрушившим Вавилонскую башню и разделивших людей на «языки».

Означает ли это, что Церкви должен быть безразличен национальный состав ее членов, что ей «параллельны» национальные интересы гражданского большинства? Нет, не означает.

Конечная цель жизни отдельного верующего человека — приготовление себя к вечной жизни. Один из способов реализации этой цели — удаление из полного соблазнов мира (в леса, пустыни), — многие известные святые так и поступили. Большинство же верующих людей не имеют возможности посвящать всю свою земную жизнь служению Богу, поэтому живут и «спасаются» в обществе. Точно так же живет и Церковь как совокупность этого духовно слабого большинства. Имея высшую цель спасения душ своих членов, она продолжает пребывать «здесь и сейчас» — на конкретной территории, населенной конкретным национальным большинством. В этом смысле Церковь, уже как «земной» институт, не может не быть национальной, не может не считаться с национальными интересами своего народа.

Защита русского большинства для РПЦ должна быть важна с точки зрения ее же собственных интересов. Во-первых, уклоняясь от этой защиты, она рискует навлечь на себя недовольство русского большинства, подпортить свой имидж и утратить немалое количество своих членов. Во-вторых, только преобладание русских, комплиментар-

ных христианскому вероучению, может сделать РПЦ сильной национальной Церковью. Противоречащей Церкви является точка зрения, что для нее не важен национальный состав своих членов — «главное чтобы человек был хороший», т.е. православный. Да, «хороший человек» может быть русифицирован, воцерковлен, интегрирован и в национальную и религиозную среду. Но только пока этих «хороших людей» не станет слишком много. Достигая определенной демографической «планки» (социологи говорят о 10% относительно национального большинства), мигранты перестают ассимилироваться, что мы наглядно и наблюдаем в РФ. Не говорящему на русском языке мигранту уже неинтересна ни русская культура, ни русская Церковь. Так что чем менее Россия будет русской — тем менее она будет и христианской. В дореволюционной России это хорошо понимали. Поэтому в русских национальных организациях и состояло множество священнослужителей и иерархов Православной Церкви. Хотя бы не из идейных, а из прагматических соображений члены РПЦ должны быть в первых рядах Русского марша, а церковное руководство в переговорах с властями — жесткими лоббистами введения визового режима со странами — донорами инокультурных и инорелигиозных мигрантов. Вместо этого, к сожалению, мы наблюдаем обратное.

После Русского марша 2011 г. журналист Ольга Гуманова опубликовала статью «Русский национализм: жатва без делателя» (сайт «Русский обозреватель», 09.11.2011). Автор справедливо сетует на то, что, несмотря на появившийся при Патриархе Кирилле «миссионерский тренд», Русская Церковь бездумно упускает благодатную почву для миссионерского слова и дела — русских националистов, более того — своим бездействием (а также «антинационалистической» риторикой) на этом поле окончательно отталкивает их от церковной ограды.

«Казалось бы, где найти более благодарную, восприимчивую для проповеди Православия аудиторию, чем молодые люди, которых объединяет любовь к русскому народу? — пишет Гуманова. — К народу, который был сформирован Православием, из которого произошло больше православных святых, чем из любого другого народа в мире? Тем не менее русские националисты сегодня остаются самой быстрорастущей, но религиозно не определенной группой, в которой завтра с одинаковой вероятностью может обладать как православная вера, так и подчеркнутый антиклерикализм, и нейтральная светскость».

Зато популярно миссионерство среди гастарбайтеров. Существуют даже планы создать в Москве «православные общины мигрантов», а также сформировать при миссионерских отделах епархий РПЦ центры для знакомства мигрантов с русской культурой. Для покойного священника Даниила Сысоева крещение в христианство мусульман, казалось, стало делом жизни. Да, личное мужество священника достойно уважения, мы знаем, что отец Даниил получал угрозы, а затем был убит исламским фанатиком именно за миссионерскую деятельность среди мусульман (т.е. пострадал за Христа в прямом смысле слова). Но ничто не убедит меня, русского православного христианина, что есть необходимость в христианизации мусульман и мигрантов, пока не христианизирован и не воцерковлен наш русский народ. Подход же Даниила Сысоева и вовсе диктовался его подчеркнутым «антинационализмом». Именно он ввел термин «уранополитизм» (от *греч.* *ouranos* — небо), определив этим термином то, что «главным родством является родство не по крови или стране происхождения, а родство во Христе».

Невнимание к ущемлению русских интересов, невнимание к русским даже как к первоочередному объекту христианской проповеди свойственно

многим священникам. Хотя, надо признать, некоторые представители духовенства периодически демонстрируют озабоченность «русским вопросом» — тот же протоиерей Дмитрий Смирнов, диакон Андрей Кураев и даже Патриарх Кирилл. На прошедшем в конце октября 2013 г. XVII Всемирном русском народном соборе глава РПЦ заявил: «Мы должны ясно и недвусмысленно сказать: симфония этносов, которая придает нашей цивилизации неповторимый облик, невозможна без участия в ней русских <...> Очень опасной может быть перспектива отчуждения русских, и прежде всего русской молодежи от государства, государственных структур, руководства бизнесом <...> Мы отвергаем позицию тех, кто считает, что Россия должна быть страной только и исключительно для русских. Но мы также никогда не согласимся с теми, кто хочет видеть ее “Россией без русских”, лишённой национального и религиозного лица, потерявшей чувство солидарности и единства».

Это заявление было продиктовано происшедшими незадолго до этого событиями в московском районе Бирюлево, о чем Патриарх упомянул. Многие люди восприняли эту речь чуть ли не как «национальный поворот» РПЦ. Но — пока что «*все это, видите ль, слова, слова, слова...*» Отсутствие дела, судя по всему, продиктовано нежеланием церковного руководства ссориться с государственной властью. Но боясь утратить расположение властей, Церковь утрачивает расположение русского большинства, которое этим государством подавляется. Хотя даже в нынешней ситуации давление Церкви на власти в данном вопросе представляется вполне возможным: за спиной РПЦ — крупнейший общественный институт, который составляют дисциплинированные и лояльные церковному начальству и лично Патриарху люди, и государство не сможет с этим не считаться.

Марк Любомудров

РУССКАЯ ТРИАДА

Общеизвестна формула русской государственности, предложенная графом С.С. Уваровым в эпоху Николая I, — Православие, Самодержавие, Народность. Она вполне соответствовала историческим обстоятельствам своего времени.

Очевидны ее достоинства, но вместе с тем — и ее неточность и недостаточность. Представляется, что сегодня русская триада должна предстать иной: **Нация. Вера. Власть** (государственность). **Нация** (а не расплывчатое «народность») — главный субъект, т.е. носитель прав и обязанностей, нашего Бытия. Остальное существует ради ее развития и совершенствования. Народ, нация выбирают вероисповедание и тип государственного устройства. И потому нация — по логике вещей приоритетна в триаде, она первична.

В системе основ государственности ее фундаментом, связующей силой является народ, т.е. сообщество единокровных, кровью, языком и землей спаянных людей. Народ, проявивший свое нравственное и духовное единодушие, осознанно и целеустремленно укрепляющий свою соборность и независимость, поднявший свою веру, язык и землю в ранг святынь, утверждающий свою самобытность и обнаруживший способность и властную волю (пассионарность!) к строительству и организации жизни по законам государственности, становится **Нацией**. Если род, племя, народность, народ — категории этнические («как бы климат души и почва духа» — И.А. Ильин), то нация — это еще и политическая, культурная, цивилизационная общность масс людей, имеющих — как прави-

ло — и общую религию, веру. В этом смысле русский народ возрастает в нацию в Средние века, в эпоху формирования Московского царства.

Сосредоточенным, идейно оформленным выражением солидарных интересов нации является национализм, высшая форма этнического, религиозного и духовно-политического самосознания народа. Это поистине «животворящая идея», которая, по слову Н.Я. Данилевского («Россия и Европа»), служит «возможно более полному проявлению всех сторон человеческой жизни», поддерживает деятельность государства, иногда «независимо от правительства, часто вопреки самым очевидным, самым вопиющим его ошибкам», проявляет свою спасительную силу в периоды смут и кризисов... Вот почему Данилевский прибегал еще и к термину «политический патриотизм».

Настоящим гимном русскому национализму стал одноименный цикл философско-политологических работ И.А. Ильина. Он связывал эту категорию с инстинктом национально-го самосохранения народа и видением грядущей России как национально-го государства, ограждающего и обслуживающего русскую национальную культуру. Он верил, что русские отстают свое «драгоценное своеобразие», что родится новый русский национализм, который поможет исполнить историческое предназначение России. Мыслитель понимал насущную необходимость этот национализм «выговорить и оформить» и осуществил свою задачу с научной основательностью и интеллектуальным блеском. И.А. Ильин писал: «В противо-

положность всякому интернационализму — как сентиментальному, так и свирепому; в противовес всякой денационализации, бытовой и политической, — мы *утверждаем русский национализм, инстинктивный и духовный*, исповедуем его и возводим его к Богу».

Крупнейшие русские мыслители, не только Ильин, но и М.Н. Катков, М.О. Меньшиков, П.И. Ковалевский, многие иные указывали на органическую связь национализма с Верой, с Богом.

Более того, без сомнения русский православный национализм основан на второй из двух заповедей, которыми напутствует нас Христос: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 38). К этому благороднейшему чувству призывали оптинские старцы: «Спасение ваше и погибель ваша — в ближнем вашем. Спасение ваше зависит от того, как вы относитесь к своему ближнему. Не забывайте в своем ближнем видеть образ Божий» (преподобный Никон Оптинский).

Но кто же «ближний» наш?! Разве не наши родители, наши дети, семья, братья и сестры, наш род, включенный в широкое понятие — Народ? И конечно же, та Нация, к которой мы кровно-родственно принадлежим.

В религиозном происхождении русского национализма, в его Божественных корнях заключена причина, по которой так ненавидят его все богоборцы (и некоторые иноверцы) и русофобы. Только сыновья дьявола, лжецы, оголтелые сатанисты могут с остервенением бороться с нашим (христианским!) национализмом, всегда готовы оклеветать его и втоптать в грязь. Именно усилиями богоборцев и русоненавистников само понятие национализма до недавнего времени (а для многих наших врагов еще и сегодня) являлось наиболее отвратительным понятием, якобы тождественным терминам фашизм и шовинизм. Эта вопиющая клевета, порожденная пропагандой и террором, сопровождала весь

иудо-большевистский период нашей истории. Продолжилась она и в эпоху ельцинизма-путинизма. Не перестаешь удивляться тому, в какое бешенство и злобу впадают — при одном только упоминании слова «национализм» — нынешние наши либерасты В. Познер, А. Гербер, Н. Сванидзе, Вл. Соловьёв и прочие, имя которым легион.

Они — главные идеологи-пособники правящего режима. Они лучше многих из нас — великороссов — знают (не по собственному ли опыту?), какой огромной спланированной силой является национализм. Без национального сознания население — лишь этнографический материал. Это по его адресу стали популярными определения «планктон», «овощи», «хомячки» и т.п.

Ибо народ-монолит — непобедим.

Пронизанный православным мироощущением русский национализм — самый опасный враг ныне правящей группировки. Публицист Ст. Белковский считает его даже единственной силой, опасной для кремляди.

Возвращаясь к научному, семантически точному и объективному содержанию понятий «нация» и «национализм», представляется уместным напомнить их определение, данное выдающимся мыслителем, идеологом национализма (в начале XX в.) П.И. Ковалевским:

«Нация — большая группа людей, объединенных между собой единством происхождения, — единством исторических судеб и борьбы за существование, — единством физических и душевных качеств, — единством культуры, единством веры, — единством языка и территории...»

Национализм — это проявление уважения, любви и преданности, до самопожертвования, в настоящем, — почтения и преклонения перед прошлым и желание благоденствия, славы, мощи и успеха в будущем — той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит».

На религиозную природу русского национализма неизменно указывал И.А. Ильин: «Национализм есть *воля* к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божьем саду. Национализм есть *созерцание* своего народа перед лицом Божиим... Это есть некий *восторг* (любимое выражение Суворова!) от созерцания своего народа в плане Божиим и в дарах Его Благодати. Это есть *благодарение* Богу за эти дары».

Написанные в середине XX в. замечательные эти слова остаются скорее проектом, заданием нашему народу. Ибо такой национализм, во всей полноте его содержания, не стал в русской истории непреходящей общенародной верой и силой, хотя и знал в некоторые моменты взлеты и подъемы. «Русский патриотизм проявляется только в критические минуты», — замечал Н.Я. Данилевский.

О «метафизическом своеобразии» человека, нации, об источниках и задачах их христианского призвания, их ответственности перед Богом И.А. Ильин размышлял много и плодотворно: «Всякое национальное своеобразие *по-своему* являет дух Божий и по-своему славит Господа... Все великое может быть сказано человеком или народом *только по-своему*, и все гениальное рождается именно в лоне *национального опыта, уклада и духа*... Вот почему истинный национализм можно описать как *духовный огонь*».

* * *

На разных этапах нашего долгого исторического пути русские Церковь, государство, национальное самосознание знали немало искушений, болезней и расколов. Они порой весьма трагично отражались на судьбе народа, на развитии русской государственности. Можно вспомнить о борьбе Православия с ересью жидовствующих (конец XV в.), о внутрицерковном расколе XVII в., о лишь недавно преодоленных разделах между ныне

существующей у нас Церковью и Православной Церковью за рубежом...

Государственное бытие наше пережило немало катастроф, иногда вплотную приближаясь к губельному краю... Опаснейшие болезни терзали, разрывали, извращали, мертвили наше национальное мироощущение. Становление национальной идеологии в России затянулось на века, происходило стихийно, нередко испытывая противодействие со стороны царей и правящего слоя, при равнодушии народных масс (тех, о ком Пушкин скажет: «Их не разбудит чести клич...»), под шельмующие крики оголтело-космополитической интеллигенции. Опорами государственного единства оставались Православие и монархический инстинкт здоровой части русской нации.

Большой вклад в становление русского национального единства внесли идеологи славянофильского движения XIX в. Они поставили много важных проблем, обосновали самобытность русского исторического развития. Их усилия были продолжены трудами Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского.

В своих наиболее завершенных *теоретических* формах наш национализм нашел отражение в творчестве мыслителей конца XIX–XX столетия: Л.А. Тихомирова, М.Н. Каткова, М.О. Меньшикова, протоиерея Иоанна Восторгова, П.И. Ковалевского, И.Л. Солоневича, И.А. Ильина, митрополита Иоанна (Снычева)...

На практике русское национально-патриотическое движение в XX в. было малочисленным, порой имело клубно-групповой характер, населением поддерживалось недостаточно, со стороны царского правительства встречало отчуждение и даже враждебность. Союз русского народа, Русский народный союз Михаила Архангела, Русская монархическая партия и другие подобные организации, возникшие в начале века, не смогли оказать

должного влияния на политические события. Об этом свидетельствовали результаты выборов в Государственную думу и позднее — в Учредительное собрание: националисты получали ничтожное число голосов избирателей. При выборах в Думу 1906 г. Союз Михаила Архангела набрал 6% голосов, Союз Русского народа — 9%. В Учредительном собрании (1918) националисты имели менее 6%.

Ослабление государственно-патриотических чувств, их аморфность, нараставший паралич национального самосознания, апостазия в русском народе создавали благоприятные условия для деятельности его врагов. Эпоха антирусских революций характеризовала завершающую стадию болезни, корни которой уходили в далекое прошлое. Равнодушный к своим, веками накопленным идеалам и ценностям, русский человек обнаруживал почти патологическую страсть к заемному, к чужеродным, прежде всего — европейским идеям и политическим доктринам.

Начиная с XVII столетия русская национальная мысль с нарастающей тревогой писала о крайне опасных для судьбы народа и государства духовных недугах, определенных как «розгласие» (т.е. отсутствие национальной солидарности) и «чужебесие». В своем замечательном дневнике-трактате «Временник» (нач. XVII в.) дьяк Иван Тимофеев свидетельствовал: «Мы друг другу любовным союзом растояхомся, к себе каждо нас хрепты обращяхомся, онии к востоку зрят, онии же к западу, но сия наша разность многу на ны врагом нашим подаде крепость». Первая смута, церковный раскол, начавшееся с Петра I сползание правящего слоя в европеизм, недалновидная узкодворянская, а иногда и преступная политика романовской династии, усилившая межсословный (дворянство — крестьяне) антагонизм...

Юрий Крижанич в своей «Политике» (1660-е гг.) обличал ксенома-

нию (чужебесие) — «бешеную любовь» русских к чужим вещам и народам, «бешеное доверие» к чужеземцам: «Эта смертоносная чума (или поветрие) заразили весь наш народ. Ведь не счесть убытков и позора, которые весь наш народ... терпел и терпит из-за чужебесия».

Как видим, еще до злополучного XVIII века, когда чужебесие вкуче с утеснениями Церкви стали правительственной политикой, принимавшей иногда уголовные формы (бироновщина), болезнь уже воспринималась как эпидемия... Надо отметить, что ею были поражены по преимуществу образованные слои русского общества, дворянское сословие. Это и привело к тому, что с течением времени «русский народ раскололся на два слоя... низший слой остался русским, высший сделался европейским» (Н.Я. Данилевский). Если учесть, что Европа была традиционно чужеродна и враждебна русскому миру, то сколь же двусмысленной становилась политическая позиция «европеизированного» дворянства, а позднее и разночинной интеллигенции.

Русский идеолог национал-монархизма Н.М. Карамзин ясно видел гибельность западнических влияний на Россию — через прорубленные Петром I бреши (пресловутое «окно в Европу»). Увы, миновали времена, когда «правоверный Россиянин» считался «совершеннейшим гражданином в мире, а Святая Русь — первым государством». И Карамзин подводил приискорбный итог: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр».

Антинациональными реформами первого императора в русское тело была внесена бацилла, которая, размножившись, изуродовала наш национально-государственный организм, дала толчок к последующему неуклонно развивавшемуся национально-политическому перерождению правяще-

го слоя и государственного аппарата. Из него вытеснялись русские люди, замещенные инородцами, выветривался патриотический дух, слабела вера, утрачивалась преданность интересам русского народа, из среды которого на поверхность вытаскивались воспитанные в «чужебесии» «ублюдки самого гнилого свойства» (Н.Я. Данилевский).

Данилевский же пророчески ставил диагноз, точно предвидел опасность: «Болезнь эта в целом препятствует осуществлению великих судеб русского народа и может, наконец (несмотря на все видимое государственное могущество), иссушив самобытный родник народного духа, лишит историческую жизнь русского народа внутренней зиждательной силы».

Лучшие русские умы и таланты понимали разрушительность европеизма для национального духа, для русской культурной самобытности, призывали беречь их. «Влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества», — писал А.С. Пушкин. Подлинной поэмой русского православно-национализма стали «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, который укорял современников: «А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам». А сколько грибоедовской боли в бессмертном монологе Чацкого о «французике из Бордо», словах о том, «Кто мог бы словом и примером // Нас удержать, как крепкую вожжой, // От жалкой тошноты по стороне чужой».

...Но болезнь развивалась и проявлялась во все более грозных признаках. Славянофилы подвели некоторые итоги. «У нас нет русского мировоззрения», — писал К.С. Аксаков. Его брат И.С. Аксаков обращал внимание на все возрастающее засилье инородцев (в ту пору прежде всего немцев) в правительственном аппарате. Немцы, отмечал он, хотя и преданы русскому

престолу, но «проповедают в то же время бой на смерть *Русской народности*; верные слуги русского *государства*, они знать не хотят русской *Земли*».

Можно поражаться политической дальновзоркости славянофильских идеологов. Сопоставляя антирусские проявления в разных инородческих менталитетах, И.С. Аксаков писал: «Нас невольно поражает сходство немецкого воззрения с еврейским... Евреи, также как и немцы, не признают в России Русской народности и подвергают еще сомнению вопрос (для немцев уже давно решенный отрицательно!) о том: действительно ли Русские — хозяева в Русской земле?».

Инородцев-русофобов пугал один только призрак русского национализма. В тревоге были и российские самодержцы — Романовы. Колебался между патриотом Н.М. Карамзиным и западником (масоном) М.М. Сперанским Александр I; Николай I методично преследовал славянофилов, ссылая и сажая их в крепость, закрывал их журналы («тупицей» называл его прозорливый Ф.И. Тютчев); Александр II повернулся к ним спиной, проведя свои реформы по европейским образцам. Тот же Тютчев негодовал по поводу «антирусского отродья» в его правительстве, которое «поставило антирусское направление верховным и полновластным судьей всей мыслящей России». Александр III пытался, хотя и очень робко, затормозить сползание в либеральное чужебесие и уже одним этим заслужил благодарность потомков.

Русофобской позицией царского правительства возмущался М.Н. Катков: «Неужели высшее правительство не избавит людей от необходимости бороться не то что с врагами России, а с властями своего правительства, в которых они должны были бы находить себе поддержку?».

В царствование Николая II крупнейший публицист эпохи М.О. Меньшиков, предчувствуя близкую катастрофу, указывал на один из главных

ее источников: «Если государственность недостаточно национальна, если ей все равно — кто бы ни проникал к очагам власти, свой или чужой, если ей все равно, какое просвещение прививается к нашей почве, свое или чужое, то постепенно и методически все центры общества будут захвачены нерусским элементом — или равнодушным, или враждебным России». И тогда горе стране, «попавшей в руки равнодушных и невежественных чиновников, притом наполовину инородцев, горе государству без национального сознания». Меньшиков постоянно обличал усилившееся инородческое влияние в русском правительстве, его космополитизм, «безнародность», указывал на «гибельный упадок нашего национального разума».

«Русский народ! Ты забыл, что ты русский!» — таким обличающим возгласом завершал свои проповеди Иоанн Кронштадский. «Россия и русские — вот что слилось бы! Вот чему слиться бы!» — мечтал тогда же В.В. Розанов.

Рассматривая эту предгибельную эпоху, разве не увидим глубокую меру безответственности царской власти и назначаемых ею правительств?! По многим ключевым проблемам (например, масонство, еврейский вопрос) их политика не выдерживает критики.

Вспоминаются недавние безудержные дифирамбы и панегирики династии в связи с ее 400-летием. И задаешься вопросом — да в своем ли уме эти апологеты? Где же правда истории, диалектика анализа?

История русского национализма еще не написана. Но значение его в политической судьбе России необходимо уяснить с возможно большей отчетливостью и полнотой. Ибо восстановление нашей традиционной, самобытной государственности возможно лишь на основе возрождения (повторимся) трех составляющих: Русский Национализм. Православие. Русская Власть.

В период, предшествующий падению

монархии, в духовном и политическом пространстве общероссийского бытия наложились друг на друга несколько негативных процессов. Каждый из них особым образом повлиял на разложение и гибель самодержавного строя.

Известная недоразвитость национальных чувств и национальной солидарности отчасти компенсировалась в народе крепостью единой веры. Но с ростом апостазии стал явственнее сказываться и недостаток национализма. Межсословное расслоение, вызванное социальными противоречиями, неравномерным распределением «вольностей», «крепостных обязанностей» и привилегий, постепенно усиливалось. К этому присоединилось отчуждение народа от образованного слоя, рабски подчинившегося иноземной, европейской культуре.

Безбожность и космополитизм российской интеллигенции, традиционно поносившей патриотизм и народность, также подрывали духовное здоровье нации. Самые тяжкие последствия имел процесс возраставшей денационализации правящей администрации, правительственного аппарата, утрата приоритетности русских национальных интересов и отсутствие воли служить им. Обозначилась и стала расти трещина между центральной властью и подданными, между государством, тронем и народом.

На «неудовольствие Россиян на нынешнее Правительство» обращал внимание Н.М. Карамзин в своем трактате «О древней и новой России...» (1811). Их разлад видели, ощущали в XIX в. и западники, и славянофилы, демократические радикалы и монархисты. Первые требовали смены строя, республики, вторые искали возможностей излечить опасную болезнь, соединить надломившиеся структуры государственной системы. Верные традициям русской политической культуры, славянофилы стремились восстановить их в полноте и гармонии.

Умнейший и благороднейший рус-

ский православный националист К.С. Аксаков передал императору Александру II «Записку», в которой с бесстрашной откровенностью предостерегал: «Не подлежит спору, что правительство существует для народа, а не народ для правительства. Поняв это добросовестно, правительство никогда не посягнет на самостоятельность народной жизни и народного духа... Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отдалилось от народа и стало ему чужим. И народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах... Народ не имеет доверенности к правительству; правительство не имеет доверенности к народу... При потере взаимной искренности и доверенности все обняла ложь, везде обман... Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать, и неизвестно, до чего дойдут...»

К.С. Аксаков прямо указывал на антинациональный характер правящего режима и призывал правительство понять «свои коренные отношения к народу» и «стать в истинно русские отношения» к нему. Но чего же было ждать от императора и правительства, которые оказались способными на прямую измену — стали торговать российской территорией. Продали в 1867 году американцам Аляску (по 5 центов за гектар!). Показательно, что договор об этом в России опубликовали только через год, и то на французском языке, в специальном дипломатическом издании...

Бесчувственность (а порой и враждебность) центральной власти к системе ценностей и приоритетов русской национальной цивилизации не только роняла авторитет правящей династии, но определенным образом подтачивала монархический принцип, самодержавные начала.

Кризис стал усиливаться с началом буржуазно-либеральных реформ

1860-х годов. Так что к началу XX в. образовалась «такая яма между царем и народом, какой никогда не было за все предыдущие 1000 лет существования России». Автор этого беспощадного свидетельства Л.А. Тихомиров причины видел в утрате связи государства с народом, в перерождении монархической власти в «бюрократическое правление», в разобщении царя и народа, с потерей их нравственного единения и национальных ориентиров. Правящий центр обходил «русские народные основы» и из «глубокого опасения перед нацией» (!! — М.Л.) все делал для того, чтобы от власти «оттиралась по преимуществу органические слои нации». «Бездействие русских начал, — писал Л.А. Тихомиров в книге «Монархическая государственность», — неизбежно выдвигало на первое место начала не русские. Работа политическая не могла остановиться, и, по засоренности и непроходимости русского русла, пошла в направлении европейских идей». Православная монархия уклонилась в «великодержавный космополитизм».

Русский народ обязан, если хочет выжить и восстановить свою власть на своей земле, — извлечь уроки из трагедий и катастроф последних веков своей истории. Необходимо всесторонне осмыслить проблему центральной политической власти — и как задачу правильного выбора и отчетливых требований к самому главе государства.

Череда уклонений и расхождений романовской династии (и ее правительств!) с русским национальным идеалом, с общенародными русскими приоритетами — более чем поучительна. После Елизаветы Петровны династия стала инородческой. И не случайно во многих европейских энциклопедиях ее называют «Голштейн-Готторп-Романовы». Многие из наших императоров не были русскими националистами или были ими в слабой степени. Вглядевшись, не обнаружим ли у них, лояльных к западничеству, ка-

честв того «среднего европейца», в котором К.Н. Леонтьев справедливо увидел «идеал и орудие всемирного разрушения». Средний европеец на русском троне... Было от чего тревожиться.

В памяти возникает не только параноидальный шизофреник Петр I. Подсчитал ли кто-нибудь, сколько членов императорского дома Романовых состояло в масонских ложах, которые, по определению О.А. Платонова, были «главной формой незримой духовной оккупации России, формой реализации антирусских импульсов Запада».

В «Основных государственных законах» Российской империи Православие определено как вера «первенствующая и господствующая» (глава 7, параграф 62), а об императоре сказано, что он «не может исповедовать никакой иной веры, кроме Православной» (пар. 63). Это требование к главе государства подтвердил и Поместный Собор Русской Церкви (1917) в специальном «Определении»: «Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными» (п. 7).

Но нигде, ни в одном документе нет речи о национальной идентификации политических руководителей. Между тем русская история явственно обнаружила, к каким трагическим последствиям может привести недооценка этнической, а значит и мировоззренческой составляющей в личности монарха. И надо полагать, что в обновленном своде «Основных законов» будущей возрожденной Российской монархии, кроме указаний на обязательность для самодержца православного вероисповедания, будет внесено еще одно условие: Глава государства и его супруга должны быть русскими по крови, по воспитанию и образованию. Непременным должно быть и обязательство свято блюсти национальные приоритеты державного русского народа.

* * *

Один из универсальных законов всякой государственности утверждает непреложность единства духа населения, солидарность его всесторонних интересов, в том числе и экономических. В многоплеменном государстве — таком как Россия — достижение внутреннего единства является трудной, но совершенно необходимой задачей. «Чтобы в таком разноплеменном государстве возможна была монархия, — писал А.А. Тихомиров, — необходимо преобладание какой-либо одной нации, способной давать тон общей государственной жизни, и дух которой мог бы выражаться в верховной власти».

Своим тысячелетним самобытным политическим творчеством русские доказали, что обладают выдающимся государственнообразующим талантом, способностью «преобладать» и уникальным даром гармонизировать различные этнические интересы и притязания. С другой стороны, единству и цельности Русского государства помогала, по верному наблюдению Н.Я. Данилевского, и «уподобительная сила русского народа, претворяющая в свою плоть и кровь инородцев, с которыми приходит в соприкосновение или столкновение». Общность, органика таких взаимодействий достигалась на основе универсальных ценностей русской культуры и цивилизации, самых духовных и человеческих на планете.

Русское государство, как было определено славянофильскими идеологами, крепилось и стояло только Русью, прочие народности были лишь приращением к целому. Россия никогда не была союзом племен, и державный идеал русского народа не подвергался сомнению. Большая часть этнических меньшинств вошла в состав империи добровольно. На протяжении всей своей истории Россия служила прибежищем для народностей, по выражению М.О. Меньшикова, «ослабевших, не устоявших в борьбе, гонимых и разбитых».

Подчиняющая сила русской державности была одновременно и силой оберегающей, сохраняющей. Имперская Россия оставалась верной Богостроительному принципу многообразия в единстве. Уважение, похристиански добросердечная помощь ослабшим, униженным или оскорбленным иноплеменникам — еще одна, нравственно-духовная основа нашей православной государственности. Малые народы, не утратившие разума и сохранившие в неповрежденности нравственную и политическую ориентацию, всегда это чувствовали и были благодарны пригревшей их российской монархии. Наиболее мудрые представители различных племен и народностей пуще всего боялись утраты Русской державности, гибели Великой России — ибо воспринимали ее и как свой родной и надежный дом, гарантирующий от многих внешних порабощений.

Знаменательно в этом смысле признание поэта и историка, председателя Конгресса тюркских народов Бронтоя Бедюрова (1996): «Я, алтаец, хочу подчеркнуть, что русская цивилизация — совершенно особая в мировой истории. Она никогда не истребляла ни один входящий в нее народ, не подавляла ничью веру, язык, обычаи. Наоборот, способствовала движению навстречу друг другу, взаимодействию и взаимовлиянию культур, всем и всячески помогала. Такого больше не было в истории землян! Немецкая цивилизация — ассимилирующая, американская — поглощающая, китайская — растворяющая. И только русская — сохраняющая, оберегающая. Только русская!!».

Исключительно миролюбивое отношение к чужестранным народам и патриархально-отеческое, в полноте Православия, отношение к этническим группам и племенам в составе империи — таков еще один смысл русского державного «преобладания», русского национализма. Всей своей исто-

рией Россия, стремившаяся приблизить основы своей государственности к идеалам Царства Божия, подтверждала верность народа добротолочию и множество раз как бы повторяла слова Христа: «Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28).

Эта диалектика русского православного национализма таила в себе и серьезную опасность. В ней порой проявлялась недооценка взаимной ответственности, благодушно-сентиментальное отношение русских к иноплеменникам, которое К.П. Победоносцев называл, осуждая, «системой ухаживания за инородцами». Возникла возможность всплеск местного национализма с антирусской направленностью, угроза сепаратистских настроений.

Царское правительство порой обнаруживало в национальных вопросах поразительную недалекость. Анализируя отношения с Украиной, М.О. Меньшиков, например, свидетельствовал, что именно «при содействии правительства естественный провинциализм хохлов развился в национальный сепаратизм» (1911). То же можно сказать и о политике по отношению к Польше, Финляндии, Прибалтике. Как очевидно, иных принципов, иной стратегии требовала политика в отношении к народам, с которыми у русских сохранялась традиционная напряженность — полякам, евреям.

Таким образом, неизбежно возникает и проблема встречного отношения разных народов к русским.

А.Н. Гумилев создал и обосновал теорию о народах комплиментарных и некомплиментарных. Она убедительно подтверждалась в русской истории, в особенности за недавние четверть века.

В 1991 г. по заказу Министерства обороны СССР был проведен опрос, чтобы в полиэтническом советском населении выяснить отношение к русским со стороны представителей иных этносов. Выводы этого опроса были

сразу засекречены и никаких практических последствий не имели. А итоги опроса весьма поучительны. Выяснилось, что комплиментарными к русскому народу, в частности, оказались: осетины, татары, карелы и вепсы, коми, чуваша, казахи, корейцы, мордва. Некомплиментарными — молдаване, туркмены, марийцы, хакасы, крымские татары и каракалпаки. Как «не определившиеся» в отчете названы евреи, чеченцы, поляки, немцы. У всех народов лидерами антипатий оказались цыгане и евреи.

Теория А.Н. Гумилева и данные названного опроса (их, конечно, не стоит абсолютизировать) поучительны самой постановкой вопроса. Комментируя эту, размещенную на своем сайте информацию, А.Н. Севастьянов делает вывод, с которым нельзя не согласиться: «Мы должны быть бдительными, мы должны открытыми глазами смотреть вокруг себя, мы должны четко знать и понимать, кто нам, русским, друг — а кто нет. И выстраивать свои отношения, свою политику соответственно». Такой «националистический» подход вполне соответствует и евангельскому закону: «Какою мерою мерите, такую же отмерится и вам» (Лк. 6, 38).

Сегодня для русской нации нарастает еще одна опасность — расовая метисация — в связи с вредительской политикой внедрения в наш этнос различных чужеродных мигрантов и интенсивной пропагандой мультикультурного, мультиконфессионального и мультирасового сознания. Выводы этнических наук здесь однозначны: этническое смешение ведет к вырождению, к деградации и разрушению генофонда нации. Демографами установлено, что в случае 20–25% числа смешанных браков этнос исчезает через два-три поколения.

И в этом архиважном вопросе смыкаются этнический национализм и православный катехизис. В церковном Требнике (царского времени) осужда-

ется плотская связь «с иноплеменным телом». Проблемы этнической гигиены стоят в повестке дня. Почему бы нам не перенять опыт современного Китая, где осуществляется программа по «улучшению генофонда страны».

В религиозном отношении главная опасность — агрессивное вторжение радикального ислама. И надежная защита от этих угроз одна — пропаганда и воспитание русского православного национализма.

«Оберегающая» (Б. Бедюров) этнические меньшинства русская цивилизация может сохранить свою созидательную роль только при том условии (оно было типичным для программ русских национальных партий), что племенные вопросы в стране будут разрешаться сообразно готовности отдельной народности служить России — в достижении общегосударственных задач.

Драма империи заключалась, однако, в том, что «оберегающий» пафос нашей цивилизации — в силу внутренних разрушительных процессов — не был сосредоточен на созидании главного, центрального: не сохранил русскую государственность. Это связано несомненно и с тем, что на протяжении всей петербургско-петровской эпохи самодержавия (ее иногда называют романо-германским иггом) русский народ постепенно утрачивал свою национальную самоидентификацию, космополитизировался, не проявлял должного сопротивления умножению национал-нигилистов, русофобов и европеоидных «ублюдков самого гнилого свойства».

Русская мысль начала XX в. все чаще подтверждала: в России нет нации, а есть этнографический материал для нее. Лишаясь национального самосознания, народ превращался в толпу, «идеология» которой будет названа позже пролетарским интернационализмом. Эту русскоязычную толпу опишет потом в своем романе «Чевенгур» великий русский писатель А.П. Платонов. В эпи-

зоде, когда Прокопий Дванов приводит к Чепурному свой «пролетарский батальон», возникает красноречивый диалог. Чепурной: «Какой же ты нам пролетариат доставил? Они же нерусские». Дванов: «Это тебе класс первого сорта, ты его только вперед веди, он тебе и не пикнет. Это же интернациональные пролетарии: видишь, они не русские, не армяне, не татары, а — никто! Я тебе живой интернационал пригнал, а ты тоскуешь...»

Такими национальными кастратами многие русские — в их числе и некоторые из тех, кто считает себя православными — остаются и сегодня. Об этом, в частности, говорят и результаты «демократических выборов» недавних десятилетий. Русские национальные, государственно-патриотические партии и движения собирали на них обычно не более 5–8% голосов...

Возникает закономерный вопрос: сможет ли русский народ возродить свою государственность? Сможет, если народ: окрепнет в Вере и национализме; выздоровеет — духовно, культурно, биологически; преодолеет страх и трусость перед врагами; воскресит соборность и единство, самоорганизуется и сплотится для борьбы. Как когда-то сказал русский философ и юрист Б.Н. Чичерин: «Надобно, чтобы народ, ищущий политической независимости, во-первых, **умел драться**, а, во-вторых, **умел образовывать** более или менее **прочное правительство**, соединяющее вокруг себя лучшие силы страны. **Народ, лишенный военных способностей, не может иметь притязаний на государственное существование**» (выделено Чичериным).

* * *

Завершая размышления о нашем национальном самосознании, о вере и о русской государственности, вернемся к знакомой политической триаде, уточнив ее вектор: Русская Нация. Православие. Русская Власть. Столпы самостояния и независимости нашего

политического бытия должны сознаваться и осуществляться в теснейшем единстве, в «симфонической» гармонии, пронизывая и укрепляя друг друга. Национальное, религиозное, государственное самосознание можно сравнить с земной проекцией Небесной Троицы, управляющей мирозданием, — вот что должно стать альфой и омегой Русского Мироззрения.

И формировать, воспитывать его должно с младенческого возраста. Для этого нашу Православную Церковь необходимо сызнова воссоединить с государством, дух веры и русского национализма должен пронизывать каждую строку наших учебников, каждое слово пропаганды, каждое произведение культуры и искусства. Только тогда и сможем исполнить свое историческое предназначение, творчески раскрыть своеобразие и духовную мощь нашего народа, обеспечить полноту его жизни, его восхождения к Богу, к бессмертию. Дело Спасения отдельного человека соединить с задачей Спасения народа.

В борьбе за наше освобождение от мафиозно-кланового режима, из оков юдократии должны помочь и помогают не только наше великое наследие, но и современная, развивающаяся талантливая Русская Мысль. Необходимо знать приемы и методы враждебного информационного воздействия. В их числе важным представляется открытие Дм. Крыловым эффекта «гетерономии», т.е. такого состояния народа, «при котором он усваивает взгляд на себя от чужого этноса» (см. «Вопросы национализма», 2011, №3). Нельзя не согласиться с предостережением исследователя: «Гетерономия определяет все стороны русской жизни».

Не по этой ли причине сегодня продолжают умножаться псевдонационалисты псевдооппозиции (не будем называть имен — они громкие и общеизвестные). На наших глазах совершается прямо-таки невероятное перерождение в Савлы вчера еще зря-

чих, а сегодня ослепших (или продавшихся?) вроде бы русских по крови людей. Быть может, это связано и с рождением на планете все большего числа хищных антропоидов, генетически лишенных совести, т.е. псевдолюдей (исследования профессора Б. Диденко). Изучавшие законы наследственности, современные русские генетики сделали вывод, что «часть людей мы никогда не склоним к доброте».

Нельзя забывать ни на мгновение, что русские окружены плотным кольцом богоненавистников, русофобов, вредителей, врагов и предателей. И этот натиск, это давление продолжается уже более ста лет. «Сколько внутренних врагов у нашего Отечества? — спрашивал религиозный проповедник и националист Иоанн Кронштадтский в 1907 г. — Царство русское колеблется, шатается... Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты не будут подвергнуты праведной каре закона... враги уничтожат и само имя Россия. Русские люди должны объединяться для борьбы с внутренними врагами». Минул век, а как будто вчера написано!

Враги... Можно вспомнить и другие, точные, глубокие и крайне актуальные слова: вредитель, диверсант, оборотень, перебежчик, коллаборационист. Мы — благодушные, ослабевшие и поглупевшие — почти забыли о них. А какими иными обозначениями можно назвать, к примеру, выступление известного политика и публициста Михаила Леонтьева: «Нет ничего более поганого чем национальное государство... Мультикультурная цивилизация — вот идеал»! (радио «Вести». 29.04.2013).

Вспомним еще раз бессмертного И.А. Ильина, горячо мечтавшего «восстановить Россию». Он считал, что русский народ должны вести за собой «религиозно осмысленный патриотизм и религиозно вдохновленный национализм» (в статье «Борьба за Россию»). Необходимо разбудить дремлющие архетипы Русского Сознания: инстинкт самосохранения, волю к самоорганизации, бесстрашие и наступательность в борьбе, к которой призван народ. Сопrotивление злу возможно и необходимо только Силою.

Владимир Близнеков

СВЯТАЯ НАЦИОНАЛИСТКА

...Конечно, мне лучше было бы
Цветы собирать в лесу.
Но гибнет Франция милая,
И Францию я спасу

Девчонка я, мне бы все же
Жених, ребяташки, дом.
Но если не я, то кто же?
Если не я — никто.

Хрупка я, но Бог поможет,
Дух укрепляя мой.
Если не я — то кто же?
Кто любит меня — за мной!...

*Владимир Солоухин. Лозунги
Жанны Д'Арк, 1975*

Рефлексируя над 2000-летней историей христианской Церкви, в особенности в аспекте ее взаимоотношений с мировой политической историей, можно поставить один интересный вопрос: совместима ли христианская святость с патриотизмом и национализмом? Причем под «святостью» в данном контексте следует понимать религиозный идеал осуществления благодати Божией в обычном человеке из плоти и крови с точки зрения учения и практики Церкви. Понятие «святость» здесь не следует путать с христианскими богословскими терминами «спасение» или «оправдание». Согласно учению ортодоксальной Церкви, спасает Христос, а к лику святых причисляет Церковь. Канонизация является неким дополнительным актом Церкви по отношению к основному акту религиозной жизни христианина — достижению состояния спасения, т.е. духовного соединения с Богом, вхождение в Царство Божие. Таким образом, спа-

саянность человека является необходимым, но недостаточным условием его прославления Церковью в чине святого. Святость — это образцовое осуществление христианином собственного пути к спасению, некий духовный маяк, на который могут ориентироваться другие христиане на своем пути к Богу.

Не вдаваясь в рамках данной статьи в подробности исторического и богословского анализа вопроса о совместимости христианского идеала святости с патриотизмом и национализмом в смысле любви христианина к своей родине и народу, все-таки можно с уверенностью утверждать, что в истории Церкви были великие святые, которых даже исходя из современных критериев можно было бы без сомнения причислить к убежденным патриотам и националистам. Таковыми, например, в Православной Церкви безусловно являлись широко известные святые — св. Савва Сербский, св. Сергей Радонежский, св. праведный Иоанн Кронштадтский, а также множество менее известных святых, праведников и подвижников.

В западной Церкви, ставшей после Великой схизмы 1054 г. Католической Церковью, с одной стороны, были по сравнению с Православной Церковью еще более благоприятные условия для развития «политического христианства», поскольку юридически ориентированный менталитет представителей Церкви Запада не допускал возможности элиминации политического измерения из сферы религиозной жизни клириков и мирян и даже монахов. В традиции же Православной Церкви идеалом духовной жизни, особен-

но для монахов, был созерцательно-молитвенный путь духовного делания, когда любая политическая активность рассматривалась как привязанность к делам «мира сего», что хотя и было нормально для знатного мирянина, особенно представителя власти, но противоречило пастырской деятельности священнослужителя, а тем более смыслу монашеского пути спасения.

С другой стороны, в Католической Церкви также имелось препятствие для развития патриотизма и национализма, которое заключалось в глобалистском характере института папства в его взаимоотношениях с католическими национальными государствами и народами. Через всю историю Католической Церкви красной нитью проходит борьба папства со светскими властями католических стран за примат духовной и политической власти в смысле средневековой политико-теологической доктрины двух мечей (лат. *doctrina de duo gladii*), основные положения которой были сформулированы в период борьбы папства и Священной Римской империи за инвеституру (XI–XII вв.). Политическая активность всех верующих на Западе на благо Церкви только приветствовалась папством, но при этом она должна была полностью соответствовать воле Святого престола. Национализм и патриотизм в структуре Католической Церкви уже по определению рассматривались сторонниками папства в качестве интенции духовной и политической секуляризации и в случае их противоречия интересам Ватикана решительно отвергались, в лучшем случае — как греховные, а в худшем — даже как еретические.

Тем не менее уже в зрелом Средневековье внутри Католической Церкви развивается мощная тенденция народной религиозности и народной миссии, связанная в первую очередь с личностью св. Франциска Ассизского. Данный феномен означал не что иное как пассивную оппозицию официаль-

ной Католической Церкви со стороны нищенствующих монашеских орденов, ориентированных в первую очередь на духовную и социальную заботу о простонародье, что поначалу рассматривалось папством чуть ли не как ересь. Но заслуги францисканцев и других нищенствующих монахов, а также их авторитет в глазах народа были столь велики (чего стоило только их бесстрашие и самопожертвенность в период страшной эпидемии чумы в Европе 1346–1353 гг., получившей название Черная смерть), что для папства более выгодным стало сотрудничество, а не борьба с ними, тем более что их ориентация на народную религиозность чаще всего не имела никакого политического подтекста. В тех же случаях, когда политическое измерение религиозных реформаторов, ориентированных на повышение качества религиозности народа, становилось явно заметным, реакция Святого престола была, как правило, предельно жесткой, о чем свидетельствует трагическая судьба великих религиозных деятелей эпохи Ренессанса — итальянского доминиканского монаха, диктатора Флоренции Джироламо Саванаролы (1452–1498) или чешского национального героя, богослова и проповедника Яна Гуса (1369–1415). Это личности, которых можно смело назвать настоящими националистами и патриотами своих народов, хотя религиозная интенция в их деятельности безусловно перевешивала политическую.

Уникальность случая Жанны д'Арк в Католической Церкви

Но в истории Католической Церкви эпохи Ренессанса есть один совершенно особый случай чисто политической миссии абсолютно религиозно мотивированной личности, получившей в европейской и мировой истории совершенно небывалый резонанс, — это случай глубоко религиозной и в то же время безусловно национально и патриотически ориентированной фран-

дуженки Жанны д'Арк (1412–1431). Беспрецедентной является вся история ее взаимоотношения с Католической Церковью. Она сначала была осуждена посредством официального инквизиционного процесса как вероотступница и еретичка, после чего в 1431 г. сожжена на костре. Затем, в результате инициированного папой Климентом III нового церковного процесса в 1456 г., Жанна д'Арк была полностью реабилитирована. И далее, в начале двадцатого века, по инициативе пап Пия X и Бенедикта XV она была вначале в 1909 г. беатифицирована (низшая ступень прославления в Католической Церкви) и, наконец, в 1920 г. канонизирована. В настоящее время почти во всех католических церквях Франции есть статуя святой Жанны д'Арк.

Этот случай в истории Католической Церкви является по своему трагизму чрезвычайно значимым, как по причине того, что Западная Церковь ни до, ни после этого трагического для нее случая никогда сама не казнила своих будущих святых, хотя и реабилитировала задним числом немалое количество жертв инквизиции, так и в связи с тем, что Католическая Церковь за всю свою историю очень редко покушалась на народных героев, поскольку это могло иметь для нее очень негативные политические последствия, как, например, в Чехии, когда народное возмущение казнью Яна Гуса по приговору Констанцкого собора в 1415 г. вылилось в гуситские войны (1419–1434), сопровождавшиеся массовым отпадением чехов от Католической Церкви. Беспрецедентным в истории Жанны д'Арк является прежде всего то обстоятельство, что Святой престол пошел на предельно унижительное для себя публичное признание своей вины в отношении женщины, миссия которой лежала в первую очередь в политическом, а не в религиозном измерении, хотя и была обоснована чисто религиозными соображениями.

Краткая история генезиса французской национальной идентичности до начала Столетней войны

Современный французский этнос имеет трех предков-праэтносов: галлов (так называли племена кельтской группы, обитавшие в первом тысячелетии до н.э. в континентальной Западной Европе, прежде всего на территории современной Франции, а также Бельгии, Швейцарии и Северной Италии), римлян (завоевавших Галлию в 59–51 гг. до н.э. в результате Галльской войны Юлия Цезаря) и франков (союз германских племен, существовавший с середины III в. в нижнем и среднем течении Рейна, т.е. вблизи границы Римской империи, как большинство других союзов германских племен, остававшийся политически независимым от власти Римской империи и подчинивший своей власти галло-римское население в ходе военного вторжения в римскую Галлию в конце V века).

Таким образом, первичным этническим субстратом (если пользоваться терминами теории этногенеза Льва Гумилева) современных французов является галльское население, вначале ассимилированное отчасти этнически, а еще в большей степени культурно, сравнительно небольшим количеством завоевателей-римлян, переселявшихся преимущественно в Южную Галлию в течение пяти первых веков н.э., результатом чего стал тотальный синтез галльского и римского этносов, превратившегося в однородное галло-римское население к моменту завоевания Галлии франками. В свою очередь, уже и галло-римское население стало вторичным этническим субстратом по отношению к новым завоевателям — франкам, ставшим этнической доминантой (также гумилевский термин) в средневековой Галлии.

Несмотря на то что франки стали правящей силой в Галлии, их численность составляла, скорее всего, не более четверти общего населения

Галлии: они преобладали в некоторых местностях на севере Галлии — к северу и востоку от Луары, в то время как к югу от этой реки превалировало галло-римское население. Франки стали военным сословием, в большинстве местностей Галлии они поголовно были феодалами, в то время как галло-римляне составили крестьянство и большую часть духовенства. Только в Лотарингии — родине Жанны д'Арк, где франки численно преобладали над галло-римским населением, большинство франков стали крестьянами.

Французские дворяне считали себя потомками франков, т.е. по сути германцами, а крестьян или третье сословие называли потомками галло-римлян. Это социальное разделение по этническому признаку стало впоследствии бомбой замедленного действия, которая взорвалась во время Великой французской революции 1789 года. Лозунг революционеров «Да здравствует нация!» означал прежде всего освобождение третьего сословия от власти первых двух — дворянства и духовенства; ее этнический подтекст был очевиден, а ее историческое значение состояло не только в политическом успехе идеологии французского национализма, но и в завершении процесса формирования национальной идентичности французов. Тем не менее представления о социальной дифференциации французского народа по этническому признаку, в частности подчеркивание германского, т.е. франкского происхождения французского дворянства, были восприняты даже в XIX в. некоторыми французскими историками, представителями романтизма во французской историографии, например, Огюстеном Тьерри.

Таким образом, процесс трансформации франкской этнической идентичности во французскую национальную идентичность протекал в течение очень долгого времени — практически в течение тринадцати веков, с момента принятия христианства франкским

королем Хлодвигом I в 496 г. вплоть до 1789 г. Тем не менее, несмотря на свою этническую доминанту в Галлии, именно франки были в конце концов ассимилированы галло-римлянами, а не наоборот. Франки приняли практически сразу после захвата Галлии христианство, в первую очередь — из политических соображений, чтобы получить влияние и власть над местным населением и приобрести мощную политическую поддержку со стороны латинского духовенства. Причем они стали единственным германским этносом, добровольно принявшим христианство сразу в ортодоксальной, а не вначале в еретической арианской форме, как большинство других германских племен, осуществивших захват территории бывшей Римской империи.

Во франкском королевстве (конец V в. — 843 г.), ставшем могущественной империей франков в правление Карла Великого, франки еще сохраняли свой язык, принадлежавший к германской группе языков и не имевший письменности. Но уже в период раздела империи франков и образования Западно-франкского королевства (843–987) большинство франков Галлии забыло родной германский язык и приняло романский язык галло-римского населения, в современной лингвистике называемый старофранцузским, в котором содержится очень мало слов франкского происхождения, но само новое название страны — Франция вместо Галлии — происходит, естественно, из языка франков.

Принятие романского языка стало вторым после принятия христианства значимым этапом ассимиляции франков галло-римским населением. Но до образования национальной идентичности французов в этот период еще было весьма далеко. Франкские короли даже в период около 1000 г. именовали себя просто «король франков» (*лат.* Rex Francorum), как будто их власть над галло-римлянами не играла при этом никакой политической роли.

В течение всего периода зрелого и позднего Средневековья процесс формирования французской национальной идентичности взамен франкской этнической идентичности происходил чрезвычайно медленно по сравнению с большинством соседних германских народов. Несомненно, главную роль здесь играл особый политический и религиозный статус франкского этноса в современной ему Европе.

Нельзя забывать, что именно франки создали империю Карла Великого, покорив при этом такие воинственные германские племена, как аллеманы, бургунды, лангобарды, саксы и позднее — даже пришедших из Центральной Азии воинственных аваров, перед которыми трепетали не только славянские племена Восточной Европы, но даже и императоры Византийской империи! Кроме того, именно франки вследствие принятия первыми из германцев ортодоксального христианства стали практически единственными восприимчивыми духовного и политического наследия погибшей Западной Римской империи. Они стали как главными политическими союзниками папства в средневековый период, так и наследниками политической власти Западной Римской империи, о чем свидетельствует коронация Карла Великого в 800 г. в качестве императора Запада и правителя Римской империи.

Но парадоксальным образом — при такой политической мощи и религиозном влиянии в средневековой Европе — франки постепенно позволяли себя ассимилировать местному населению, чего не допустили например, гораздо менее политически и религиозно влиятельные германские этносы аллеманов в современной Швейцарии или англо-саксов в Британии. Ассимиляция франков романской культурой была своеобразной платой за право обладания политическим, духовным и культурным наследием Римской империи. Без этой платы франки и их государство никогда не стали бы тем,

чем они стали в средневековой Европе. Но в качестве властителей Европы они все-таки не хотели быстро и без остатка раствориться в покоренном населении Галлии; этим культурным остатком их этнической идентичности и стало подчеркивание их германского происхождения.

Другим фактором, тормозившим формирование национальной идентичности европейских народов в средневековый период, являлся уже упомянутый глобалистский характер института папства и, соответственно Католической Церкви, рассматривавших националистические и патриотические интенции того времени в качестве угрозы собственной духовной и политической власти, а также — в цивилизационном аспекте — в качестве угрозы раскола целостности западной христианской ойкумены, что в действительности и произошло позднее, в период Реформации. Идея единой христианской Европы родилась уже в Средние века, она всячески поддерживалась и поощрялась Святым престолом. Поэтому средневековые студенты свободно переходили из одного университета в другой, благо языком науки повсюду являлась латынь, а светские ученые и церковные богословы мало обращали внимания на вопросы собственного гражданства или национального превосходства над своими коллегами.

Все эти, а также другие причины и обусловили то обстоятельство, что вплоть до наступления так называемой Осени Средневековья, т.е. периода конца XIV — начала XV в., не произошло окончательного возникновения французского народа, хотя этот процесс постепенно, хотя и медленно, развивался во время правления династии Капетингов (987–1328) и в начале правления династии Валуа (с 1328 г.). Слово, выражающее национальную идентичность, — Français (*фр.* французы), первоначально означавшее только франков, со временем стало означать

уже всех жителей Иль-де-Франс, т.е. собственного королевского домена со столицей в Париже. И очень нескоро распространилось затем уже на всех жителей французского королевства.

Но главным импульсом возникновения национальной идентичности французского народа стали драматические события Столетней войны, и ведущую роль в этом процессе сыграла миссия Жанны д'Арк.

Военная и политическая катастрофа Франции

С момента образования Франкского государства Хлодвигом в 496 г. Франция никогда ранее не испытывала такого ужасного и несчастного времени, которое она пережила в период так называемой Столетней войны (1337–1453).

Короли Филипп VI и Иоанн Добрый ввергали страну в одну катастрофу за другой, народ видел в них страшных неудачников, а сама династия Валуа имела в то время в народе худшую репутацию по сравнению с тремя первыми славными династиями французских королей — Меровингами, Каролингами и Капетингами, принесшими франкам великую славу храброго и непобедимого народа, а также богатство и процветание. В эпосе франков «Песнь о Роланде», датируемым XII в., есть такие слова о военной доблести и героизме франков:

Сказал Турпен: «Бесстрашен наш
народ.

С ним не сравнится никакой другой.
В «Деяниях франков» писано о том,
Что Карл один имел таких бойцов».

Но уже в середине XIV в. страна находилась на грани потери государственного суверенитета, в первую очередь из-за тотальных военных неудач.

При этом народ отчасти был прав в том, что несчастья и неудач обрушились на страну по вине Филиппа VI и Иоанна Доброго — двух первых коро-

лей из династии Валуа. Оба эти короля по натуре были воинственными и храбрыми (прозвище короля Иоанна «Добрый» в контексте того времени означало «Храбрый», ибо это качество было главной ценностью для франкской аристократии), но при этом совершенно не обладали политическим талантом, что было характерно также для большинства их потомков, принадлежащих к дому Валуа.

Следующий король из династии Валуа, Карл V, получивший в народе прозвище «Мудрый», (1364–1380) явился счастливым исключением из данного правила. Он сумел отвоевать у англичан почти все французские территориальные потери обратно, но неожиданно скончался в 1380 г. в возрасте всего 42 лет. Со смертью Мудрого короля из дома Валуа закончилось временное счастье Франции, и для нее начался новый период испытаний.

На престол вступил король Карл VI (1380–1422) Безумный. За последующие тридцать лет своего правления он пережил более пятидесяти приступов умопомешательства, во время которых он совершенно не отдавал отчет в своих поступках, и его были вынуждены запирают в собственной резиденции. Периоды безумия сменялись у него периодами просветления, когда он вел себя вполне адекватно и мог управлять государством. Поэтому его не могли законным образом отстранить от власти, что означало для страны вступление в новую череду неудач. При слабом и психически больном короле резко усилилась внутривнутриполитическая борьба за власть между представителями старшей, Орлеанской и младшей, Бургундской ветвей династии Валуа, получившей в истории название войны арманьяков и бургиньонов. Обе партии открыто претендовали на реальную политическую власть в стране и начали войну друг с другом. Соперничество этих группировок привело страну к гражданской войне, они попеременно захватывали Па-

риж и образовали в стране два параллельно существующих правительства при живом короле, причем правительство арманьяков возглавлял наследник престола дофин Карл, бежавший после захвата бургундцами Парижа в 1418 г. в Пуатье.

На фоне фактической гражданской войны во Франции английский король Генрих V решается на новое военное вторжение в страну. В битве при Азенкуре 25 октября 1415 г. французская армия, в 4–5 раз превосходящая английскую, снова терпит сокрушительное поражение, потеряв убитыми и пленными около трети своей численности при минимальных потерях англичан. Трагедия французов усугубляется тем, что англичане из-за трусливого приказа их короля Генриха V, опасавшегося перемены в ходе сражения, устраивают резню 1200 пленных французских рыцарей, большинство которых погибает. Это было нечто немыслимое по понятиям средневекового рыцарства и означало страшное унижение Франции, после чего война не могла дальше вестись согласно рыцарскому кодексу и средневековым понятиям о справедливой войне.

Бургундская партия пользуется большими потерями арманьяков в битве при Азенкуре и в 1418 г. захватывает Париж, в результате чего арманьяки перестают быть партией власти, их преследуют, а имущество подвергают конфискации. Безумный король Карл VI объявляет своему сыну дофину Карлу, что он является одним из внебрачных детей его матери, Изабеллы Баварской, и поэтому не имеет никаких прав на французский престол. Бургундцы открыто переходят на сторону англичан, инициировав и подготовив для короля Карла VI текст будущего договора в Труа с английским королем Генрихом V, согласно которому английский король объявляется наследником французского короля Карла VI в обход законного наследника дофина Карла. Бургундцы привозят невменяемого Карла VI в подвластный

им город Труа, где в 1420 г. безумный король подписывает этот документ, значение которого он вряд до конца осознавал. После заключения договора в Труа вплоть до 1801 г. короли Англии носили титул королей Франции.

В свою очередь народ Франции обвинил в предательстве жену Карла VI Изабеллу Баварскую, формальную главу бургундской партии, которая, будучи немкой, пошла на предательство Франции, чтобы заключить брак своей дочери и дочери короля Карла VI Екатерины Валуа с английским королем Генрихом V, с тем чтобы их общий сын Генрих VI стал королем обоих королевств — английского и французского. Таким образом, бургундская партия во главе с королевой Изабеллой Баварской захватила власть в стране и решила династическую проблему политического преемства безумного короля Карла VI путем национального предательства Франции, потери ее суверенитета и угрозы будущему существованию ее национальной идентичности.

После перехода бургундцев на сторону англичан в 1419 г. английский король Генрих V подчиняет себе примерно половину территории Франции. Но он неожиданно умирает в 1422 г., а вслед за ним в том же году умирает и безумный французский король Карл VI. Власть во Франции официально переходит к английскому королю-младенцу Генриху VI — сыну Генриха V и Екатерины Валуа. Партия арманьяков остается лояльной к дофину Карлу. Екатерина Валуа от имени своего малолетнего сына из Англии, а также бургундская партия во Франции совместно продолжают Столетнюю войну, в этот раз уже только против дофина и арманьяков.

Миссия Жанны д'Арк — национальные и религиозные аспекты

Казалось бы, всё — Франции больше нет. Трагические события Столетней

войны уничтожили это великое в прошлом королевство. Страна потеряла свой государственный суверенитет, под величайшей угрозой находилась также и ее национальная идентичность. Франция должна была стать страной под прямым управлением английского короля, чему препятствовало только сопротивление патриотов-арманьяков во главе с дофином Карлом, находящимся даже не в Париже, а в Пуатье. Но дофин не был уверен в законности своего происхождения, ибо собственный безумный король-отец объявил его незаконнорожденным. В этих условиях его претензия на трон означала бы в глазах народа узурпацию власти. Де-юре положение дофина и арманьяков, а следовательно, и всех патриотов Франции было безнадежным. Оно стало таковым также и де-факто, когда в 1428 г. английские войска осадили Орлеан. Стратегически взятие Орлеана означало бы капитуляцию арманьяков.

В это время на исторической арене Франции появляется новая личность, сразу же в корне, изменившая всю катастрофическую политическую ситуацию страны со знака минус на знак плюс. Это молодая девушка, которая называла себя Жанной Девственницей и утверждала, что она избрана Богом, чтобы спасти Францию и обеспечить дофину коронацию в Реймсе, поскольку только акт миропомазания делал монарха в глазах народа законным государем.

Уникальность миссии Жанны д'Арк состоит не только в ее религиозном характере, но прежде всего относится к значению ее роли в становлении французской национальной идентичности. Она стала символом французского народа, а также иконой французского национализма. В этом отношении историческое значение ее миссии трудно переоценить.

Жанна родилась в 1412 г. на восточной границе французского королевства, в деревне Домреми, на границе Шампани и Лотарингии, в регионе,

который всегда отличался своей особой верностью королевскому престолу. Это был чуть ли не единственный в стране регион, где, как указано выше, вследствие численного преобладания франков над галло-римским населением большинство франков вошло в состав крестьянства, а не стало поголовно дворянством, как в других регионах страны. Поэтому можно предположить, что предки Жанны скорее всего были франкского происхождения. Родители Жанны одними хронистами описываются как очень бедные, а другими — наоборот, как очень богатые крестьяне. Истина, как это часто бывает, лежит где-то посередине. Точно установлено, что ее отец, Жак д'Арк, был сельским старостой, а ее дворянски звучащая фамилия с частицей «де» не означает принадлежности ее семьи к дворянству. Во времена Столетней войны у дворян не было приставок «де» к фамилии, они появились только два века спустя, а приставка «де» в то время лишь указывала на место, откуда человек родом. Все источники подчеркивают ее глубокую религиозность в детстве, что также было характерно для всей ее семьи.

Среда, в которой выросла Жанна, была настроена очень враждебно к англичанам и бургундцам. В тринадцатилетнем возрасте Жанна пережила нападение англо-бургундской банды на ее родную деревню, которая отобрала у жителей весь их скот. Детские переживания, очевидно, очень сильно повлияли на впечатлительную девочку и во многом определили ее дальнейшую судьбу.

Тем не менее феномен слышания голосов, который Жанна также впервые испытала в тринадцатилетнем возрасте, не может быть редуцирован к ее детскому религиозному опыту или тем более детским переживаниям и психическим травмам, что само собой разумеется в современном материалистическом направлении психиатрии или фрейдизме. Людям, которым не

дано верить в чудеса, неизменно будут утверждать всегда одно и то же: Жанна имела галлюцинации, означающие психическую патологию.

Религиозные люди способны поверить в то, во что верила сама Жанна, — что эти голоса и видения, которые она переживала в личном мистическом опыте, действительно происходили от Бога и святых.

Именно голоса святых архангела Михаила, Екатерины Александрийской и Маргариты Антиохийской сообщили ей задачи ее будущей политической миссии спасения страны от национальной катастрофы: снятие осады с Орлеана и осуществление коронации дофина в Реймсе, для чего Жанна должна была передать дофину, что он является законным сыном безумного короля Карла VI и, следовательно, единственным законным претендентом на французский трон.

Интересно, что Жанна была не единственной во Франции, кто утверждал в то время, что «они посланы небом для спасения Франции», и даже находились такие авантюрные личности, которые являлись с такого рода воззваниями ко двору дофина. Поскольку народ обвинял в национальной катастрофе распутную королеву Изабеллу Баварскую, то в стране в то время распространялось пророчество: «Женщина погубила Францию, дева ее спасет».

Но ясно, что все остальные экзальтированные девушки только воображали себя девами, избранными Богом, не имея реального мистического опыта. Сама личность Жанны свидетельствует о том, что она никогда не вообразила бы себя Орлеанской девой, если бы ее в этом не убедили «голоса».

Не имеет смысла пересказывать здесь ее дальнейшую историю: прибытие Жанны в замок Шинон к дофину, проверка будущим королем Карлом VII подлинности ее миссии, убеждение Жанны дофина в его законном королевском происхождении, чудесное снятие осады Орлеана,

блестящая победа французов под руководством Жанны в битве при Пате (1429), ставшая полной противоположностью катастрофы при Азенкуре, коронация дофина Карла в Реймсе, взятие Жанны в плен бургундцами, выдача ее англичанам, позорное инквизиционное судилище и казнь. Обо всем этом существует огромное количество литературы, и разброс мнений о миссии Жанны просто впечатляет.

Ясно только одно: в личности Жанны, в признании в ней именно той Девы, которая была призвана Богом спасти Францию, народ Франции впервые обрел свою подлинную национальную идентичность, ценность которой не была отменена даже радикально секулярной так называемой Великой французской революцией, окончательно завершившей процесс генезиса национальной идентичности французов. Поэтому на вопрос, что есть идея французского народа, ответ напрашивается сам собой: *это Жанна д'Арк и Великая французская революция.*

Для Католической Церкви история Жанны послужила очень хорошим уроком. С одной стороны, уроком понимания, что национализм и патриотизм, оказываются, могут быть не только греховными и еретическими, но и нести в себе подлинную святость. С другой стороны, трагическим уроком того, что легкий путь политического решения проблемы неуютной для некоторых официальных «князей» Церкви святости может затем закончиться катастрофой для неразумных церковных функционеров, не имеющих духовного зрения, чтобы узреть святость в другом человеке.

Именно такая катастрофа постигла «судью» и палача Жанны, коллаборациониста и глобалиста, французского католического епископа Кошона, лично понимавшего политический, а не религиозный характер ее преследования, но в силу своего конформизма и карьеризма сфальсифицировавшего по заказу своих английских хозяев от

начала до конца лживое обвинение и с помощью обмана и подлых уловок добившегося казни абсолютно невиновной праведницы. Приговор Церкви, интересам которой должен был служить епископ Кошон, оказался для него суровым: он был отлучен от Католической Церкви вскоре после своей смерти именно за его роль в инквизиционном процессе Жанны.

В то же время жертва коллаборациониста Кошона — националистка Жанна д'Арк оказалась причислена Католической Церковью к лику святых. Католическая Церковь в полной мере признала подлинность ее мистического опыта, а следовательно, и святость ее политической миссии для спасения народа и обретения им своей национальной идентичности. Миссия Жанны оказалась блестяще выполненной как в духовном, так и в земном измерении.

Почему Жанна д'Арк — националистка?

Святость Жанны была в конце концов официально провозглашена Католической Церковью, пусть сделано это было и достаточно поздно, почти через пять веков после ее трагической кончины. Главное для католиков — что она все-таки была канонизирована. Следовательно, сомневаться в ее святости для верующих католиков, причем не только французских, является делом заведомо безнадежным. Настоящие чада Католической Церкви должны безоговорочно доверять официальным решениям Святого престола. В противном случае они становятся церковными маргиналами.

Гораздо более сложен, с формальной точки зрения, вопрос о «доказательствах» принадлежности Орлеанской девы к идеологии и политическому направлению национализма. Национализм в отличие от католицизма не знает процедуры канонизации. Является ли тот факт, что Жанна стала символом и святой покровительницей

Национального фронта Франции под руководством Марин Ле Пен, достаточным аргументом ее принадлежности к национализму? Проблема здесь в первую очередь состоит в том, что даже идеология современного национализма не есть некий простой и однородный феномен, но содержит в себе очень широкий спектр многообразных течений, порой даже противоречащих друг другу. Хотя их общей интенцией и является тезис о первичной ценности нации для социального единства и политического процесса государства, но смысл и содержание этого принципа истолковывается по-разному. К тому же современное понятие «нации» появилось только в конце XVIII в., в период Великой французской революции. Что же, до этого события национализма вообще не существовало? Конечно же, это не так.

Национально-ориентированным в современном понимании этого слова был в прошлые исторические эпохи приблизительно тот же процент населения, что и в современном мире. Эти люди, разумеется, не назывались тогда националистами, поскольку отсутствовало понятие «нации», но именовались патриотами, народными героями и т.п. Поэтому необходимо учитывать, что термины, которые в настоящее время отличаются от понятия «националист» и друг от друга по своему идеологическому, политическому или социальному значению, как «патриот», «монархист», «религиозный реформатор» и т.д., в Средние века и Новое время в Европе были совершенными тождественными и означали в современном смысле национально-ориентированных людей.

Поэтому, если мы исходим из подлинного научного анализа эпохи Жанны д'Арк, то мы должны признать, что для того времени и для той ситуации Франции периода Столетней войны понятия «народ», «Франция» и «король» были абсолютно тождественными. Это означает, что неправдой будет

сказать, что Жанна была просто убежденной роялисткой или на худой конец патриоткой-государственницей, но не националисткой в современном понимании этого слова. Дело в том, что, согласно современной медиевистике, именно в результате Столетней войны впервые возникло национальное самосознание европейцев, и в первую очередь, разумеется, французов и англичан. Причем очевидно, что французское национальное самосознание напрямую связано с миссией Жанны д'Арк и чудом победы Франции.

Жанна стала олицетворением национального самосознания французов. Народ Франции — это те, кто поддерживает миссию Жанны, а не предатели-бургундцы или французские коллаборационисты, как палач Жанны епископ Кошон или ученые Парижского университета, служащие интересам врагов-англичан. Здесь любопытно отметить также своеобразный средневековый глобализм профессоров теологии и права Парижского университета, ставших врагами Жанны не только по причине коллаборационизма, но и в силу своей преданности Святому престолу, и убежденности в политическом приоритете папства над национальными интересами собственного народа. Для Католической Церкви времени Жанны рождение национального самосознания европейских народов скорее представляло угрозу ее собственной власти над ними, поэтому Римская Церковь в лице епископа Кошона и ученых знаменитого Парижского университета безоговорочно стала на сторону оккупантов Франции. В то же время патриотическое самопожертвование Жанны ради освобождения страны и народа от власти чуждого агрессора стало краеугольным камнем рождения французского национального самосознания.

Соответственно, в конце Столетней войны возникает также и национальное самосознание англичан в результате горечи поражения стра-

ны и эмоционального отвержения победителей-французов во главе с их национальной героиней Жанной д'Арк (характерно резко негативное изображение Орлеанской девы в «Генрихе VI» Шекспира, известного своими националистическими мотивами).

В глазах многих поколений французских патриотов Жанна стала символом сопротивления народа гнету иностранных оккупантов, своеобразным национальным мифом, объединившим в своем лице весь спектр политических сил страны. Таким образом, Жанна д'Арк сплотила два враждебных политических лагеря периода Великой французской революции и последовавшего за ней времени реставрации французской монархии: антиклерикальных либералов-республиканцев и католических монархистов. Хотя их политические цели и идеологические ценности были совершенно противоположны, тем не менее и те и другие считали себя не только французами, но и патриотами Франции, и символом обоих являлся национальный миф об Орлеанской деве.

На основе этого мифа во французской республиканской культуре после Великой Французской революции возник национальный культ Жанны д'Арк, который почти на 150 лет предшествовал ее религиозному католическому культу. То есть первично культ Жанны не являлся религиозным, а был наследием национально-ориентированной республиканской антиклерикальной мысли.

Со времен Великой французской революции Франция считается страной, породившей понятие гражданского, а не этнического национализма, хотя внутри французского национализма существовали такие влиятельные течения, как Action Francaise, исходившие из приоритетной ценности этнического национализма над гражданским. Но образ Жанны столь же применим к традиционному гражданскому, как и к этническому национализму фран-

цузов. Роль этой личности настолько велика для рождения национального самосознания и формирования национальной идентичности французов, что ее невозможно подвести под какую-то одну понятийную категорию.

Жанна д'Арк и политическая культура Франции

Уже через четыре года после казни Жанны в 1435 г. на театральные подмостки Франции выходит пьеса народного театра «Мистерия об осаде Орлеана», в которой насчитывается более двадцати тысяч стихов. После шумевшего реабилитационного процесса Жанны 1456 г. документы судебного процесса многократно переписываются и насчитывают к концу XV в. более тридцати экземпляров, что свидетельствует о большом значении данного события для современников.

Уже в XVI в. Жанна становится объектом исторических трактатов, например, Жирара дю Айана «О состоянии дел Франции» (1570) или трудов Франсуа де Бельфоре, написанных в период религиозных войн во Франции, где образ Орлеанской девы впервые приобретает идейное содержание — покровительницы католиков в войне против протестантов. В этот же период Жанна становится также героиней французской литературы, например, в «Зерцале добродетельных женщин» (1546) Алена Бушара или в трактате «В поисках Франции» (1580) знаменитого юриста Этьена Паскье, где автор впервые представляет апологию личности Жанны и говорит о ней как о национальной героине Франции.

С начала XVII в. в среде французского дворянства начинается романтизация и мифологизация личности Жанны, появляются романтические версии ее благородного происхождения и «чудесного спасения», даже становится модным причислять себя к «потомкам» Девы. Например, Жан Ордадь и Шарль дю Лис составляют свою генеалогию, возводя ее к Жан-

не д'Арк. В это же время появляются первые солидные исторические труды о ней, например, Жана-Батиста Массона, Эдмона Рише и особенно фундаментальные работы Дени Гоффруа и Бодо де Жюлли. В этот период возникает и жанр исторической мифологии Шаплена, называемого Вергилием Ришелье, создавшего историю Жанны в форме мифологической эпопеи и заложившего основы национального мифа для последующих поколений французов.

Дружественность к личности Жанны французского общества XVII столетия неожиданно сменяется враждебностью к ней века Просвещения, достигшей апогея в сатирической пародийной поэме Вольтера «Орлеанская дева», официально изданной в 1762 г. в Женеве. Десятки лет этот литературный пасквиль будоражил лучшие умы Франции и выдержал впоследствии более шестидесяти переизданий. С чисто идеологических позиций Просвещения Вольтер совершенно субъективно облил грязью образ Жанны, представив ее как монархистку и религиозную фанатичку. Вольтер и его последователи — философы эпохи Просвещения — оказались совершенно неспособны постичь истинную натуру Жанны, они видели в ней лишь орудие политической игры ненавистной им Католической Церкви и французской монархии. Негативное отношение к Жанне философов эпохи Просвещения повлияло на отношение к ней идеологов французской революции 1789 г. Революционеры запретили праздники в ее честь и переплавили ее статуи. Но вскоре Наполеон Бонапарт реабилитировал Жанну д'Арк, назвав ее воплощением французского гения, который «может творить чудеса, когда независимость в опасности».

Французский национализм начала XIX в. впервые видит в Жанне символ национальной идентичности народа, на обладание которым отныне притязают все идеологические направления

и политические силы страны. Со времени Третьей республики складывается даже своеобразный союз между либеральным французским национализмом и католическим монархизмом вследствие поражения Франции в войне с Пруссией в 1870–1871 гг. и общим кризисом французской демократии. Для обоих политических лагерей Жанна становится знаменем французского национального сопротивления прусской интервенции, а для французских католиков вдобавок еще и символом католического сопротивления протестантам-пруссакам. Ранее французские католики отказывались использовать термин «нация», поскольку он ассоциировался у них с революцией. Культ нации и родины был характерен для их политических антагонистов — антиклерикальных либеральных республиканцев. В период поражения Франции в Прусской войне слово «нация» начинает также входить в обиход французских католиков, но означает оно все же не весь народ Франции, а только общество французских католиков. И символом французской католической нации периода Третьей республики была, разумеется, Жанна д'Арк.

Мощное развитие французского национализма приводит к появлению во Франции в конце XIX в. большого количества памятников Жанне — каждый французский город хочет установить ей собственный монумент. Французская армия во время Первой мировой войны провозглашает Жанну своей покровительницей, хотя в это время она объявлена Католической Церковью пока еще только блаженной. С окончанием войны гордая победой Французская республика устанавли-

вает 8 мая ежегодный праздник Жанны д'Арк — праздник французского патриотизма. Беатификация Жанны папой Бенедиктом XV 16 мая 1920 г. в Риме происходит спустя 8 дней после национального праздника Жанны д'Арк в Орлеане 8 мая 1920 г., на котором лично присутствует национальный герой Франции в Первой мировой войне маршал Фош.

Во время Второй мировой войны Жанна становится как символом сопротивления немецким оккупантам «Свободной Франции» де Голля, являвшегося католическим патриотом и в целом противником французского политического национализма, так и радикальных французских националистов, поддержавших правительство Виши.

Сегодня Орлеанская дева — икона радикальных французских правых из Национального фронта, которые установили для нее собственный день памяти — 1 мая. В широких слоях французского населения личность Жанны д'Арк до сих пор пользуется большой популярностью, хотя значение ее образа как политического мифа для создания национальной идеи французского народа в современной Франции, представляющей также на политическом уровне интернациональный проект ЕС, несколько ослабело.

Жанна д'Арк стала для французского народа и Франции абсолютно уникальной личностью, подобной которой не было больше ни у одного другого народа. Но ее образ принадлежит не только Франции, но и христианской Церкви и в целом европейской цивилизации. Жанна — очень удачный символ взаимоотношения религии и национализма.

Андржей Вержбицки

КАТОЛИЦИЗМ И ПОЛЬСКОЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

«Католицизм — это не прибавка к польскости, её окраска в какой-то мере, но он таится в ней, в большой степени составляет её суть. Попытка разделить католицизм и польскость, отделить народ от религии и церкви — это уничтожение сущности народа»¹.

Эти слова известного польского политика, представляющего национальное движение, подчёркивают связь между католицизмом и польским народом, которая определяла всю его историю. Повторил их папа Римский Иоанн Павел II во время богослужения в Варшаве в 1979 г.: «Невозможно понять историю польского народа — этой великой, тысячелетней общности, которая так глубоко таится во мне, в каждом из нас — без Христа. Если бы мы отбросили этот ключ для понимания нашего народа, мы подверглись бы основному недоразумению. Мы бы не поняли самих себя»².

О консолидационной роли римско-католической церкви в истории польского народа и государства писал также историк Хенрык Пашкевич: «По моему мнению, Церковь была решающим фактором, который сформировал, распространял и укрепил имя Польши в общенациональном смысле. Католическое духовенство <...> осознанно устраняло старые политические и государствен-

ные традиции, в религиозном смысле — языческие, для того чтобы, укрепляя имя Польши, создать новый период истории и подчеркнуть роль племени, являющегося главным центром новой веры»³.

Католицизм и католическая церковь стали основами польскости, традиции и исторической памяти — «Бог, честь, Родина» («Bóg, honor, Ojczyzna»). Во время разделов Польши появился даже стереотип «поляк-католик» для отождествления этнической принадлежности с римско-католическим вероисповеданием, особенно на культурном пограничье. Несмотря на причины и контекст этой связи, их характер в разное время, а также на нынешнее влияние глобализации и распространение религиозного индифферентизма, она остается прочной, исторически обоснованной основой формирования польского народа, а потом польской нации.

Нациестроительство и религия

Формирование нации — это длинный, практически не заканчивающийся процесс, который имеет разные масштабы интенсивности. Изначально его динамика имеет ограниченный характер — как качественный так и количественный. Первые предвестники нациестроительства с европоцентристской точки зрения появляются ещё в домодернизационный период, охватывая только узкую группу общества, которая в качестве правящего слоя иден-

¹ R. Dmowski. *Kościół, Naród i Państwo*. Wrocław, 1993. С. 20–21.

² Homilia Jana Pawła II wygłoszona podczas Mszy Św. na Placu Zwycięstwa. Jan Paweł II. Pielgrzymka do Ojczyzny 1979 // <http://ekai.pl> (04.12.2013).

³ H. Paszkiewicz. *Powstanie narodu ruskiego*. Kraków, 1998. С. 364.

тифицирует себя с политической нацией. Сегодня нации остаются высшей формой исторически сформированных культурных общностей. Даже нации, признанные полностью сформированными, подвергаются переменам и преобразованиям, вызванным переживаниями и опытом каждой эпохи. Определение нации является самым главным этапом нациестроительства, но оно не заканчивает его формирования.

Однозначного ответа на вопрос: когда данная группа является *ещё* этнической общностью или *уже* нацией, мы не знаем. Определение момента, когда большинство группы усваивает себе национальную идентичность, невозможно. Мы можем только понять, что это происходит тогда, когда появляется социальная солидарность, ощущение коллективной интеграции членов потенциальной нации, их самоопределение. Нация является консолидированной и интегрированной тогда, когда появляются вертикальные и горизонтальные связи и зависимости социального характера. Вертикальная (классово-слоевая) структура появляется, когда члены коллектива, принадлежащие высшим и низшим общественным слоям, имеют ощущение принадлежности к совместной национальной общности и ответственности за её судьбу. Горизонтальная структура относится к представителям разных этнических, религиозных, общественных, профессиональных и территориальных групп, составляющих нацию. Нация создается в силу собственных деклараций, актов воли, действий, мобилизующих группу к реализации собственных целей и задач. Нациестроительство происходит при помощи нациеобразующих факторов — объективных и субъективных. К первой группе факторов принадлежит религия.

Религиозная принадлежность — это один из основных критериев классификации населения мира. Считается одним из естественных, «данных», первичных признаков народа, которые, как писал польский учёный Станислав Ос-

совски, наследуются в качестве «веры предков»⁴. С одной стороны, последователями большинства религии являются представители многих народов. Нет этнических групп, не исповедующих никакую религию. С другой стороны, многорелигиозность индивидуума не входит в расчёт, но однорелигиозность этнических групп — это явление более частое, чем группы этнически однородные и дифференцированные в религиозном смысле⁵.

Ведущей силой нациестроительства, основанной как на объективных, так и субъективных факторах, является национализм, который отрицает универсализм, типичный для большинства религий, с исключением т.н. партикуляристских религий, связанных с одним народом. Предпочитает интересы относительно узкой этнической группы (по сравнению с религиозной общностью) интересам других народов. Религиозная принадлежность — это дело индивида, и нет этнических (национальных) барьеров для исповедования другой веры. Одной из религий, которые отрицают национализм, является христианство⁶.

Религия — существенный компонент национальной культуры и традиции, но с перспективы нациестроительства не играет решающей и доминирующей

⁴ S. Ossowski. *Więź społeczna i dziedzictwo krwi*. Warszawa, 1966. С. 120.

⁵ G. Babiński. *Etniczność i religia — formy, płaszczyzny i poziomy powiązań // Etniczność a religia* / Ред. А. Posern-Zieliński. Poznań, 2003. С. 10.

⁶ «Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех призывающих Его» (Рим. 10, 12). «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3, 28). Хотя есть, конечно, ответвления христианства, отождествляемые с определённой страной и народом, такие как англиканская церковь в Англии или Армянская Апостольская Церковь.

роли. Однако на определённом этапе истории — угрозы для существования нации в контексте влияния другой, более сильной с демографической и политической точки зрения группы — исполняет консолидирующую роль, которая может привести к отождествлению национальной и религиозной принадлежности.

Швейцарский историк Урс Альтермат обратил внимание на то, что религия имеет большое влияние на национализм. Во-первых, когда религиозные ценности являются составной частью национальной культуры. Во-вторых, религия способствует возникновению этнонационального движения, когда меньшинство стремится отличаться от доминирующей государственной культуры при помощи религии. Выводы У. Альтермата хорошо подходят к изучению польской национальной идеи в XIX и XX в.⁷ Тем не менее в таком случае связь религии и национализма имеет очень сильный, эмоциональный характер, отождествляющий этническую принадлежность с принадлежностью к религиозной общности и способствующий *этнизации религии*.

Под этнизацией религии можем подразумевать узурпирование одной этнической группой (народом) исключительного права культа святых, религиозных центров или определённых элементов религиозной доктрины. Отождествление религии и национальности может стать одним из факторов защиты перед ассимиляцией со стороны этнического большинства или властей. Когда другие черты этничности недостаточны для выделения определённых народов, религия может решать этнонациональную принадлежность как этническая религия. Во время разделов Польши подчеркивание роли религии в качестве хранителя национальной памяти способствовало возникновению стереотипа «поляк-католик», идентифи-

цирующего польское этническое происхождение с римско-католическим вероисповеданием, противопоставляемого стереотипам «немец-евангелик» или «русский-православный».

Орудием нациеобразующей роли религии и католической церкви было духовенство. Его значение для национальной интеграции, культивирования польских традиций и обычаев возрастало на пограничье. На восточных землях бывшей Речи Посполитой католицизм поддерживал польский язык и польскую культуру для сопротивления православию и русификации. В основном опорой католицизма была шляхта, но также крестьянское и городское население. На западном пограничье (Силезия, Поморье), где польское население боролось с германизацией, опорой католицизма было польское деревенское население. Связь польской этнической идентификации и католицизма имела много измерений. Католицизм способствовал консолидации польского народа и укреплению его этнонациональной идентичности. Национальные традиции очень часто тесно связаны с религиозными ценностями.

Сословная нация, начало польского нацистроительства и культ святых покровителей

До эпохи Средневековья Польша была практически моноэтнической страной в современном смысле. Тогдашние правители как наследники дохристианских племенных вождей стремились объединить родственные племена в одном государстве. Можно считать, что это было началом последующего нацистроительства. Под влиянием притока в Польшу немецких поселенцев формировалась этническая идентичность поляков⁸. В это время появилась институциональная связь тогда ещё этничности (народа) и религии. Принятие христианства (католицизм

⁷ U. Altermatt. Sarajewo przestrzega. Etnonacjonalizm w Europie. Kraków, 1998. С. 147.

⁸ A. Walicki. Naród. Nacjonalizm. Patriotyzm. Prace wybrane I. Kraków, 2009. С. 427–430.

ма) произошло в результате крещения правителя (Мешко I), а потом начинался процесс установления территориальных структур Церкви, которые часто оказывались сильнее политических структур и институтов, а также способствовали территориальной и этнополитической консолидации.

Для начала будущего нацистроительства неопределимое значение имел культ святых покровителей народа или земли. Важную роль в его распространении играло и играет духовенство. Польский историк Бенедикт Зентара доказывал, что «в Средневековье он был даже важнее чем историческая традиция. А там, где его не было, процесс нацистроительства происходил с опозданием»⁹. Святыми покровителями польского народа исторически являются св. Войцех и св. Станислав. В нынешнее время к святым покровителям польской нации принадлежит также папа Римский Иоанн Павел II, канонизация которого состоится в 2014 г.

В Речи Посполитой сформировалась сословная политическая нация на основании полиэтнической шляхты (дворянства)¹⁰. Только представители сословной нации имели гражданские, политические и экономические права¹¹.

⁹ B. Zientara. Świt narodów europejskich. Powstawanie świadomości narodowej na obszarze Europy pokarolińskiej. Warszawa, 1985. С. 349–350.

¹⁰ Политическая нация шляхты составляла 10% населения Польши, но это было значительно больше, чем во Франции, где соответствующее сословие с его правами и привилегиями составляло 1,5% населения страны.

¹¹ Принадлежность к шляхетскому сословию давала, между прочим, возможность владеть землей в неограниченных количествах на правах собственности, отвечать за содеянное только по суду, занимать должности в государственном аппарате, участвовать в формировании судебных и государственных органов, право личной неприкосновенности и неприкосновенности имущества, освобождение от выплаты податей и повинностей, кроме военных выплат и участия в шляхетском

Шляхетская нация была началом последующего нацистроительства. Этнический и религиозный состав сословной нации был разнообразным. Быть поляком имело политический, а не этнический смысл, т.е. обозначало защищать свободы шляхты¹². Значительную часть шляхты составляли православные в восточной части государства — Великом Княжестве Литовском. Хотя шляхетские привилегии были распространены также на непольскую часть сословия, до 30-х годов XV в., т.е. до издания соответствующих привилегий, не католическая шляхта не имела полных прав. На основании привилегия 1434 г. экономические права католической и православной знати были уравнены, но католики сохранили привилегированное политическое положение, поскольку православная шляхта (бояре) не имели доступа к государственным должностям¹³. Православная шляхта требовала уравнивания прав с польской частью польско-литовского государства. Окончательно в 1563 г., накануне Люблинской унии, православные получили полный доступ к политическим должностям.

Ситуация изменилась в связи с Контрреформацией и стремлением к католицизации и полонизации могучего государства. После Брестской унии (1596) положение православного населения вновь изменилось в худшую сторону. Православные, не принявшие унию (дызуниаты), считались «худшими». Те из знати или шляхты, кто хотел сохранить прежние права и привилегии, должны были обратиться в католическое вероисповедание. В это время

ополчении. См.: Малиновский В. История белорусской государственности. Минск, 2003. С. 77.

¹² Хорошо отражает этот принцип определение *gente Ruthenus, natione Polonus* (рода русского, народа польского) в отношении русинской (белорусской и украинской) шляхты.

¹³ M. Kosman. Historia Białorusi. Wrocław, 1979. С. 78.

в результате воздействия Контрреформации и конфликтов Польши с восточными соседями был сформирован миф Польши как *antemurale christianitatis* («защитной крепости христианства»), где католицизм отождествлялся с «истинным» христианством в конфронтации не только с турецко-татарским исламом, но и православием — внутренним (белорусско-украинским) и внешним (московским)¹⁴. Программа государственной интеграции на основании одного вероисповедания (католицизма) привела к противоположным, чем ожидалось, результатам. Вместо усиления единства она углубила раскол в обществе и была обстоятельством, способствовавшим последующим разделам Польши¹⁵.

Время разделов. Миссионизм и мессианиззм

В результате разделов, совершенных Пруссией, Россией и Австрией в конце XVIII в., Польша временно потеряла независимость, приобретённую вновь только в 1918 г. Весь этот период поляки пытались воссоздать утраченное государство и одновременно рассуждали над причинами поражения, а также кто и какие территории должны объединиться в новом государстве. Для польского народа, лишённого собственного государства, католицизм и римско-католическая церковь стали фундаментами польскости, традиции и исторической памяти. Связь польскости с католическим вероисповеданием, к которому принадлежало большинство национально осознанных поляков, интегрировала польское общество, отодвигая на дальний план социальные и политические антагонизмы. *Католическая церковь стала субститутотом несуществующего государства.*

¹⁴ Концепция *antemurale christianitatis* определяла место Речи Посполитой в Европе в качестве её защитной крепости. См.: *J. Tazbir. W pogoni za Europą. Warszawa, 1998. С. 8.*

¹⁵ *Ibid.*

Укрепление связи между ощущением принадлежности к польскому народу и католицизму произошло после Январского восстания 1863 г., когда польскость стала ещё более католической, а Церковь стала исполнять роль её хранителя: «Мы даже не представляем себе, что реальная симбиотическая связь польскости с католицизмом началась только после поражения Январского восстания. До сих пор такой симбиоз был вообще невозможен, поскольку идентификация поляка с римским католиком и латинской цивилизацией обозначала бы, что Польша заканчивается в Седельцах, где начинался восточный ритуал. Если бы Польша должна была быть римско-католической, она ограничила бы свое пространство одной четвертой того, что тогда считалось Польшей. Лишь только в результате русификации после Январского восстания и бисмарковской германизации, когда польскость стала ограничиваться защитой национальных основ, т.е. языка и этнической субстанции, начался абсолютный симбиоз с католицизмом, отождествляемым с главной опорой польскости»¹⁶.

Рост идентификации католицизма и принадлежности к польскому народу особенно сильно происходил на территориях, входивших в состав восточной части Речи Посполитой до её разделов, определяемой административно-территориальным делением Российской империи как Западный край. Тогда для многих интеллектуалов стало ясно, что гарантией бесконфликтного включения восточной территории Речи Посполитой в состав восстановленного государства является их католицизация.

После Январского восстания царские власти, озабоченные сохранением территориальной целостности страны, приступили к деполонизации и русификации Западного края, считая, что, не-

¹⁶ *Katolicyzm nie był jedyną polską tradycją. Rozmowa z A. Walickim // «Dziennik», dodatek «Europa». 25.11. 2006.*

смотря на российское политическое господство, там по-прежнему доминирует польская культура. Преобладающие численно польские помещики боролись с русскими помещиками, поддерживаемыми госаппаратом и православным духовенством, «за души» многомиллионного белорусского и украинского населения, которое, исходя из российской концепции общерусской нации, составляло неотъемлемую часть русского народа. Культуртрегерская роль поляков и русских осуществлялась в большой мере в сфере религии и церковной организации. Меньшая часть белорусов и украинцев принадлежала к римско-католическому или униатскому (греко-католическому) вероисповеданию, что российские власти воспринимали как воздействие польской культуры, а в более широком смысле — латинской цивилизации. Деполонизация Западного края должна была таким образом привести к его окончательной декатолицизации¹⁷. Поляком считался на этом пространстве католик и шляхтич или человек, принадлежавший к другому социальному сословию (не крестьянин), родившийся в западных губерниях империи или в Царстве Польском. Результатом такой политики царских властей было возникновение среди польских националистов стереотипа «поляк-католик».

Католицизм помогал сохранить шляхетскую национальную идентичность. Способствовали этому такие факторы, как идеи романтизма, литературно-философский мессианизм и атмосфера восстаний. Тогда возник тип наци-

онального героя, но сопутствующий ему культ вооружённой борьбы был распространён в основном среди средней и мелкой шляхты, в меньшей степени — среди знати. Среди простого народа этот культ практически не существовал, а если и проявлялся, был проявлением шляхетско-интеллигентского влияния. В это время связь польского народа с католицизмом ещё имела дуалистический характер. Для обладающей политическим сознанием шляхты и происходившей от неё рождающейся интеллигенции, а также мещанства, католицизм был основой противостояния захватчикам, но для крестьянского деполитизированного большинства католицизм был только элементом традиции и представления о мире. Приходской священник не столько был для него политическим активистом, сколько морально-социальным авторитетом.

Религия является источником мифов, воспоминаний и символов, вокруг которых можно конструировать образ народа. Иногда религия в совмещении с национализмом становилась основой миссионизма и мессианизма. Поражение в Ноябрьском восстании (1830–1831) было одновременно поражением политической концепции нации. Невозможно было заменить её этнокультурной концепцией нации, поскольку это обозначало бы необходимость сокращения национальной территории и уменьшения численности населения. Самым лучшим подходом оказалось определение нации на основе её миссии. Это позволило обосновать тезис о том, что польская нация является полноценным субъектом истории, который имеет право и обязанность существования¹⁸. Миссионизм — это реализация нацией определённой задачи (миссии) в общечеловеческом прогрессе¹⁹. Роман-

¹⁷ Могилевский губернатор Николай Клиngerберг предлагал инкультурацию белорусского населения в результате расширения организации православной церкви, увеличения тиража молитвенников и букварей на русском языке, а также основания читален и библиотек с русскоязычной прессой и литературой. См.: *L. Jaśkiewicz. Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku.* Pułtusk, 2001. С. 121 i 128–129.

¹⁸ *A. Walicki.* Указ. соч. С. 203–24.

¹⁹ В «Малом Манифесте», принятом в 1832 г. эмигрантской организацией «Польское демократическое общество», была определена миссия Польши, которая, судя

тическая концепция нации сочетала её миссию с неприкосновенностью исторического пространства Речи Посполитой. Речь шла о социальных преобразованиях вместе с сохранением идентичности народа, а также о непрерывности давней и будущей Польши («территориальная реставрация»).

С точки зрения нашей темы нам более интересен мессианизм, который обозначал, что данный народ («коллективный Мессия») «избран» божеством для реализации специальной задачи или цели (спасения). Польская концепция мессианизма имела более общерелигиозный, чем исключительно католический характер, но, поскольку её представители исповедовали католицизм, можно её отнести также к католическому влиянию на польское нацистроительство. Один из выдающихся представителей мессианизма и выдающихся польских поэтов того времени (эпохи романтизма) Зыгмунт Красиньски сравнивал Польшу с Христом, а страсти Господни — со страданиями Польши («Польша — Христос народов»). Христос был образцом воплощения идеи бессмертия личности. Польша — это образец бессмертия нации. После страстей Христос воскрес и взшел на Небо, открывая его для людских душ. Так и Польша воскреснет после политической смерти, что будет равнозначно общему спасению всех народов, т.е. Царствием Небесным на земле. Миссия Польши — ввести Царство Небесное в земную реальность²⁰. Надо

по её современной политике по отношению к восточным соседям, до сих пор остается актуальной: «Единственное призвание Польши, её единственное обязательство для человечества — это нести в глубину Востока настоящее просвещение и понимание прав человека. На этом основании существование Польши является нужным для человечества, счастья и мира в Европе» // *Towarzystwo Demokratyczne Polskie. Dokumenty i pisma*. Warszawa, 1954. С. 7.

²⁰ А. Walicki. Указ. соч. С. 252.

подчеркнуть, что часть католиков возражала против идеи «Польша — Христос народов», потому что она нарушала истину христоцентризма и Польша присваивала себе искупительную роль по образу Христа²¹.

После обретения Польшей независимости в межвоенный период католицизм играл важную роль в культурной консолидации польских территорий, освобожденных от захватчиков. Католические иерархи заботились о сохранении в обществе христианских принципов, которые смогут спасти народ «от варварства и гибели»²².

Возникший в прошлом столетии стереотип «поляк-католик» продолжал свое существование. Во второй половине 30-х годов при частичной поддержке католической церкви происходили попытки полонизации через окатоличивание полиэтнического населения, подозреваемого в недостаточной лояльности к польскому государству. С точки зрения нацистроительства, не католическое, особенно православное население рассматривалось как не соответ-

²¹ «В идее Христа народов замалчивается истина о божественности Самого Христа, искупительные последствия Его жертвы представлены в основном только в пределах мира сего. Иначе говоря, основа соотношения для идеи Христа народов — не настоящий Христос, а лишь какой-то Его эрзац» (О.Я. Салий. Дурные и хорошие стороны польского мессианства // Польская и русская душа от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына. Материалы к «каталогу» взаимных предубеждений между поляками и русскими / Редактор-составитель А. де Лазава. Варшава, 2003. С. 468–469.

²² «...судьба польской культуры и польской миссии в мире будет решаться в сфере религии, а на католическом фронте должно происходить единение сил, которые жаждут спасти народ от варварства и гибели» (О. А. Хлонд. Отрывки из речи, произнесенной в Познани в первый день Великого поста 1932 г. // Польская и русская душа... С. 348).

ствующее представлению о польской нации.

В каком-то смысле ситуация, в которой католическая церковь исполняла роль субститута «своего» государства, а католицизм являлся альтернативой господствующей идеологии, повторилась после Второй мировой войны. Как пишет один из исследователей: «Конфронтация с новой властью, враждебной церкви и религии, не была ничем новым, а наоборот, весь опыт времени разделов мог быть и был использован как церковью, так и обществом»²³.

Борьба за «души»

После Второй мировой войны появилась в Польше новая и необыкновенная ситуация. В силу военных и политических обстоятельств к власти пришли польские представители «рабочего движения». Началось строительство новой политической и социально-экономической системы. Новая власть, зная силу связи католицизма и польского народа, не могла позволить себе бороться с религией так решительно, как советская власть в СССР. Легитимизация новой власти требовала особенного отношения к религии, т.е. подтверждения, что она представляет и уважает интересы польского народа. Поэтому польские коммунисты решили оставить религиозные праздники и признать их государственными и выходными днями.

Со временем репрессии новой власти коснулись также и католической церкви. Парадоксально, но в социалистической Польше была реализована концепция нации, выдвинутая некогда правой националистической Национально-демократической партией, в соответствии с которой границы польского государства должны совпадать с этническими границами²⁴. Коммунистическая

власть начала строить моноэтническую нацию, изначально не признавая существования национальных и этнических меньшинств, чему способствовали изменения границ.

Сразу после создания социалистического государства началось постоянное соперничество между новой властью и католической церковью: кого народ будет признавать блюстителем и защитником национальных и патриотических ценностей. В 50-х годах власть неудачно пыталась «национализировать» религию. Коммунистические лидеры знали, что достичь поддержки со стороны народа очень сложно, а одними из главных условий являются: во-первых, ограничение влияния оппозиции, в т.ч. католической церкви и ее иерархии; во-вторых, создание ощущения борьбы не с самой церковью, но с антинациональными и антигосударственными силами, в т.ч. и в католической церкви.

Характерным для истории Польши после Второй мировой войны была конфронтация церковно-религиозной и партийно-государственной концепций национальной истории в 1966 г., во время празднования 1000-летия крещения Польши и возникновения польской государственности²⁵. В документе, который подытоживал торжества тысячелетия крещения Польши, написано: «Польское *Te Deum*²⁶ ещё раз показало неразрывную связь католицизма и польскости, Церкви с Народом. Это

территории, соответствующей границам польского государства в эпоху династии Пястов, т.е. в X–XI вв.

²⁵ По церковной версии, польская государственность строилась на основании принадлежности к христианской семье народов. Государственная версия создавала образ «тысячелетия польского государства», в котором роль Церкви была реакционной и иногда вражеской (*R. Zenderowski. Religia a tożsamość narodowa i nacjonalizm w Europie Środkowo-Wschodniej. Między etnicyzacją religii a sakralizacją etnosu (narodu). Wrocław, 2011. С. 81*).

²⁶ Католическое песнопение.

²³ *I. Borowik. Odbudowywanie pamięci. Przemiany religijne w Środkowo-Wschodniej Europie po upadku komunizmu. Kraków, 2009. С. 59.*

²⁴ Называемая пястовской, из-за

связь тысячелетняя, непобедимая»²⁷. Практически все религиозные торжества в Польше после Второй мировой войны превращались также и в торжества национальные, во время которых подчеркивалась национальная гордость и стремление к государственному суверенитету²⁸.

Католической церкви удалось объединить всех поляков, которые не поддерживали коммунистическую власть, и стать реальной оппозиционной силой²⁹. Среди сторонников Церкви были также неверующие или т.н. не практикующие католики (не участвующие регулярно в богослужениях). Сторонников католической церкви было больше, чем сторонников власти. Они создавали категорию «мы». Сторонники власти принадлежали категории «они». Польская социолог Ева Новицка выдвинула интересный тезис о том, что во время коммунизма католические храмы в Польше были местом не столько религиозной рефлексии, сколько национальной, оппозиционной манифестации³⁰.

В «борьбе за души» окончательно победила католическая церковь, а ее позиция значительно укрепилась после избрания Кароля Войтылы папой Римским Иоанном Павлом II. Когда Ио-

анн Павел II посещал Польшу, его принимали даже польские коммунистические власти, но реально он поддерживал антикоммунистическое подпольное движение, объединённое в 1980 г. в профсоюз «Солидарность»³¹, став символом борьбы и победы над коммунизмом. В представлении польской нации и её элит особенное значение для новейшей истории страны имели слова, произнесенные Иоанном Павлом II во время первого визита на родину в качестве папы Римского в Варшаве в 1979 г.: «Пусть сойдет Твой Дух! Пусть сойдет Твой Дух! И обновит облик Земли!.. Этой Земли!»³². Слова папы Римского обращают наше внимание на связь каждого народа, каждой нации с исторической территорией, заселенным пространством.

Национальные и религиозные символы

Каждая национальная общность, в т.ч. и поляки, идентифицируется со своей территорией, на которой находятся свои «святыи» места в этнорелигиозном смысле. Они символизируют почитание святого (божества) определённым народом, привлекают паломников со всей страны и соотечественников из-за границы. Как пишет Энтони Смит, «их символические и эмоциональные черты “излучают” наружу и привязывают к группе людей, находящихся далеко, даже если это происходит только благодаря памяти и молитве. Религиозное спасение связывается тогда со святой территорией и её центром и со всей общностью»³³. Связи народа с территорией придает божествен-

²⁷ Цит. по: *J. Tazbir. Polska przedmurzem Europy. Warszawa, 2004. С. 192.*

²⁸ В костёлах появилась практика национально-патриотических украшений имитации Гроба Господня на Пасху, символизирующих страдания и порабощение польского народа коммунистической диктатурой.

²⁹ Представители римско-католической церкви участвовали в качестве наблюдателей в переговорах «Круглого стола» в 1989 г., в результате которых был определен мирный переход от тоталитарной политической системы к демократии и от плановой к рыночной экономике.

³⁰ *E. Nowicka. Roman Catholicism and the Contents of «Polishness» // New Religious Phenomena in Central and Eastern Europe / Red. I. Borowik, G. Babiński. Kraków, 1997. С. 91.*

³¹ Полное название — NSZZ «Solidarność» (Независимый Самоуправляемый Профессиональный союз «Солидарность»).

³² «Niech zstąpi Duch Twój i odnowi oblicze Ziemi, tej Ziemi!». 34 lata temu Jan Paweł II przybył po raz pierwszy do Ojczyzny // www.wpolityce.pl (02.06.2013).

³³ *A. Smith. Etniczne źródła narodów. Kraków, 2009. С. 39.*

ное происхождение, она сравнивается с супружескими узами, подтверждением чего являются слова польского кардинала Стефана Вышинского: «От Господа это произошло! По воли Божьей плывёт любовь, связывающая душу человека с нашей землей. Именно в этой любви к земле таится воля Божья <...>. Следуя Божьей воли, появляется право к собственной земле и родине. Это была Божья воля, чтобы мы стали отдельным народом. Не мы сами создали национальную жизнь, но Бог хотел видеть нас отдельным народом и привил нам волю и силу формирования нации»³⁴.

Для Польши и поляков святым местом несомненно является Ясна Гора (*Jasna Góra*) в Ченстохове³⁵. В 1717 г. на Ясной Горе был обновлен Обет Польского Народа, данный впервые в 1656 г. во Львове³⁶. Следующий раз Обет Народа был обновлен в 1956 г., объявленном также Годом Марии — Королевы Польши.

Религиозное и одновременно национальное измерение соединяют церковные праздники. Самые большие и самые почитаемые в Польше праздники — Рождество Христово и Пасха — имеют общехристианское значение. Для польского народа особое значение имеет 3 мая, когда совпадают два праздника — национальный (государственный) и церковный. В 1791 г. в этот день была провозглашена конституция, получившая название Конституция 3 Мая. С 1924 г. 3 мая — это также

церковный праздник Марии Девы, Королевы Польши, установленный папой Римским Пием XI. Ясна Гора стала местом центральных церковных торжеств 3 мая. Проповеди представителей руководства католической церкви, провозглашаемые в этот день, подчеркивают неразрывную и взаимодополняющую связь католицизма и польскости — религиозной и национальной идентичности, связывают идентичность индивида с идентичностью общности³⁷. Церковный праздник в отличие от национального (государственного) праздника Конституции 3 мая не был отменен коммунистическими властями, хотя его отмечае происходило с препятствиями. Однако это позволило сохранять также гражданский смысл праздника и создавать представление о национальной общности.

За несколько месяцев до избрания папой Римским кардинал Кароль Войтыла в проповеди 1978 г. сказал: «Мы живём всем наследием, которое зовут Родина, которое зовут народ. И живём как христиане этим нашим польским наследием, этим нашим тысячелетием, этим нашим польским христианством. Таков закон действительности». Кардинал Тарцизио Бертоне, государственный секретарь Ватикана в 2009 г., обращал внимание на то, что «праздник со своей богородичной духовностью представляет польскую национальную идентичность, сформированную религиозной культурой»³⁸. Точку над *i* в трактовке религиозно-национального дуализма праздника 3 мая поставил кардинал Юзеф Глемп: «3 мая в нашем календаре — это особый праздник. Насыщенный религиозными и национальными ценностями. Мы не сможем их правильно разграничить. С одной стороны, мы направляем наши чувства к

³⁴ S. *Wyszyński*. *Bóg a narody // Naród. Idee polski. Antologia / Pod redakcją Jacka Kłoczkowski-go. Kraków, 2011. С. 356–357.*

³⁵ Особенности характера имела успешная оборона Ченстоховы во время войны со Швецией в 1655 г.

³⁶ Молитва, в которой Матерь Божья провозглашается Королевой Польши, а народ обещает хранить веру и жить согласно христианской традиции и бороться с национальными пороками. Полный текст Обета Польского Народа с 1956 г. см.: *dziedzictwo.ekai.pl* (28.12.2013).

³⁷ E. *Halas*. *Symbolizm Święta 3 Maja i dyskursy tożsamościowe po upadku komunizmu w Polsce // Tożsamość, nowoczesność, stereotypy / Red. R. Dopierala, K. Kaźmierska. Kraków, 2012. С. 35.*

³⁸ *Ibid.*

Пресвятой Богородице, исповедуя веру и доверие в Её покров, а одновременно направляем взгляд на Белого Орла, видя в нём ценность нашей национальной экзистенции, нашей борьбы, страдании и победы. И эти ценности — религиозные и национальные, сверхъестественные и земные, не только присутствуют, но и объединяются в польской душе»³⁹.

Насколько реальным является объединение религиозной и национальной идентичности у современных поляков, показывают социологические исследования.

Католицизм и идентичность поляков

Религия остается важным компонентом национальной идентичности поляков, но по отношению к религии их можно разделить на две группы: поляков — граждан Польши и поляков за границей. В первой группе можно наблюдать характерное для многих европейских народов уменьшение значения религии в качестве компонента национальной идентичности. В соцопросах, проведенных в 1988 и 1998 гг., 45% опрошенных указывало католическое вероисповедание как один из самых важных критериев польскости⁴⁰. В опросе 2005 г. только 14% респондентов указало, что для того, чтобы признать кого-

то поляком, он должен быть католиком⁴¹. В 2010 г. 26% поляков гордилось верой и привязанностью к католической церкви⁴², зато 71% респондентов гордилось Иоанном Павлом II⁴³.

Эти данные показывают, что для современных поляков, проживающих в Польше, религия теряет свое значение как идентификационный фактор, а католическая церковь не обладает таким авторитетом, как ещё 25–30 лет тому. Исключением из этого является папа Римский Иоанн Павел II, но он в сознании поляков существует не столько в качестве религиозного деятеля, сколько вообще большого патриота своей страны, благодаря усилиям которого был возможен переход к демократии и рыночной экономике. Можно сделать вывод о том, что стереотип «поляк-католик» теряет свое значение для современных поляков, проживающих в своей родной стране.

Совсем другое значение сохраняет религия среди поляков, проживающих за границей Польши, которые по доступным оценочным данным составляют около 35%, 21 млн. польского народа⁴⁴. Для поляков за границей религия (католицизм) остается главным критерием принадлежности к польскому народу, даже важнее критерия лингвистического. Значение религии как критерия этнического определения растёт, когда данная группа проживает среди народов, исповедующих другую религию или вероисповедание. Поляки за восточной границей (Беларусь, Украина, Литва) идентифицируют свою польскость прежде всего на основании католицизма. По отношению к поля-

³⁹ J. Glemp. *Uczyń nas świątynią Jezusa, Bogurodzico! Z jasnogórskiego szczytu*. Częstochowa, 2004. С. 229.

⁴⁰ Большинство опрошенных как критерий польскости указывало субъективное ощущение (1988 и 1998 — 95%), владение польским языком (1988 — 91%, 1998 — 94%) и польское гражданство (1988 — 82%, 1998 — 84%). Больше голосов, чем католицизм, получили ещё такие черты как: по крайней мере один из родителей польской национальности; знание культуры и истории; соблюдение польских обычаев; постоянное проживание в Польше; рождение в Польше и особые заслуги для Польши (J. Bluszkowski. *Stereotypy a tożsamość narodowa*. Warszawa, 2005. С. 124–125).

⁴¹ *Tożsamość narodowa Polaków oraz postrzeganie mniejszości narodowych i etnicznych w Polsce*. Komunikat z badań. Warszawa, maj 2005. С. 3.

⁴² *Powody do dumy i wstydu dla Polaków*. Komunikat z badań. Centrum Badań Opinii Społecznej. Warszawa, marzec 2010. С. 8.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ *Polonia w liczbach* // www.wspolnota-polska.org.pl (30.12.2013).

кам за восточной границей определенное «поляк-католик» сохраняет свое историческое значение⁴⁵. Идентификация католицизма и польского этнического происхождения сохранила свое значение в течение времени⁴⁶. Ключевую роль в поддержании национального самоопределения поляков за восточной границей исполняет «этнический» приход. Прихожане ощущают свое совместное этническое происхождение, а приход обеспечивает также их нерелигиозные потребности. Приходы являются местом, в котором практикуются действия и инициативы, не только способствующие повышению религиозности прихожан, но и интегрирующие общность. Польский приход дает возможность говорить на родном языке, собирает людей на основании специфических обрядов и традиции, организует культурные мероприятия, а также досуг⁴⁷.

* * *

Согласно христианской вере, задачей костела является помощь человеку в спасении и достижении вечной жизни и Царствия Небесного. Но с другой стороны, церковь католическая также не

может не интересоваться и земной жизнью. Как писал представитель польского национализма Роман Дмовски, католический народ должен «заботиться о том, чтобы государственные законы и учреждения в стране, в которой проживает, соответствовали католическим принципам и чтобы в духе католицизма воспитывались новые поколения»⁴⁸. Конечно, такой подход в условиях разделения Церкви и государства, либерализации общества и освобождения от влияния Церкви, релятивизации ценностей полностью невозможен.

Католицизм традиционно консолидировал, сплачивал и способствовал сохранению польского народа во время разделов, а потом укреплению польской нации в независимом государстве. Его существенная роль в польском национальном строительстве не подлежит сомнению, и хотя в нынешнее время в силу указанных выше процессов отождествление «поляк-католик» не соответствует реальной идентичности поляков, христианство в римско-католическом варианте остается важным фактором польскости. Подтверждением этому может служить решение Апелляционного суда по поводу присутствия креста в парламенте⁴⁹: «Крест является религиозным символом, но нельзя не учитывать его значения как символа национальной культуры и идентичности»⁵⁰.

⁴⁵ Исследователи определяют их «костельными поляками» (*M. Glowacka-Grajper. Zbiorowości polskie w zachodnich republikach byłego ZSRR // Repatrianci i polityka repatriacyjna / Red. P. Hut, Ł. Żołądek. Studia BAS. 2013. № 2(34). С. 71–80.*

⁴⁶ «Чаще всего белорусы-католики считают себя сами и считаются поляками, но говорят — по-белорусски». См.: Из стенограммы заседания Оргбюро ЦК РКП(б) по вопросу о состоянии и работе КП(б)Белоруссии // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933. М., 2005. С. 335.

⁴⁷ *H. Rusek. Religia i polskość na Zaolziu. Kraków, 2002. С. 26.*

⁴⁸ *R. Dmowski. Указ. соч. С. 29.*

⁴⁹ Депутаты оппозиционной фракции «Ruch Palikota» («Движение Паликота»), ныне «Twój Ruch» («Твое движение») обратились в суд с предложением обоснования законности присутствия креста в зале пленарных заседаний нижней палаты парламента (Сейма).

⁵⁰ *Krzyż zostaje w sejmie. Jest wyrok sądu // http://wiadomości.wp.pl (09.12.2013).*

Сергей Сергеев

Владимир Соловьёв и Константин Леонтьев

ПРОТИВ НАЦИОНАЛИЗМА

Заметки ангажированного историка

*Светлой памяти Анатолия
Петровича Ланщикова*

В известной мне литературе, посвящённой русской общественной мысли конца XIX в., удивительным образом не зафиксирован совершенно очевидный, лежащий на поверхности и в то же время смотрящийся парадоксом факт. Два виднейших русских мыслителя той эпохи — Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900) и Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) практически одновременно, будто сговорившись, выступили в печати с развёрнутой критикой национализма вообще и русского в частности.

В феврале 1888 г. в журнале «Вестник Европы» появилась программная статья Соловьёва «Россия и Европа», содержащая погромную (и не слишком добросовестную) критику одноимённой книги Н.Я. Данилевского. Далее, в 1889–1891 гг. последовала целая серия работ философа (за редким исключением, в том же издании), разоблачавшая те или иные проявления русского национализма в прошлом и настоящем. Все эти публикации в дальнейшем стали основой третьего издания (1891) известной книги Соловьёва «Национальный вопрос в России» и вызвали оживлённую полемику в русской печати.

В сентябре–октябре того же 1888 г.

в газете «Гражданин» была опубликована статья Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции (Письма к О.И. Фуделю)», направленная против теории и практики европейского политического национализма и его применимости к России. Тема была продолжена мыслителем в ноябре 88-го — феврале 89-го в статье «Плоды национальных движений на православном Востоке» (тоже в «Гражданине»). Обсуждение этих публикаций было куда локальнее, чем соловьёвских, но, тем не менее, немногочисленные отклики на них заставили Леонтьева до конца жизни работать над разъяснением своих мыслей по национальному вопросу (не опубликованные при его жизни работы «Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву» и «Кто правее? [Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьёву]»).

Сразу же дезавуирую возможные конспирологические версии. История публикаций соловьёвских и леонтьевских текстов хорошо документирована и изучена специалистами — ни о какой *спланированной* одновременности этих демаршей не может быть и речи. Тем интереснее «странное сближение» двух вроде бы столь различных корифеев отечественного любомудрия. Особую пикантность ему придаёт то, что Леонтьев всё в том же 88-м высту-

пил в качестве оппонента Соловьёва, защищая от него (пусть и весьма дипломатично) Данилевского (статья «Владимир Соловьёв против Данилевского» — «Гражданин», апрель — июнь). Соловьёв и Леонтьев критиковали национализм вроде бы исходя из совершенно разных оснований, нигде друг на друга не ссылаясь. Но неужели перед нами просто случайное совпадение? Ответу на этот вопрос и посвящена данная работа.

Но прежде чем перейти к конкретному анализу, два слова о посвящении. Анатолий Петрович Ланшиков (1929–2008) — известный русский литературный критик и публицист, с которым я много лет назад имел честь несколько раз лично общаться. Именно ему принадлежит первая в России после 1917 г. попытка разобрать воззрения В.С. Соловьёва (и отчасти К.Н. Леонтьева) на национальный вопрос с русской национальной точки зрения в статье «Национальный вопрос в России» (журнал «Москва». 1989. № 6).

Соловьёв

Владимир Соловьёв выступал против национализма и до 1888 г., начиная с работы «Великий спор и христианская политика» (1883). Первое издание «Национального вопроса в России» (1884), включавшее в себя такие его тексты как «О народности и народных делах России», «Любовь к народу и русский народный идеал» и др., уже пронизано антинационалистическим пафосом. Но общественный резонанс от этих публикаций нельзя даже сравнить с эффектом от «России и Европы» и её продолжений.

Дело в том, что до появления в печати данной работы Владимир Сергеевич считался ярким — хотя и неортодоксальным — представителем славянофильско-консервативного лагеря, его главной философской надеждой. Указанные статьи 83–84 гг. печатались в славянофильской «Руси» и «Известиях Санкт-Петербургского

Славянского благотворительного общества», консервативном «Православном обозрении». Да, с ними спорили И.С. Аксаков, А.А. Киреев, А.М. Иванцов-Платонов, тот же Данилевский — но это была «внутрипартийная дискуссия», «спор славян между собой»: младшее поколение, как ему и положено, призывало к обновлению, старшее, что тоже естественно, защищало устоявшиеся догматы.

Публикация в «Вестнике Европы» М.М. Стасюлевича — главном журнале либеральных западников — была воспринята как разрыв Соловьёва с его прежними соратниками, как переход во враждебный стан. (Характерно, что первое издание «Национального вопроса...» печаталось в типографии М.Н. Каткова, а второе и третье — уже в типографии Стасюлевича.) И не только из-за самого факта выбора в качестве дискуссионной площадки антагонистического издания, — прежний славянофил в значительной мере сменил дискурс, щедро разбавив православно-историософскую терминологию либерально-гуманистической риторикой. На одной из первых же страниц «России и Европы», словно пропускной пароль, красовалась архетипически-либеральная «*борьба прогрессивных идей с тёмными силами современности*» (курсив мой. — С.С.)¹.

Былые союзники-оппоненты сделались теперь для философа *врагами*, проповедниками «антихристианского и безыдейного национализма»². Начав с атаки на учение Данилевского («обдуманную и наукообразную систему национализма»)³, он обрушился затем на «родоначальников нашего национализма»⁴ — ранних славянофилов («глубочайшею основой славяно-

¹ Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 334–35. (Далее: Соч.—1989).

² Там же. С. 494.

³ Там же. С. 337.

⁴ Там же. С. 469.

фильства была не христианская идея, а только зоологический патриотизм, освобождающий нацию от служений высшему идеалу и делающий из самой нации предмет идолослужения»⁵ и на Каткова как публициста, будто бы утвердившего «славянофильскую доктрину на ее настоящей реальной почве <...> в ее прямых логических последствиях», а именно, очистившего «от посторонних [т.е. христианских] примесей» славянофильский «языческий культ народа» и создавшего русский «национально-государственный ислам», где предметом поклонения является «всевластное государство»⁶. Далее изничтожению подверглись современные «зоологические националисты», посмеявшие вступить с «поборником вселенской правды» в полемику, — Н.Н. Страхов, Д.Ф. Самарин, П.Е. Астафьев. Таким образом, практически *вся* традиция русского национализма XIX в. (во всяком случае, её преобладающая, славянофильско-консервативная часть) подверглась систематической и изощрённой дискредитации.

Главным пунктом обвинения Владимира Соловьёва по делу русского национализма был якобы антихристианский характер последнего. Логика «прокурора» следующая.

«Национальность» или «народность» как индивидуальное начало каждой нации (народа) — «есть положительная сила», подобно отдельной человеческой личности. Национализм же — это национальный эгоизм, столь же безнравственный, как и эгоизм личный: «<...> *народность*» (курсив в цитатах здесь и далее, кроме особо оговорённых случаев, принадлежит их авторам. — С.С.) и *национализм* две вещи разные (так же как *личность* и *эгоизм*), <...> усиление и развитие народности (так же как и личности) в ее положительном содержании всегда же-

лательно, тогда как усиление и развитие национализма (равно как и личного эгоизма) всегда вредно и пагубно; <...> отречение от своего национального эгоизма вовсе не есть отрицание своей народности, а, напротив, ее высочайшее утверждение, согласно евангельскому слову: “Кто будет стараться спасти душу свою, погубит ее, а кто погубит ее, тот оживотворит ее” (Ев. от Луки, 17, 33)»⁷.

Кроме того, оказывается, «для христианина <...> есть очевидная истина», что «человечество относится к племенам и народам, его составляющим, не как род к видам, а как *целое к частям*, как реальный и живой организм к своим органам или членам, жизнь которых существенно и необходимо определяется жизнью всего тела». Этот взгляд, по уверению Владимира Сергеевича, «со времен ап. Павла (а отчасти и Сенеки) разделялся лучшими умами Европы, а в настоящее время становится даже достоянием положительно-научной философии». Само собой, эгоизм «органа» в отношении «тела», «части» — в отношении «целого» — вещь не только безнравственная, но и нелепая, следовательно, «всякая частная группа, национальная или племенная, есть лишь орган (орудие) человечества» и «наши обязанности к народу или племени, т.е. к *орудию*, существенно обусловлены высшими обязанностями по отношению к тому, для чего это орудие должно служить. Мы обязаны подчиняться народу лишь под тем условием, чтобы он сам подчинялся высшим интересам целого человечества»⁸.

Таким образом, христианство, по Соловьёву, призывает любой христианский народ к отречению от национализма (национального эгоизма) и к осуществлению не «языческой» политики, где руководствуются «своими особенными интересами и правом

⁵ Там же. С. 630–631.

⁶ Там же. С. 466–469.

⁷ Там же. С. 592.

⁸ Там же. С. 269, 380–381.

силы», а политики «христианской», «чтобы ко всем общественным и международным отношениям применять начала истинной религии, решать *по-христиански* все существенные вопросы социальной и политической жизни»⁹. Не только личность должна совершать подвиг самоотречения во имя христианской истины, но и целый народ: «<...> каждый народ должен думать только о своем долге, не оглядываясь на другие народы, ничего от них не требуя и не ожидая»¹⁰. Кроме того, «каждый народ по особому характеру своему назначен для особого служения»¹¹, осуществление которого и есть смысл его бытия.

Применительно к России (которую философ трактует как «славяно-финскую народность, оплодотворенную германцами»¹², а русское государство — как «зачатое варягами и оплодотворенное татарами»¹³) это значит, что, во-первых, русские обязаны поступать по-христиански даже в отношении враждебных народов. Например: «История связала нас с братским по крови, но враждебным по духу народом, передовая часть которого ненавидит и проклинает нас. В ответ на эту ненависть и на эти проклятия Россия должна делать добро польскому народу»¹⁴. (То же и в отношении евреев.) А во-вторых, и это главное, русским предстоит великая религиозная миссия — «церковное примирение Востока и Запада»¹⁵, т.е. инициатива и реализация воссоединения христианских церквей под главенством римского папы («папизм» Соловьёва в его российских публикациях был, разумеется, завуалирован, но в его изданных в Париже на французском языке кни-

гах «Русская идея» (1888) и «Россия и Вселенская церковь» (1889) он явлен вполне откровенно).

Владимир Сергеевич не слишком затруднял себя доказательствами своих тезисов: «Цель России — не здесь, а в более прямой и всеобъемлющей службе христианскому делу, для которого и государственность, и мирское просвещение суть только *средства*. Мы верим, что Россия имеет в мире *религиозную* задачу. В этом ее настоящее дело <...>»¹⁶. «<...> если допустить — да и трудно не допустить, — что коль скоро воссоединение Восточной Церкви с Церковью Запада входит в общий план христианской политики, то очевидно, что именно Россия <...> призвана сыграть главную роль в этом событии. Я ничего не могу изменить в тех исторических обстоятельствах, которые определяют обязанности России по отношению к христианскому человечеству, и мои патриотические чувства вдохновляются лишь желанием видеть свою страну хорошо исполнившей свой долг»¹⁷.

Ручательством того, что русский народ способен исполнить указанную миссию, является то, что он в своей истории уже демонстрировал способность к «национальному самоотречению» (вообще, «все хорошее у нас в России» основано «на забвении национального эгоизма»¹⁸): «<...> прошедшее русского народа представляет два главных акта национального самоотречения — призвание варягов и реформа Петра Великого. Оба великие события, относясь к сфере материального государственного порядка и внешней культуры, имели лишь подготовительное значение, и нам еще предстоит решительный, вполне сознательный и свободный акт национального самоотречения <...>»¹⁹.

⁹ Там же. С. 411.

¹⁰ Там же. С. 273.

¹¹ Там же. С. 269.

¹² Там же. Т. 2. С. 566.

¹³ Там же. Т. 1. С. 299.

¹⁴ Там же. С. 274.

¹⁵ Там же. С. 295.

¹⁶ Там же. С. 289.

¹⁷ Там же. Т. 2. С. 269.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 299.

¹⁹ Там же. С. 261.

Единственное препятствие к осуществлению «национальной исторической задачи» России, её «нравственного долга» — русский национализм, «который под предлогом любви к народу желает удержать его на пути национального эгоизма, т.е. желает ему зла и гибели. Истинная любовь к народу желает ему действительного блага, которое достигается только исполнением нравственного закона, путем самоотречения. Такая истинная любовь к народу, такой настоящий патриотизм тем более для нас, русских, обязателен, что высший идеал самого русского народа (идеал “святой Руси”) вполне согласен с нравственными требованиями и исключает всякое национальное самолюбие и самомнение...»²⁰.

Поэтому-то и обрушился Соловьёв со столь резкой критикой на мыслителей-националистов от Хомякова до Страхова, а в особенности на Данилевского, теория культурно-исторических типов которого подвела под русский национализм претендовавшее на научность обоснование. Разумеется, для опровержения последнего (а тем более на страницах «Вестника Европы») философу понадобились доводы не только «от религии», но и «от науки». У нас здесь нет возможности подробно их разбирать, тем более что полемика вокруг идей Данилевского уже не раз делалась предметом тщательного исследования²¹. Но на одном важном и деликатном моменте всё же остановиться нужно.

²⁰ Там же.

²¹ См., напр.: *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999; *Ефремов А.В.* Борьба за историю: Концепция Н.Я. Данилевского в оценке современников. М., 2006; *Фатеев В.А.* «...В Страхове я вижу миниатюру современной России»: Полемические заметки об отношениях Н.Н. Страхова и Вл. С. Соловьёва // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 1.

Речь идёт о громком соловьёвском разоблачении «плагиата», сделанного Данилевским: дескать, он свою теорию культурно-исторических типов заимствовал у немецкого историка Генриха Рюккерта. До сего дня это заимствование считается вполне доказанным. Между тем ещё Страхов в изумлении обнаружил, что его оппонент просто-напросто сфальсифицировал в своём переводе цитаты из Рюккерта: «Подчёркнутых слов <...> нет в тексте Рюккерта; слова эти *вставлены* переводчиком, как будто бы для пояснения текста, но в сущности для того, чтобы придать ему иной смысл... **Взять термин Данилевского [культурно-исторический тип] и вставить его в самый текст Рюккерта — это переходит всякие границы** (выделено мной. — С.С.)»²². Можно, конечно, не верить Страхову, но в 1955 г. американский славист Р.Е. МакМастер подтвердил его вердикт. Он сверил тексты Рюккерта и Соловьёва и показал, что последний «неожиданно повёл себя легкомысленно и для доказательства собственной правоты пошёл даже при переводе на русский язык на некоторое “редактирование” текстов Г. Рюккерта, что сильно меняло их смысл»²³.

Впрочем, Владимир Сергеевич любил уличать в плагиате у западных авторов и других националистов, саркастически комментируя: вот-де, обличают Европу, а сами-то всё оттуда берут! Так, он настаивал на прямом влиянии на И. Аксакова и, в особенности, на Каткова политических идей Жозефа де Местра (Катков будто бы целиком взял у последнего «все руководящие идеи своей политиче-

²² *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом. М., 2010. С. 490.

²³ Подробнее см.: *Фатеев В.А.* Указ. соч. С. 123–125. Там же (с. 125) даётся ссылка на МакМастера: *MacMaster R.E.* The Question of Heinrich Ruckert's Influence on Danilevsky // *American Slavic and East European Review*. Feb. 1955. P. 59–66.

ской мудрости»²⁴). Приведя несколько цитат из де Местра, Соловьёв, однако, почему-то не дал параллельно аналогичные места из Аксакова и Каткова (а есть ли они?). Философские и богословские идеи славянофилов, по его утверждению, заимствованы у ряда французских и немецких авторов (например, Ж.Б. Борда-Демулена, чьим «популяризатором» якобы являлся Хомяков). Разоблачитель обещал подкрепить данный тезис соответствующими цитатами, да так и не удосужился этого сделать.

Между прочим, В.В. Розанов как-то предложил: неплохо бы самого Соловьёва проверить на предмет плагиата «с источниками в руках»²⁵. А Страхов ещё в 1878 г. в письме А. Толстому по поводу «Чтений о Богочеловечестве» отмечал в последних «пантеизм, совершенно похожий на гегелевский, только со вторым пришествием впереди», а также «Каббалу, гностицизм и мистицизм»²⁶.

Об огромном влиянии гностицизма на философию Соловьёва теперь, после выхода в свет фундаментальной монографии А.П. Козырева «Соловьёв и гностики» (2007), гадать не приходится. Но не менее значительным было и влияние немецкого идеализма. В работе, вышедшей в 1934 г. на французском языке (русский перевод 2007 г.), «Религиозная метафизика Владимира Соловьёва» знаменитого философа Александра Кожева (русского эмигранта А.В. Кожевникова) самым тщательным образом показано, что «почти все метафизические идеи» «Пушкина русской философии» восходят к Шеллингу (причём это, как правило, «очень обедненный и упрощенный парафраз»), «но примечателен тот факт, что было бы на-

прасным искать это имя в сочинениях Соловьёва»²⁷.

После этого маниакальные соловьёвские поиски плагиатов смотрятся более чем двусмысленно.

Или вот ещё характерный образчик полемических приёмов Владимира Сергеевича. Нужно было ему дискредитировать славянофильство, и он ничтоже сумняшея выстраивал такую цепочку: консерваторы-государственники 1880-х гг. вроде К.Н. Яроша оправдывают деспотическую власть и воспевают Ивана Грозного; эти консерваторы — последователи Каткова; Катков — последователь славянофилов; следовательно, славянофилы стоят у истоков данного безнравственного явления. Между тем, как отлично показал в своём возражении Соловьёву Д.Ф. Самарин, славянофилам вообще не была свойственна апология сильного государства, а уж тем более Ивана Грозного (с осуждением которого печатно выступали Хомяков и К. Аксаков), а катковский культ государственности вырос из совершенно противоположных источников — из западной «государственной школы» историографии, где как раз нередко были положительные оценки Грозного, в том числе и в трудах родного отца философа — Сергея Михайловича²⁸. Всё это автор «Оправдания добра», разумеется, знал, но для сокрушения рёбер противника²⁹ чего не сделаешь...

Или: *только* на основании фрагмента из «Былого и дум» Герцена, в котором пересказаны слова И. Киреевского о том, что Иверская икона как бы

²⁷ Кожев А. Атеизм и другие работы. М., 2007. С. 182, 187 и др.

²⁸ См.: Самарин Д.Ф. Поборник вселенской правды. М., 1890. С. 34 — 55.

²⁹ «В. Соловьёв в своем “Национальном вопросе” и не ставил задачей решить вопрос, хороши или дурны славянофильские взгляды <...>, а просто сокрушал ребра Каткову и К°» // Эрн В.Ф. Соч. М., 1991. С. 164.

²⁴ Соч.—1989. Т. 1. С. 482.

²⁵ Розанов В.В. Собр. соч. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 127.

²⁶ См.: Фатеев В.А. Указ. соч. С. 117.

«намагничена» народными молитвами, делается вывод: православие для славянофилов было только «атрибутом народности», а не «вселенской истиной» (при этом теснейшая духовная связь того же Киреевского со старцами Оптиной пустыни, естественно, не упоминалась)³⁰.

Соловьёв совершенно сознательно шёл на эти подтасовки, ибо для победы его излюбленной идеи всемирной теократии, которой очень мешал русский национализм, все средства были хороши. Об этом он прямо писал в частном письме к Страхову: «Когда в каком-нибудь лесу засел неприятель, то вопрос не в том, хорош или дурен этот лес, а в том, как бы его лучше поджечь»³¹.

Как охарактеризовать подобные полемические приёмы? Думаю, что иначе как шулерскими их назвать нельзя. Это приёмы журналиста из жёлтой прессы. Но ведь Соловьёв был учёным, доктором философии... До сих пор он у нас ходит в светочах мысли и моральных эталонах...

Но если отвлечься от этической стороны дела и сосредоточиться на собственно содержательной стороне, то и здесь Владимир Сергеевич выступает, в лучшем случае, как бойкий публицист, но уж не как глубокомысленный философ. Даже преданные поклонники Соловьёва позднее признавали, мягко говоря, слабую фундированность его историософских фантазий: «<...> бросается в глаза необычайная шаткость тех оснований, которые приводятся Соловьёвым в подтверждение особой теократической миссии русского государства»³²; «<...> это уже не теория, а фантастика, не учение об исторической необходимости, а чистейшая утопия и не деловой анализ текущего момента исто-

рии, а романтика и мечта, если не просто сказка или роман»³³.

Как может профессиональный философ, трактуя тему «политика и нравственность», по сути полностью игнорировать многовековую традицию европейской политической мысли, немало потрудившейся над этой проблемой? Между тем мы не найдём в «Национальном вопросе...» ссылок (пусть и полемических) ни на Макиавелли (разве только жупел «варварский макиавеллизм»³⁴), ни на Гоббса, ни на Гегеля. Ничего не было написано на сей счёт заслуживающего внимания до Соловьёва с его «христианской политикой»!

Как можно, всерьёз рассуждая о политике, переносить этические требования, адресованные отдельной личности, на народы и государства?

Или: уподобление человечества организму, а народов — органам последнего, используемое философом не как метафора, а как объяснительная модель, которой якобы привержены «лучшие умы» всех времён и народов. — Иначе как курьёзом этот перл не назовёшь, о чём исчерпывающе написал ещё Страхов:

«Слова *организм*, *органический* употребляются беспрестанно, но многих они сбивают с пути правильного понимания. Не нужно никогда забывать, что эти выражения часто указывают только *аналогию*, только уподобление действительным организмам. Когда мы говорим о *движении* дел в каком-нибудь ведомстве, о *механизме* какого-нибудь управления, то, конечно, никто не воображает, что в присутственных местах вместо живых чиновников находятся мертвые винты, рычаги и колеса, которыми и производится дело. То же самое различие нужно делать и при употреблении терминов *орган*, *органический* и т.д. По аналогии с

³⁰ См.: Самарин Д.Ф. Указ. соч. С. 10–15.

³¹ Цит. по: Фатеев В.А. Указ. соч. С. 122.

³² Трубецкой Е.Н. Мирозерцание. М.: Соловьёва. Т. 1. М., 1995. С. 487.

³³ Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М., 1990. С. 303.

³⁴ Соч.—1989. Т. 1. С. 547.

известными явлениями можно назвать организмом государство, армию, школу, департамент, но еще лучше — народ, язык, мифологию, семейство, всякую форму, которая растет сама собою, где намеренность и сознательность отступают на задний план. Но не отличать всего этого от действительных организмов было бы большой нелепостью. <...> Если человечество есть организм, то где его органы? На какие системы эти органы распадаются и как между собою связаны? Где его центральные части и где побочные, служебные? <...> Какое же право мы имеем называть что-нибудь организмом, если не можем указать в нём ни одной черты органического строения?»³⁵.

Стоит вчитаться в ответную реплику Соловьёва, чтобы почувствовать разницу уровней философской культуры оппонентов:

«Когда г-н Страхов пишет свои рассуждения, непосредственно наглядными деятелями являются тут его пальцы, водящие пером по бумаге, но это не мешает, однако, истинным производителем его писаний признать его единое я, невидимое само по себе, но являющее свою реальность в общей и реальной связи его действий. Подобным образом и единое человечество, хотя и не действует непосредственно ни в каком историческом явлении, тем не менее обнаруживает свою совершенную реальность в общем ходе всемирной истории. А что органами человечества являются живые и относительно самостоятельные существа, то ведь и пальцы г-на Страхова не вовсе лишены жизни и отдельности, и абсолютной разницы тут нет»³⁶.

Нельзя не согласиться со Страховым в том, что «трудно найти рассуждение более ошибочное и более фантастическое, чем приведенные строки»³⁷. Не

только философская логика, но и элементарный здравый смысл здесь явно на его стороне.

Или возьмём политическое прогнозирование Соловьёва. Для него «принцип национальностей» есть «низший принцип», проявление «реакции», противоречащее «разумному ходу истории», «попятное движение», над которым давно «возвысилось... европейское сознание»³⁸. Более того, философ пророчил вообще скорое исчезновение национальных государств: «<...> я не верю в будущность самостоятельных государств. Ведь одной европейской войны было бы достаточно, чтобы смести нынешние политические границы среди христианского человечества и уготовить пути для Всемирной монархии — Христовой, если государи и народы исполнят свой долг, или же, в противном случае, — антихристовой»³⁹.

И кто оказался прав — «Пушкин русской философии» или скромный генерал А.А. Киреев, просто описавший очевидное: «<...> националистические теории постоянно распространяются и усиливаются. Будущность — принадлежит им <...> История Европы со времени Венского конгресса есть лишь осуществление националистической идеи <...>»⁴⁰?

«Что народность в форме национального государства есть крайнее, высшее выражение социального единства — это никогда не было и не может быть доказано по совершенной произвольности такой мысли»⁴¹, — утверждал Владимир Сергеевич, но историческая практика последних двух столетий доказала эту мысль стопроцентно, и даже сейчас, в эпоху глобализации, дело обстоит именно так.

³⁸ Соч.—1989. Т. 1. С. 354–357.

³⁹ Там же. Т. 2. С. 271.

⁴⁰ Киреев А.А. Славянофильство и национализм. Ответ г. Соловьёву. Пг., 1890. С. 10–11.

⁴¹ Соч.—1989. Т. 1. С. 601.

³⁵ *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М., 2010. С. 409–412.

³⁶ Соч.—1989. Т. 1. С. 590 — 591.

³⁷ *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом. С. 503.

Заметим также, что само соловьёвское толкование понятия «национализм» как «зоологического» «национального эгоизма», отрицающего человеческую солидарность, совершенно субъективно. Вот характерный образчик его рассуждений: «Мы различаем народность от национализма по *плодам их*. Плоды английской народности мы видим в Шекспире и Байроне, в Берклее и в Ньютоне; плоды же английского национализма суть всемирный грабеж, <...> разрушение и убийство. Плоды великой германской народности суть Лессинг и Гёте, Кант и Шеллинг, а плод германского национализма — насильственное онемечение соседей от времен тевтонских рыцарей и до наших дней»⁴². Но ведь с тем же успехом можно сказать, что английский национализм выразился в создании одного из самых процветающих государств мира, а немецкий — в объединении Германии при Бисмарке. Как верно заметил известный русский историк П.Н. Ардашев, у Соловьёва национализм смешивается с «национальной исключительностью и ксенофобией», меж тем как суть национализма — в «альтруизме на почве национальной солидарности»⁴³, — это определение вполне соответствует современным научным интерпретациям национализма.

Таким образом, отрицание национализма у Соловьёва не подкрепляется серьёзными философскими или политологическими доказательствами — это отрицание основано лишь на его религиозной вере. Но и вера его не только для атеистов и агностиков, но и для православных христиан не может быть убедительным доводом, ибо с точки зрения традиционного Православия она смотрится, в лучшем случае, как частное богословское

мнение, в худшем — как ересь. Владимир Сергеевич явно мнил себя религиозным пророком⁴⁴, но истинность его пророчества признана только им самим и немногочисленным кружком его приверженцев, остальные же православные вольны расценивать это учение как угодно, в том числе и как *лже*-пророчество.

В статье «Русская идея» Соловьёв провозглашал: «...идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»⁴⁵. Но, по меньшей мере, произвольно делать из этого вывод о том, что *именно ему*, В.С. Соловьёву, Бог открыл то, что Он думает, например, о русской нации⁴⁶. Однако именно на данном допущении собственно и базируется вся аргументация философа.

Между тем, исходя из христианского вероучения, возможно и совершенно иное отношение к национализму — позитивное, что хорошо продемонстрировал Страхов, давший вполне убедительное христианское обоснование национализма:

«Что касается до начала народности, то положительная сторона его очень ясна. Положительное правило здесь будет такое: народы, уважайте и любите друг друга! Не ищите владычества над другим народом и не вмешивайтесь в его дела!

Эти требования станут нам яснее, если посмотрим, к чему именно они должны быть прилагаемы. Начало народности имеет силу главным обра-

⁴⁴ См. выразительное описание пророческой мании Соловьёва в воспоминаниях Л.А. Тихомирова: *Тихомиров Л.А. Тени прошлого*. М., 2007. С. 599–605.

⁴⁵ Соч.—1989. Т. 2. С. 220.

⁴⁶ К.Н. Леонтьев иронизировал по поводу этого пассажа: «Кто ему открыл, что думает Бог об России?» // Пророки Византизма. Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост. О.А. Фетисенко. СПб., 2012. С. 559.

⁴² Там же. С. 269.

⁴³ *Ардашев П.Н.* Национализм на Западе. Его историческое происхождение и главные моменты его развития. Киев, 1911. С. 9.

зом как поправка или дополнение идеи государства. Государство есть понятие преимущественно юридическое — люди живут, связанные одной властью и подчиненные одним законам. Это понятие долго имело силу в своем отвлеченном виде. Для государства все равно, к какой народности принадлежит тот или другой его подданный; но мы теперь знаем, что для подданных это не бывает и не может быть равно. И вот, в начале нынешнего века стала возникать сознательная идея <...> что наилучший порядок тот, когда пределы государства совпадают с пределами отдельного народа. <...> Европа ищет для себя самого естественного порядка и все тверже и спокойнее укладывается в свои естественные разделы <...>

Г. Соловьёв смотрит на это с негодованием; он видит в этом некоторое возвращение языческого начала, “националистическую реакцию”. Как жаль, что он так высоко залетел! Если подойти к делу ближе, то мы увидим, напротив, что одухотворение мира подвигается несколько вперед. Теперь мы требуем, чтобы государство не было только мертвой, сухой формой, чтобы оно имело живую душу, чтобы его подданные соединялись не одними узами закона, а были связаны мыслями и желаниями, родством физическим и нравственным. Нашему веку свойственно меньше понимать и ценить всякие духовные связи и духовные формы. Мы знаем теперь, что языки людей, их обычаи, нравы, вкусы, песни, сказки и т.д., что все это не произвольные, случайные выдумки, а все тесно связано и растет в этой связи, развиваясь под влиянием глубокого единства. В силу таинственного морфологического процесса род людской разделился на племена, и каждое из них представляет не только особую внешнюю форму, но и особую форму душевной жизни, самый ясный признак которой состоит в особом языке. Принцип национальности и состоит в стремлении к тому, чтобы не чинилось насилие этому че-

ловеческому развитию, чтобы не была разрываемая естественная связь между людьми и не были они сковываемы против их воли.

Национализм нашего века вовсе не похож на национализм древнего мира. У язычников, можно сказать, всякий народ хотел завладеть всеми другими народами; у христиан явилось правило, что никакой народ не должен владеть другим народом. Современное учение о народности, очевидно, примыкает к учению любви и свободы»⁴⁷.

При этом нужно сказать, что далеко не всё в полемике Соловьёва против националистов было абсурдно или несправедливо. С его критикой положения Православной Церкви в России и многих других общественных язв последней были согласны и сами его оппоненты. Более того, история не оправдала надежду Данилевского и Страхова на возникновение нового, славяно-русского культурно-исторического типа. Соловьёв оказался в целом прав в оценке России как части (пусть и очень своеобразной) европейской цивилизации. Но эта правда несколько не означала истинности основных идей Владимира Сергеевича: 1) необходимости соединения христианских церквей под папским руководством; 2) отрицания национализма как регрессивного принципа, — напротив, именно на нём и стала основываться европейская цивилизация с середины позапрошлого столетия.

Леонтьев

К.Н. Леонтьев начал выступать с критикой национализма ещё в 1870-х гг., в связи с проблемой болгарского церковного раскола (отпадение Болгарской церкви от Константинопольского патриархата), которой была посвящена значительная часть его публицистики того времени. Но попытка написать сочинение, которое

⁴⁷ *Страхов Н.Н.* Избранные труды. С. 404–405.

бы синтезировало его разрозненные мысли и наблюдения о зловредности «племенной политики», была принята им только в 1888 г. и по довольно случайному поводу. Молодой друг мыслителя О.И. Фудель (в будущем священник Иосиф Фудель) попросил его в письме разъяснить идею, вскользь брошенную в «Византизме и славянстве» (1875), о коренном родстве национализма и «либерального демократизма». Константин Николаевич с энтузиазмом взялся за ответ, в результате переросший в большую работу («Национальная политика...»), которой была оставлена изначальная эпистолярная форма⁴⁸; вскоре последовало продолжение («Плоды национальных движений...»).

Логика Леонтьева исходит из его основополагающего утверждения, что национальное — есть эстетическое своеобразие того или иного народа, его особый стиль жизни. В традиционных — сословных, монархических, религиозных обществах, не знавших демократии и политического национализма («когда <...> народы были руководимы вождями, еще не пережившими “веяний” XVIII века», когда «важны казались права веры, права религии, права Бога; права того, что Владимир Соловьёв так удачно зовет *Бого-властием*»⁴⁹), это своеобразие процветало. Победы же национальных движений в XIX столетии (когда «прежде всего важными представляются права человека, права народной толпы, права народовластия»⁵⁰) везде приводят к победе демократии на

единый европейский манер и к гибели прежнего национального своеобразия.

«Тогда, когда национализм имел в виду не столько *сам себя*, сколько интересы религии, аристократии, Монархии и т.п., тогда он *сам себя-то и производил невольно*. — И целые нации, и отдельные люди в то время становились все разнообразнее, сильнее и самобытнее.

Теперь, когда национализм *ищет освободиться, сложиться, сгруппировать людей* не во имя *разнородных*, но связанных внутренне интересов религии, монархии и привилегированных сословий, а во имя единства и свободы *самого племени*, результат выходит везде более или менее *однородно-демократический*. <...>

Национализм *политический, государственный* становится в наше время губителем национализма *культурного, бытового*»⁵¹.

Таким образом, утверждает Леонтьев: «*Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации*».

У многих вождей и участников этих движений XIX века цели действительно были национальные, обособляющие, иногда даже культурно-своеобразные, но результат до сих пор был у всех и везде один — *космополитический*»⁵².

Эта идея щедро иллюстрируется автором примерами из недавней истории.

Скажем, в Греции после обретения независимости от турок «творчества не оказалось; новые эллины в сфере высших интересов ничего, кроме благоговейного подражания *прогрессивно-демократической Европе*, — не сумели придумать»⁵³: «ничего особенно национального, кроме политического патриотизма; ничего творческого, ничего поражающего. Ничего, кроме самой

⁴⁸ Подробнее об истории написания, изданиях «Национальной политики...» и общественной реакции на неё см. комментарии О.А. Фетисенко к современному академическому переизданию работы: *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 8. Кн. 2. СПб., 2009. С. 1123–1145 (Далее: ПСС).

⁴⁹ ПСС. Т. 8. Кн. 1. СПб., 2007. С. 554–555.

⁵⁰ Там же. С. 555.

⁵¹ Там же. С. 558.

⁵² Там же. С. 500.

⁵³ Там же. С. 502.

обыкновенной европейской демократии... Современная, довольно грубо-ватая французская буржуазность, переведенная на величавый язык Иоанна Златоуста и Фукидида, — и только»⁵⁴.

Объединившаяся Италия «стала больше прежнего похожа на Францию и на всякую другую европейскую страну» и «обезличилась культурно». «Как явление культурное, она на глазах наших утрачивает смысл свой; ибо, конечно, не ей предстоит впредь вести за собою Европу, не ей творить, — нового творчества у нее впереди не будет; сохранить же поучительную поэзию старого своего творчества <...> она не смогла, увлекшись жаждой приобрести ту политическую силу, которая целые века не давалась ей при раздроблении и зависимости»⁵⁵.

Бисмарковская единая Германия стала «изменяться к худшему в отношении собственно национальном — культурном, по мере возрастания политического единства, независимости и международного преобладания»⁵⁶; «торжество национальной, племенной политики привело и немцев к большей утрате национальных особенностей; Германия после побед своих больше прежнего, так сказать, “офранцузилась” — в быте, в уставах, в строе, в нравах; значительные оттенки ее частной, местной культуры внезапно поблекли»⁵⁷.

«Демократический европеизм, безверие, поругание Церкви — вот нынешняя жизнь “сюртучного” сербского общества. В этом обществе нет и тени чего-нибудь стоящего внимания с культурно-национальной стороны»⁵⁸. В ту же сторону движутся и Румыния с Болгарией.

Этой «всемирной космополитической революции» и «русские, к несча-

стью, стали служить с 1861 года»⁵⁹. «Все то, что начало нравиться в 60-х годах, — подозрительно. <...> пробуждение <...> племенного чувства у нас совпадает по времени с весьма искренним и сильным внутренне-уравнительным движением (эмансипации и т.д.). Мы тогда стали больше думать о славянском национализме и дома, и за пределами России, когда учреждениями и нравами стали вдруг и быстро приближаться ко все-Европе...»⁶⁰.

Леонтьев с грустью констатирует: «не удавалось за последние 30–40 лет все церковное, все самодержавное, все аристократическое, все охраняющее прежнее своеобразие и прежнюю богатую духом разновидность»⁶¹; «все то, что противится политическому движению племен к освобождению, объединению, усилению их в государственной отдельности и чистоте, — все то побеждено, унижено, ослаблено»⁶². Традиционалистские ценности перестают вдохновлять народы и вынуждены приспособляться к торжествующему «племенному началу»: «За настоящую веру уже не прольется нынче крови! Чтобы разогреть людей и заставить их пролить кровь будто бы за веру, надо под веру “подстроить” как-нибудь племя»⁶³.

Леонтьевское сочувствие к противникам «всемирной революции» доходит до того, что распространяется на Австрию, на поляков с их «реакционными», «аристократическими» восстаниями против России⁶⁴ и даже на турок: «Исчезает из истории еще одно старое, знакомое зло или, вернее, полужло, полублаго, — ибо этот враждебный Христианству турецкий мир, построенный сам на весьма идеальном начале, был

⁵⁴ Там же. С. 567.

⁵⁵ Там же. С. 510.

⁵⁶ Там же. С. 512.

⁵⁷ Там же. С. 530.

⁵⁸ Там же. С. 610.

⁵⁹ Там же. С. 538.

⁶⁰ Там же. С. 519.

⁶¹ Там же. С. 539.

⁶² Там же. С. 518.

⁶³ Там же. С. 528.

⁶⁴ Там же. С. 504, 520–521.

все-таки значительным препятствием к распространению зла *несравненно большего*, — *то есть общеевропейского утилитарно-безбожного стиля общественной жизни*»⁶⁵. Наибольших похвал удостоиваются те деятели европейской политики XIX века, которые так или иначе пытались бороться против национально-демократических движений: Меттерних, Николай I, Нессельроде...

Несмотря на всю видимую разницу мировоззренческих основ, у Леонтьева, как и у Соловьёва, важнейший объект критики — славянофилы — и классики, и эпигоны. Но в этом случае им достаётся не за «зоологический патриотизм», а за *либерализм*: «<...> славянофилы были *все либералами* <...> Сами себя они никогда либералами на европейский лад признать не хотели и против этого рода европеизма даже постоянно писали <...> Но быть против конституции, против всеобщей подачи голосов, против демократического индивидуализма, стремящегося к власти, и быть в то же время за *бессословность*, за политическое смешение *высших классов с низшими* — значит отличаться от *новейшей Европы* не главными и существенными чертами социального идеала, а только *степенью их выразительности*. При мало-мальски благоприятных условиях для демократических сил равноправность гражданская переходит в равенство политическое, и свобода *личная* присваивает себе скоро власть конституционную»⁶⁶.

Поэтому, оказывается, Николай I был совершенно прав в своих гонениях на славянофилов, т.к. прозорливо чувствовал, «что под *бойфским русским кафтаном* московских мыслителей кроется обыкновенная блуза западной демагогии»⁶⁷. История его оправдала, ибо не идея национально-

го своеобразия, составляющая, с леонтьевской точки зрения, главную ценность славянофильства, получила влияние в русском обществе, а «почти исключительно лишь то, что в нем было общего с новейшим европейством»: во внутренней политике — «идеи бессословности и смешения», во внешней — «слепая вера в славян и племенной национализм». Таким образом, «*в жизнь* от 60-х до 80-х годов из славянофильства переходило все то, что было в этом учении *русским* только *по языку*, а по духу и плодам своим от эгалитарно-либерального западничества мало отличалось»⁶⁸.

Единственное *практическое* последствие славянофильского учения, одобренное Леонтьевым, — сохранение и укрепление крестьянской общины, ибо «эта прекрасная идея и это спасительное учреждение — *не либеральны!* Они именно носят на себе тот характер промышленности о народе, которого требует от высших властей истинное христианство: *нелиберально гуманный, принудительно любящий, деспотически заботливый, разуму личному и собирательному рабочей толпы не доверяющий характер*»⁶⁹.

В противовес «либеральному разрушению» Леонтьев призывал «стремиться со страстью к самобытности духовной, умственной и бытовой»⁷⁰, что на практике подразумевало: во внутренней политике — неограниченность самодержавия, возрастание самостоятельности и общественной роли Православной Церкви, укрепление сословной сегрегации, усиление власти дворянства над крестьянством на местах, неотчуждаемость земельной собственности (как у помещиков, так и у крестьянских общин), государственное регулирование отношений между «трудом и капиталом»; во внешней — критическое отношение к политиче-

⁶⁵ Там же. С. 592–593.

⁶⁶ Там же. С. 577–578.

⁶⁷ Там же. С. 579.

⁶⁸ Там же. С. 581–582.

⁶⁹ Там же. С. 582.

⁷⁰ Там же. С. 539.

скому панславизму, использование его только по необходимости, как инструмент для создания в будущем Восточного союза во главе с Россией с центром в Константинополе⁷¹.

Как уже говорилось выше, бурной реакции на леонтьевские работы 1888–1889 гг. о национальном вопросе не последовало, что объяснялось маргинальностью статуса их автора в тогдашнем литературном мире. Наиболее развернуто ответил на них А.А. Киреев в статье с говорящим названием «Народная политика как основа порядка» (1889), не блистающей особым глубокомыслием, но порой на уровне здравого смысла очень дельно дезавуирующей поверхностно-эстетский, «туристский» подход Константина Николаевича к проблеме соотношения национального своеобразия и национальной независимости/единства:

«<...> недостаточно справляться с своим собственным мнением, не худо справиться и с мнением тех, которым хочешь благодетельствовать; а в этом отношении мнения заинтересованных лиц будут очень несходны с мнением г-на Леонтьева. Положим, они во многом ошибаются, но во многом они и правы, хотя бы, напр., итальянцы, избавленные от австрийского подданства. Помню характеристический ответ одного образованного и богатого ломбардского фермера, с которым я говорил о положении дел в 1879 году; я спрашивал его, как ему и его соотечественникам живётся при новых условиях? Eh, caro Lei, ответил он весело: Si mangia margo — ma siamo liberi! [Постничаем — но свободны!] *Это освобождение от чужестранного ига — такое великое благо, за которое можно заплатить дорогую цену, несравненно более дорогую, нежели поэтичность,*

своеобразность, картинность; а ведь национальная идея, на которую нападает г. Леонтьев, и имеет преимущественно в виду, кроме группировки государств по племенам, ещё и освоение земли от ига иноземца там, где оно еще существует»⁷².

(Следует, кстати, добавить, что Леонтьев странным образом не распространил свою манию своеобразия на русскую историю — следуя его логике, можно сказать, что лучше бы Россия сохранилась в формате удельной системы, а то и под монгольским игом — ведь это было бы гораздо своеобразней, чем единая, централистская Российская империя.)

Консервативный философ П.Е. Астафьев мимоходом упомянул «Национальную политику...» в своей статье «Национальное самосознание и общечеловеческие задачи» (1890), заметив, что леонтьевские «нападения» «не страшны для национального идеала», ибо *одновременность* побед либеральной демократии и национальных движений «ничего сама по себе не доказывает», а то «обстоятельство, что национальным началом было возможно воспользоваться, как *орудием* революции, ничего не говорит или же говорит против *всех* начал и сил жизни вообще, ибо все они могут быть и бывали орудиями и революции, и эволюции»⁷³.

Леонтьев отреагировал на это упоминание заметкой в «Гражданине» — «Ошибка г. Астафьева», на которую последний ответил довольно грубой и невнятной статьёй в «Московских ведомостях» «Объяснение с г. Леонтьевым», что послужило причиной для фактического разрыва отношений между обоими интеллектуалами. Подробному разъяснению свой позиции в контексте полемики с Астафьевым Леонтьев посвятил неопубликованные

⁷¹ Подробнее о «позитивной» программе Леонтьева см.: *Сергеев Сергей*. «Окончательное смешение» или «новое соиздание»? Проблема социализма в мировоззрении К.Н. Леонтьева // Роман-журнал. 2003. № 7.

⁷² *Киреев А.А.* Народная политика как основа порядка. (Ответ г. Леонтьеву). СПб., 1889. С. 15–16.

⁷³ Русское обозрение. 1890. № 3. С. 277.

при его жизни работы «Культурный идеал и племенная политика...» и «Кто правее?..».

Среди прочих отзывов на «Национальную политику...» в качестве курьёза можно привести пассаж из передовицы славянофильской газеты «Свет» (14 апреля 1889 г.): леонтьевская статья именовалась «дикой по своей бестолковости», а в личности самого её автора подчёркивалось «болезненно настроенное воображение, объясняющее его психопатические парадоксы»⁷⁴.

Леонтьев честно признавался, что не в силах объяснить внутренних пружин того феномена, который он описал: «Для меня самого это остается самой таинственной психологической загадкой <...> Политические результаты *видны*; течение событий — *ясно*, хотя и весьма извилисто. *Причины загадочны...*»⁷⁵. Но следует признать, что, при всей сомнительности леонтьевских методологии и общественного идеала, факт взаимосвязи национальных движений и распространения либеральной демократии зафиксирован мыслителем абсолютно верно, ныне — это общее место, а тезис его оппонентов насчёт простой одновременности данных явлений выглядит неубедительно.

Говоривший, в отличие от Соловьёва, не от имени Бога, а только от себя⁷⁶, основывавший свои выводы не на историсофских фантазиях, а на анализе политической эмпирики, Константин Николаевич несравнимо больше Владимира Сергеевича сказал внятного и верного о Современности. Но совсем

другое дело — его тотально негативная оценка последней, её полное отрицание ради сохранения основ традиционного общества. В этом смысле Леонтьев — утопист, не меньший, чем Соловьёв.

«Странное сближение»

Утопия Леонтьева, кстати, тоже имеет религиозно-теократический оттенок, только вместо соединения Церквей под властью папы он чаял сосредоточения независимого от государственной власти православно-го церковного управления в Константинополе после его взятия русскими войсками — своего рода православный «папизм». Однако интересно, что «пророк византизма» не отрицал вовсе и соловьёвский вариант теократии.

В письме Фуделю от 6–23 июля 1889 г. он писал: «<...> что же касается до <...> *призвания* России <...> *исключительно религиозного* — статья и орудием и почвой примирения Церквей — как желает и надеется Влад[имир] Соловьёв, — то над этим нельзя не задуматься — ! Это исключительное и одностороннее призывание (в глазах *именно верующего* человека) *до того* должно быть высоко, — что приходит естественное сомнение, *не личный грех* ли даже будет препятствовать этому, если бы в русском обществе оказалась бы когда-нибудь к соединению с Римом действительная склонность. — Сказать, что это решительно и никогда *невозможно*, — было бы большой ошибкой. Так, я полагаю, *должен даже* думать всякий истинно-верующий Православный человек»⁷⁷. Духовное чадо оптинских старцев явно испытывало идеологические и эстетические симпатии к «латинству»: «<...> мне *лично* Папская непогрешимость *ужасно* нравится! <...> Я, будучи в Риме, не задумался бы у Льва XIII-го туплю поцеловать, не только что руку <...> Рим-

⁷⁴ Цит. по: «Преемство от отцов». Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост. О.А. Фетисенко // ПСС. Приложение. Кн. 1. СПб., 2012. С. 526.

⁷⁵ ПСС. Т. 8. Кн. 1. С. 501.

⁷⁶ «Мои пророчества тем уже лучше его — пророчеств, что <...> я не берусь говорить за Бога, а говорю только *от себя* <...>» // Пророки Византизма... С. 560.

⁷⁷ «Преемство от отцов»... С. 88.

ский Католицизм] нравится <...> моим искренно-деспотическим вкусам и моим наклонностям к духовному послушанию <...>»⁷⁸.

При этом Леонтьев не одобрял соловьёвских нападок на русский национализм, понимаемый им как стремление к национальному своеобразию. Зная, что Владимиру Сергеевичу «культурное обособление России — ненавистно, как помеха слиянию с католиками»⁷⁹, Константин Николаевич, полагал, однако, что это помеха мнимая, ибо «Россия, проживши век или века (а может быть, и меньше) — в некотором насыщении — своим национализмом и чувствуя все-таки, что и этого как-то недостаточно — для достижения исторической апогеи ее, — легче после этого, чем до этого — может пожелать главенства Папы. <...> На что и самому Папству — Россия как две капли воды похожая на ту самую либеральную Европу, которая вот уже 100 лет, как гонит Папство!»⁸⁰

Леонтьев защищал от Соловьёва теорию культурно-исторических типов Данилевского, считая, что «культурные типы были и есть» (хотя «из этого еще не следует, что они всегда будут»)⁸¹; признавал «недобросовестной» его полемику против славянофильства, особенно отмечая её «злорадный и ядовитый тон» и «несомненную наглость подтасовок»⁸²; взгляды автора «Национального вопроса...» на политику поражали отставного дипломата «ребячеством своим или наглым притворством»⁸³... Но, в конечном счёте, всё это он ему прощал, о чём очень точно написал позднее постоянный адресат наиболее откровенных леонтьевских писем 1888–1891 гг. И.И. Фудель: «К. Леонтьев находил-

ся все время под обаянием личности Вл. Соловьёва. Этого он нисколько не скрывал, а по свойственной ему прямоте публично высказывал и, как влюбленный, смотрел на предмет своей страсти слишком большими глазами, преувеличивая его достоинства и стараясь найти оправдание его недостаткам. Под личностью я разумею, конечно, не только душевный склад лица, но и его умственное своеобразие. <...> Он прощал Соловьёву все его беспощадные нападки на славянофильство и на Данилевского с его теорией культурных типов, прощал ему союз с либералами и его борьбу с национализмом, прощал все ради той мечты о призвании России через соединение Церквей, которую Соловьёв с таким искусством и силою облекал в плоть и кровь в своих вдохновенных “творениях”, как выразился Леонтьев, о теократии»⁸⁴.

Характерно, что именно Соловьёва, как высшего арбитра, Леонтьев просил печатно «рассудить» его в споре с Астафьевым, и работа «Кто правее?..» была специально написана в форме писем к нему (сначала пообещавшему выступить в этой роли, а потом не слишком-то красиво от неё отказавшемуся). Лишь только после появления соловьёвского реферата «О причинах упадка средневекового мирозерцания» (1891), в котором доказывалось, что неверующие либералы-прогрессисты сделали для распространения христианства больше, чем номинальные христиане, чаша терпения «русского де Местра» переполнилась, и он решился на разрыв со своим кумиром.

Всё это тем более поразительно, что сегодня кажется очевидным безусловное интеллектуальное превосходство Леонтьева над Соловьёвым. Думаю, что причина самоуничтожения Константина Николаевича в том, что для его религиозной оптики богословская рефлексия была явлением

⁷⁸ Там же. С. 268.

⁷⁹ Там же. С. 240.

⁸⁰ Там же. С. 266.

⁸¹ Там же. С. 286.

⁸² Там же. С. 265.

⁸³ Там же. С. 273.

⁸⁴ Там же. С. 401, 405.

более высокого порядка, чем политическая, а в области первой Владимир Сергеевич представлялся настоящим виртуозом.

Тем более что в частных беседах Соловьёв говорил своему поклоннику-оппоненту не совсем то, что излагал на страницах «Вестника Европы». Во время их встречи в октябре 1890 г. автор «Национального вопроса...» заявил автору «Национальной политики...»: «Если для соединения Церквей необходимо, чтобы Россия *завоевала* постепенно всю Европу и Азию, — я ничего против этого не имею»⁸⁵. В достоверности этих слов, зная леонтьевскую честность, не приходится сомневаться. Тем более что шесть лет спустя Владимир Сергеевич в статье «Мир Востока и Запада» в гораздо более обтекаемой форме сформулирует то же самое понимание «христианской политики»: «Мир, завещанный Христом в области духа, должен быть проведен и в политическую жизнь народов посредством христианской империи. И как для духовного примирения людей с Богом и между собой принесен Христом на землю меч и огонь нравственной борьбы, так не без борьбы политической достигается мир империи, — лишь бы только в этой борьбе не забывалось никогда, *для чего* она ведется, лишь бы эта борьба при громких словах не переходила на деле в тяжбу злых страстей и низменных интересов»⁸⁶. То есть христианской является не та политика, которая буквально соответствует евангельским заповедям (на чём Соловьёв настаивал ранее, полемизируя с националистами), а та, которая способствует распространению христианства (именно так считал и Леонтьев).

Вообще, при ближайшем рассмотрении, в соловьёвских текстах второй половины 90-х можно найти немало точек соприкосновения с Леонтьевым. Выше цитировались дифирамбы последнего

по адресу Николая I за его репрессии против славянофилов, а в 1895 г. Соловьёв пишет панегирическую заметку «Памяти императора Николая I» (1895), в которой этот император, среди прочего, восхваляется за посадку в Петропавловку Ю.Ф. Самарина, якобы выступавшего «с проповедью насильственного введения православия и русской народности в Прибалтийских губерниях»⁸⁷ (те, кто читал самаринские «Письма из Риги», ставшие причиной самаринского ареста, знают, насколько мало соответствует данная формулировка их действительному содержанию).

Одной из важнейших тем соловьёвской публицистики этого периода (впрочем, поднятой ещё в «Национальном вопросе...») была борьба против русификации окраин Российской империи, против «умственного поветрия <...> наперекор здравому смыслу и христианскому чувству, и всей нашей истории и прямым национальным интересам, вопреки мысли всех наших лучших людей и несмотря на решительные заявления самой Верховной Власти» утверждающего, что «никаких “сущих языков” в России нет, кроме одного только русского, что все это богатство отечественного мира должно быть уничтожено и сведено к однообразию и скудости, что все эти бесчисленные народности <...> должны быть стерты в одну безличную массу», должны стать «жертвами принудительного обрусения»⁸⁸ («Воскресные письма», 1897). (Причём позиция позднего Соловьёва имела влиятельных почитателей среди имперской бюрократии и придворной элиты, в т.ч.

⁸⁵ Там же. С. 273.

⁸⁶ Соч.—1989. Т. 2. С. 602.

⁸⁷ Там же. С. 607. Кстати, Леонтьев весьма неодобрительно отзывался о книге Самарина «Окраины России», близкой по своему пафосу «Письмам из Риги» («нелюбезные мне “Окраины”»). См.: *Леонтьев К.Н.* Избранные письма. 1854–1891. СПб., 1993. С. 330.

⁸⁸ *Соловьёв В.С.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 10. СПб., 1914. С. 5.

и С.Ю. Витте⁸⁹.) Но ведь и Леонтьев резко выступал против русификации, правда, не под флагом христианского гуманизма, а под хоругвью традиционалистского антилиберализма:

«Руссификация окраин есть не что иное, как демократическая европеизация их <...> Национальные свойства великорусского племени в последнее время стали если не окончательно дурны, то, по крайней мере, сомнительны. Народ рано или поздно везде идет за интеллигенцией. Интеллигенция русская стала слишком либеральна, т. е. пуста, отрицательна, беспринципна <...> у всех иноверцев и инородцев наших охранительные начала крепче, чем у нас <...> Поэтому для нашего, слава Богу, еще нестрого государства полезны своеобразные окраины; полезно упрямое иноверчество; слава Богу, что нынешней руссификации дается отпор <...> и польский ксендз, и татарский мулла, и самый дикий и злой черкес стали лучше и безвреднее для нас наших единокровных и по названию (но не по духу конечно) единоверных братьев!»⁹⁰

При всех очевидных противоречиях, Соловьёва и Леонтьева роднило отрицание национального государства в современном его понимании, но первый его не принимал за «зоологический патриотизм», а второй — за «демократическое смешение». Оба они предпочитали ему христианскую полиэтническую империю, в соловьёвской терминологии — «семью народов». А предпочтение это выросло из свойственных им разных вариантов домодерного типа мышления, предполагающего, в случае с Леонтьевым, апологию социальной архаики, а в случае с Соловьёвым — прямолинейное перенесение

на социально-политическую жизнь религиозных норм. То, что два крупнейших русских ума конца XIX столетия оказались в плену у подобных идеологов — свидетельство удручающе-провинциального состояния русской мысли того времени.

Ещё печальнее то, что двойная соловьёвско-леонтьевская атака на национализм не получила достойного интеллектуального ответа. При всех справедливых возражениях против неё (многие из которых были приведены выше) не прозвучала аргументация собственно современного национализма. Оппоненты Соловьёва, защищавшие от него русский национализм, понимали последний в духе утопии «особого пути», де-факто означавшего консервацию социально-политических институтов и практик, препятствующих модернизации России, прежде всего — самодержавия и крестьянской поземельной общины. Совершенно нормальное, мейнстримное для Европы (причём не только Западной, но и Восточной) соединение роста национального самосознания с капитализацией экономики и демократизацией общественно-политической жизни казалось им в русских условиях какой-то неслыханной ересью. Поэтому-то и на абсолютно справедливую леонтьевскую констатацию «революционности» (по отношению к российскому статус-кво) национального принципа они отреагировали как на странный парадокс. Русские либералы же, находившиеся в оппозиции к «контрреформационному» курсу Александра III, охотно поддерживали Соловьёва, таким образом как бы подтверждая чуждость либерализма и национализма со своей стороны.

Так, под влиянием атмосферы консервативного «самобытничества» 80–90-х (весьма напоминающего своей риторикой официоз наших дней — Путин уже Леонтьева цитирует!) создавалась роковая развилка русской мысли и политики: антилиберальный национализм vs. антинаци-

⁸⁹ См. об этом подробнее: *Межуев Б.В.* *Вл. С. Соловьёв и петербургское общество 1890-х годов. К предыстории «имперского либерализма»* (<http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/anthropology/12/>).

⁹⁰ ПСС. Т. 8. Кн. 1. С. 32–35.

ональный либерализм, вовсе не «онтологическая» для России: достаточно вспомнить декабризм или идеологию Великих реформ. Кстати, один из стойких приверженцев изначального национально-демократического духа последних, постоянный автор «Вестника Европы», крупнейший отечественный правовед А.Д. Градовский, который мог бы достойно ответить и Соловьёву, и Леонтьеву, как раз скончался в самый разгар рассматриваемой дискуссии в 1889 г. Следующий национально-либеральный синтез предпринял человек уже совсем другого поколения — П.Б. Струве, но до появления его манифеста «В чём же истинный национализм?» оставалось целое десятилетие...

Р.С. «И повторится все, как встарь...»

Когда век спустя в перестроечном СССР начали переиздавать прежде запрещённых русских мыслителей прошлого, флагман советского либерализма журнал «Новый мир» открыл серию публикаций «Из истории русской общественной мысли» подборкой текстов В.С. Соловьёва, львиную долю которых, естественно, составляли статьи из «Национального вопроса...». Им предшествовало предисловие «самого» С.С. Аверинцева, завершавшееся так: «Владимир Соловьёв, этот мистик, утопист, «рыцарь-монах» <...> был неожиданно чутким к практическим проблемам. Мало кто видел в ту пору яснее его масштаб национального вопроса — судьбы русского народа связаны узлом истории с судьбами других народов, и, если христианин не находит способа взглянуть на дело по-христиански, его христианство недействительно. <...> И до сих пор, пока жива будет русская интеллигенция, на чьем специфическом языке Соловьёв высказал свою весть, выходящую далеко за пределы этого языка, будут люди, которые на соловьевский вопрос, заданный России:

Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа? —

отвечают чем-то вроде молчаливой присяги»⁹¹.

На страницах флагмана «национал-патриотов» журнала «Наш современник» А.И. Казинцев определил «новомирскую» подборку Соловьёва как «дань мелкому политиканству»⁹². В следующем году (№7) «НС» тоже начал публиковать материалы из истории русской философии. Не трудно догадаться, кто открыл эту рубрику... Конечно же, К.Н. Леонтьев, сопровождаемый восторженным и многословным представлением Т.М. Глушковой, и первым среди двух его опубликованных текстов, разумеется, была «Национальная политика...»

Справедливости ради надо признать, что среди «национал-патриотов» были и те, кто не хотел вписываться в соловьевско-леонтьевскую развилку, пробуя искать иной путь. Таков был, например, А.П. Ланщиков, чьей памяти посвящены эти заметки. В 1989 г. он не только блестяще препарировал соловьевские благоглупости о «национальном самоотречении», но и заметил в связи с Леонтьевым, что тот «был откровенным “византийцем” <...>, а “византиец” первым делом приносит народности в жертву религиозной идее»⁹³. В частном разговоре со мной в начале 1992 г. он сказал, что из всех русских мыслителей ценит больше всего М.О. Меньшикова и И.А. Соловевича, которых ныне вполне можно записать в предшественники национал-демократов...

⁹¹ Новый мир. 1989. № 1. С. 198. Из новейших либеральных восхвалений «Национального вопроса...» см.: *Кантор Владимир*. Владимир Соловьёв о соблазне национализма (<http://magazines.russ.ru/slovo/2011/69/ka1.html>).

⁹² Наш современник. 1989. № 5. С. 166.

⁹³ Москва. 1989. № 6. С. 5.

Дмитрий Павлов

ИРАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ПОСТМОДЕРНОМ

В сознании европейского обывателя исламский мир часто предстает довольно-таки однородным культурно-конфессиональным пространством — подобно окрашенным на карте в одинаковый зеленый цвет регионам мира, где преобладает мусульманское население. Однако в действительности подобный взгляд является весьма поверхностным. Такие страны, как, например, Турция и Малайзия или Пакистан и Албания, имеют настолько непохожий друг на друга опыт развития, включая особенности усвоения норм и принципов основанной пророком Мухаммадом религии, что можно говорить о большей близости живущих там народов их христианским, мусульманским или буддийским соседям, нежели единоверцам из других частей исламской ойкумены. Наибольшим же своеобразием отличаются те части мусульманского мира, которые обладают мощным пластом доисламского наследия. Последнее обстоятельство неизбежно отражается на актуальной идентичности живущих там людей, побуждая их к рефлексиям по поводу собственного национального, религиозного и порой даже расового самосознания. Наиболее ярким примером такой мусульманской страны со сложной идентитарной структурой служит Иран.

Парадокс в том, что современный облик Ирана, казалось бы, не дает серьезных оснований серьезно выделять

его на фоне остальных исламских государств. Ведь это практически моноконфессиональная страна (99,6% граждан принадлежат к тому или иному направлению ислама), где вот уже 35 лет существует режим исламской республики с элементами теократии, невиданными в большинстве других стран Азии или Африки. Ислам начал там утверждаться еще в сер. VII в. — намного раньше, чем, скажем в Малой Азии, Индии или на Балканах. Однако следует иметь в виду, что история иранской цивилизации не исчерпывается тринадцатью веками господства мусульманских правителей. До завоевания арабами Сасанидской державы иранская государственность насчитывала уже более тысячи лет. Сама этимология названия страны своими корнями восходит к древнему слову *Airyāna*, образованному от самоназвания древних индоиранцев «агуа» и переводимому на русский язык как «страна ариев». Господствующей религией у древних иранцев был зороастризм, совмещающий элементы монотеизма и дуализма, чьим ключевым постулатом является свободный нравственный выбор человека в пользу добра в его противостоянии злу. Генезис зороастризма, несмотря на наличие выраженных элементов единобожия, проходил независимо от монотеистических авраамических систем верований (иудаизм, христианство и ислам), возникших и развивавшихся в Передней Азии.

Уникальный характер древнеиранской цивилизации отмечал, например, такой выдающийся немецкий философ-экзистенциалист как Карл Ясперс. По его мнению, древний Иран стал одним из четырех мировых центров, усвоивших принципы «осевого времени», которое означало переход от мифологического к рациональному (или проторациональному) мышлению.

С зороастризмом неразрывно связана история двух величайших иранских государств доисламского периода — Ахеменидской империи и Сасанидского царства. Последнее пало под ударами арабо-мусульманского войска, и начался процесс постепенной исламизации всех слоев иранского общества. Он растянулся приблизительно на четыре века, и к XI в. зороастризм во многих местностях стал своеобразной конфессиональной экзотикой. До наших дней в Иране сохранились лишь немногочисленные общины верующих, самая крупная из которых представлена в Йезде. Однако присутствие фактора зороастризма в многослойной иранской идентичности ощущается до сих пор.

На протяжении тысячи с лишним лет ислам безраздельно доминировал в культурном пространстве Ирана. В первые века после включения страны в состав Халифата во всех сферах общественной жизни господствовал арабский язык, на продолжительное время персидский исчез даже из литературы. Однако на всем протяжении пребывания Ирана в мусульманской ойкумене народ не утрачивал ощущения собственного своеобразия на фоне окружающих единоверцев не индоевропейского происхождения — прежде всего тюрков и арабов. Это сильное чувство этнической идентичности способствовало ренессансу персоязычной литературы в XI–XIII вв. Впоследствии оно еще больше усилилось в результате утверждения в XVI в. стараниями основателя Сефевидской династии

шаха Исмаила I на большей части территории Ирана шиитской редакции ислама. После этого ощущение собственной самобытности оказывается подкрепленным не только этническим, но, что еще более важно для эпохи премодеерна, конфессиональным фактором: теперь между иранцами и большинством окружающих их народов — арабами, турками-османами, туркменами, узбеками и пуштунами — возникает водораздел, нередко порождавший взаимное недоверие и неприязнь. Именно шиитско-суннитское противостояние служило ключевым идеологическим обоснованием многолетних изнурительных войн между Персией и Османской империей.

Массовый интерес к доисламскому прошлому Ирана начал пробуждаться одновременно с проникновением в Иран идей национализма в конце XIX в. Их взял на вооружение основатель династии Пехлеви Реза-шах (1925–1979), всячески подчеркивавший преемственность его династии от доисламской государственности. Его сын и наследник Мохаммед Реза продолжил традицию отца, взяв почетный титул «Арья-мехр» — «Солнце Ариев» — и с особым размахом отпраздновал 2500-летие национальной государственности. Эти процессы временно приостановились после исламской революции 1979 г., в результате которой к власти пришел аятолла Хомейни. Однако в наше время, в условиях доступности широким массам высшего образования и информационных ресурсов, прежде всего Интернета и спутникового телевидения, процессы поиска идентичности и рефлексии по поводу собственного исторического прошлого протекают в значительной мере без диктата со стороны правящего теократического руководства. Автор статьи смог в этом убедиться лично во время путешествий по Ирану в последние пять лет (2008–2013 гг.). Мне удалось лично побеседовать с иранцами, которые решились открыто поделиться с представи-

телем иностранного государства своими исканиями.

Так, в Ширазе я познакомился с Арианом — молодым выпускником электротехнического колледжа, владеющим небольшой фирмой по торговле мороженым. После традиционно принятого на Востоке обмена любезностями он спросил меня о том, какую религию я исповедую. На этот часто задаваемый иностранцам жителями Ближнего Востока вопрос, кажущийся многим европейцам и особенно американцам не вполне политкорректным, я дал обычный ответ и уже приготовился слушать привычные в подобных случаях пафосные заверения в крепости христианско-мусульманской дружбы и близости двух религий, как мой собеседник с ходу нарушил все «приличия»:

— Вы знаете, я тоже христианин. Кстати, вы случайно не методист?

— Нет, я православный. Но позвольте поинтересоваться, почему вы приняли другую веру?

— Долгая история... раньше такое навряд ли бы случилось. Но, слава Богу, сейчас у нас есть Интернет и спутниковое телевидение. Они открыли для меня много нового. Пару лет назад я заинтересовался Новым Заветом и убедился в том, что Масих (т.е. «мессия», как христиане на Ближнем Востоке называют Иисуса из Назарета. — Д.П.) не просто пророк, но живое воплощение Бога. Это поменяло все мое мировоззрение.

— Хорошо, но ведь вам, наверное, сложно открыто говорить о своей вере?

— Все мои близкие друзья об этом знают. Вообще же, конечно, стараюсь не афишировать: формально переход из ислама как «апостасия» карается смертью. Недавно эту шариатскую норму власти даже хотели внести в Уголовный кодекс, но после начала «зеленого движения» (массовое движение в поддержку Мирхосейна Мусави — оппозиционного кандидата на

президентских выборах 2009 г. — Д.П.) испугались. Но не это главное. По моему убеждению, ислам — это продукт примитивного мышления арабских скотоводов, который был насильно нам навязан извне. Он наложил жесткие оковы на развитие национального менталитета иранцев. Если бы не ислам и не эти муллы, наше общество было намного более развитым и свободным. Почему я стал христианином? Христианство содержит гораздо более высокое учение о свободе и ответственности каждого отдельного человека. Но нашим ахундам (так в Иране презрительно именуют шиитских священнослужителей. — Д.П.) до этого нет дела. Между прочим, знаете, как я протестую против их порядков?

— ??

Ариан достал из рюкзака бейсболку с вышитым на ней... перевернутым крестом.

— Но ведь это знак сатаны, — не скрываю я своего удивления. — И от вас, как христианина, я такого не ожидал.

— Ты прав. Но я надеваю ее только тогда, когда встречаю ахундов. На моей бейсболке они видят отражение своего alter ego — той своей потаенной сущности, о существовании которой мало кто из них даже догадывается.

Проблема кризиса исламской идентичности по своей природе в некоторых своих аспектах напоминает кризис коммунистической идеологии в позднем СССР. В 1970–1980-е гг. советское общество, столкнувшись со многими экономическими и духовными проблемами, стало усматривать главного виновника своих бед в коммунизме как таковом. Недовольство господствовавшим учением усиливалось также то, что оно было безальтернативным, а властная элита напрямую себя с ним отождествляла. В сегодняшнем Иране происходит нечто подобное: поскольку власть всячески подчеркивает свою приверженность законам ислама и свои действия объясняет тем же, то не-

удачные действия правительства бросают тень и на официальную религию как декларируемый источник легитимности правящего режима. И отход от ислама — это своеобразная форма политического протеста. Впрочем, власти уже начали понимать уровень девальвации собственной пропаганды. Недаром после последних выборов количество изображений Хомейни и различных пропагандистских лозунгов на улицах городов резко уменьшилось — возможно, в несколько раз.

В истории человечества во всех странах во все эпохи встречались люди, которые в результате длительного духовного поиска или под влиянием более прозаических причин меняли веру. Однако в современном Иране религиозные искания выходят далеко за пределы круга утонченных интеллектуалов. По всему Ирану появляются неформальные общины людей, более не считающих себя мусульманами и «вернувшихся» в «веру отцов» — зороастризм или христианство. Поэтому можно довольно часто встретить благочестивых иранцев-мусульман, совершивших хадж в Мекку и при этом носящих на шее серебряных фаравахаров — своеобразный аналог христианского ангела-хранителя. Один из таких исфаханских «криптоогнепоклонников» так сформулировал свои мысли по этому поводу: «Вне всяких сомнений, ислам в основе своей — религия мира, дружбы и любви. Но в последнее время мне все больше кажется, что для нашего народа она не очень-то подходит: слишком уж она поверхностна, а потому часто порождает нетерпимость и экстремизм. Нашему сознанию хочется чего-то большего».

Дихотомия между конфессиональной мусульманской и этнической персидской компонентами иранской идентичности обострилась, помимо прочего, и благодаря внешнеполитическим факторам. В 1980–1988 гг. Иран участвовал в вооруженном противостоянии с Ираком — арабской страной, чье

руководство в пропагандистских целях провозгласило этот конфликт «Кадисией Саддама». Так оно делало попытку провести параллель между текущим конфликтом и знаменитой битвой при Кадисии, состоявшейся в 636 г. В том сражении арабо-мусульманское войско нанесло сокрушительное поражение армии Сасанидов, после которого последние уже не смогли оправиться. В иранском обществе война с Ираком вызвала резкое усиление анти-арабских настроений. Мне не раз доводилось слышать от иранцев — прежде всего молодежи — о том, что культурно, этически и ментально европейцы им намного ближе арабов и прочих мусульман. Распространению подобной идентичности способствует многочисленная иранская диаспора на Западе. Ее представители отличаются достаточно высоким уровнем образования, благосостояния и степенью интеграции в общества европейских и североамериканских стран. Она поддерживает постоянные контакты с оставшимися на родине соотечественниками и является источником распространения западной идеологии и культуры.

Невзирая на постоянно звучащие в государственных СМИ декларации о верности иранской нации идеалам исламской революции, даже в напрямую ассоциированных с режимом кругах ощущается беспокойство за «духовные скрепы» народа. Так, в 2010 г. в телепрограмме, посвященной вопросам религии, представитель шиитского духовенства прямо заявил, что главной угрозой для нового поколения иранцев является возрастающая популярность зороастризма. «Не дадим молодым шиитам оставить веру!» — так закончил свое выступление почтенный исламский авторитет.

Разумеется, говорить о серьезных угрозах доминированию шиитского ислама в ИРИ пока преждевременно. Однако налицо признаки размывания того прочного моноконфессионального монолита, которым было иран-

ское общество до революции 1979 г.: помимо очевидных случаев «апостасии», общий уровень религиозности, особенно среди городской молодежи, неуклонно снижается. Люди все меньше соблюдают пост, все реже посещают пятничные намазы в мечетях, среди молодого поколения добрачное сожительство, употребление алкоголя и игнорирование намазов становятся все более распространенными явлениями. Пожалуй, лучше всего причины такой религиозной апатии объяснил Хасан — тегеранский таксист, показывавший мне мавзолей имама Хомейни на кладбище Бехеште Захра на юге Тегерана. «Я верующий шиит. — начал Хасан. — Я очень почитаю нашего восьмого имама Резу, дважды ездил в паломничество в Мешхед в его мавзолей. Но мне очень жаль, что правящие муллы своими поступками — коррупцией, радикализмом и презрением к обычным людям — дискредитируют ислам. Возвышенную веру они превратили в пошлую пропаганду, которая отвращает от религии многих людей. Ведь имамы первых веков были настоящими праведниками и достойными руководителями общины. А кто они такие? — Хасан указал на портреты Хомейни и Хаменеи при входе в мавзолей. — Обычные политики, хотя, вероятно, и не самые плохие».

Впрочем, стоит отметить, что подобные настроения в большей мере характерны для столицы и крупных городов. Множество небогато одетых паломников, приехавших со всех концов Ирана, чтобы помолиться у гробницы Хомейни, и ночевавших в палатках и прямо под открытым небом, красноречиво свидетельствовали о популярности рахбара (персидское наименование духовного лидера ИРИ) в традиционалистских слоях общества.

Говорить о каких-либо серьезных сдвигах в массовой идентичности иранцев надо крайне осторожно. Однако очевидно, что они могут произойти в случае кардинального изменения общественно-политической ситуации в будущем, поскольку определенные предпосылки для этого уже сформировались в силу специфического исторического контекста, выделяющего Иран на фоне остальных мусульманских стран. После исламской революции 1979 г. власть и общество как бы поменялись местами, декларируемые шахом и высшей аристократией идеи светского национализма с выраженным акцентом на доисламские традиции проникли в широкие массы, ранее целиком лояльные шиитской иерархии и ее союзникам, которые управляют страной и поныне.

Мирослав Валькович

ЯЗЫЧЕСТВО И НАЦИОНАЛ- ДЕМОКРАТИЯ

Если исходить из принципа, что все пути ведут к единому центру — Творцу, то в конечном итоге мы придем к выводу, что все религиозные концепции, школы и культы — всего лишь инструменты достижения этой цели. Подбор этих инструментов зачастую продиктован либо ментальными особенностями народа, либо политической необходимостью.

Именно последней был продиктован, по утверждению историков, факт крещения Руси в 988 году. Дабы был понятен масштаб этого ключевого события в нашей истории, представьте: Путин заявил, что с 1 января 2015 года в связи с внешней обстановкой в мире в Российской Федерации государственной религией становится ислам, все же остальные религии окажутся под запретом.

Принятие христианства было прежде всего политическим актом. В духовном же аспекте на Руси получилось двоеверие, облекшее языческую концепцию в христианскую форму. Поэтому постараемся проанализировать современное языческое движение именно с политической точки зрения — как инструмент достижения национальных интересов.

С этой точки зрения существуют две противоположные системы управления обществом: авраамическая (византийская, централизованная, государственная) и языческая (древнерусская, децентрализованная, демократическая).

Авраамические принципы подразумевают жесткую централизацию вла-

сти, в том числе религиозной. Именно этим обусловлено появление папы Римского, Патриархов и прочих верховных священнослужителей. Этим же обусловлено и библейское «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1). Жесткая, четкая иерархия во всех авраамических религиях не оставляет места для свободы их последователей. Все отклонения от генеральной линии — сектанство и наказуемо. Все другие религии и учения — ересь. Под влиянием религий подобный же подход зачастую складывался и у светской власти по отношению к своим гражданам.

В языческой же концепции подход прямо противоположный. Само понятие «единства множества», наличие пантеона множества Богов подразумевают и децентрализацию власти, отсутствие единого учения или школы, единого духовного центра или лидера. Не случайно такое понятие как демократия появилось именно в языческую эпоху Древней Греции и Рима.

В дохристианской Руси также существовала демократия в форме народного самоуправления, а переход на централизованную форму управления, происходивший одновременно с введением христианства, вызывал яростное сопротивление народа, о чем пишут многие историки.

«Вполне понятно, что крестьянская масса предпочитала свою старую веру, держась своих волхвов, и косо поглядывала на прибывших из Визан-

тии и своих русских архиереев, архимандритов, священников, за которыми стояла сила государства» (*Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.—Л., 1964. С. 263).

Это приводило к бунтам и народным восстаниям. Как отмечают большинство исследователей, одну из главных причин классового неравенства народ видел именно в новой религии.

Так, в 1227–1230 гг. в Новгороде происходили народные волнения. И вновь сказывается религиозный фактор, снова языческие корни проступают сквозь христианскую обыденность, несмотря на то что прошло почти двести пятьдесят лет после крещения Руси: «Начало народной “голки” отмечено появлением волхвов, сожженных на костре» (*И.Я. Фроянов*).

Но вернемся в современность. Так уж сложилось, что молодые, прогрессивные религиозные течения зачастую побеждают в борьбе со старыми, не отвечающими современным вызовам. Может ли современное язычество (пусть даже с приставкой нео-) ответить на современные вызовы? Думаю, да. Поскольку мы взяли за основу именно политический аспект, то давайте постараемся рассмотреть этот вопрос подробнее.

Во-первых, национальный вопрос. Язычество изначально *raganus* — то есть народная вера. Род является основой основ, как любят говорить христиане — Альфой и Омегой. Не случайно корень *род* ключевой в таких словах, как *Родина*, *народ*, *родители* и т.д. Невозможно представить, чтобы русский язычник старался обратить в

свою веру жителя Африки или армянский язычник — якутского. Это противоречит самой сути языческой философии.

Отсюда второй аспект — межнациональный и геополитический. В условиях языческих обществ невозможны религиозные, межкультурные войны.

В-третьих, борьба за свободу как духовный путь. Для язычника понятие воли и свободы являются священными.

В-четвертых — нация как Род. То есть язычник рассматривает свой народ как единый, целый организм.

Он не может видеть себя вне оногo, мало того, этот организм он видит священным, и служение ему является духовной практикой.

Кто-то сказал, что не будь у русских язычества — его стоило бы придумать для самосохранения нации. Благо, ничего придумывать не приходится, достаточно лишь вспомнить и возродить забытое.

Как писалось выше, язычество является децентрализованной системой, которая включает в себя огромное количество школ, течений и учений. Вплоть до того, что каждый род, семья имели свои обычаи и традиции, своих богов-покровителей. И в этом нет ничего страшного, даже наоборот, позволяет развиваться. Кроме того, этот аспект по умолчанию признает наличие других религий и конфессий, достаточно лояльно воспринимая их собственный обособленный путь. Именно поэтому языческая философия может прекрасно существовать и развиваться в светском обществе.

Эдриан Гастингс

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ХРИСТИАНСКИЙ ФЕНОМЕН

I

Всем известна история о том, как Сталин однажды с презрением заметил: «Папа? И сколько у него дивизий?»¹ По иронии истории ответом на этот риторический вопрос стал распад сталинской империи, причем именно в тот момент, когда пришло осознание, что католическая и националистическая Польша была тем единственным образованием, которое ей было совершенно не по силам переварить. И этому поспособствовал Папа-поляк². Стоит добавить, что единственной нацией, которую Британская империя, несмотря

на столетия террора, так и не смогла переварить, стала католическая и националистическая Ирландия. Также, если есть в нынешней Европе область, которая не стала приспосабливаться к либеральным стандартам европейской политики, то это — православная националистическая Сербия³. Во всех этих случаях мы видим непокорную силу национализма, имеющего основание в религиозной идентичности. Связь между национализмом и религией редко была столь укоренена и столь сильна, как в этих трех случаях. Тем не менее большинство европейских националистических идеологий имело в прошлом и имеет ныне весьма тесные связи с религией, как мы это видели на примере Англии. Хотя существовали и некоторые националистические идеологии, например в Шотландии, Швейцарии и Италии, где религия играла лишь роль вспомогательного элемента.

В этой главе мы рассмотрим национализм с точки зрения религии. Во-первых, речь пойдет о том многообразии путей, с помощью которых религия оказывает мощное влияние на процесс формирования наций и национализма, а во-вторых, мы обсудим универсалистское и антинационалистическое измерения христианства и ислама. В этой книге почти все исследуемые явления относятся к христианству. Я решительно утверждаю, что всякая этническая общность формируется под воздействием религии в неменьшей степени, чем под влиянием языка. Поэтому не

От редакции. Эдриан Гастингс (1929–2001) — католический священник; историк, специалист в области истории наций и национализма. Выпускник Оксфордского университета (1949), окончил также папский Университет св. Урбана в Риме, где получил степень доктора богословия (1958). В 1955 г. рукоположен в священник сан. В 1985–1996 гг. — профессор богословия, руководитель кафедры теологии и исследования религии в Университете Лидса. В 1985–2000 гг. — главный редактор журнала «Религия в Африке». Автор 21 монографии. Данная публикация — перевод заключительной, восьмой главы из его книги «Образование наций: этничность, религия и национализм» (*Hastings A. The construction of nationhood, ethnicity, religion and nationalism. Cambridge, 1997*). Следует иметь в виду, что Гастингс выступает здесь не только как ученый, но и как апологет своей конфессии. Название дано редакцией.

¹ Цитата известна во многих вариантах (*Прим. пер.*).

² Иоанн Павел II (*Прим. пер.*).

³ Писано в 1997 г. (*Прим. пер.*).

случайно, что когда, после изучения ранней стадии формирования этноса, исследователь обращается к процессу становления собственно нации, предметом его изучения становятся именно христианские народы. И причина не просто в том, что наши рассуждения в основном ограничиваются Европой. Дело не в этом. Я утверждаю, что и нация, и национализм — типично христианские явления, которые, коль скоро они встречаются где-либо еще, сделались таковыми в процессе вестернизации и подражания христианскому миру, даже если ему подражали в большей степени как западному, а не как христианскому.

Единственное подлинное исключение из данного правила, которое я признаю, — это евреи. Их действительно можно назвать истинной протонацией: ведь в Ветхом Завете представлена, в лице древнего Израиля, модель, которую приняли позднее христианские нации. Однако в период от падения Иерусалима в I веке и до создания государства Израиль в XX в. евреи были настолько далеки от того, чтобы являть собой национальное государство или хотя бы определенный политический субъект, что они перестали представлять собой нацию в том смысле, в котором мы ее здесь рассматриваем. Основной парадокс еврейской истории состоит в том, что народ, который дал миру сами образцы нации и национальной государственности, утратил их почти на два тысячелетия и все-таки выжил. Хотя евреи, потеряв государство, территорию, а затем и даже всякую видимость политического национализма, став в большинстве своем нарочито аполитичными, все же сохранили ядро своей национальной идентичности благодаря использованию коллективной памяти и собственной религии, основанной на уникальной письменной традиции. Каким бы ни был их разговорный язык, евреи всегда спланивались вокруг еврейской Библии и связанных с ней текстов. Более того, в итоге они

спланивались скорее в нацию, чем в этническую общину. Причем в эту нацию входили разные субэтноты, например, ашкенази и сефарды. Необычайно, что столь многочисленный народ, в котором так много образованных и богатых людей, не только не имел собственного, но и не был включен в состав какого-либо чужого государства или же был включен минимально. Их маргинальное положение было следствием христианского или исламского характера государств, в которых они жили. Именно отсутствие политического измерения в еврейской истории вплоть до XX в. поражает больше всего. Однако в секуляризованных государствах, лишенных укорененного этнического национализма, это отсутствие не было ни абсолютным, ни неизменным. Пример Америки может послужить в этом смысле образцом. Но чем более националистической в этническом смысле становилась политическая система вокруг евреев в течение XIX в., тем более очевидным становилась ненормальность их положения и тем неизбежной становился подъем сионизма.

Сионизм не был религиозным движением. Иудейская религия вполне приспособилась к существованию в рассеянии, и долгое время отношения между сионизмом и иудаизмом были неприязненными. Сионизм был националистическим движением, которому способствовало давление других националистических движений в европейском мире. Как и у них, его целью было создание национального государства; и прискорбно, что в исследованиях по национализму обычно избегают рассмотрения этого факта. В случае евреев соблюдена основная последовательность: нация — национализм — национальное государство. Кроме того, их случай свидетельствует о том, что пока нет национализма, нация может быть почти невидимой. Действительно, для многих отдельных евреев их еврейскую идентичность можно было определить как этническую и религиозную, в то вре-

мя как их национальная идентичность была английской, французской или немецкой⁴. Для некоторых это и сейчас так. В еврейской национальной истории имел место длительный разрыв, и современный еврейский национализм и национальная идентичность являются скорее последним, чем первым звеном в исторической цепи. Поэтому нам показалось оптимальным начать изучение истории возникновения наций и национализма с Англии, которая фактически является мировой протонацией, несмотря на то что в рамках христианской истории Англии предшествовали более изолированные примеры Эфиопии и Армении.

Третьим ответвлением авраамического монотеизма является ислам, мировая религия, имеющая много общего с иудаизмом и христианством. Но в нашем случае у них совсем мало общего, что я постараюсь показать. Христианство по своей собственной природе являлось средством формирования наций и даже национализмов, в то время как ислам был, напротив, глубоко антинационален. Большинство смутных рассуждений о взаимоотношении религии и национализма обесмысливаются, когда допускается, что всякая религия годится для производства одинаковых политических результатов. Это не так.

Вернемся к влиянию религии на национализм. Обычно представляется, что оно вызывается избыточностью, в том или ином аспекте, вклада религии в конструирование самой национальной идентичности. Чем большее влияние на нацию оказала религия, тем лучше эта нация, в свою очередь, может влиять на всякую внешнюю форму данной религии. В то время как нация, существование которой мало связано религиозным факторам, с гораздо меньшей вероятностью породит впоследствии нацио-

нализм с религиозным характером. Итак, мы должны в основном обозреть разные, неизбежно накладывающиеся друг на друга пути, которыми христианство формировало строение наций, и я предлагаю сделать это, выделив следующие семь пунктов. Во-первых, это сакрализация отправной точки формирования нации; во-вторых, мифологизация и поддержание памяти о великих угрозах национальной идентичности; в-третьих, общественная роль духовенства; в-четвертых, создание литературы на национальном языке; в-пятых, предоставление библейской модели для нации; в-шестых, автокефалия национальной Церкви; в-седьмых, утверждение идеи об уникальности исторического пути нации.

Начнем с пункта об *определении и канонизации истоков*. У нас есть потрясающий недавний пример во Франции: спор о том, как подобающим образом отпраздновать крещение Хлодвига в Реймсе (496 г.) святым Ремигием. Связь между франкским королевством Хлодвига и современной Францией может показаться весьма слабой, но нельзя не признать тот факт, что результатом обращения Хлодвига была стабилизация франкской идентичности в начале ее исторического развития, продолжающегося до наших дней. Это событие успешно привело франков к католицизму, с великой пользой для обеих сторон (какой контраст с арианством вестготов!), и произошло это в Реймском соборе, который стал коронационным храмом для франкских королей. Несмотря на значимость этого события, трудно отделаться от мысли о некоторой второстепенности его значения для самого франкского королевства. Епископ Реймса, конечно же, утвердился там задолго до Хлодвига, и, несмотря на важность данного события для самого Реймса, это не поставило под сомнение первенство лионской кафедры, первенства, символизирующего тот факт, что галлы жили здесь прежде франков и продолжали доминировать.

⁴ Увлекательное исследование взаимоотношений английской и еврейской национальных идентичностей см. в кн.: J. Shapiro. Shakespeare and the Jews. N. Y., 1996.

По преданию, святой Ремигий наделил Хлодвига способностью излечивать золотуху прикосновением. Франки стали правой рукой католической Церкви, их король — христианнейшим царем, и если французская нация, возможно, более, чем любая другая из европейских наций, выросла из государства, созданного монархией, тогда Хлодвиг, его крещение и Реймский собор — основополагающие факторы того процесса, который сделал Францию Францией. Не генетическое происхождение народов, но их происхождение как единых общностей с определенного момента народной истории — вот что действительно важно. Поэтому католицизм является необходимой составляющей французской идентичности не только в понимании реакционного национализма «Аксьон Франсез». Для светской республики крещение короля пятнадцать столетий назад также является событием, которое нельзя просто проигнорировать.

В главе 2 мы видели, как христианство различными путями решительно формировало основы английской нации. Власть архиепископа Кентерберийского объединила Англию в то время, когда, по сути, еще нечего было объединять. А Беда⁵ ясно изложил свою позицию, создав историю одновременно Церкви и нации, в эпоху, когда по всей стране еще царствовало полдюжины разных королей. Альфред⁶, переводчик «Пастырского правила» папы Григория⁷ и «Истории» Беда, обладавший

ярко выраженным церковным сознанием, стал фактически первым королем Англии, наследником Беда и Августина Кентерберийского в неменьшей степени, чем Ине или Оффа⁸.

Если мы обратимся к Ирландии или Сербии, мы увидим другую парадигму основания нации, в центре которой стоит фигура одного конкретного святого, Патрика или Саввы. Ничего подобного нет в Англии или Франции. Может быть, имеющая решающее значение фигура единственного основателя, апостола или святого, больше подходит для осмысления национальной идентичности в религиозных категориях, чем более неоднозначные процессы, инициированные монархией в других странах. Такое осмысление, несомненно, легче переживает эпоху республиканизма. Кроме того, почти везде ранний этап развития христианских наций связан с правлением сменяющих друг друга канонизированных царей. Так было в России и Эфиопии; но едва ли в меньшей степени, по крайней мере, в глазах Элреда Ривоского⁹, это касалось и королей Англии. Обращение в христианство в средневековом мире снова и снова выстраивало национальную идентичность вокруг определенной королевской династии и определенных святых мест. Несомненно, это происходило в результате близкого отождествления Церкви с королевской властью. Церковь возвышает, освящает и делает устойчивой эту власть, но одновременно она фактически подчинена ей. Таким образом, новая национальная идентичность появляется в результате некой религиозной инъекции. Хлодвиг обладал властью исцелять золотуху только

⁵ Беда Достопочтенный (ок. 672–735) — бенедиктинский монах, историк и богослов. Написал одну из первых историй Англии под названием «Церковная история народа англов» (*Прим. пер.*).

⁶ Альфред Великий (ок. 849–899) — первый из королей Уэссекса, использовавший в официальных документах титул короля Англии (*Прим. пер.*).

⁷ Григорий I Великий (Двоеслов) (ок. 540–604) — папа Римский (590–604), отец и учитель Церкви (*Прим. пер.*).

⁸ Ине (†728) — король Уэссекса (688–726). Оффа — король Мерсии в 757–796 гг. и король Восточной Англии в 794–796 гг. (*Прим. пер.*).

⁹ Элред Ривоский (1110–1167) — средневековый английский историк и богослов, аббат монастыря Риво в Северном Йоркшире, католический святой (*Прим. пер.*).

потому, что этой властью наделил его святой Ремигий, но потомки короля будут отныне владеть ею всегда. И хотя первоначально получателем и обладателем сакральных даров был в первую очередь король, нация впоследствии утверждает свою идентичность, занимая пространство смыслов, которое возникает вокруг фигуры помазанника. Подобно тому как Израиль обретался вокруг Давида или Соломона, так и национальная идентичность утверждалась вначале в значительной степени в границах Церкви, еще до того как ее легализовала королевская власть (заметим, что в Англии процесс развивался несколько иначе, т.к. короли здесь, за исключением Элреда, в общем, имели меньшее значение). В случае Ирландии действие данной модели еще более очевидно. Исключительное положение святого Патрика в стране определялось как его личными достижениями (немногими, насколько мы знаем), так и тем фактом, что в Ирландии не было династии, освященной Церковью. В то же время святой Савва, при всей значимости его личности, неотделим в своей роли основателя нации от царской династии, к которой он принадлежал.

Савва был намного более политической фигурой, чем Патрик, и его фигуру было очень просто взять на вооружение националистам. Величие же Патрика заключается в том, что он создал очень заметный маркер идентичности страны, несмотря на то что был аполитичен как Сам Христос. Несомненно, празднование Дня святого Патрика является часто весьма националистическим делом, но празднование Дня святого Саввы является таковым неизбежно.

Другой тип влияния религии на процесс зарождения нации проявляется в случае ее возникновения в ходе религиозного конфликта. Классический пример — Голландия. Можно спорить о степени самобытности северных Нидерландов в период до Реформации, но именно религиозная борьба протестантов с католической Испанией

определила их основные отличия, независимость, и отделение от южных Нидерландов. Затруднительное положение Голландии в XVI в. было очень похоже на проблему елизаветинской Англии, и Голландия вполне могла бы не сохраниться без помощи английских экспедиционных войск. В то время как английская национальная государственность уже существовала, голландской еще не было, и как результат, голландское национальное самосознание и национализм теснее связаны с протестантской идентичностью, которая была причиной их появления на свет. Стоит сравнить этот пример со случаем Португалии, нации, которая выросла из религиозных войн, а конкретней — Крестовых походов. Португальская национальная идентичность в результате была отмечена в веках особо воинственным типом католицизма, агрессивного, националистического, антиисламского. В неменьшей степени решающую роль в формировании испанской национальной идентичности сыграла приверженность идее христианской Реконкисты Иберийского полуострова. Для обеих стран воинственный националистический католицизм оставался значительным фактором еще и в XX веке.

Эти примеры наводят на мысль, что, в широком смысле, для религиозного формирования национализма необходимо наличие борьбы за фронт. В случае, если ряд стран разделяет общую религию, их национальный характер, скорее всего, будет развиваться без постоянного религиозного влияния, наличие которого предполагает атмосфера фронта (католики пред лицом мусульман, православные пред лицом католиков, протестанты пред лицом католиков). Когда народ чувствует угрозу самому своему существованию пред лицом силы, сопряженной с другой религией, на политический конфликт с большой вероятностью накладывается чувство религиозного конфликта, почти крестового похода. В результате национальная идентич-

ность сливается с идентичностью религиозной.

Это подводит нас ко второму фактору — *мифологизации угроз национальной идентичности*. Возьмем, к примеру, Пороховой заговор, осаду Дерри, битву на Косовом Поле или возвышение Жанны д'Арк. Все это исторические моменты, в которых речь идет о спасении нации. Практически в каждом случае есть предатели — полковник Ланди, Вук Бранкович, Гай Фокс, епископ Кошон, — присутствие которых обостряет противостояние «своих» и «чужих». В каждом случае присутствует чувство абсолютной преданности братству «своих» и нравственная пропасть, отделяющая «своих» от «чужих», угрожающих нашей «свободе, религии и законам», будь они мусульмане, католики или просто епископ-приспособленец, желающий послужить своим заграничным хозяевам. «Бог на нашей стороне», это особенно очевидно в такие моменты, даже если позже их станут рассматривать только как дело случая.

Такие события редко и впрямь бывали решающими. Такое значение зачастую приписывалось им позднее, хотя из этого не следует, что оно было в действительности ложным, даже в историческом смысле. Скорее, в ретроспективе, масштабные исторические процессы упрощались и ассоциировались в народной памяти с каким-либо единичным событием или героической фигурой, наиболее подходящими для укрепления самобытной идентичности. Большая часть событий была просто забыта или, по крайней мере, перестала вызывать какие-либо эмоции. Осада Дерри или Пороховой заговор были возведены в ритуал именно для того, чтобы обеспечить социализацию каждого последующего поколения в рамках мировоззрения, основанного на разделении на «своих» и «чужих», мировоззрения одновременно националистического и религиозного. По-видимому, именно квазирелигиозное восприятие этих, на самом деле совершенно секу-

лярных событий, сделало достоверной столь значительную смысловую нагрузку. Такие события и их ритуализация не просто поддерживают национальную идентичность, они являются мощными инструментами для продвижения национализма. В своей автобиографии Нельсон Мандела описывает всеобщее воодушевление, охватившее заключенных во время чтения оды Чаке¹⁰ на первом суде по делу о государственной измене в Южной Африке: «Внезапно не стало ни коса, ни зулуса, ни индуса, ни африканца, ни правого, ни левого, ни политических, ни религиозных лидеров; мы все были националистами... В тот момент мы почувствовали руку великого прошлого... и силу великого дела, которое связало нас вместе»¹¹.

Наш третий религиозный фактор в процессе утверждения национальной идентичности — это *духовенство*. Конечно, не везде и не всегда. Раннесредневековое, ограниченное своим местопребыванием, почти необразованное священство вряд ли полностью выполняло эту роль. Однако достоин внимания тот факт, что Элред Ривоский, происходивший из рода потомственных сельских священников Гексама, в «Генеалогии английских королей» и «Житии Эдварда Исповедника» проявляет себя как весьма национально-сознательный автор¹². На самом деле роль сколько-нибудь образованного и высокопоставленного духовенства в обществах Средневековья и раннего Нового времени состояла в том, чтобы быть посредником в распространении национальной идентичности между правящим и управляемым классами.

¹⁰ Чака (Шака) (1787–1828) — основатель и первый правитель державы зулу (*Прим. нр.*).

¹¹ *Nelson Mandela. Long Walk to Freedom.* London, 1994. P. 188.

¹² См.: *Rosalind Ransford. A Kind of Noah's Ark: Aelred of Rievaulx and National Identity // Religion and National Identity, Studies in Church History* (ed. Stuart Mews). Oxford, 1982. P. 137–146.

Хобсбаум, выражая скепсис насчет существования национального самосознания в эту эпоху, заметил, что «переносить наши выводы с элиты на массу, с грамотных на неграмотных мы, безусловно, не вправе, пусть даже два этих мира и невозможно совершенно отделить друг от друга»¹³. Он подчеркивает: тот факт, что хорватская знать считала себя чем-то вроде нации, вовсе не значит, что «рядовой состав простонародья», хорватские крестьяне, разделяли такое самосознание¹⁴. Почему должны крестьяне «отождествлять себя со “страной”, состоящей из сословия господ, которое неизбежно являлось главной мишенью их недовольства»?¹⁵ Несомненно, в таком противопоставлении есть доля истины, хотя я подозреваю, что оно основано на несостоятельном социологическом анализе, который предполагает, что классовая идентичность просто предшествует общинной идентичности. Разве многие из нас перестали определять себя британцами, хотя долгие годы наши правители, Маргарет Тэтчер и Джон Мейджор, «были основной мишенью нашего недовольства»? Но основная слабость классового анализа у Хобсбаума мне видится в том, что, рассматривая традиционную Европу, он игнорирует третий класс, духовенство. Именно низшее духовенство, живущее на своих приходах по всей Европе, относительно бедное, грамотное, получившее образование в соборных школах или, начиная с XIII в., все чаще в университетах, находящееся в постоянном соприкосновении как с землевладельцами, так и с крестьянами, — именно оно стимулировало чувство общей местной, областной или национальной идентичности. Самые первые университеты были исключительно общеевропейскими, но с ростом их

числа они становились все более и более национальными и даже националистичными по духу. Уже в 1214 г. студенты Парижского университета целую неделю праздновали победу при Бувине¹⁶. Неудивительно, что Оуэн Глендур¹⁷ хотел открыть пару университетов в Уэльсе. С XVI в. ту же роль играют семинарии. Иногда они становятся прямо-таки рассадниками национализма, но их основная роль — подготовка людей, которые будут вести обучение неграмотных или полуграмотных на родном для них языке, а для этого им самим была нужна религиозная литература на национальном языке. В таких условиях духовенство было вынуждено мыслить в категориях, имеющих отношение к данной местности, выраженных на местном языке и все более и более национальных.

Наиболее очевидным этот процесс становится с XVI в. не только в связи с переводом протестантским духовенством богослужения на национальные языки, но и в связи с деятельностью национального католического духовенства — французского, испанского или ирландского. Однако фактически движение началось значительно раньше и стало одним из факторов, подтолкнувших священников к уходу в движения наподобие лоллардов¹⁸. Но даже если

¹⁶ Сражение в ходе англо-французской войны между войсками французского короля Филиппа II Августа и англо-фламандско-немецкой коалиции, возглавляемой императором Священной Римской империи Оттоном IV. Завершилась победой французов и усилением королевской Франции (*Прим. пер.*).

¹⁷ Оуэн Глендур, коронованный как Оуэн IV Уэльский (1349 — ок. 1416) — последний валлиец, носивший титул принца Уэльского. Был инициатором длительного и ожесточенного, но в итоге неудачного восстания против английского господства в Уэльсе (*Прим. пер.*).

¹⁸ Лолларды (от *ср.-нидерл.* lollaert — бормочущий) — средневековое еретическое дви-

¹³ *E.J. Hobsbawm. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 48.*

¹⁴ *Ibid.* P. 76.

¹⁵ *Ibid.* P. 74.

не брать во внимание случай лоллардов, пастырские задачи Церкви требовали большего использования родного языка и национальной литературы, как только для этого появилась возможность. Обращение Церкви к национальным языкам не является достижением Реформации. Мы видим этот процесс уже в Англии X в., в миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия и, по-видимому, в любой стране Западной Европы. Являясь связующим звеном между классами, духовенство (а оно часто было очень многочисленно) неизменно обеспечивало, путем исполнения пастырских функций, некоторую общность самосознания у богатых и бедных, грамотных и неграмотных, знати и крестьян, будучи при этом связано со всеми классами сразу. Священники были не просто проповедниками в узком смысле этого слова, но также учителями истории и многих других дисциплин. Так, Лайамон, некий священник в селе Вустершира конца XII в., сочинил стихотворение «Брут», первую историю Англии на английском, включающую сведения про королей Артура, Лира и Цимбелина. Несомненно, литературное мастерство Лайамона являлось исключением из правил, но та социальная роль, которую он выполнял, была общим правилом. Сельские священники обеспечивали причастность нации всех классов. Издание литературы на национальных языках, причем в допротестантской Церкви, значительно увеличивало их вклад в процесс формирования наций. Имон Даффи в исследовании под названием «Демонтаж алтарей» показал, что печатное дело в Англии между 1470 (когда оно началось) и 1530 годами в основном было посвящено изданию «широкого круга назидательных и дидактических трактатов, созданных для того, чтобы содейство-

вать традиционному благочестию» совершенно ортодоксального свойства. Большая их часть была на английском, и «печатание дало сильнейший толчок движению за религиозное просвещение на родном языке»¹⁹. На самом деле уже до этого, с XIV в., многие тексты циркулировали в рукописном виде. В главе 4 я предположил, какое влияние имел данный процесс во Франции XVII в., а в главе 5 рассмотрел его влияние на хорватскую идентичность. Таким образом, нам становится очевидным, как духовенство, просто выполняя свою работу, активизировало процесс формирования национального самосознания путем широкого распространения литературы на национальных языках. Я полагаю, что именно этот процесс (а он шел по всей Европе) зафиксировал границы основных национальных идентичностей, разделенных именно по признаку наличия собственной литературы. И он сыграл намного большую роль в формировании наций, чем какие-либо политические факторы. В течение XIX в. данную роль низшего духовенства взяли на себя учителя средней школы и, отчасти, университетские преподаватели.

Это подводит нас к нашему четвертому фактору, с помощью которого религия оказывала влияние на формирование наций, — *поддержке литературы на родном языке*. Действительно, всякая обширная национальная литература по существу способствует утверждению сознательного чувства национальной идентичности. Чтобы понять значимость этого фактора для взаимосвязи между религией и национальной идентичностью в европейском контексте, необходимо исследовать, во-первых, природу христианства как религии перевода и, во-вторых, рассмотреть интригующую взаимосвязь между фактом владения Библией (как Ветхого, так и Нового Заветов), и рас-

жение социально-уравнительного характера. Лолларды выступали против церковной иерархии, монашества и учения о таинствах католической церкви (*Прим. неф.*).

¹⁹ E. Duffy. The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England 1400–1580. New Haven, 1992. P. 77, 79.

пространением национального самосознания. Бенедикт Андерсон утверждал, что подъем наций и национализма стал возможен только с падением влияния религий с их «священными языками». Это большое недоразумение. Христианство никогда не имело священного языка. Если бы имело, это был бы, наверное, арамейский язык, на котором говорил Иисус, «Слово, ставшее плотью», но христиане быстро перестали им пользоваться после того как вышли из Палестины (хотя немногие до сих пор его используют). Но его никогда не считали священным. Не считали таковым даже греческий, на котором написан Новый Завет. Только в каком-то фундаменталистском течении христианской традиции язык мог сделаться священным, но это входит в противоречие с самой сущностью этой религии. Поразительно другое: сама готовность христиан снова и снова переводить Священное Писание на сирийский, армянский, коптский, эфиопский и латинский в ранние века, затем на славянский и, наконец, на почти бесчисленное количество других языков в Новейшее время. Несомненно, бывали периоды бескомпромиссного лингвистического консерватизма со стороны церковных властей, особенно папства, но совершенно ошибочно считать готовность Церкви к новым переводам Священного Писания — одну из центральных черт христианства в целом — чисто протестантской особенностью. Также не стоит сомневаться, что попытка со стороны части римских клириков сделать латынь отдельным «священным» языком была не чем иным, как отклонением от норм христианства. Поразительна скорость, с которой были освоены христианскими писателями национальные литературы Западной Европы: валлийская, ирландская, английская, немецкая, французская, голландская и другие. Этому способствовали существенные черты христианства: отсутствие текстов, написанных Самим Иисусом, и приверженность универса-

лизму, ясно выраженному в Новом Завете — «научить все народы» (Мф. 28, 19). Текст о Пятидесятнице во 2-й главе Деяний, который можно рассматривать как изложение фундаментального церковного мифа, делает акцент именно на непохожесть языков парфян, мидян, эламитов и других, «слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих» (Деян. 2, 11). Итак, использование мировых языков было имманентным христианству в самых его истоках. Ни еврейский, ни греческий или латинский языки не имели особых претензий на исключительное для него значение. Утвердилось всеобщее представление, что священные тексты остаются столь же священными и в переводе. Об этом говорит раннее предание, гласящее, что Евангелие от Матфея изначально было написано на арамейском, и лишь затем переведено на греческий; об этом свидетельствуют и переводы на латынь и сирийский уже во II в. Таким образом, христианство считало культуру перевода чем-то само собой разумеющимся. Оно также опиралось на многочисленные места в Новом Завете, где мир представляется состоящим из «народов» и «наций», и на Ветхий Завет, где предлагалась модель того, как должна выглядеть нация. Когда Регино Прюмский²⁰ писал свою «Хронику» (около 900 г.), он так изложил то, что можно назвать нормативным христианским взглядом на человеческое общество: «Как разные народы (*diversae nationes populorum*) различаются между собой по происхождению, нравам, языку и законам (*genere, moribus, lingua, legibus*), так святая и вселенская Церковь среди этих народов различается в своих церковных обычаях, хотя и повсюду в мире скреплена в единстве веры»²¹. Здесь не

²⁰ Регино Прюмский (840–915) — аббат Прюмского аббатства (Лотарингия), хронист (*Прим. пер.*).

²¹ *Regino of Prüm. Chronicon // Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum Rerum Germanicarum* (65). P. XX. Quoted in: Susan Reyn-

ставится под вопрос единство и универсализм Церкви, которые неизбежно ограничивают степень приемлемого религиозного многообразия для разных народов. В то же время существование наций и различия между ними принимаются как само собой разумеющийся факт, также как и разнообразие церковных обычаев, отражающих эти различия.

Повторим, что в единстве христианской веры многообразие наций, обычаев и языков просто принимается как данность. У человека, который обращается к Новому Завету как к главному руководству, объясняющему устройство мира, это утверждение не вызовет особых сомнений. Это подводит нас к пятому фактору — *Библии*, выступающей в качестве образца, дающего возможность представить и создать христианскую нацию. В понятиях Нового Завета, Господь может благоволить народу, но единственной избранной нации быть не может — ведь только сама Церковь есть Новый Израиль. Тем не менее Ветхий Завет подробно описывает, что собой представляет теоцентричная нация и какова ее судьба в случае богоотступничества. Почему бы Богу и сейчас действовать иначе? Почему бы какой-либо нации, право на существование которой утверждено Новым Заветом, не удостоиться провиденциальной роли в духе Ветхого Завета? Уже писатели, подобные Беде, начинают примерять к собственному народу то, что можно назвать ветхозаветной политической икономией, частью которой была вера в божественное расположение к данному конкретному народу. Джон Барбур, шотландский поэт XIV в., описывал национальное сопротивление англичанам по аналогии с историей Маккавеев. Подобные аналогии выглядели вполне естественными и даже очевидными для вовлеченного в события современника. В сфере богословия вряд ли сле-

дует приписывать особое положение какому-либо народу, но его сложно отрицать в сфере политической или исторической судьбы. Чем больше Ветхий Завет переводился на народные языки, чем больше он становился доступным не искушенным в богословии мирянам, тем больше было возможностей приписать богоизбранность своей собственной нации: столь сильно на политическое воображение христиан действовал пример Ветхого Завета. Мы уже видели, как это действовало в средневековой Франции и Англии XVII в., но любопытный факт: даже Руссо, секулярный пророк нового национализма, читая лекцию полякам о том, как быть нацией, апеллировал к примеру Моисея как идеального строителя нации.

Этой тенденции очень способствовал наш шестой фактор — *развитие автокефальных государственных Церквей* (сначала в православной традиции, особенно у славян, затем в протестантизме). Полная церковная автономия национальных церквей является одним из сильнейших и наиболее устойчивых факторов в поддержке национализма, потому что это чрезвычайно способствует стремлению применить к своей собственной Церкви и народу ветхозаветную приверженность Божества к единственной нации и новозаветную приверженность к единой Церкви.

Все аспекты, рассматривавшиеся до сих пор, можно с легкостью объединить под нашей последней рубрикой — *святость нации и особая судьба*. Когда для некоей нации разрабатывается христианская история, начинающаяся с крещения первого короля и описывающая избавление от великих опасностей, — история народной веры и божественного провидения; когда над Библией размышляют на своем родном языке со всей непосредственностью, которая из этого следует; когда своя собственная Церковь полностью независима от любой другой и полностью отождествляется с национальной Церковью, тогда легче кажется переход на следующую

ступень — объявление себя избранным народом, святой нацией, с особой Божественной миссией. Эту парадигму предоставил Ветхий Завет. Нация за нацией применяли ее к себе, укрепляя в процессе свою идентичность.

Хобсбаум посвящает несколько интересных страниц своей книги понятию «Святая Русь», опираясь на исследование Михаила Чернявского «Царь и народ»²². С Русью Хобсбаум кратко сопоставляет «святую Ирландию» и «святой Тироль». Почему они должны быть святыми и почему на этом надо остановиться? Для Чернявского страна может быть святой, «только если она способна заявить особые притязания во всемирной икономии спасения»²³. Русь могла их заявить как наследница Византии, ставшая «Третьим Римом». Это вполне справедливо, но, как предполагает Хобсбаум, русские крестьяне едва ли нуждались в таком экклесиологическом аргументе, чтобы быть уверенными, что Русь — Богом избранная земля. Такое убеждение происходит скорее из народного богословия творения и воплощения, перетолковывающего в библейском ключе представления дохристианских верований о сакральности данного пространства. Такие интуиции можно встретить в жизни христианской Церкви, в ее литургическом круге, одновременно имеющем основание в смене времен года и Библии. Отсюда следует уверенность, что именно этот народ, наш народ, избран Богом, как был некогда избран Израиль. Как я предположил в 6-й главе, мы находим этому прекрасный пример у эфиопов, символически представленный в замечательном мифе о перенесении ковчега Завета Менеликом²⁴ из Иеру-

салима в Аксум. Эфиопия становится, следовательно, истинным — христианским — Израилем. Несомненно, в глазах франков франки были не менее святы. И в английских глазах — англичане. А в сербских — сербы. И, наконец, американцы также ощущают себя избранной нацией, хотя слово «наконец», наверное, не очень удачно. Каждый народ достаточно отчетливо видит свое «предначертание судьбы». Почему конкретно Тироль так себя видит, я лично не знаю, но, несомненно, у него есть на то достаточные основания.

Однажды, когда я прогуливался по валу Оффы, я остановился у одиноко стоящего дома, чтобы попросить стакан воды. Пока я его пил, пожилая женщина, принеся и чашку молока в придачу, спросила меня, немного смущаясь, мог ли Оффа быть одним из царей, о которых мы читаем в Библии. Библия так просто прививается аборигенам! Сама суть этих многословных историй из жизни израильского народа и способность Церкви сохранять память о них наводит на мысль о связи более чем богословского толка между избранным народом и нами. Само понятие «святого народа», богоизбранного, но переживающего в своей непростой истории взлеты и падения, так просто применить к жизни поближе к дому. Конечно, для ранних христиан и в постоянном богословском созерцании вселенской Церкви это понятие реализуется во вселенском сообществе верных, а никак не в какой-то одной нации, но для обычных христиан, мирян и клириков, это может казаться слишком абстрактным, слишком неполитичным. Даже такой благочестивый богослов, как Беда, может помочь снова направить универсальное в русло национального.

Энтони Смит отрицал, что германский национал-социализм можно точно определить как национализм, на довольно странном обосновании, что он несовместим с националистическим видением множественности свободных

²² *Michael Cherniavsky. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven, 1961.*

²³ *Hobsbawm. Nations and Nationalism. P. 49.*

²⁴ Согласно эфиопской летописной традиции, Менеликом звался сын царя Соломона и аксумской царицы Балкис (царица Савская) (*Прим. пер.*).

наций²⁵. Но разве можно на самом деле определить принадлежность к клубу националистов в столь изысканных терминах, и не является ли такое определение вообще-то весьма антиисторичным? Разве какой-либо мощный национализм когда-либо признавал, что другие нации имеют такое же значение, как собственная нация? Я бы возразил ему, что в этом пункте германский национализм нацистского типа, несмотря на его особо жестокий характер, в принципе довольно близок к нормативному национализму, т.е. норме, основывающейся на Библии. Корни крайнего крыла европейского национализма лежат именно здесь, в широко принятой христианской предпосылке, что может существовать только одна избранная нация, своя собственная, истинный наследник древнего Израиля. Позже мы обсудим тот факт, что эта предпосылка противоречит самой христианской вере, сейчас нам важно осознать, насколько влиятельной она была и остается в христианском опыте. Также представляется, что чем настойчивей некто определяет свою собственную нацию в качестве избранной, тем больше он может хотеть стереть первую избранную нацию — евреев — с лица земли. Наиболее значительные националистические идеологии в Европе выросли из ряда таких отождествлений, часто влияющих друг на друга. При этом многие, если не все, идеологии, о которых идет речь, восприняли в Новое время секулярную форму. Поэтому не следует думать, что современные, светские формы национализма как-то отвергают его истоки. Более того, твердая скала религии, на которую в прошлом опиралось представление о себе как об избранной нации, и сейчас придает огромную силу национальной борьбе на уровне массового сознания.

Из-за отсутствия определенного политического учения в Новом Завете,

как и в раннем христианском сообществе, христианство не выступает в начале своей истории, как ислам, с какой-либо собственной наглядной политической моделью. В результате, когда христиане пришли к власти, они получили возможность двигаться в двух очень разных направлениях. Одно направление — это национальное государство; другое — мировая империя. Оба пути проявляются в христианской истории очень рано. Первым государством, принявшим христианство, была Армения в конце III в., и сохранение армянской национальной идентичности с того времени до настоящего, несомненно, одно из самых примечательных явлений в истории человечества. Монархия не сохранилась, зато сохранилась армянская Библия, литургия и связанная с этим литература. Случай Эфиопии имеет близкое сходство. Сложно ожидать, что маленькие царства того периода переживут в той или иной форме пятнадцать столетий. Ключ к их национальному выживанию видится мне в том, что принятие христианства дало обоим государствам и литературу на родном языке, и идею нации, из которой выросла реальная нация, способная пережить вековые превратности политики.

II

Мы видели, что национальная модель возобновляется снова и снова. Однако, если взглянуть на некоторые центральные периоды христианской истории, можно также увидеть совсем другое явление, а именно, принятие иной модели — модели мировой империи, в качестве которой выступают сменяющие друг друга реинкарнации Римской империи. В этой парадигме христиане в неменьшей степени чувствовали себя как дома. Мировая империя соотносилась, географически и политически, с типом религиозного общества, каким они сами себя видели. Так же они были способны видеть действие Промысла в истории Римской империи, как другие христиане видели его действие в сози-

дании Армении, Франции или Англии. Не было никакой богословской причины думать, что поскольку евреи имели национальное государство, христиане тоже обязаны жить в национальных государствах. Нации существуют, согласно многочисленным новозаветным текстам, разделенные по языку и культуре, но они могут пребывать таковыми и в Римской империи. Нации, но не национальные государства. У Евсевия или Лактанция вы найдете прославление Константина и предопределенность Империи.

Хотя на Западе Империя вскоре после этого рухнула, идея Империи — нет. Ее возрожденный вариант при Карле Великом и прерывистое существование в качестве Священной Римской Империи германской нации и в качестве папской империи (в Средние века и раннее Новое время, вплоть до начала XIX в.) никогда не достигало уровня устойчивого интернационального единства. По части имперской власти империя добилась создания относительно децентрализованной федерации провинций и городов, а по части папства — очень влиятельного единства канонического права. Империя никогда никоим образом не включала в себя Англию; довольно скоро она уменьшилась, и в ней остались только Италия и Германия, а затем только Германия и прилегающие к ней территории. Тем не менее ею вдохновлялся Данте. Одной из причин, по которой средневековая империя потерпела крах, была ее неспособность работать с папством; они, казалось, представляли угрозу друг для друга, хотя фактически империя и папство сходились в стремлении утвердить христианский мир, который был бы чем-то большим, чем просто собрание национальных государств. И если в положительном смысле политические достижения у обеих сторон не выглядят убедительными, то с точки зрения отрицательной они поспособствовали ограничению в развитии национальных государств, вплоть до очень позднего времени, как,

например, в Германии и Италии. Спрашивается, почему эти две страны, лежащие в центре Европы, столь отставали в продолжительном процессе «модернизирующего» развития, которое шло гораздо успешнее на таких окраинах, как Англия или Испания? Наверно потому, что на них слишком сильно воздействовала другая, более масштабная концепция государства; концепция, для которой, на поверку, время тогда еще не пришло. Можно предположить, что эта концепция более соответствовала глубинному христианскому опыту, новозаветной интуиции, что «нет ни Эллина, ни Иудея... но все одно во Христе» (Кол. 3, 11; Гал. 3, 28), чем вдохновленная Ветхим Заветом концепция национального государства.

Многонациональная империя Габсбургов была последним оплотом главного политического эксперимента первых пятнадцати столетий христианской эры, и Евросоюз вполне можно рассматривать как его возрождение. Великие города, подобные Кельну и Болонье, вполне счастливо просуществовали большую часть своей истории вне национальных государств, пребывая внутри подобия децентрализованной империи. Для них опыт национального государства на протяжении немногим более столетия был достаточно разрушительным, чтобы сделать вывод, что лучше предпочесть другие пути утверждения собственного суверенитета. Неудивительно, что в них отсутствует некоторая неприязнь по отношению к Евросоюзу, которая есть у очень многих людей в Англии, где национальное государство имеет наиболее длительную историю и где, к тому же, до недавнего времени царил исключительный успех в политике и экономике.

Мы настаиваем на том, что хотя национальное государство было по большей части сформировано христианской и библейской культурой и без нее оно почти непредставимо, это был не единственный политический выбор, созвучный с христианской культурой или ев-

ропейской традицией; и действительно, в своей полной форме национальное государство расцвело именно в постреформационной культуре. Несмотря на то что оно было фактически выращено в Средние века, национальное государство было в то же время антипатично основным политическим традициям католицизма, как папского, так и имперского.

Но в гораздо большей степени национальное государство враждебно исламу. Ислам изначально предполагал политическую модель мировой империи, основанную на умме, сообществе верных, и обладающую одним подлинно священным языком. Развернутая модель ислама и его ранняя история не только противостояла всему, похожему на множественность национальных государств, но, в отличие от христианства, она также противостояла языковым различиям. Его культура — не культура перевода, но культура ассимиляции. Это доказал Ламин Саннеб в своей известной книге «Перевод Послания»²⁶. Интересно, что такой же вывод был сделан в XVI в. одним наблюдательным арабом, который стал христианином и монахом в эфиопском монастыре Дабра Либанос. Энбаком написал свою *Angasa Amin*, «Дверь веры»²⁷, в 1540 г. во время джихада Ахмеда Левши. Это апологетическая работа, сравнивающая ислам и христианство, написана с целью показать преимущество последнего. Один из самых интересных аргументов автора заключался в том, что Коран — это книга одного языка, арабского, в то время как Библия существует на двадцати языках. Он приводит на них множество цитат с тем, чтобы показать, что христианство везде чувствует себя свободно. Энбаком угадал

принципиальный пункт расхождения двух религий. Отношение мусульман к Корану делает перевод практически невозможным. Для религиозного человека Коран следует читать, громко декламировать или слушать на арабском пять раз в день. Следовательно, культурное влияние ислама заключается в арабизации, затягивании людей в единую мировую общность языка и управления. Так и произошло. Даже язык Египта исчез пред лицом ислама, если не считать языка христианской литургии. Ислам не конструирует нации, но деконструирует. Это исторический факт, и этот факт имеет основание в богословии. Если мы осознали это, нам будет очевидно, что формирование наций внутри христианского мира происходило не само по себе, без влияния христианской религии, но стимулировалось отношением христианства и к языку, и к государству.

Хотя и мусульмане, и христиане признают себя частью авраамической традиции, мусульмане не включают еврейское Писание в корпус своих священных книг, как это делают христиане. Это значит, что мусульмане никогда не испытывали влияния примера ветхозаветного государства, в отличие от христиан, которые постоянно были под его влиянием, даже в XX в. В результате в то время как христианство всегда политически колебалось между национальным и универсальным государством, в исламской традиции ничего подобного не было. Ислам во всех отношениях склонен к гораздо большему универсализму в политике. Ему присуща практика религиозных ограничений в отношении национализма, в то время как христианство так и не преуспело на этом пути. Это, конечно, не значит, что мусульманские сообщества не могут развиваться в нации. Могут, но только их религия не поможет им в этом, а напротив, направит усилия на создание иных социальных и политических систем.

Иранцы и турки, как и все народы к востоку от Ирана, сопротивлялись

²⁶ *Lamin Sanneh*. *Translating the Message: The Missionary Impact on Culture*. N. Y., 1990.

²⁷ *E.J. van Donzel* (ed.). *Enbaqom. Angasa Amin (La Porte de la Foi): Apologie thiopienne du christianisme contre L'Islam partir du Coran*. Leiden, 1969.

арабизации. Политически и лингвистически создание единого мирового сообщества было невозможно и преждевременно и тысячу, и пятьсот лет тому назад (хотя сейчас — может быть и нет). Саму по себе арабизацию можно рассматривать как значительный пример формирования нации, сравнимый с офранцузиванием (некоторые его таковым и считали). Увлеченность современного мира национальными государствами неизбежно приводит к тому, что некоторые модернизаторы воображают некую «арабскую нацию», простирающуюся от Марокко до Ирака. Это ошибочное мнение, и только приложение западных категорий к арабской истории сделало это мнение правдоподобным или привлекательным для арабских представителей. Арабский «национализм», как и турецкий или египетский «национализм», возник лишь примерно за двадцать лет до Первой мировой войны, когда влияние европейского мышления достигло на Ближнем Востоке апогея и принималось без критики. По сути это была западная, укорененная в христианстве идея, совершенно чуждая исламу, при этом тесно связанная с секуляризацией и с наличием значительной коренной арабоязычной христианской популяции, особенно в Египте и Палестине. Конечно, теоретически возможно, что распространение арабского языка когда-нибудь создаст арабскую нацию, но ждать этого не больше смысла, чем ожидать того же результата от распространения английского.

Следующая цитата из Калима Сиддики абсолютно ясно выражает специфически исламский подход к национализму. В рамках истории он может быть упрощением, но в рамках центрального исламского политического и религиозного идеала он совершенно точен. «Сегодня мы встали лицом к лицу с возможно величайшим злом, идущим по миру, злом национализма... Путь уммы и путь исламского движения в умме блокируются национальными государствами.

Эти национальные государства — словно огромные валуны, набросанные на нашем пути ураганом недавней истории. Все национальные государства, которые сегодня оккупируют, поработщуют и эксплуатируют земли, людей и ресурсы уммы, с необходимостью должны быть уничтожены»²⁸.

По мере того как христианство раскалывалось на разные церковные течения, дуализм, скрытый в его политической повестке (формирование наций, с одной стороны, и универсализм — с другой), продолжал обостряться. Классическая форма восточного Православия, делающая акцент на власти императора, была, в принципе, достаточно универсалистской в своем видении Константинополя как «Нового Рима». Но на практике Византия была сугубо греческой империей, отчужденно относящейся к не-греческому населению в Египте, Сирии или на Западе. Это сочеталось со значительным уровнем цезарепапизма, породившего тип отношений Церкви и государства, характерный для восточных автокефальных Церквей, сильно склонных к национализму.

На Западе, напротив, основная католическая традиция под папским влиянием всегда склонялась к универсализму в структурировании общества, в противовес притязаниям абсолютистских режимов на национальный суверенитет. Хотя католическая Церковь на практике часто поддерживала национализм в Испании, Франции, Ирландии или Польше, ее энтузиазм в национальных вопросах ограничен, по крайней мере в областях, находящихся под сильным влиянием папства. В раннее Новое время там, где национальная монархия наиболее плотно контролировала католическую Церковь (как в Испании или Франции), националистическое измерение христианства чув-

²⁸ M. Ghayasuddin (ed.). *The Impact of Nationalism on the Muslim World*. London, 1986. P. 1, 4.

ствовало себя не менее вольготно, чем в англиканской Англии. Но там, где, как в Ирландии XIX в., епископы были ультрамонтанами, ответственными перед Папой, чьей задачей было умиротворять британское правительство, чтобы иметь возможность ходатайствовать о жалобах ирландских крестьян, — там католическая Церковь была по сути сдерживающим, а не стимулирующим фактором для национализма.

Все это касается только институционального уровня. На личном, народном или общественном уровне все могло быть иначе. Низшее духовенство в Ирландии могло быть более националистичным, чем епископы. А в фашистской Италии или нацистской Германии все могло быть наоборот: обычные священники часто выступали против нового национализма более твердо, чем священноначалие. Дело в том, что католическое христианство в широком смысле было одновременно инкарнационалистским и универсалистским. Католицизм стремился к тесной ассоциации с отдельными общинами, культурами и нациями и в то же время настаивал на единстве этих самостоятельных существ. Он колебался, так сказать, между Ветхо- и Новозаветными источниками вдохновения. Неверно представлять себе отношение христианства к нации в рамках только одной из этих двух парадигм; особенно это касается западного христианства с его многовековой приверженностью к дуализму, различию «двух мечей» из классической теории Геласия, т.е. Церкви и государства, Папы и императора. В королевской церкви Вестминстера главной святыней была усыпальница Эдуарда Исповедника, короля и святого, однако более почитаемой народом была усыпальница Томаса Бекета, архиепископа, от короля умученного, расположенная в соборе Кентерберри. Неудивительно, что усыпальницу Томаса с особым остервенением уничтожил Генрих VIII. Томас Бекет, тем не менее, был приверженцем принципа христианского дуа-

лизма, который различает требования Бога и притязания Кесаря. А из этого с необходимостью следует и ограничение прав суверенности, не только Кесаря, но и нации тоже. Как сказал другой Томас²⁹, которого обезглавил Генрих: «верный слуга королю, но в первую очередь — Богу».

Одним из двигателей Реформации отчасти была идея отказа от универсалистских притязаний католической Церкви, а также отторжение всякого рода дуализма, который лоббировали правители, стремящиеся к монополизации светской и духовной власти в своих владениях. В позднем Средневековье процесс национализации Церкви развивался практически неконтролируемо, параллельно с укреплением национальных идентичностей через язык, литературу и создание государств. Христианство вступало в новый мир, для рождения которого оно само так много сделало, но который оно было почти не в силах обуздать или даже просто понять. В английских приходских церквях было убрано Распятие со своего центрального места над сводом алтаря, а королевский герб занял его место. Чем больше во всех церковных традициях стала преобладать монополия цезарепапизма, тем больше Церковь поддерживала (почти неограниченно) национализм. В протестантском мире это особенно касалось англиканства и лютеранства. Политический компромисс, которым завершились Религиозные войны в XVII в., *cujus regio ejus et religio*³⁰, был практически отречением от универсалистской сущности христианства пред лицом триумфа государственного суверенитета, в принципе партикуляристского и часто националистического по духу. Такой принцип был слишком абсурден, чтобы работать, и он неизбежно привел

²⁹ Томас Мор (1478–1535) — английский мыслитель-гуманист, святой католической Церкви (*Прим. пер.*).

³⁰ Чья власть, того и вера (*лат.*) (*Прим. пер.*).

к новой свободе, в одних областях чуть быстрее, чем в других. Зачастую протестантизм двигался по националистическому пути не только благодаря эрастианству³¹, но и вследствие большего, в сравнении с католицизмом, значения Ветхого Завета для формирования христианского сознания. Христиане, в общем, всегда стремились использовать Ветхий Завет, особенно его историческую часть, для подбора прецедентов и проведения аналогий между сегодняшним днем и ветхозаветной историей. Такой подход легко приводит к отождествлению общего опыта некоего народа с опытом Израиля, что идет на пользу национализму и что долгое время определяло наивно-националистический характер мышления большинства протестантов. «Нации существуют по Божьему предписанию», — написал Уильям Темпл³² в 1915 г., и их существование является, следовательно, «инструментом божественного замысла»³³. Для Темпла, как и для Руссо, Моисей был великим строителем нации. За пять лет до этого, в 1910 году, Темпл был распорядителем на Эдинбургской миссионерской конференции, где в докладе ее первой Комиссии было принято положение о том, что «Христос никогда учением или примером не противостоял и не препятствовал духу истинного национализма»³⁴.

Современный протестантизм обнаружил, что весьма трудно освободиться от подобного, довольно смягченного, употребления национальных категорий

в области политического и морального анализа. Однако Оксфордская конференция по вопросам Церкви, общества и государства в 1937 году — наиболее серьезная ассамблея, которую протестанты когда-либо созывали для рассмотрения политических вопросов, — более успешно боролась против двойственной природы нации и национализма: ее решения были более зрелыми, по сравнению с Эдинбургской конференцией 1910 г. или мыслями Уильяма Темпла в 1915 г.³⁵.

В смысле комплиментарного отношения к национализму задавали тон некоторые из Свободных Церквей³⁶, хотя и не всегда. Евангелический протестантизм часто совмещал сильную преданность универсализму в высоких духовных понятиях с сугубой преданностью партикуляризму в понятиях политических. В главе 3 мы видели, как легко ранние методисты вернулись к сугубо националистической позиции по отношению к Ирландии³⁷. Но, несомненно,

³⁵ The Churches Survey their Task. The Report of the Conference at Oxford, July 1937 // Church, Community and State. London, 1937. Особое внимание следует обратить на «Расширенный доклад по вопросам отношений Церкви и общества» (Р. 188–240), который обязан своей окончательной редакцией сэру Вальтеру Моберли, председателю одноименной секции данной конференции. Наиболее проницательный анализ наций и национализма с христианских позиций в период перед Второй мировой войной содержится в книге: *Christopher Dawson. The Judgement of the Nations*. London, 1943.

³⁶ Общее название протестантских организаций, которые находятся вне юрисдикции каких-либо иерархических структур и полностью автономны в вопросах вероучения, общности и внутренней жизни (*Прим. пер.*).

³⁷ Случай современного Фиджи также весьма примечателен. Это, пожалуй, самое «методистское» общество в мире, и методизм является ядром местного национализма. Попытка экуменически настроенных методистов возглавить фиджийскую Церковь

³¹ Учение Томаса Эраста (1524–1583), швейцарского врача и богослова, о главенстве государства в церковных вопросах (*Прим. пер.*).

³² Уильям Темпл, архиепископ Кентерберийский (1881–1944) — лидер экуменического движения, один из создателей Всемирного Совета Церквей (*Прим. пер.*).

³³ *William Temple. Church and Nation*. London, 1915. Р. 45.

³⁴ «Carrying the Gospel to the Non-Christian World». Report of Commission 1 // World Missionary Conference, Edinburgh, 1910.

именно в этих сообществах были приняты наиболее творческие усилия для освобождения протестантизма и самого христианства от уз национализма. Именно группы вроде меннонитов и квакеров постарались сделать христианский дух невосприимчивым для национализма. Таким образом, маленькие негосударственные церкви и очень большие, международные церкви наименее подвержены национализму, а церкви на Востоке и Западе, учрежденные государством, — всецело ему подвержены. Со временем национальные церкви все больше и больше теряли свой авторитет, и, конечно, некоторые из них (наиболее заметно — Англиканская Церковь) вместо этого трансформировались в международные сообщества. Только в Восточной Европе это направление развития, центральное для современного христианства, все еще с трудом пробивает себе дорогу.

III

Национализм многим обязан религии, особенно христианству. Нации, по моим представлениям, сформировались в результате характерного для Средневековья и раннего Нового времени процесса постоянного увеличения числа литератур на родных языках и оформления различных государственных институтов, вовлеченных в данный процесс. В значительной степени данное явление зависело от Церкви, ее писаний и ее клира. Процесс формирования нации и национализма не несет в себе почти ничего, связанного с современностью. Только когда модернизация уже носилась в воздухе, он почти случайно стал ее частью, особенно с XVIII в., когда политический и экономический успех Англии сделал модернизацию примером для подражания. Но нации могут появиться в таких несовременных государствах, как древняя Эфиопия или Армения, и не появиться

в ренессансной Италии или даже Пруссии Фридриха Великого. Христианство, с одной стороны, способствовало развитию наций, как созидая, так и разрушая, а с другой — всегда проявлялось и другое, универсалистское его измерение, инструментом которого выступало то папство, то империя, то борцы за эмансипацию Церкви. Конечно, именно эту сторону те из нас, кто причастен западному экуменическому опыту, в основном предпочитают поддерживать. Да, религия в прошлом очень много сделала, чтобы создать, например, нынешние противоречия в Ирландии, да так, что они до сих пор имеют вид религиозных противоречий. Но верно и то, что большая часть того, что живо в религии сегодняшней Ирландии, крайне заинтересовано в преодолении этих противоречий. Хотя церкви во многих частях света не только до сих пор крайне националистичны, но они также продолжают усиливать мифы и практики, вызывающие отчуждение между сообществами. На этой почве неизбежно развиваются конкурирующие национализмы. Приведу один пример. Я вспоминаю, как слушал незабвенную речь Гаррета Фицджеральда, в то время министра иностранных дел Ирландской республики, на международном совещании по вопросам межконфессиональных браков, проводившемся в Дублине в сентябре 1974 г.³⁸ Он говорил в качестве мирянина, римо-католика, и обратил внимание на то, как, на примере Ирландии, межконфессиональный брак ломает социальные и политические барьеры, в то время как религиозная сегрегация, стимулируемая римским каноническим правом, усиливает национализм. Мне тоже сложно поверить, что конфликтующие национализмы современной Ирландии остались бы такими же интенсивными, если практи-

³⁸ Beyond Tolerance: The Challenge of Mixed Marriage // A Record of the International Consultation held in Dublin, 1974 (ed. Michael Hurley). London, 1975. Appendix II. P. 188–193.

ка браков между католиками и протестантами была бы шире.

Несомненно, межконфессиональные браки могут в некоторых обстоятельствах угрожать самому существованию некоего сообщества, а в других обстоятельствах — угрожать его чистоте и действовать как красная тряпка на быка, усугубляя уже наличествующий национализм. Если в Белфасте было мало таких браков, то в Сараево их было очень много. В этом видели угрозу сербской идентичности, и одной из целей той разновидности национализма, которую проповедовал доктор Караджич, было именно положить этому конец, предотвратить дальнейшее загрязнение сербской крови. Свобода жениться, невзирая на межэтнические границы, является антинационалистической. В ситуациях гегемонии и шариата, и католическое каноническое право систематически использовались, чтобы сделать межконфессиональные браки эффективным инструментом подавления меньшинств. Только при условии, что допускаются отношения подлинной взаимности, межконфессиональные браки могут, как они, по сути, и призваны делать, связывать соседствующие сообщества³⁹. Остается фактом, что межконфессиональный брак, нарушающий этнические границы, укрепляет территориальную идентичность, но несет угрозу этнической идентичности и является проклятием для этнических националистов. Межконфессиональные браки и национализм фактически являются противоположностями, и если национализм кому-то требуется свести на нет, то нужно поощрять такие браки. В очаровательной песне «Старая оранжевая флейта» («The Old Orange Flute») Боб Вильямсон, протестант, ткач из Дангэннона, предал свой народ и его национальную идентичность:

Этот гнусный предатель нас всех
обманул:
Взял в жены папистку он, Бриджет
МакГинн,
Сам стал папистом, из войска сбежал,
Которое принесло нам свободу,
религию и законы.

Случился бунт, Боб и Бриджет убежали в Коннаут. Если он (и такие как он) остались бы и их бы стало больше, неужели переплетение семейных отношений между двумя сообществами не привело бы неизбежно к появлению снизу чувства единой нации? Так происходило в Сараево, пока этнический национализм не был вынужден положить конец такому опасному единству.

Я бы хотел завершить беседу о формировании наций и о факторах, сдерживающих этот процесс, окинув тему более широким взором. Я обращусь к двум людям, один из которых англичанин, другой — ирландец. Надеюсь, так и подобает сделать англичанину, приглашенному читать лекцию в Ольстере.

Мой англичанин — это Вильям Шекспир. Я вкратце касался его довольно националистических исторических пьес в главе 2, но сейчас, возвращаясь к нему, обращаю внимание на совсем другое произведение.

Националистические пьесы, от «Ричарда II» до «Генриха V», были написаны в юношеском задоре в 1590-х, когда английский национализм переживал подъем, в годы самых яростных сражений Испанской войны⁴⁰. Это пьесы, кипящие энергией, грубоватые, подчеркнута английские, хотя там можно найти в подтексте и некоторый критический анализ, особенно касательно отношения монархии к народу. Но в последние годы жизни Шекспир вернулся к нашей теме в совсем ином ключе. «Цимбелин» — это пьеса о Британии, не об Англии. Конечно, она была написана после того, как Яков VI Шотланд-

³⁹ *Adrian Hastings*. Intermarriage and the Wider Society, Beyond Tolerance. P. 18. Reprinted in: *A. Hastings*. The Faces of God. London, 1975. P. 117–125.

⁴⁰ Англо-испанская война 1585–1604 гг. (*Прим. пер.*).

ский стал Яковом I Английским, и закончилась Испанская война, и, соответственно, сложились обстоятельства, при которых Шекспир мог, вероятно, думать о нации и мире в более экуменическом ключе. Чувствуется в «Цимбелине», несмотря на невероятное напряжение и трудности личной биографии автора, некое спокойствие, обретенный мир. Тем не менее это история неразумной и националистичной Британии, понуждаемой к тому, чтобы быть «отдельным миром»⁴¹, где отказ платить формальную дань Риму и подрыв гармонии в отечестве вызваны махинациями очень злой королевы. Помня Глориану Спенсера⁴², трудно избавиться от подозрения, что образ принципиально безымянной королевы у Шекспира отсылает нас к Елизавете I. Сыновья Цимбелина, носящие римские имена, давным-давно были спрятаны в пещере в горах Уэльса другим римлянином, с которым Британия плохо обошлась и который, соответственно, скрывается под именем Морган. Рим — универсальное место, где изгнанные британцы могут смешиваться с французами, испанцами и голландцами, — посылает своих «джентри»⁴³, чтобы вернуть Британию в отчий дом — Европу, а Имогена, славная британская принцесса, скрывающаяся под видом мальчика, бьется в рядах европейской армии. В битве Цимбелин терпит поражение и попадает в плен, затем его спасает Морган и его мнимые сыновья. Плененные римляне, в свою очередь, вот-вот будут казнены, вопреки всем цивилизованным нормам, как вдруг нечестие королевы наконец открывается Цимбелину, как и правда о его сыновьях. Пелена разрушительной

слепоты национализма спадает с британских глаз. Благодаря Уэльсу обнаруживается истинная «римскость» Британии, и Цимбелин, одержавший победу в битве, обещает возобновить выплату «нашей обычной дани». Итак, крайний национализм повержен, и восстановлен мир между Цезарем и Цимбелином, Брюсселем и Лондоном, Уэльсом и Англией, международным сообществом и национальным государством, возможно даже — между католицизмом и национальной Церковью. Но именно британское скорее, чем английское измерение нашей идентичности сделало это возможным. Дорога из Рима пролегает через Милфордскую гавань⁴⁴. На этот невероятно выразительный символизм последнего волеизъявления Шекспира, связанного с темой национальной идентичности, к сожалению, обычно не обращают внимания.

Мой ирландец — это святой Комгалл, который основал аббатство в Бангоре (немного за границей современного Белфаста) в середине VI в., за сорок лет до того, как Августин впервые прибыл в Кентербери. Все то, что я стремился обрисовать в этих лекциях как органические противоречия европейской традиции, можно найти в зачаточном состоянии в Бангоре Комгалла. Несомненно, это был один из оживленнейших центров учености в Ирландии того времени. Скорее всего, истоки ирландской национальной литературы, то есть первая стадия в упрочении национальной идентичности, коренятся именно в Бангоре или около него, здесь, в Ольстере. В этом смысле Ирландия фактически показала пример всей Европе. Но Бангор был также вполне универсалистским местом. Колумбан⁴⁵ был учеником Комгалла и жил здесь много лет, прежде чем отправился на

⁴¹ Шекспир. Цимбелин. Акт 3 (пер. А. Курошевой) (*Прим. пер.*).

⁴² Королева из пьесы «Королева фей». Эдмунд Спенсер (1552–1599) — английский поэт елизаветинской эпохи, старший современник Шекспира (*Прим. пер.*).

⁴³ Нетитулованное мелкопоместное дворянство (*Прим. пер.*).

⁴⁴ Шекспир. Цимбелин. Акт 3 (пер. А. Курошевой) (*Прим. пер.*).

⁴⁵ Св. Колумбан (540–615) — ирландский монах, просветитель, миссионер в странах Западной Европы (*Прим. пер.*).

континент, чтобы основать великие монастыри Люксёй и Боббио. Здесь жил также Колумба⁴⁶, и Комгалл присоединился к нему на какое-то время в Ионе, при крещении пиктов. Таким образом, нет ничего узконационалистического в наследии комгалловского Бангора. Наоборот, там велась работа в двух направлениях, и для создания ирландской идентичности, и для международного католицизма.

Повторим: если Ирландия Комгалла уже была по большей части единой по языку, мифологии, религии и закону, она также была и разделенным островом, даже, скажем чуть провокативно, разделенным на Север и Юг. Приведу пример⁴⁷. Есть история, записанная в более позднее время, о том, как Кормак, сын Диармуида, короля Лейнстера, отказался от короны, чтобы стать монахом. Он пошел на север, в Ольстер, чтобы присоединиться к общине в комгалловском Бангоре. Колумбан также пришел в Бангор из Лейнстера, и примерно в тот же период. Спустя какое-то время, как гласит история, Кормак не смог больше выносить разлуки с родиной, и Комгалл позволил ему вернуться на Юг. Во время путешествия он заснул на склоне холма и во сне увидел все красоты Лейнстера и его жителей. Когда он проснулся, ему этого оказалось достаточно, и, вернувшись в Бангор к Комгаллу, он оставался там до самой смерти.

Нет никакого сомнения в том, что уже во времена Комгалла существовало

реальное единство Ирландии, также как нет никаких сомнений в том, что Ирландия уже принадлежала к великой общности, простирающейся на всю Европу. Также нет сомнений, что политическая модель ирландской идентичности, как и века спустя, позволила Ольстеру достаточно отличаться от Лейнстера, чтобы в истории Кормака был смысл. Я не хочу сказать, что верность древнейшим ирландским традициям предполагает постоянное сохранение границы между Ольстером и Югом. Моя мысль заключается в другом. Я считаю, что узкоунитарная модель национального государства, которую предлагала Англия, выглядит чуждой для ирландского духа. Для него в порядке вещей, что на одном уровне Ольстер и Лейнстер — это различные реальности; на другом уровне Ирландия — это единое национальное сообщество, а на третьем уровне территориальные границы наций вполне сняты, и ирландцы могут быть как дома в Ионе, Боббио, Риме или Брюсселе. Шекспир, несомненно, думал о чем-то подобном, когда завершал «Цимбелина» добровольным решением Британии еще раз выплатить дань Европе. Последний приказ короля вполне недвусмыслен:

Пусть веют дружно
Британские и римские знамена!⁴⁸

Что может быть лучше такого завершения в очерке о национализме?

Перевод с английского
Андрея Иванова и Кириллы Титова

⁴⁶ Св. Колумба (521—597) — ирландский монах, проповедник христианства в Шотландии (*Прим. пер.*).

⁴⁷ *Robin Flower. The Irish Tradition. Oxford, 1947. P. 22; cf. Dáibhí Ó Cróinín. Early Medieval Ireland 400–1200. London, 1995. P. 54.*

⁴⁸ *Шекспир. Цимбелин. Акт 5 (пер. А. Куршовой) (Прим. пер.).*

Павел Крупкин

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЦИОГЕНЕЗ

К ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНЕНИЯ

Введение

Дефицит солидарного действия у основной массы автохтонов Русской равнины, наблюдаемый в настоящее время, особенно ярко бросается в глаза на фоне деятельности сообществ из тех мест, где «красное колесо» елозило социальный ландшафт не столь безжалостно. В это же время в среде «генералов»¹ Российской Федерации (далее — РФ) и их интеллектуальной службы уже можно считать общепринятым положение, что развитие страны во многом сдерживается плохим качеством ее социальных институтов². По-

¹ «Генералы» — люди, занимающие верхние посты в политической иерархии страны. Множество генералов — «генералитет». Я буду использовать данные термины вместо сильно дискуссионных и в настоящее время уже многозначных терминов «элита»/«элитарии» (см. детали обсуждения в: *Крупкин П.А. Особенности мотивации действующего российского актива // Научный эксперт. 2010. №6. С. 63–72. URL: <http://modernity-centre.org/2010/06/29/kroopkin-114/>).*

² «Институтами... обычно называют всю совокупность правил и норм, которые определяют поведение человека, как формальных (конституции, законы, стандарты, нормы), так и неформальных (обычаи, привычки, “понятия”, традиции, внутренние системы мотивации людей)» (*Крупкин П.А. Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта, Наука, 2010. — 568 с. С. 71*). «Институты — это “правила игры” в обществе, или,

сколько институты напрямую связаны с их обеспечивающими сообществами, задача взращивания и укрепления низовой солидарности среди обывателей, у которой нет другого решения кроме как ассоциирования жителей в различные действенные и комплиментарные друг другу сообщества/группы/ассоциации, приобретает особое значение для осовременивания страны, ее облагораживания в части качества жизни людей, создания «правильной» экосистемы для восприятия и изобретения новых технологий.

Нужда в солидарных сообществах, способных на общее действие (т.е. субъектных сообществ)³, порождает проблему понимания того, как «я» каждого индивида взаимодействует с образами «мы» и различных «они» в своем сознании, чем обуславливается способ-

выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике» (*Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 538 с. С. 17*).

³ Здесь следует указать на важность различения временной ситуационной солидарности группы людей и сообществ, объединенных постоянными солидарностями разных видов. В данной статье я буду в основном говорить о последних.

ность уже не образа, а самого что ни на есть реального «мы» к общему/солидарному действию, каким образом можно усилить степень единения каждого «мы» нижнего уровня без потери способности у разных «мы» находить взаимопонимание друг с другом и согласовывать свои общие действия, объединяя усилия и ресурсы участников.

Дальнейший анализ «составных частей» солидарного действия группы людей приводит к необходимости: (1) различать вокруг тех, кто суть «мы», «свои»; (2) отличать их от тех, кто суть не «мы»; (3) договариваться среди «своих» о том, чего «мы» хотим и кто из «нас» какие действия для этого должен совершить; (4) делить затраты/ущерб от общего действия; (5) делить приобретенные выгоды, как материальные, так и статусные. Кроме того, «мы» должны: (6) уметь принимать иных в «свои»; (7) воспитывать тех из «своих», кто отклоняется от принятого у «нас»; (8) наказывать/исключать из «своих» нарушителей принятого. Необходимость понимания функционирования образа «мы» в головах участников сообщества с указанным «функционалом» сразу приводит нас к рассмотрению такого объекта социальной психологии, как *«коллективная идентичность»*.

Коллективные идентичности

Коллективная идентичность (social identity) — это психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-либо группе/общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения их из нее, критерии различения «свой/чужой» для данной группы⁴. В группе с коллективной идентичностью (далее — КИ) определяющий данную КИ комплекс должен присутствовать в психике каждого ее участника, будучи согласовы-

ваемым между членами группы во внутригрупповой коммуникации. Из общих соображений понятно, что каждый индивид имеет в общем-то «пучок» коллективных идентичностей, «завязанных» на разные сообщества, к которым он имеет отношение. Обычно здесь можно выделить семью, расширенную семью/родню, круг друзей, коллег по обеспечивающему сообществу (трудовому коллективу). Бывает также «подключение» индивида к профессиональным ассоциациям, соседской общине, территориальным (локальным и региональным) общностям, партии, этносу, нации. Могут существовать также важные для индивида сообщества и других типов, чем перечисленные.

Для лучшего понимания феномена КИ рассмотрим вариант того, как КИ может быть «размещена» в психике индивида.

Модель психики человека в психосоциальном контексте

Для выработки языка описания психосоциальных феноменов в желаемом аспекте оттолкнемся от положения, что каждый индивид имеет свою уникальную личность, которая складывается в течение всей его жизни и определяется наличествующими в его психике наборами ментальных структур (МС)⁵. Такая «атомно-молекулярная» гипотеза структуры психики позволяет понимать все известные психические феномены как результат функционирования ментальных структур, их взаимодействия между собой и внешней средой, причем как на осознанном, так и на не осознаваемом индивидом уровнях (рис. 1).

В плане взаимодействия с внешней средой имеет смысл положить, что МС когнитивной сферы индивида среди прочего также и формируют обрабатываемый мозгом информационный поток, определяя МойМир человека (Umwelt), т.е. то, как человеку оказываются дан-

⁴Крупкин П.А. Россия и Современность... С.122.

⁵Там же. С. 45–47.

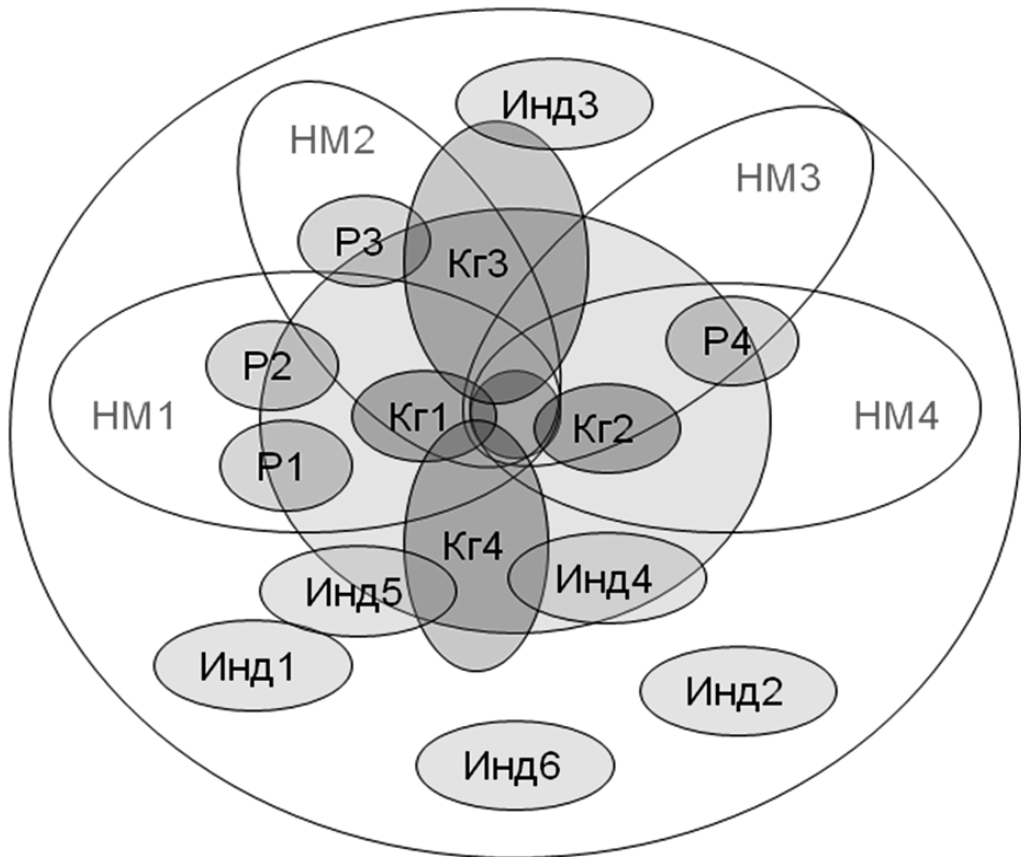

Рис. 1. Общее представление ментальных структур (МС) индивидуальной психики

Здесь центральный круг представляет собой МС родного языка человека, общекоммуникативной его части; второй концентрический круг — зону осознанного и одновременно понимаемые человеком дополнительные знаковые системы; зона между вторым и третьим кругами — область не осознаваемого человеком. Эллипсы, обозначенные буквами «НМ», задают МС различных КИ человека: один индивид участвует сразу в нескольких важных для себя группах. МС из неосознаваемой части КИ задают групповой габитус. Буквы «Кг» помечают различные когнитивные комплексы, включая знания разного рода, мотивационные модели других, etc. Неосознаваемые части когнитивных комплексов образуют так называемое «невное знание». «Р» представляют социальные роли, которые, будучи согласованными в своем понимании по неким сообществам, должны быть целиком размещены внутри соответствующих эллипсов. То же справедливо и для институтов сообществ. Ну и все МС, расположенные вне эллипсов КИ, задают индивидуальные МС человека, капитализируя его опыт и личное знание. (Замечу, что представленная модель явно содержит в себе подсистему, обеспечивающую свободу воли индивида. В ее рамках нет места контексту «абсолютно все в личности определено окружающим социумом», который наличествует во многих теориях из класса социального реализма.) Эллипсы «Инд» отмечают индивидуальные комплексы человека.

ными для представления и планирования своей деятельности его внутренняя и внешняя «среды обитания», его индивидуальная «картина мира»⁶. Мой-

Мир — это «жизненное поле» человека, в котором он «разворачивает» и осмысливает свою жизненную активность, свою биографию. В частности, среди опорных МС каждого индивидуально-го МойМира можно различить и моти-

⁶ Там же. С. 46.

вационные модели важных для человека других людей (theory of mind), которые определяют прогнозы индивида по реакции социальной среды на производимые им действия.

Затронутые в предыдущем разделе КИ тоже будут определяться конкретными наборами МС. Тем самым четко полагается, что все социальные аспекты личности обусловлены подсистемами в психике человека, и то общее у множества индивидов, что определяет их КИ, «впечатано» в психику каждого члена соответствующего сообщества. Вследствие этого для любой КИ имеет смысл говорить о Мы-концепции как об осознанной части соответствующих МС личности, и о групповом габитусе в их неосознанной части. Все вовлеченные МС порождают НашМир группы⁷ как некую одинаковую часть МойМиров каждого из ее членов.

То, как разные классы МС могут размещаться в психике по отношению друг к другу, представлено на рис. 1.

Еще одно интересное различие среди МС можно вывести из факта, что в предложенной модели нет ограничений на образование некоторых МС на стадии формирования человеческого эмбриона. Так выявляется место для свойств психики и социума, которые обусловлены биологически, — для так называемых архетипов Юнга⁸, одно из важнейших свойств которых — широкая универсальность: соответствующие феномены должны наличествовать практически у всех людей на Земле. В качестве модельного психосоциального архетипа можно взять родной язык: по данному социальному феномену существует достаточно много

опытных данных, позволяющих понять общие моменты его функционирования⁹. В развиваемой здесь системе понятий это можно представить следующим образом: родной язык в виде некой врожденной «формы» обусловлен биологически¹⁰, и эта «форма» заполняется конкретным содержанием — обуславливающим владение индивидом конкретным языком как родным — при социализации ребенка¹¹. При этом если «заполнение» данной «архетипической формы» не началось до трех лет, то ребенок остается без языка (см. «детимаугли»).

⁹ См., например, монографию: Бурлак С. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: CORPUS, 2011. — 480с.

¹⁰ «Гены, которые контролируют образование структур мозга, необходимых для обучения речи, существуют. Один из них нашли при исследовании семьи, где часто встречались нарушения речи. Этот признак передавался как болезнь с определенным типом наследования, больные члены этой семьи не могли освоить правила грамматики, они не могли научиться правильно говорить, и у них была легкая степень умственной отсталости. У больных нашли мутацию в гене, который называется FOXP2. Потом было показано, что люди отличаются от обезьян по этому гену. <...> Выяснили, что он работает во время эмбрионального развития в определенной зоне мозга, регулирует работу других генов, определяя, какой из них включается в работу на данном этапе эмбрионального развития. Руководит работой генов, которые участвуют в формировании зон мозга» (Боринская С.А. Молекулярно-генетическая эволюция человека. Лекция // Полит.ру (Сетевое издание), 23.05.2008 (URL: <http://polit.ru/article/2008/05/23/geny/>).

¹¹ Так проявляется в качестве общего механизма межпоколенческой передачи навыков и умений (фактически — МС), в котором наряду с потоком чисто биологической информации генов существенную роль играет и поток социокультурной информации — мемов (Доккинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. — 318 с. Гл. 11).

⁷ Там же. С. 46.

⁸ Крюкин П.А. Эволюционная теория архетипов Юнга: архетипические моменты в структуре коллективной идентичности // Публичное управление: теория и практика. Харьков, 2010. №3–4. С. 303–311 (URL: <http://modernity-centre.org/2010/07/27/kroopkin-115/>).

Наряду с родным языком из имеющихся в нашем распоряжении опытных данных можно выделить и другие архетипы социальности, включающие в себя архетипы структурирования: «свои»/ «мы и они», «авторитет», «ценность детей», «ценность женщин», «молодые мужчины как расходный материал»; архетипы коммуникации: «язык», «знаки взаимодействия», «тяга к касаниям»; когнитивные архетипы: «подражание», «ценность опыта», «традиция»; а также такие ментальные комплексы, как «справедливость», «права требования», «вопросание пределов»¹² и «сакральность»¹³.

Еще одно интересное следствие из развиваемого представления можно получить на основе переинтерпретации гипотезы Р. Данбара, который обнаружил у обезьян положительную корреляцию между размером коры больших полушарий мозга и размером стаи. На основе данной корреляции получилось, что размер типовой группы людей должен бы составлять 150 индивидов¹⁴. И хотя в действительности типовые группы охотников-собираателей составляют обычно 15–30 взрослых особей, можно предположить, что в мозгу человека имеется ограниченное количество мест для «размещения» мотивационных моделей значимых для него других. А это значит необходимость экономии таких мест для «дальних»: если близ-

кие к индивиду и важные для него люди могут быть смоделированы в его голове один к одному, по одной модели-образу на каждого, то дальнейшие по отношению к себе круги каждый вынужден различать уже не индивидуально, а по группам в соответствии с какими-то выбранными категориями. Так проявляется причина для выработки стереотипов в моделях других — это просто способ адаптации врожденных когнитивных способностей каждого индивида к изменившимся условиям жизни с включением в МойМир больших масс людей. И, поскольку стереотипы встречаются у всех людей, то следует признать такой метод адаптации индивида к наличествующему в настоящее время социальному порядку — архетипическим.

Коллективная идентичность и связанные с ней институты

Как было сформулировано выше, каждая коллективная идентичность (КИ), обуславливающая взаимодействие индивида и важной для него сплоченной группы, имеет в психике индивида соответствующий набор ментальных структур (МС), задающий НашМир рассматриваемой КИ. МС каждого НашМира индивида согласуются с другими участниками выбранного сообщества в групповой коммуникации¹⁵ и деятельности, и именно в НашМире оказывается место общегрупповым стереотипам/фреймам и поведенческим паттернам, а следовательно, и институтам общества. То есть именно сообщества, объединенные общей КИ, являются носителями любого социального порядка, а также социального контроля за девиациями, и данный контроль в ненасильственной своей части оказывается действенным лишь в той мере, в которой сообщество значимо для индивида-нарушителя.

Анализ социального контроля в со-

¹² Крупкин П.А. Архетипы социальности. // Публичное управление: теория и практика: Специальный выпуск. Харьков: Изд-во «ДокНаукаДержУпр», 2012. С. 272–275 (URL: <http://modernity-centre.org/2012/06/23/kroopkin-131/>).

¹³ Крупкин П.А. Архетип сакральности. // Публичное управление: теория и практика: Специальный выпуск. Харьков: Изд-во «ДокНаукаДержУпр», 2013. С. 222–226 (URL: <http://modernity-centre.org/2013/05/17/kroopkin-137/>).

¹⁴ См., напр.: Марков А. Эволюция человека. Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель: CORPUS, 2011. — 512 с. С. 237–239.

¹⁵ Именно поэтому МС языка общения должны обязательно входить в НашМир сообщества.

обществе выявляет в качестве важной его части групповое негодование всех членов сообщества по поводу девиаций от принятых в сообществе порядков, и данное негодование указывает на важность участия в социальном контроле сакральной сферы индивида (СС), которая «опредмечивает»/конкретизирует его чувства, связываемые с сакральными переживаниями. В число последних обязательно входит негодование от профанации считаемого святым/священным, чувство благодости/благодати вследствие удачно совершенного сакрального ритуала, переживаемые аффекты от того, что обозначается словами «осквернение»/«скверна».

Очевидно, что функционирование СС обеспечивается архетипически. Это следует хотя бы из того, что в настоящее время неизвестны примеры сообществ, которые обошлись бы в своей эволюции без той или иной формы наполнения сакральных переживаний каким-то вполне конкретным содержанием. Кроме того, уже появились философские осмысления результатов эпохи секуляризации, в рамках которых сакральные переживания человека рассматриваются в числе необходимых для ощущения индивидом полноты своей жизни¹⁶. По аналогии с родным языком можно предположить, что каждый индивид в качестве основы для своей СС имеет некую врожденную «форму», которая заполняется конкретным содержанием уже при его социализации. Объекты из содержимого персональной СС могут быть идентифицированы достаточно надежно всплеском эмоций индивида при внешнем небрежении данными объектами. Проясняющим примером здесь может послужить чувствительный для практически каждого человека образ матери, для многих людей таковым также являются и символические репрезентации их страны/их народа. По всем своим видимым

свойствам социальные институты в части социального контроля также «внедрены» в СС всех членов сообщества — носителя института, т.е. соответствующие МС входят и в НашМир группы, и в СС всех составляющих данную группу индивидов.

Сообщества — носители институтов обычно являются долговременными, и потому каждое из них с необходимостью обладает двумя обязательными целями: (1) стремлением к воспроизводству себя во времени, (2) увеличением своих мощи и могущества, что обычно представляют в виде накопления разных форм капиталов. В КИ таких сообществ также наблюдаются инварианты: у них обычно есть «сакральный центр», где наличествуют «боги» сообщества/его ценности (т.е. все то, что «вплетено» в СС каждого участника сообщества); интериоризованные участниками ритуалы, одним из которых является «вклад в пользу богов»; сообщества структурированы по типу гетерогенных групп и т.д.¹⁷. Например, для семьи центральным местом является «семейный очаг», в число «богов» входят исключение адюльтера, забота членов семьи друг о друге и о семейном преуспевании, среди семейных ритуалов обычно находится место регулярной семейной трапезе, семейным праздникам, родители образуют ядро группы, дети — периферию. В части нации центральным местом является столица и другие сакральные места «национального духа», в число «богов» входит Родина, а также установки на суверенитет и на равноправие, «национальный дух» крепится участием в различного рода гражданских праздниках и ритуалах, ядро нации образует пантеон ее героев, а периферию — рядовые сограждане. И т.д.¹⁸.

¹⁷ См. детали в: *Крупкин П.А.* Эволюционная теория архетипов Юнга...

¹⁸ Примеры представления КИ некоторых других типов сообществ по указанным аналитическим компонентам можно найти в: *Крупкин П.А., Лебедев С.Д.* Об обоснова-

¹⁶ См., напр.: *Taylor Ch.* *Secular Age.* Cambridge: Harvard University Press, 2007. — 874 p.

Детальная «прорисовка» механизмов принятия института сообществом показывает, что наряду с внесознательной передачей институтов/поведенческих паттернов между индивидами посредством зеркальных нейронов, которая вследствие основных параметров передачи не может претендовать на выход за пределы локальных сообществ, возможен также и сознательный прием индивидом какого-либо института «к исполнению». В последнем случае человек сначала сознательно контролирует свое поведение, обеспечивая соответствие его институту и доводя данное соответствие до автоматизма. В завершение же усвоения получившийся поведенческий паттерн может быть даже вытеснен в подсознание.

Во втором механизме исходной точкой принятия института к усвоению является его легитимация — формирование у индивида убеждения, что институт полезен/необходим/лучше его принять, а то слишком велика цена уклонения. В подобной легитимации институциональных изменений очень большую роль играет то, что можно назвать «формулирующими принципами»¹⁹ (далее — ФП), примером которых может служить общее благо того сообщества, куда себя включает индивид с необходимой степенью своего конформизма. И действительно, соотнесение института с моделью общего блага вполне может легитимировать институт, стиму-

лировать его усвоение членами соответствующего сообщества.

В общем-то ФП по типу «общего блага» характерны для сообществ, организованных «снизу вверх». Обычно это сообщества равных, вследствие чего в таких сообществах при оценивании института очень важна низовая делиберация, ведь недаром самые первые политические философы обсуждали политику как прежде всего свободное общение субъектных людей в публичном пространстве. Люди «примеривают на себя» принятое к оценке, обсуждают между собой различные несоответствия в своих «реакциях морального чувства», делятся своими ощущениями с сообщниками, примеривают ощущения тех «на себя» — и в конце концов приходят к какому-то общему выводу.

Наряду с сообществами «снизу вверх» существуют и сообщества «сверху вниз». В таких сообществах при рассмотрении принятого к оценке «ответственные люди» применяют свое персональное понимание того, какой бы вывод по рассматриваемому поводу сделал бы тот, кто занимает самую верхнюю позицию в сложившейся иерархии. Так, в результате обобщения²⁰ и рутинизации, складываются еще один тип ФП, для которого можно ввести название «воля Суверена».

«Общее благо» и «воля Суверена» представляют два идеальных типа ФП, влияющих на институциональные изменения в обществе. Понятно, что в действительности реализуются какие-то промежуточные формы: например, «спускаемые по вертикали» в соответ-

нии социального сакральным 3: Коллективные идентичности // Социология религии в обществе Позднего Модерна. Белгород: ИД «Белгород», 2013. — 460 с. С. 150–155 (URL: <http://modernity-centre.org/2013/07/14/kroopkin-lebedev-101/>).

¹⁹ См. детали в: Крупкин П.А. О контроле за изменением институтов в социорах различного типа // Российская государственность: философско-политическое осмысление и реальность (к 130-летию И.А. Ильина). Владимир: РАНХиГС, 2013. С. 71–93 (URL: <http://modernity-centre.org/2013/08/19/kroopkin-139/>).

²⁰ Понятие «обобщение опыта» включает в себя опыт функционирования рассматриваемого сообщества («вертикали»), куда дают вклады и восстания/умиротворения подданных — в части анализа их причин и наказания/не наказания отдельных «ответственных людей» по обработанным ими случаям, приведшим к эскалациям «наверх»; и распространение/тиражирование успешного опыта управления разрешением сложных ситуаций.

ствии с волей Суверена институты могут искажаться воздействием общего блага низов как самой вертикали, так и вневертикальных, что мы регулярно можем наблюдать на примере частных из опыта пресловутой «борьбы с коррупцией» в РФ.

В заключение данного раздела замечу, что очень интересные результаты приносит экспериментальное изучение динамики кооперируемости людей²¹. В частности было показано, что среди швейцарских студентов примерно 60% составляют те, кто в принципе склонен к кооперации (Conditional Cooperators — люди, которые участвуют в кооперации при условии, что другие тоже участвуют, и потому их вклад в кооперацию случайно набранной группы обычно пропорционален среднему вкладу группы). Примерно 20% представляют собой «эгоисты» (Free Riders — люди, ориентированные только на свой персональный интерес, вклад которых в общее дело при отсутствии внешнего принуждения к кооперации всегда близок к нулю). Остальные демонстрируют другие типы поведения. Аналогичное изучение российских студентов показало, что в России доля «кооператоров» составляет примерно те же 60%, а вот доля «эгоистов» — менее 10% — ниже, чем в Швейцарии. Однако интересным оказалось различие поведения «эгоистов» в условиях принуждения их к кооперации в зависимости от места социализации участников экспериментов. В Швейцарии (и во всех развитых странах) после санкций со стороны «кооператоров» «эгоисты» «берутся за ум» и включаются в общую игру (т.е. социальный контроль в плане принуждения к сотрудничеству оказывается вполне эффективным). А вот в России «эгоисты» не подчиняются «коопера-

торам», и начинают активно вести свою линию на слом какой-либо совместной игры. Активная борьба «эгоистов» против институционального принуждения к кооперации была также отмечена у студентов Греции, Саудовской Аравии, Омана и Украины.

Такое качественное различие реакции «эгоистов» на институциональное давление «кооператоров» указывает на возможную «механику» того, что обычно подразумевают при использовании понятия «плохие институты» в институциональной экономике. И действительно, когда сообщество не может совладать со своими «эгоистами», демонстрирующими желание приватизировать коллективные достижения, у «кооператоров» тоже пропадает желание вкладываться в улучшение среды обитания сообщества. В результате в сообществе нет возможности удержания «широкого доверия», которое регулирует обобщенное «кредитование» и соответствующий низкий уровень транзакционных издержек при взаимодействии индивидов со своими «дальними». Сообщество удерживается фрагментированным на небольшие группы с замкнутым типом КИ, а это обычно уже рассматривается как препятствие для эффективной активности индивидов с достижением производительности труда уровня развитых стран²².

²¹ Реферат по результатам некоторых психосоциальных экспериментов группы Эрнста Фэра (E. Fehr) со ссылками на оригинальные источники можно найти в: *Крупкин П.А. Россия и Современность... С. 127–128.*

²² См., например, отчет Social Cohesion Radar: An international comparison of social cohesion / Dragolov G., Ign cz Z., Lorenz J. and oth. Blomberg: Rihn GmbH, 2013. — 73 p., где исследовалась «социальная спайка» между людьми в развитых странах, и в частности была показана четкая корреляция между ВВП на душу населения и этой самой спайкой для исследованных стран. Следует отметить, что возникающая в экономических исследованиях проблематика социального капитала и разных его форм имеет прямую связь с рассматриваемыми здесь КИ и порождаемыми разными КИ группами/ассоциациями/обществами.

Социальный порядок и коллективные идентичности в эволюционной перспективе

При наложении рассмотренного выше на имеющиеся представления об антропогенезе обращают на себя внимание два качественных «разрыва», которые были преодолены соответствующими ароморфозами.

Первый ароморфоз связан с появлением и развитием у пред-людей компенсации стандартной социальности приматов — иерархий доминирования²³ — человеческой идентичностной социальностью, которая проявилась в возникновении у первобытных людей похоронных обрядов, а также заботы о больных и инвалидах. Конечно, можно сказать, что социальность иерархий доминирования тоже может быть реализована определенным классом коллективных идентичностей (КИ), однако для человеческих КИ характерна именно что установка на определенного рода заботу о «слабых», которая возникла, по всей видимости, при групповом отборе в виде табу на ограничение «своих» в доступе к пище в условиях долгого голода²⁴. Переформатирование понимания «свои» у первобытных триб через «наложение» вполне человеческих КИ «поверх» имевшейся у пред-людей социальности иерархий доминирования имеет еще одно косвенное подтверждение: обычно человеческие иерархии среди «своих» имеют тенденцию к развитию и углублению лишь в условиях ресурсного изобилия, в то время как дефицит любого экзи-

стенциального ресурса обычно сопровождается немедленным уравниванием всех «своих» в правах по отношению к данному ресурсу.

Понятно, что удержание табу в первобытной трибе требует уже какого-то развития сакральной сферы у каждого индивида, иначе как члены трибы могут ограничить эгоистический произвол альфы? А так общее чувство негодования в случае нарушения табу мобилизует всех остальных на активный солидарный отпор девианту — с восстановлением нарушаемого элемента социального порядка. Вопрос же, почему трибы с уже возникшей КИ оказались более конкурентоспособными в условиях длительного голода, был разобран в деталях в цитированной выше работе²⁵.

Второй ароморфоз характеризуется появлением возможности формирования более крупных сообществ, чем стандартные группы охотников-собирателей: практически все время своего существования, кроме, может быть, последних 10 тыс. лет, особи из рода *Ното* осваивали доступный себе ландшафт в виде групп охотников-собирателей в 15–30 взрослых особей (плюс примерно столько же детей). Более крупные группы обычно распадались, более мелкие — «слипались» с другими. Накопленные факты в этом плане позволяют сформулировать довольно правдоподобную гипотезу, что «поддерживаемый размер группы» определяется архетипически, т.е. «распады» и «слипания» групп охотников-собирателей регулируются на уровне инстинкта. Получаем положение, что «умение» жить более крупными сообществами, чем 30 взрослых, требует компенсации воздействия данного инстинкта, и данная способность возникла и начала развиваться где-то 10–12 тыс. лет назад в месте, называемом «Плодородный Полумесяц», тем самым переведа

²³ Модель иерархии доминирования заключается в ранжировании конечной группы особей через победы в парных столкновениях и распределение добываемых ресурсов в соответствии в обретенным особью рангом (Крупкин П.А. Россия и Современность... С. 101–102).

²⁴ Подробнее данный вопрос вместе с механизмом трансформации рассмотрен в работе: Крупкин П.А. Эволюционная теория архетипов Юнга...

²⁵ Там же.

человечество в социальную фазу своей эволюции.

Драйвер социального ароморфоза, воплощенного в переходе от триб охотников-собирателей ограниченной численности к гораздо более многочисленным оседлым сообществам, можно связать с сакрализацией склада²⁶. Действительно, несколько первобытных триб вполне могли начать складировать осенний урожай под присмотром специально выделенной команды — инвалидов и шамана, давая последним дополнительный смысл существования. Сама идея складирования запасов могла быть почерпнута у грызунов. Сохранность собранных в запас продуктов диктует необходимость стен складского комплекса для ограничения доступа к запасам со стороны животных, совместные же трапезы в зимнее время и наличие шамана дают пространство для развития ритуалов. Относительно свободное время у шамана и инвалидов/помощников могло дать базу для дальнейшего развития искусства. Включение в помощники по уходу за складом детей могло дать толчок идее школы. Идея земледелия могла быть почерпнута из выросших злаков от случайно просыпанного осенью зерна, а идея животноводства — от выросших детенышей животных, оставленных детям после удачной весенней охоты «на поиграться»... Но самое главное: склад с запасами держал несколько триб охотников-собирателей по соседству, давая им пространство для наработки практик компенсации указанного выше инстинкта распада. И эти практики со

временем появились, причем в основе их оказалась именно что более развитая общая КИ, ценность сохранения единства в которой оберегалась переформатированной сакральной сферой в головах всех участников-соседей, в частности путем подавления инстинктов, направленных на распад сообщества.

Заметим, что оба отмеченных ароморфоза связаны с изменениями во внутригрупповых взаимодействиях индивидов при общем сохранении целостности группы, что указывает именно на КИ сообщества как на носитель накапливаемых институциональных изменений. При этом если первый ароморфоз прослеживается и у неандертальцев тоже, то ко времени второго ароморфоза неандертальцы уже прекратили свое существование.

Обсуждение проявлений социальных архетипов человеческой психики ставит вполне естественный вопрос о возможных структурах сообществ, сродственных имеющимся архетипам. Есть ли что-либо такое, что является общим как для человеческих сообществ на ранних этапах развития, так и для практик более развитых сообществ? Оказывается, что такие элементы социальной структуры вполне себе обнаруживаются.

Первым таким общим типом элементарной социальной структуры является тотемическая триба (totemic band). Данная социальная структура обычно состоит из сообщества равных, вождя/бигмена, шамана (рис. 2). При этом шаман позиционируется чуть в стороне от сообщества — и социально, и географически. Дети обычно не обладают равноправием и, подрастая, включаются в общину после специального ритуала инициации. Как было сформулировано ранее, тотемическая триба изоморфна базовой структуре любой единичной КИ, поскольку включает в себя и «центральное место» сообщества, и его «богов»/сакральную сферу, и вклад общинников. Так что здесь можно увидеть указание на то, как следует соз-

²⁶ Основанием данной гипотезы послужило обнаружение храмового комплекса Гёбекли-Тепе, который был построен и поддерживался людьми в мезолите — начиная с XI тыс. до н.э. — без присутствия какого-либо поселения по соседству. Кроме того, складская функция была неотъемлема от храма в начале писанной истории — люди там хранили и «долю богов», и свои излишки, а «доля богов» покрывала основные издержки общественной жизни.

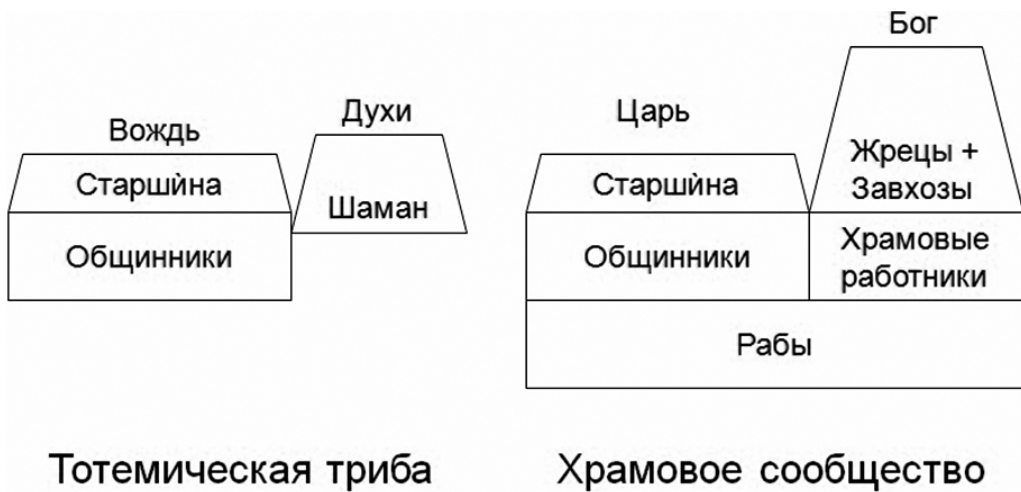

Рис. 2. Схема тотемической трибы и храмового сообщества

давать действительно сплоченные малые группы, что, в частности, подтверждается устройением устойчивых и субъективных сетевых сообществ и кланов.

Еще один тип элементарной структуры задается храмовым сообществом (рис. 2), доминировавшим в течение нескольких тысяч лет в местах развития второго социального ароморфоза (см. детали выше), который в общем-то совпадал с так называемой неолитической революцией²⁷. По наблюдаемым проявлениям это была община с храмом/складом как правило равноправных общинников, которые владели всеми активами общины либо лично, либо через долю в общественном, и составляли народное собрание. В центре общины находился храм/склад вместе с площадью для народных собраний, которые обслуживались «храмовыми слугами». Та же храмовая служба, среди которой наличествовали не только жрецы и кладовщики, но, в частности, и ремесленники с солдатами, удовлетворяла дополнительно и многие другие нужды самих общинников. Верхние

позиции храмовых работников, по всей видимости, статусно были близки общинникам, нижние позиции обычно занимались рабами.

Наряду с храмом община также объединялась фигурой вождя/царя. Царь отвечал за удачу и расположение богов и на этом основании участвовал в руководстве общиной. Наряду с царем на политику верхнего уровня влияла жреческая верхушка, храмовые завхозы, влиятельные общинники и народное собрание. Храмовые завхозы управляли резервами общины, создававшимися из вкладов общинников вместе с результатами ведения храмового хозяйства, — храм к тому же мог владеть как землей, так и другими активами, которые полагались общественными. Храмовые завхозы руководили ремесленниками, а также различными деятелями искусства, которые обычно входили в число храмовых слуг. Они же осуществляли обмены продукцией с другими общинами, отправляя и принимая торговые караваны²⁸.

²⁷ Замечу, что аналогичные процессы развивались вполне независимо значительно позже в Центральной Америке и привели там к формированию социальных структур того же типа.

²⁸ Замечу, что описываемая здесь схема архаического социального устройства существенно отличается от той, которая стала очень популярной сейчас со ссылкой на тексты Платона (философы, стражи, рабы). Многими без особых практических осно-

Основное направление социальной эволюции на ранних этапах оседлой жизни было связано с наращиванием численности поселений, развитием кварталов вокруг храма, созданием дочерних храмовых сообществ, ассоциированием нескольких храмовых сообществ в содружества городов/поселений. Это сопровождалось развитием объединяющей мифологии, ритуалов воспроизводства общей идентичности. Происходила диверсификация хозяйственной деятельности с развитием торговли и мастерства. Со временем люди стали способными на объединение усилий для постройки и поддержания достаточно сложных архитектурных и ирригационных сооружений, с соответствующим регулированием возникающих взаимных обязательств. Развита система договоров сопровождалась развитием системы их обеспечения, в рамках которой минимизировалось бы суммарное чувство несправедливости общинников при разрешении конфликтов между ними. И т.д.

Универсальной чертой наращивания численности общей КИ при ассоциировании храмовых общин было структурирование пантеона богов в сакральных сферах носителей идентичности, сотворение общих объединяющих мифов. При этом «гомогенное» расширение социоров²⁹ ограничено развитием комму-

ваний именно модель Платона предлагается в качестве архетипа социальной структуры. Сама же схема Платона может быть получена из социального устройства тотемической трибы, в котором шаман из положения «сбоку» переносится в положение «сверху», «главный», а общинники лишаются статуса «цели общества» и тем самым поработаются. К тому же следует обратить внимание, что наличествующие данные наблюдений не дают возможности заключить, что структура Платона была хоть когда-нибудь хоть где-нибудь хоть сколько-нибудь распространена.

²⁹ При взгляде «извне» на Землю вычленяются большие политико-социальные целостности, для которых я, следуя автору работы:

никаций, необходимых для поддержания общего НашМира требуемого качества у вовлеченных людей, и потому до Нового времени мы не находим республик, отличных от городов с окрестностями. Долгое время однородные социоры могли существовать лишь в сильно локализованном виде: практически все архаические республики в своей социальной структуре (1) оказывались ограниченными географически и (2) были изоморфными ассоциациями нескольких храмовых общин (кварталов), объединенных вокруг общего «центрального места» — главного храма и площади для общих народных собраний.

Для построения распределенных систем эволюционно возникла другая структура — связанная с иерархиями храмовых сообществ (рис. 3). В этом случае некая «династическая корпорация» (тоже обычно изоморфная храмовому сообществу в своем устройении) подчиняла себе локальные храмовые сообщества политически. Локальные боги при этом обычно включались в центральный пантеон в соответствии с «весом»/статусом локальной общины, вместо локального царя/вождя назначался общинник из династической корпорации — условный «дворянин». И т.д.

Так и получается, что, по меньшей мере, в действительных социальных структурах «старого порядка» можно достаточно легко вычленять подсистемы, изоморфные тому идеальному типу, который я ввел здесь под наименованием «храмовое сообщество». Бо-

Семенов Ю.И. Общество как целостная система // Социальная философия. Курс лекций. М.: Савин, 2003. С. 61–79 (URL: http://www.scepsis.ru/library/id_65.html), буду использовать термин «социальные организмы» (социоры). Типовым примером социоров в наше время являются страны, однако в общем случае даже сейчас могут существовать и социоры других видов, например: первобытные трибы Амазонии или транснациональные корпорации.

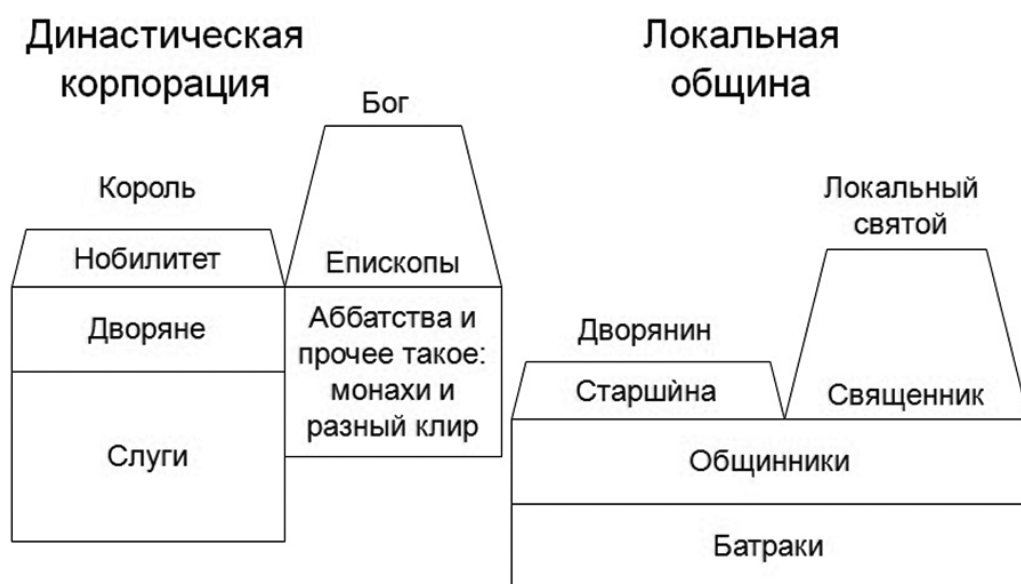

Рис. 3. Объединение нескольких локальных общин в одно государство

лее того, данная структура видна и в устройении современных корпораций (народное собрание — акционеры, сама корпорация — организация «храмовых слуг» и т.д.).

Завершая эволюционный взгляд на предмет исследования, обращу внимание на то, что еще одним важным моментом предлагаемого подхода является идея о «слоистом» устройении поведенческих и психосоциальных аспектов индивидуальной психики, которая была проиллюстрирована выше гипотезами, во-первых, о компенсации паттернов иерархий доминирования психосоциальными установками вновь возникших человеческих КИ, и, во-вторых, о компенсации инстинкта распада группы более 30 взрослых индивидов все теми же психосоциальными установками КИ более крупного сообщества. В рамках эволюционного подхода к социогенезу это обобщается «компенсационной гипотезой»: каждый следующий вновь возникающий слой ментальных структур (МС) компенсирует эволюционные недостатки уже накопленного массива МС для обеспечения выживания сообщества в меняющихся

условиях природной среды и социального окружения.³⁰

Субъектные сообщества в РФ

Как уже отмечалось, основная масса населения РФ довольно сильно фрагментирована в социальном плане. При спонтанной групповой самоидентификации в опросе ВЦИОМа около трети людей не стали связывать себя ни с каким сообществом, заявив, что они «сами по себе»³¹. Следующая группа по «самопривязке» — «средний класс» — «притянула» к себе внимание 11% опрошенных. Спонтанно связали себя с такими маркерами, как «граждане России», «русские», «православные» — всего по 4%³². Однако при наличии «подсказок в опросе» через выбор из predetermined опций к гражданам России себя отнесли уже 57%³³, к православным —

³⁰ Крупкин П.А. Россия и Современность... С. 76.

³¹ Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы. Опрос ВЦИОМ. М.: Валдайский клуб, 2013. С. 5 (URL: <http://valdaiclub.com/publication/62020.html>).

³² Там же.

³³ Там же. С. 6.

77%³⁴. Согласно опросу ФОМ, не готовы ни с кем кооперироваться все те же 33%, а готовы к объединению усилий с другими людьми 54% взрослых жителей страны³⁵. Притом считают, что большинству людей можно доверять, всего около шестой части населения, и около 80% заявили о том, что в отношениях с другими надо быть очень осторожными³⁶.

Вследствие такой сильной фрагментации социума основными массовыми коллективными идентичностями (КИ) людей, способными породить солидарное действие, оказываются идентичности фундамента человеческой социальности: семья, расширенная семья (родня), круги друзей/коллег/любителей того же хобби. С другой стороны, людям в РФ предлагается система корпораций³⁷, которые являются основной формой объединения усилий индивидов для экономических и государственных нужд. Корпорации также обычно формируют свои корпоративные КИ (корпоративная солидарность, «честь мундира»), в которых иерархичность является существенной составной частью. Экономические корпорации закрывают значительную долю экономики РФ, оставляя лишь очень небольшое место для социально-экономических структур другого типа, а также для индивидуального труда. Неэкономиче-

ские же корпорации во многом «закрывают» политическую деятельность в стране (партии, Администрация Президента) и деятельность по государственному управлению (ФСБ, МВД, суды, прокуратура, другие силовые структуры и различные органы государственной власти). Особое место среди неэкономических корпораций занимают этнокорпорации³⁸, каждой из которых государством РФ вменено заботиться о благосостоянии какого-то этноса (исторически — в соответствии с ленинско-сталинской национальной политикой в СССР). Этнокорпорации бывают у нас двух типов — те, которым дан кусок земли «в кормление» (обычно это республики с так называемым титульным этносом в названии), и те, которые такового куска земли лишены (различного рода диаспоры без территориального ядра). Диаспорам для своего кормления зачастую «разрешено» монополизировать какие-то виды экономической деятельности.

В немассовом сегменте социума РФ можно еще различить кланы³⁹, которые в основной своей массе структурируют криминальную деятельность. Притом бывает и так, что в данной форме реализуются также и легальные активности людей, например разные виды обеспечивающих сообществ некорпоративного склада — кооперативы и др. В кланы также зачастую формируются и сети индивидов, занимающих «видные посты» в корпорациях, примером чего

³⁴ Там же. С. 9.

³⁵ Ответственность, взаимопомощь и доверие в российском обществе. Опрос ФОМ // ФОМ (Сетевой ресурс), 30.08.2012. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10605>

³⁶ Там же.

³⁷ Корпорация — это формализованная социальная структура, в которой (1) социальные места отделяемы от тех индивидов, которые данные места занимают, (2) социальные места формализованы в некоей оргструктуре, (3) взаимоотношения и действия индивидов, занимающих социальные места, в значительной своей части определяются формализованными текстами — должностными инструкциями, стандартами поведения и т.д.

³⁸ Крюкин П.А. Русские — навоз для этнокорпораций? О субъектах «национальной политики» Российской Федерации // Вопросы национализма. 2012. №12. С. 6–9 (URL: <http://modernity-centre.org/2012/12/08/kroopkin-134/>).

³⁹ Клань отличается от корпораций тем, что там индивиды очень плотно сращены с занимаемыми ими социальными местами, так что замена одного индивида на другого (особенно в «голове» клана) может сопровождаться существенными изменениями в данной социальной структуре.

может служить известный «кооператив Озеро». В общем-то, как правило, практически каждый высокостатусный чиновник/корпоративный деятель обычно формирует свой клан (такие кланы на советском номенклатурном сленге назывались словом «обойма»).

В социуме РФ заметны и некоторые «распределенные КИ», которые иногда способствуют солидарному действию структурно не оформленных групп. Самым «ярким» из них в СМИ, и более широко — в идеосфере, является то сообщество, которое можно определить термином «либинтерн». Данное сообщество формируется теми жителями РФ, которые избрали для себя «борьбу за светлый град на холме»⁴⁰ против «этих орков с востока». «Либинтерн» является одним из субъектных «сгустков» в более широком, но уже совершенно не субъектном сообществе, которое называют словом «западники». Другим аналогичным «сгустком», находящимся в стадии «нагуливания мощи», является «национальная демократия». Помимо данных распределенных субъектных сообществ среди «западников» можно также обнаружить и множество довольно активных в своей субъектности кланов, и даже некоторые корпорации.

Через ментальную отстройку от «западников» в социуме РФ конституируется еще одна широкая и несубъектная КИ, которую можно определить термином «антизападники». Два основных крыла «антизападников» — «советские» и «имперцы» — недавно начали конструирование общего сообщества, претендующего на определенную субъектность, что выразилось в возросшей активности дискурсивных атак с этой стороны и на все «западничество» в целом, и на «либинтерн» в особенности. Однако до сих пор субъектные группы в антиза-

падничестве были пока представлены лишь кланами.

Продолжает свое бурное развитие в РФ так называемый салафитский ислам, или «исланизм». Данная КИ уже вышла за пределы традиционно исламских регионов и этносов: все более и более русских людей становятся активистами данного сообщества. Субъектные группы здесь тоже формируются лишь по типу кланов. Характерной особенностью исланизма является величина силовой его части — в Дагестане и Ингушетии мощи вооруженных исламистских групп хватает на развертывание полноценной партизанской войны против государственных органов РФ.

Активны в развертывании своих общин по стране и различные протестантские конфессии.

Наряду с перечисленными выше долговременными сообществами в социуме РФ периодически возникают ситуационные сообщества — это когда люди объединяют свои усилия при борьбе с какой-либо угрозой своим интересам. Наиболее часто это попытки противодействия разрушению привычной среды обитания (точечные застройки, снос гаражей, вырубка парков и т.п.), но могут быть и другие «враждебные» действия со стороны кланов/корпораций. Однако гражданский активизм, возникающий в таком «сражении», довольно редко стабилизируется во времени — обычно порожденное «схваткой» сообщество распадается после окончания «боя»⁴¹.

Общие моменты «сборки» социальных частей общества в нечто целое

Как известно, любое различие людей может быть доведено до разрыва, а любой разрыв — до смертельной враж-

⁴⁰ «Светлый град на холме» — один из центральных символов гражданской религии США.

⁴¹ См. детали в книге: *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. — 704 с.

ды и войны. Соответственно любая граница существующих коллективных идентичностей в социуме может породить войну, когда субъектные группы с обеих сторон границы начнут активные действия друг против друга, нанося противной стороне значимый ущерб. При этом оказывается, что «разгон» «поляризации на границе» КИ имеет под собой естественные драйверы. При «разгоне вражды» повышается единение «своих», «свои» мобилизуются, начинают больше вкладывать в общее дело. Те из «своих», кто имеет недостаточно «заполненную жизнь», получают шанс «заполнить» ее враждой, обретая для себя жизненный смысл⁴². Таким образом, заинтересованные в «разгоне» вражды на границах своего сообщества могут найтись как среди его руководителей, так и среди рядовых участников.

Для удержания единства в сообществе с внутренней границей необходимо найти способы ограничения «разгона» вражды до раскола сообщества. Известные такие способы связаны либо с прямым воздействием на «разгон» через угрозу насилия со стороны внешней достаточно мощной и авторитетной инстанции, либо через установление институциональных ограничений на «разгон» с интенсивностью выше какого-то порога. В свете ранее рассмотренной теории подобное институциональное ограничение/табу требует установления пределов на интенсивность вражды в трансцендентном некоем объемлющем конфликтующие группы сообщества, или, что то же, в сакральной сфере включающей обе стороны конфликта КИ. То есть сохранение единства в социальной системе без общей КИ возможно лишь при наличии силовой ав-

торитетной инстанции, которая обычно реализуется в политической системе сообщества как автократор⁴³.

Понятно, что общая объединяющая социальных агентов КИ будет автократору лишь в помощь. Именно поэтому европейские автократоры конца XIX — начала XX в. начинали свои национальные проекты сами. И то, что именно нация обладает наибольшими мобилизационными возможностями, сильно воздействовало на их выбор типа общегосударственной КИ.

«Национальный проект» в РФ

Стремление нарастить мобилизационные возможности своего режима в условиях РФ не чуждо и нашей правящей «верхушке». В связи с этим в последнее время вновь активизировались разговоры о необходимости развития в стране «политической российской нации», что напрямую связано с желанием наших управителей нарастить у населения страны патриотизм и прочие такие качества. Можно также обратить внимание на то, что правящей группе уже удалось относительно сплотить своих «генералов» на основе определенного варианта корпоративной идентичности, вследствие чего у нее возникло естественное желание продвинуть данную идентичность не только внутри корпораций «вниз» по корпоративным статусам, но также и «подключить» к данной КИ пока еще не охваченные корпорации. Цели у такого отстраивания идентичности достаточно очевидны: текущее состояние мобилизуемости обеспеченных ресурсами групп на

⁴² Здесь содержится отсыл к философии Ч. Тэйлора, согласно которому чувство «полноты жизни» индивида может породить у него весьма действенную мотивацию, направленную на повышение этой самой «полноты». Детали: *Taylor Ch. Secular Age*. Cambridge: Harvard University Press, 2007. — 874 p.

⁴³ Фактически мы доказали как теорему положение, что демократия в сообществе невозможна без наличия общей коллективной идентичности определенного качества. Для современных обществ данная теорема формулируется как тезис: *демократия невозможна вне национального государства, где нация является тем самым сообществом, которое удерживает среди ее участников табу на вражду выше определенного предела.*

защиту режима оставляет желать лучшего, что и хочется поправить нашим «верхам». При этом у них нет никакого желания увеличивать степень равноправия социальных агентов на контролируемой территории, вследствие чего они отвергают подходы социального переустройства общества на основах классического национализма⁴⁴. Именно поэтому ими и был выбран для тиражирования по стране вариант корпоративной КИ в ее державном варианте.

Модель державной корпоративной идентичности представлена под названием «цивилизационная идентичность» в следующей цитате: «Воображение сообществ по *цивилизационной модели*, несомненно, является... древним... Эта модель принципиально вертикальна и иерархически организована. Она предполагает наличие локально закрепленного ядра и потенциально безграничной периферии. Цивилизационная идентичность основана на принципе сакральной вертикали: сообщества, образующие ядро, представляются в качестве носителей особых идей и культурных практик... [что] делает цивилизационную модель потенциально безграничной. Понятие «мы» относится к носителям некой истины, которая потенциально способна объединить все человечество. Эта модель принципиально иерархична, что имеет свои преимущества. Например, она не акцентирует однородность группы по контрасту с аутсайдерами. В силу этого она гораздо более инклюзивна. Однако инклюзивность в данном случае не означает, что все, кто принадлежит к сообществу, равны. Как раз на-

оборот, ибо степень цивилизованности может варьироваться. Цивилизованность — это качество, которое приобретает со временем, с образованием, с перемещением по ступенькам социальной лестницы и в географическом пространстве. Что тоже важно — эта модель допускает двойную лояльность, поэтому она легко надстраивается над иными идентичностями, которые имеют пространственное и политическое измерение. Наконец, будучи иерархичной, она не настаивает на символическом равенстве ее членов»⁴⁵.

Отчеркнем основные отличия того, что предложено к тиражированию по РФ, от того, что обычно связано с формой классического национально-го государства. Во-первых, в дизайне отсутствует установка на равноправие социальных агентов, что предполагает продолжение текущих игр со статусами представителей разных корпораций и кланов на неограниченное время в будущем. Произойдет ли когда-либо фиксация иерархии в виде наследующих статусы словий — пока непонятно. Возможно, что «управляемый хаос» статусов более по нраву нашим «социальным дизайнерам», чем стабилизация социального ландшафта. «Бурление статусов» соответственно скажется и на качестве права в стране — какой-либо возможности приближения вкладываемом дизайне к модели так на-

⁴⁴ Напомню, что классическое понимание национальной коллективной идентичности обязательно включает в себя: (1) установку сообщества на суверенитет над определенной территорией и (2) установку на равноправие включенных в нацию социальных агентов. Детали см. в статье: *Крупкин П.А.* Нация и этнос: идентичностные модели // Общество и этнополитика. Новосибирск: СибАГС, 2011. С. 8–15.

⁴⁵ *Малинова О.Ю.* Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте // Фонд «Либеральная миссия» (сайт), 17.07.2012 (URL: <http://www.liberal.ru/articles/5797>). Тут еще можно обратить внимание на выбор в качестве атрибуции определяемой КИ именно «цивилизации», хотя и корпорации, и королевства старых режимов, и имперские образования обычно выстраивают свои КИ ровно по такой же модели. Чего только не сделаешь из уважения к власти имущим, когда с их стороны есть запрос на «государство-цивилизацию».

зываемого «правового государства», увы, не видно.

Следующий момент связан с работой над связкой «люди–территория». Наши верхи уже неоднократно заявляли о своей приверженности первичности территории перед людьми, потому надеяться на включение ими в свои цели развития человеческого капитала как независимой от территории сущности тоже не приходится. С другой стороны, корпоративно-державная КИ предполагает возможность территориальной экспансии. Вследствие этого от текущего режима приходится более ожидать каких-нибудь «походов к Индийскому океану», нежели работы над проблемой разделенности основного народа страны. Я уж не говорю здесь о проблеме его, народа, социальной фрагментации.

Соответственно и подбирается актив проекта: сейчас там видны в основном представители этнокорпораций и чиновники, лояльные к идеям сталинской национальной политики.

Что же касается развития тех принципов восстановления социальности в РФ, которые связаны с классическим пониманием нации, то *в ближайшем будущем в РФ будет идти конкуренция между бурным развитием исламизма и работой сторонников национальной демократии*. И те, и другие опираются на идеи равноправия, и те и другие хотят установления суверенитета своего сообщества над территорией его проживания. Однако если национальные демократы апеллируют к развитию в стране именно классической нации периода Модерна, то умма, предлагаемая исламистами, архаична и пока еще вне-территориальна⁴⁶.

⁴⁶ Напомню, что именно экспансия исламистов в Дагестан прекратила существование независимой Чечни, в коем статусе последняя оказалась фактически по итогам Хасавюртовских соглашений с РФ.

Заключение

В заключение сформулируем те принципы, следование которым может помочь усилить единство какого-либо сообщества.

1. Обратит внимание на сакральную сферу сообщества. «Наполнить» ее соответствующим контентом так, чтобы соответствующая гражданская религия «заполняла» бы жизнь членов сообщества целиком.

2. Разработать ритуалы единения, которые бы удерживали и усиливали аффективную мощь гражданской религии сообщества. Не забывать, что вклад в общие дела сообщества архетипичен для людей, потому необходимы соответствующие ритуалы также и в этом очень чувствительном для атомизированных индивидов виде деятельности.

3. Наряду с серьезными ритуалами единения не следует забывать и о карнавалах.

4. Обратит внимание на табуирование конфликтов выше определенного предела по интенсивности. При этом полностью конфликты запрещать не надо — конфликты так же естественны, как и сотрудничество. Однако повсеместное внедрение установки на делиберацию и стимулирование участников к поиску для себя решений win-win отнюдь не помешают сохранению единства сообщества.

5. Необходимы ритуалы признания заслуг. Необходим авторитетный суд для членов сообщества, где любой участник мог бы оправдаться как при попадании в ситуацию исключения из сообщества, так и в случае возникновения неблагоприятных для него слухов.

6. В РФ и на постсоветском пространстве следует немедленно изгонять из сообщества «эгоистов», т.е. людей, склонных к оппортунистическому поведению, — к сожалению у нас они, увы, неуправляемы, не то что на Западе.

НАСТАСЬЯ ИВАНОВА

Власть и химера АНТИФАШИЗМА

«Антифашистская» кампания

Громкие межэтнические конфликты 2006 года¹ происходили на фоне еще более громкой «Антифашистской кампании», которую возглавило государство. Увлеченная кампанией часть оппозиции потеряла чувство самосохранения и активно ее поддержала. В результате не только решение острых национальных проблем было пущено на самотек, но и к концу кампании общество получило машину государственного насилия, готовую крушить уже не только националистов, но и любую оппозицию независимо от ее места в политическом спектре. Изменились законодательство и правоприменительная практика, получила правовую базу цензура, резко сузились возможности для политической и общественной деятельности.

20 февраля 2006 г. 12 партий подписали так называемый Антифашистский пакт — «Соглашение о противодействии национализму, ксенофобии и религиозной розни»². В преамбуле документа говорилось, что «деятельность всех ответственных политических сил России должна быть направлена на консолидацию общества» ради борьбы с фашизмом. Она рассматривалась как часть борьбы за целостность и сувере-

нитет страны (в формулировке сложно не опознать риторику, которую в России теперь называют «охранительской»). Подписавшие документ партии не имели право принимать в свои ряды людей, выступающих «с расистских позиций, пропагандирующих национальное превосходство, разжигающих межэтническую, религиозную или социальную рознь». Подписанты пакта обязывались публично выступать с однозначным осуждением любых подобного рода заявлений и действий политиков и общественников.

Это было отказом от возможности говорить по существу на конфликтно-генные национальные и социальные темы и клятвой выдать с политического поля любые силы, которые смотрят на задачи своей политической деятельности иначе. Вторая цель была прямо озвучена. Секретарь генсовета «Единой России» В. Володин заявил, открывая церемонию подписания, что отказавшиеся от соглашения «должны уйти из политической жизни и стать изгоями»³. И либеральная часть оппозиции, системной и несистемной, и Кремль преследовали схожие цели: власть намеревалась отбить желание фрондировать у «Родины» и отчасти КПРФ, а либералы мечтали избавиться от конкурентов. Так стал возможен счастливый союз оппозиции и власти. Характерно, что при составлении тек-

¹ См. об этом: *Иванова Настасья*. В режиме ручного управления // ВН. 2013. № 15.

² Соглашение о противодействии национализму, ксенофобии и религиозной розни (Антифашистский пакт) // Грани.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/m.102217.html>

³ Двенадцать партий во главе с «Единой Россией» подписали Антифашистский пакт // ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itar-tass.com>

ста пакта не были учтены предложения коммунистов — осуждение русофобии во всех ее формах и проявлениях, а также прекращение геноцида «русского и всех российских народов». Такие поправки были очень некстати⁴. Однако даже в «антифашистском» «Яблоке» (отказавшемся, в отличие от СПС, ставить свою подпись) понимали, что пакт станет, по выражению зампреда партии С. Митрохина, «тестом на лояльность»⁵.

Власть поддержали организации, имитировавшие гражданское общество. Так, еще до заключения Антифашистского пакта, 18 января Общественная палата выступила с заявлением, в котором утверждала, что в общественной деятельности не должно быть места людям, призывающим к вражде, насилию, делающим экстремистские, а также националистические высказывания. А член палаты политтехнолог М. Гельман представил на одном из ее заседаний список «100 неофашистов России», в который были внесены известные националисты. Инициатива, впрочем, была слишком провокационной, и Общественная палата поспешила от нее откеститься.

В марте в Москве было объявлено о создании Объединенного гражданского сопротивления фашизму, в которое вошли сенатор Л. Нарусова, депутат А. Розенбаум, члены Общественной палаты Д. Липскеров и В. Тишков. «Мы настаиваем, чтобы Генеральная прокуратура РФ, другие правоохранительные органы должным образом квалифицировали и неотвратимо наказывали за преступления, связанные с расовой ненавистью, антисемитизмом,

другими националистическими проявлениями», — говорилось в обращении нового объединения. Его члены также призвали Госдуму и Совет Федерации «срочно провести экспертизу законов, связанных с борьбой против ксенофобии и фашизма, усилить надзор за их соблюдением»⁶.

В апреле председатель комиссии Общественной палаты РФ по вопросам толерантности В. Тишков назвал серьезным фактором, мешающим противодействию экстремизму в России, плохое применение законов и некомпетентность судебных властей и правоохранительных органов. Он также призвал к законодательному регулированию Интернета, где «есть десятки сайтов, пропагандирующих идеи ненависти и нетерпимости»⁷.

Образ политического врага создавался на фоне спешного и неаккуратного конструирования «мифа о скинхеде», всемогущем и неуловимом враге, призрачном объекте «антифашистской» борьбы. Скинхеды были бесчисленны — называли ничем не подкрепленные фантастические цифры вплоть до полумиллиона скинхедов⁸, которые с серьезными лицами обсуждали записные «антифашисты» — и их популяция росла необъяснимыми темпами.

В эпицентре общественного внимания оказалась серия разрекламированных дел, фигурантам которых были приписаны мотивы национальной и социальной ненависти: «дело Копцева», напавшего на прихожан московской

⁴ Коммунисты отказались поддержать Антифашистский пакт в версии «Единой России» // Каспаров.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=43FC235609ECA>

⁵ Тест на лояльность // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2006-02-27/1_test.html

⁶ В России создано Объединение гражданского сопротивления фашизму // Regions.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://regions.ru/news/1964665/>

⁷ Толерантность надо воспитывать // Медиакратия [Электронный ресурс]. URL: http://mediacratia.ru/owa/mc/mc_smi.html?a_id=8710

⁸ Политический всплеск // Каспаров.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=469C4F9AA1069>

синагоги молодого человека, у которого позже было диагностировано шизотипическое расстройство, дело об убийстве «таджикской девочки» Хуршеды Султоновой, вину фигурантов которого так и не сумели доказать, дело «ружья со свастикой» — дело об убийстве сенегальского студента Ламзара Самбы, дело об убийстве члена группировки «антифа» Тимура Качаравы, уличные конфликты министра культуры Кабардино-Балкарии Заура Тутова и журналиста НТВ Эльхана Мирзоева... Эти и им подобные криминальные сюжеты становились поводом для антидемократических заявлений. Председатель Совета Федерации С. Миронов предлагал приравнять преступления, совершенные на почве межнациональной розни, к терроризму, подняв «борьбу с ксенофобией на новый, более качественный уровень»⁹, а член Общественной палаты К. Каландаров договорился до того, что потребовал отменить мораторий на смертную казнь применительно все к тем же преступлениям¹⁰. По мнению Каландарова, к высшей мере наказания должен был быть приговорен не только убийца 9-летней Хуршеды Султоновой, но и Александр Копцев, который нанес своим жертвам незначительные ранения. Приговор присяжных по «делу таджикской девочки», признавших обвиняемых невиновными в убийстве, был воспринят как свидетельство неспособности заседателей оценить суть преступления и породил разговоры о незрелости России для этого института.

Наращиваемая истерия сильно затруднила работу полиции. Глава ГУВД

⁹ Россия станет страной террористов // Утро.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utro.ru/articles/2006/04/10/538537.shtml>

¹⁰ Генеральный директор Института прав человека Камилжан Каландаров: если Россия не отменит смертную казнь, с ней перестанут считаться // Regions.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://regions.ru/news/725373/>

Санкт-Петербурга М. Ванечкин в преддверии саммита «Большой восьмерки» жаловался, что правоохранные органы вынуждены скрывать информацию об этническом криминале, и преступления криминальных этнических групп не расследуются в должной мере, в то время как все силы брошены на поиск «скинхедов»: «Милицию замордовали. Каждый день у губернатора поднимается эта тема, ежедневно я по телефону разговариваю с представителями федеральных властей»¹¹. Показательно также признание прокурора города С. Зайцева, которое в любом другом случае стало бы сенсационным. На проведенном через считанные часы после убийства Ламзара Самбы брифинге он заявил, что хотя мотив преступления еще не установлен, уже было возбуждено дело по статье «убийство на почве межнациональной ненависти», и что, несмотря на отсутствие доказательств, прокуратура сознательно пошла на завышенную квалификацию, «чтобы сразу взять верное направление работы», поскольку потерпевший — африканец¹². Также и журналисты в массе своей были уверены, что экзотическая национальность потерпевшего прямо указывает на мотив преступления.

Надуманность «антифашистской» повестки показал февральский опрос ФОМ. Из него следовало, что 85% россиян никогда не сталкивались с приверженцами фашистской идеологии, но при этом лишь 19% респондентов считали, что в России нет угрозы распространения фашистских идей. Самый частый ответ на вопрос: «Какие фашистские партии вы знаете?» —

¹¹ Глава ГУВД Санкт-Петербурга: саммит хотя и сорвется, а город сделать помойкой // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/628163.html#ixzz2r0yn8QHK>

¹² В Петербурге расстреляли студентов // ВЗГЛЯД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/society/2006/4/7/29080.html>

был: «НБП» (15% респондентов), еще 14% вспомнили разрекламированных прессой «скинхедов». Большинство же затруднилось с ответом¹³.

В открытом обращении Лиги консервативной журналистики «Остановить провокаторов!» по поводу «антифашистской кампании» говорилось, что она «по сути своей провокационна и является скрытой пропагандой нацизма под видом его обличения». В обращении указывалось на неестественность «антифашистской» истерии, забвение презумпции невиновности и права на самозащиту, приписывание русским националистам преступлений, совершенных обычными хулиганами, бандитами или действий сумасшедших, а также фактический срыв разговора о реальных проблемах, с которыми сталкивается коренное население России¹⁴.

При том, что власть стояла в авангарде «антифашистской» борьбы, журналисты, политики и общественники либерального и крайне левого толка постоянно обвиняли ее в недостаточной репрессивности, требуя усилить давление на врага. Власть благосклонно выслушивала призывы. В такой атмосфере началась «экспертиза законов».

Ревизия антиэкстремистского законодательства

В январе 2006 г. в Госдуме были разработаны поправки к Уголовному кодексу и закону о противодействии экстремистской деятельности. Законопроектом вводилась уголов-

ная ответственность за изготовление, распространение экстремистских материалов и торговлю ими, усиливалась уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в таких организациях. Законопроект предлагал ввести в УК статью 282.3. Она карала вовлечение в совершение преступлений экстремистского характера, содействие экстремистской деятельности, а также финансирование экстремистской деятельности. Верхний порог наказания по этой статье предполагался небывало жестоким — 15 лет заключения. Проект не обошел вниманием и Интернет. В Административный кодекс вносилось наказание за невыполнение требований законодательства о противодействии экстремистской деятельности для редакторов СМИ и провайдеров¹⁵. Этот законопроект в конечном итоге был отправлен под сукно и извлечен только в 2013 г., когда в УК действительно появилась статья 282.3.

В июле 2006 г. было существенно расширено определение экстремизма. Виды экстремистской деятельности пополнились в том числе публичным оправданием терроризма, массовыми беспорядками и публичной клеветой в отношении должностных лиц, применением насилия или угрозой его применения в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей¹⁶.

Реформа избирательного законода-

¹³ Пропаганду фашистских идей приравнять к уголовному преступлению // Медиакратия [Электронный ресурс]. URL: http://mediacrata.ru/owa/mc/mc_project_news.html?a_id=7938

¹⁴ Обращение Лиги консервативной журналистики по поводу «антифашистской кампании» // АПН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/> (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1147249020>).

¹⁵ Поправки об ужесточении наказания за экстремизм направлены в ВС // Газета.ру. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/lenta/2006/01/27/news_526929.shtml

¹⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ. О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2006/07/29/ekstremizm-protivodejstvie-dok.html>

тельства осенью 2006 г. ввела норму, согласно которой за экстремистскую деятельность в ходе избирательной кампании кандидат (или партийный список) лишался судом права участвовать в выборах.

Поправками, принятыми в июле 2007 г., перечень отягчающих мотивов при совершении преступлений дополнялся мотивами политической, идеологической ненависти и ненависти в отношении какой-либо социальной группы (ст. 63 УК РФ). Этими поправками также было расширено право прослушивания телефонных разговоров. Мотив ненависти был добавлен в статьи умышленное причинение легкого вреда здоровью, побои, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и, наконец, хулиганство (ст. 213 УК) (по этому пункту статьи 213 позже будут осуждены участницы панк-группы Pussy Riot)¹⁷.

В конце 2008 г. была ограничена компетенция суда присяжных — из его ведения были выведены дела по статьям 205 («Террористический акт»), 206 ч. 2–4 («Захват заложника»), 208 ч. 1 («Организация незаконного вооруженного формирования»), 212 ч. 1 («Организация массовых беспорядков»), 275 («Государственная измена»), 276 («Шпионаж»), 278 («Насильственный захват власти или насильственное удержание власти»), 279 («Вооруженный мятеж»), 281 («Диверсия»). Ранее, в сентябре 2008 г. в структуре МВД появились Центры по противодействию экстремизму (Центры

«Э»), их штат был пополнен из сотрудников ликвидированных РУБОПов.

Не удивительно, что в таких условиях начался необыкновенный рост числа дел по антиэкстремистским статьям. В 2010 г. первый замминистра МВД РФ обнародовал статистику, согласно которой за четыре года число экстремистских преступлений выросло примерно в три раза — с 130 в 2004-м до 656 в 2010-м (в 2007-м — 356, в 2009-м — 548)¹⁸. Кроме националистов (о них нужно будет говорить отдельно), под пресс попадали и те, кто был не против нападков на последних или, по крайней мере, на них совсем не походил: подпавшими под действие 282 статьи УК РФ глава Сахаровского центра Юрий Самодуров, сыктывкарский музыкант Савва Терентьев, татарстанский журналист Ирек Муртазин, московская художница Лена Хейдиз и многие другие. Для тех, кто ранее поддерживал «антифашистскую кампанию», оказалось откровением, что законы не действуют выборочно. В 2009 г. отрезвевшая общественность восприняла новую «антифашистскую» инициативу крайне резко. Так провалился предложенный группой депутатов «Единой России» законопроект, предусматривавший введение уголовной ответственности за «реабилитацию нацизма». Законопроект предлагал наказывать за критику СССР и его союзников за действия в ходе Второй мировой войны.

Попытки обязать журналистов прекратить распространять информацию об этнокриминале довершали нерадостную картину. В ноябре 2006 г. Общественная палата предложила разработать так называемую хартию журналистов, которая обеспечивала бы самоцензуру работников пера. Хартию журналистов по идее ее авторов

¹⁷ Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Гарант. Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12154849/>

¹⁸ В России резко возросло число преступлений экстремистского характера // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2008/01/19/crimes/>

должны были бы подписывать даже абитуриенты журналистских факультетов. В декабре 2006 г. Мосгордума выступила с предложением запретить упоминание национальности правонарушителей в СМИ и интернет-сетях. Инициаторами поправки в закон о СМИ стали единороссы. В апреле 2007 г. в числе других антиэкстремистских мер в Государственную Думу был внесен законопроект, запрещающий использовать в СМИ и Интернете сведения о национальности и религиозной принадлежности потерпевших и правонарушителей. Как говорилось в пояснительной записке, «систематическое указание некоторых национальностей в материалах о совершении правонарушений и преступлений может привести к возбуждению национальной ненависти и вражды». Закон не успел пройти даже первое чтение в Госдуме, как стало известно, что в МВД уже наложен негласный запрет на распространение в СМИ любой информации, касающейся националь-

ности преступников. Начальник ГУВД Москвы Владимир Пронин сообщил, что уже запретил своим подчиненным делиться такими сведениями с журналистами¹⁹.

В этих условиях не только стало практически невозможно предсказать и предупредить межэтнические конфликты. Парадоксальным образом «антифашистская кампания» имела противоположный ожидаемому эффект. Националисты оказались единственной политической силой, которая готова была говорить о национальном вопросе и разрешать межнациональные споры, не боясь лишиться места в приличном обществе российской большой политики. Теперь они его попросту не имели, и терять им было нечего.

¹⁹ Политкорректность или подарок нацистам? // ИА Росбалт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2007/04/10/292748.html>

**rosndp.org —
официальный сайт Национально-
Демократической партии**

На этом портале вы всегда можете узнать свежие новости о деятельности партии, о проводимых НДП гражданских кампаниях и ознакомиться с партийной программой. Кроме того, данный сайт предлагает вашему вниманию регулярные публикации об актуальных событиях в политической, общественной и экономической жизни страны.

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ

«УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» В ПУБЛИЦИСТИКЕ ИВАНА АКСАКОВА НАЧАЛА 1860-х гг.

Прежде всего отметим, что «украинский вопрос» — формулировка, не принадлежащая Ивану Аксакову, более того, в комплексе проблем, находящихся в поле его внимания в первой половине 1860-х гг., т.е. в период, когда он издавал газету «День» (1861–1865), данного рода проблематика рассматривается им как второстепенная, зависящая от куда более важного, существенного вопроса — «польского». Вместе с тем нельзя сказать, чтобы дебаты о Малороссии/Украине, статусе местного наречия/языка занимали мало место на страницах его газеты, что связано с общим оживлением «украинского вопроса» в эти годы. Но перед тем как обратиться к рассмотрению позиции Аксакова, выраженной им в полемике с такими изданиями, как «Современник», «Основа», «Русский вестник», «Московские ведомости» и «Вестник Юго-Западной и Западной России», следует рассмотреть предысторию как личного восприятия Аксаковым Малороссии, так и восприятия ее в русском общественном мнении.

Активный интерес к малороссийской культуре и истории в русском обществе пробуждается на общей ро-

мантической волне в 1830-е гг.¹, когда московские и петербургские издания охотно публикуют не только всевозможные описания Малороссии и «малороссийской старины», разнообразные фольклорные памятники, но и новые произведения малороссийской словесности. При этом вопрос об особости/единстве не поднимается — характерны сами используемые обороты: с одной стороны, Малороссия предстает как «другая страна», «другой край», «славянская Италия», где живут другие люди, говорящие другим языком, имеющие иное прошлое и во многом иное настоящее; с другой — эта инаковость лишена политического напряжения, она интерпретируется преимущественно как «экзотика» (что и подпитывает романтический интерес, который является интересом к «другому», «особенному»), ее подчеркивание повышает эстетическую ценность материала, обосновывает право на интерес к нему со стороны внешней — тогда как интерес «своих» должен побуждаться «любовью к родной старине», «родному краю».

Расхожий образ Малороссии (который укрепляют исторические повести Гоголя — наиболее заметное литературное явление этого ряда, обращен-

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ №МК–2579.2013.6. Тема: «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом».

¹О предшествующих формах и видах интереса к Малороссии см.: *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. К.: Laurus, 2012. Гл. 2 и 4.

ное к русской публике) предстает, например, в рецензии Осипа Бодянского на первый том повестей Основьяненко, где рецензент выражает надежду, что во втором томе «все будет стройно, гладко, естественно, *изящно*, как изящна природа Украины, где небо весьма тихо есть и лихого поветрия не слышать, не видеть, — ее народность, сама Украина в *целом и особенностях*, где нет шагу без памятника, времени без события, места без картины, живого существа без резко проведенной черты на его облике, характеристического отличия в своих помыслах, желаниях и поступках; где вы утонете в мире музыкальных звуков, национальных напевов, национальной поэзии на языке благозвучном, мелодическом, которая очарует, заколдует вас, наполнит сладким забвением ваше сердце, пробудит в голове вашей светлые думы, быстро перенесет в заветное *прошедшее* с его живо говорящими образами и напоследок остановит вас над *настоящим*, не менее занимательным, *интересным*, хоть и своими развалинами, остановит — и заставит *призадуматься...*»². «Настоящее», тем самым, оказывается интересно в первую очередь «своими развалинами» — если прочее спорно, то «руины» безусловно заслуживают внимания.

Можно обратиться к иному, куда более раннему рассуждению, принадлежащему А.И. Мартосу, который, путешествуя по Молдавии и остановившись у могилы Мазепы, размышляет (в 1811 г.) так: «Мазепа умер в отдаленности от отечества своего, коего он защищал независимость; он был друг свободы и стоит уважения потомства <...> Его не стало, а имя Малороссии и ее храбрых казаков изгладилось из списка народов, хотя не великих числом, но известных своим существованием и конституцией. Теперь богатая Малороссия составляет наряду с про-

чими две или три губернии; но это общий удел государств и республик: стоит только заглянуть в политическую историю наций»³.

Надеждин, публикуя в газете «Молва» (издававшейся как приложение к журналу «Телескоп») малороссийские вирши Бодянского, сам «с большим сочувствием» относился к «появлению счастливых опытов литературной обработки малороссийского наречия» и всегда охотно давал место в своих изданиях статьям, писанным в интересах малорусской литературы. «Иным, — писал он, — например, эти опыты кажутся пустою, бесполезною забавою. Но я думаю противное. Малороссийское наречие может также служить к обогащению нашего языка. Пусть украинцы знакомят нас с ним в своих поэтических думах, в своих добродушных “казьках”! Мы им должны быть душевно благодарны»⁴.

Иными словами, Надеждин, вполне типичным для того времени (1834) образом, помещает «малороссийское» по двум основным позициям: (1) малороссийского языка как создающего эффект комизма — вспомним функционирование «Энеиды» Котляревского, и (2) малороссийское как «лирическое», что подхватывает сам Бодянский, обращаясь к издателю: «...вы, конечно, уделите место в нем известиям и разборам книг, относящихся до Украины, будут ли то писаны на ту-

² Ученые записки Московского университета. 1834. №5. С. 312–313.

³ Цит. по: Киселев В., Васильева Т. «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII — начала XIX века // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 488.

⁴ Василенка Н.П. О.М. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1904. С. 58.

земном языке или на русском. Ближайшее знакомство с сею Славяно-Русскою Италиєю, ее языком и литературою, по многим важным причинам, для северо-русов теперь совершенно необходимо»⁵. В полемике, развернувшейся вокруг вопроса о том, как надлежит издавать малороссийские пословицы, В. Смирницкий (или, что вероятнее, И. Срезневский)⁶ писал: «...постоянного правила <...> нет и быть не может, пока литератор не установит сие употребление образцовыми сочинениями, если только суждено языку украинскому процвести на поприще литературы, этому языку — замечу мимоходом — богатейшему из всех славянских языков»⁷ — иными словами, в ответ на грамматическую критику со стороны Бодянского указывал, что она неосновательна, поскольку для унификации украинскому языку надлежит пройти путь, уже пройденный русским, что на взгляд обоих собеседников является желательным.

Схожую позицию доброжелательства в отношении разработки украинского языка занимает в эти годы, например, и М.П. Погодин — в докладе министру народного просвещения С.С. Уварову по возвращении из второй поездки по славянским землям, в 1839 г. он предлагает в числе желательных мер следующие: «2) Для сравнительной Грамматики [всех Славянских наречий] нужна частная; должно назначить меньшие премии за сочинение Грамматик для тех наречий, кои не имеют еще оных, как то: нашего Малороссийского, Галицкого, и еще, кажется, одного или двух <...> 4) Некоторые наречия не имеют еще Словарей; должно задать оные с премиями, и также наше Малороссийское, Галицкое, Болгарское, наши областные, церковные»⁸.

⁵ Телескоп. 1834. Ч. XXI, критика. С. 338.

⁶ Василенка Н.П. Указ. соч. С. 69.

⁷ Молва. 1834. № 29. С. 33

⁸ Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской

Сама терминология на тот момент еще не определилась — можно отметить лишь некоторые акценты: так, Погодин чаще всего называет «языком» собственно «Славянский», тогда как все частные его случаи получают наименование «наречий» — и «великорусское» или «русское» «наречие» тем самым мыслится как одноуровневое с «малороссийским». Такое отношение вполне вписывалось в имперскую политику того времени — в этот ранний момент, в стадии первичного складывания национальной повестки, движения «на ощупь», будущие конфликты между имперским и национальным в большинстве случаев не осознаются, поскольку домодерная империя, скрепленная принципом «династической верности», не только не исключает, но, напротив, предполагает локальные идентичности — она умножает различия, а не стирает их⁹.

войны. 1853–1856. М.: Тип. В.М. Фриш, 1874. С. 39, 40. Приведем другой пример: в 1835 г. Бодянский опубликовал в Ученых записках Московского университета (Кн. XI) статью об истории древнерусского языка, в которой приходил к следующему выводу: «Сначала, до XII в., язык северных и южных русов был очень схож, но после нашествия татар и завоевания Южной Руси литовцами, языки русов “так далеко отстали один от другого (равно как и самые говорившие ими), что впоследствии составили собою совершенно две отличные ветви, решительно никогда уже не могущие сблизиться. Язык одного из сих народов другому кажется чем-то диким, неприятным для слуха и большею частию непонятным (говоря о простом народе; высший класс, как и везде, составляет исключение); по-видимому, звучит что-то знакомое, но произношение, грамматическое сочетание и обороты того и другого языка делают их между собою совершенно разными”» (Василенка Н.П. Указ. соч. С. 107).

⁹ Отметим, что позиция самого М.П. Погодина именно «вписывается» в повестку, по своим основаниям радикально от нее отличаясь, поскольку предполагает активное

Резкий протест подобные тенденции к разработке украинского языка вызывали преимущественно со стороны западников, в первую очередь в лице В.Г. Белинского. Для западнического направления, ориентированного в перспективе на программу строительства «гражданской нации», предполагавшей языковую — и, по возможности, культурную гомогенизацию империи (выразителем данной позиции в условиях начала 1860-х станет один из участников кружка Н.В. Станкевича, некоторое время весьма близкий к тому же Белинскому М.Н. Катков) — опыты малороссийской литературы и т.п. представляли собой движение ретроградное, а украинский язык трактовался как «областное наречие» наряду с «белорусским», «сибирским» и «другими подобными»¹⁰.

Дело «Кирилло-Мефодиевского общества»¹¹ и наложившееся на него об-

использование — и поддержку на стадии формирования — славянских национальных движений, используя их внешнеполитически против Османской империи, и в первую очередь — Австрии, в то время как для Российской империи, по мнению Погодина, таковые движения опасности не представляют, поскольку она выступает для них как единственная возможность реализоваться — при поддержке, покровительстве и в дальнейшем как составная часть Российской империи. См.: *Тесля А.А.* «Славянский вопрос» в публицистике М.П. Погодина 1830–1850-х гг. // Социологическое обозрение. Т. 13. №1 (в печати).

¹⁰ См.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. С. 58–59.

¹¹ Связь воззрений участников «Кирилло-Мефодиевского общества» с предшествующими малороссийскими интеллектуальными движениями и с малороссийской тематикой в русской литературе — где наиболее значимой фигурой в данном отношении выступал Гоголь, может быть описана следующим образом: «Шевченко создал новый миф, поле-

щее ужесточение цензурной политики после 1848 г. привели к тому, что большая часть вопросов, связанных с «малороссийским языком/наречием» и «малороссийской народностью», оказались изъяты из обсуждения (чему способствовало и то обстоятельство, что арестованы по делу общества оказались как раз наиболее активные публицисты: Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш). Однако нежелание правительства придавать делу огласку — и целенаправленное «смягченное» и искаженное представление целей и мнений общества¹² — привело к тому, что сами взгляды представителей общества не попали вплоть до второй половины 1850-х гг. в пространство активного обсуждения — а затем были восприняты (да и выражены) в существенно ином контексте.

* * *

В славянофильском кругу малороссийская проблематика до конца 1850-х занимает весьма незначительное место — обращение к такого рода темам спорадично и, как правило, их осмысление мало отличается от распространенных в российском общественном мнении позиций. При этом стоит отметить, что некоторые из славянофилов судили об украинских де-

мически основанный <...> на отрицании гоголевского и в то же время — на его творческом развитии. Это был образ не мертвой Украины, а усыпленной, похороненной живьем, однако готовой к пробуждению и воскресению. Шевченко воссоздал ту самую Украину, которую Гоголь неосмотрительно создал и еще неосмотрительнее (потому что преждевременно) похоронил. Однако поэту было что воссоздавать — именно благодаря Гоголю и многим другим лояльным к империи, но, как вскоре обнаружилось, “слишком” озабоченным малороссийской самобытностью украинофилам» (*Рябчук М.* Русский Робинзон и украинский Пятница: особенности «асимметричных» отношений // Там, внутри... С. 465).

¹² *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 55–56.

лах, опираясь на личный опыт. Так, например, Ю.Ф. Самарин несколько лет в начале 1850-х прослужил в канцелярии генерал-губернатора Юго-Западного края Д.Г. Бибикова. И.С. Аксаков в 1853–1854 гг. был командирован от Русского географического общества для изучения малороссийских ярмарок, в связи с чем объездил большую часть Украины (не считая поездок 1848 г. и 1855 г. по служебным делам, когда его пребывание было относительно кратковременным). Ф.В. Чижов с конца 1840-х завел недалеко от Киева шелководное хозяйство и постоянно проживал там. С М.А. Максимовичем аксаковское семейство поддерживало дружеские связи с конца 1820-х.

И.С. Аксаков, описывая свои первые впечатления от Украины, идет по литературной канве, причем осознает это сам: «До Харькова от Курска я еще не мог заметить сильного преобладания малороссийского характера, но от Харькова к Полтаве и от Полтавы к Кременчугу — вот настоящая Хохландия! <...> Природа здесь как будто на своем месте, каждое дерево растет вволю, смотрит хозяином, у себя дома и раскидывается живописнее; чистые мазанки с садами и огородами, хутора, разброшенные там и сям, обведенные красивыми плетнями, все это, даже зимой, так хорошо, так приветливо! Правда, что в это время случились и солнечные дни, правда, что наши впечатления не могут быть совершенно чистыми и свободными от поготовок, от взглядов а priori, но как бы там ни было, Малороссия произвела на меня приятное впечатление. Везде так и торчит Гоголь с своими “Вечерами на хуторе близ Диканьки”. Тут только вы почувствуете все достоинство, всю верность этих описаний, этой не столько внешней, сколько внутренней характеристики Малороссии, вполне передающей вам и внешнюю ее физиономию»¹³.

Во второй свой приезд, из Киева, он пишет родным — в связи с Киево-Печерской лаврой, впечатленный потоком паломников из разных концов страны, проговаривая уже позицию «общерусской нации»: «Здесь [в Лавре] больше, чем где-либо, чувствуешь себя членом общерусской семьи, ощущаешь свое родство со всеми ее разрозненными членами, напр., с малороссом, белорусцем и проч. — У нас в Троицкой лавре мы редко видим богомольцев с юга. Все равно как бы члены одной семьи, давно уже живущие порознь, собрались опять все вместе в доме, где провели свое детство, где жили прежде, чем разошлись»¹⁴. В описаниях же преобладает подчеркивание различий, причем выделяются привычные уже в литературе черты — оцениваемые преимущественно с точки зрения эстетической, как разнообразие в пределах общности (которую не требуется артикулировать, как само собой разумеющуюся — подобно тому, как, говоря о родстве славянских народов, Погодин в

ка, 1988. С. 401–402. Украина как «памятник» прошедших времен (см.: *Толочко А.* Указ. соч.) присутствует, напр., в следующем рассуждении Аксакова: «Вообще песни в народе хорошо сохранились, и я не думаю, чтоб они могли дойти до такой степени путаницы и нелепицы, как большая часть песен, которые поет великорусский народ. Здесь поющий обращает внимание на содержание и на смысл песни, между тем в России самая протяженность звуков мешает обратить внимание на слова песни. Ямщик проедет семь верст, прежде чем успеет кончить совсем первый стих песни “Не белы-то снега в поле забелелися”. Да и мы обыкновенно знаем только первые начальные стихи русских лучших песен. Никто почти из нас не скажет окончания песни “Лучины-лучинушки”, “Вниз по матушке по Волге” и проч. И как эти песни, прекрасные в начале, обезображены в конце» (*Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849–1856 / Изд. подготов. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. С. 293–294).

¹⁴ *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849–1856. С. 255.

1840-х — начале 50-х не имеет нужды настаивать на большей близости тех или иных славянских народностей к великорусской, поскольку это не представляет собой проблемы, а обоснования требует славянская общность: через «перечисление» «народностей», от «малороссиян» до «чехов», «сербов», «поляков» утверждается их существенная близость и через близость очевидную одних «народностей» с другими — утверждается не только их общность, но в подтексте — как желаемая — и равная близость).

Самарин, читая в Киеве в 1850 г. «Повесть об Украинском народе» П.А. Кулиша (1846), записывал в дневник как общий итог размышлений: «Пусть же народ Украинский сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с Великорусским племенем развивается он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным его потребностям. Но в то же время пусть он помнит, что историческая роль его — в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского, для создания и возвеличения которого так долго и упорно трудилось Великорусское племя, для которого принесено им было так много кровавых жертв и понесено страданий, неведомых Украинцам; пусть помнит, что это государство спасло и его самостоятельность; пусть, одним словом, хранит, не искажая его, завет своей истории и изучает нашу»¹⁵.

В этом небольшом фрагменте можно видеть и позицию всего славянофильского кружка — к этой точке зрения примыкали все его участники, и отчет-

ливое выражение тех положений, которые в дальнейшем станут пунктами конфронтации: это и не особо чувствительная для «внутри-великорусского», но отчетливо читаемая извне позиция превосходства, и утверждение «в пределах России» статуса «народа Украинского» как второстепенного — государство было выстроено не ими, оно есть «государство Московское», причем выступает как внешнее по отношению к ним (в связи с чем — независимо от намерений Самарина — позволяет далее ставить вопрос о необходимости оставаться в пределах этого государства, если внешняя необходимость, которой аргументирует принадлежность к нему «народа Украинского», отпала).

После того как славянофилы в 1856 г. получили право издавать свой журнал — «Русскую беседу», в нем активно зазвучала малороссийская тематика, представленная исследованиями и повестями П.А. Кулиша (за несколько лет до того сблизившегося с аксаковским семейством, собирая материалы для биографии Н.В. Гоголя)¹⁶, публикациями и исследованиями М.А. Максимовича, очень благоприятными (впрочем, в этом отношении согласными с общим направлением литературной критики) отзывами о повестях Марко Вовчок. Именно на страницах «Русской беседы» публикует свои полемические заметки в известном споре с М.П. Погодиным об украинском языке М.А. Максимович¹⁷. В Петербурге в 1857 г. вышел имевший шумный успех «Богдан Хмельницкий» Н.И. Костомарова, публикации которого с этого времени сделались регулярными в «Современнике»¹⁸.

¹⁶ См.: *Шенрок В.* П.А. Кулиш. Биографический очерк. [Оттиск из журнала «Киевская старина»]. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1901.

¹⁷ *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 69–71; *Толочко А.* Указ. соч. Гл. 6.

¹⁸ См.: *Венгловский С.А.* Николай Костомаров. СПб.: Алетей, 2013. С. 231–245.

¹⁵ *Самарин Ю.Ф.* Соч. Т. I: Статьи различного содержания и по польскому вопросу / Издание Д.[Ф.] Самарина. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°. С. 298.

Знаком близости Костомарова к славянофилам стала его публичная речь об исторических трудах за два месяца перед тем скончавшегося Константина Аксакова, ставшая причиной некоторого скандала. И.С. Аксаков писал кн. Д.А. Оболенскому, скептически относясь к содержанию речи, но высоко ценя ее как жест: «Одним словом, любезный Оболенский, вполне разделяя твоё желание — услышать слово более теплое и задушевное о брате Константине, я думаю однако же, что мы должны искренно порадоваться и такому слову, каким было слово Костомарова (а оно не было пустое, ничего не значащее слово!), порадоваться и от всей души поблагодарить его за такой поступок, оценить его по справедливости»¹⁹.

Однако именно в это время ситуация меняется самым существенным образом — в Петербурге начинает выходить объединяющий в первую очередь членов бывшего «Кирилло-Мефодиевского общества» двуязычный журнал «Основа». А.И. Миллер пишет о произведенном им действии: «Публицистика “Основы”, особенно статьи Костомарова, имела мощный пропагандистский эффект. <...> Но побочный, незапланированный эффект был не менее сильным. Выходящая в Петербурге “Основа” весьма внимательно читалась в русском обществе, которое постепенно, во многом благодаря журналу, начало осознавать действительные цели украинофильского движения. Если первая реакция петербургской и московской прессы на появление “Основы” была вполне благожелательной, то с течением времени все большее количество изданий начинает с ней полемизировать»²⁰.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 49. Письмо от 19.II.1861 г., Москва.

²⁰ Западные окраины Российской империи / Под ред. М.Д. Долбилова, А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 160.

Журнал последовательно — в рамках не очень сильных на тот момент цензурных стеснений — проводил позицию, которая вполне была выражена в письме Н.И. Костомарова А.И. Герцену, опубликованном последним (разумеется, без указания имени автора) в номере «Колокола» от 15 января 1860 г. Протестуя против взглядов, нашедших выражение в публикациях «Колокола» 1859 г., освещавших все более напряженную ситуацию в Царстве Польском и «кресах» с точки зрения русско-польских отношений, Костомаров писал: «Большинство великорусской и польской публики привыкло не считать нас отдельным народом, не признавать в нас отдельных элементов для самобытной жизни, выработанных прошедшим, сомневаться в существовании у нас своенародного языка и в возможности его литературного развития и вообще ставить наши особенности в ряд провинциальных оттенков — то русской, то польской национальностей <...> Либералы-великороссы, или наслушавшись польских доказательств и привыкшие считать нациями только такие народы, у которых были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуют Полякам эти края, или же, под влиянием патриотизма, развитого Устряловым²¹, почитают их непрерываемою собственностью России, и таким образом вопрос о принадлежности земель, населенных нашим народом, составляет спорный пункт между свободолюбщими обоим славянским племенем»²².

В практической области ожидания

²¹ О концепции Н.Г. Устрялова см.: Тесля А.А. Создавая единую историю // Русский Журнал. 08.01.2014 [URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Sozdavaya-edinuyu-istoriyu>].

²² Костомаров Н.И. Письмо Н.И. Костомарова к издателю «Колокола». С предисловием М. Драгоманова. Издание «Громады». Женева: Типография «Громады», 1885. С. 1, 2.

Костомарова, говорившего от имени Украины, помимо освобождения крестьян от крепостной зависимости, состояли в следующем: «Мы желали бы <...> чтоб правительство не только не препятствовало нам, Украинцам, развивать свой язык, но оказало бы этому делу содействие и сделало бы теперь же распоряжение, чтобы в школах, которые — как оно уже само объявило — будут заведены для нашего народа, предметы преподавались на родном языке, ему понятном, а не на официально-великороссийском, иначе народ украинский будет заучивать лишь слова, не развивая своих понятий. Более мы не станем требовать и желать, собственно для себя, ничего, независимо от общих, совокупно со всей Россией, желаний. Никто из нас не думает об отторжении Южной Руси от связи с остальной Россией. Напротив, мы бы делали, чтоб все другие Славяне соединились с нами в один союз, даже под скипетром русского государя, если этот государь сделается государем свободных народов, а не всепожирающей татарско-немецкой московщины. В будущем славянском союзе, *в него же веруем и его же чаем*, наша Южная Русь должна составить отдельное, гражданское целое на всем пространстве, где народ говорит южнорусским языком, с сохранением единства, основанного не на губительной, мертвящей централизации, а на ясном сознании равноправности и своих собственных выгод. Чтоб наши потомки увидели то, что едва ли какому-нибудь Симеону из нашего поколения суждено увидеть, — надобно, чтобы Славяне очищались от своих старых предрассудков!

Пусть же ни Великоруссы, ни Поляки не называют *своими* земли, заселенные нашим народом»²³.

Показательна терминология данного письма: «Украина» и «Южная Россия» используются как синонимы, взаимозаменяемые без оговорок (тер-

мин «Малороссия» также употребляется, хотя не очень часто, но без особого смыслового выделения), однако предпочтение отдается терминам «Украина» и «украинцы», принимается концепция «общей русской нации», при этом размежевание одинаково осуществляется как в отношении «Поляков», так и «Великоруссов», обвиняемых в игнорировании существования особой, отдельной народности²⁴.

С большей частью положений, выдвинутых Костомаровым, Аксаков доктринально был согласен — что и проявилось в последующей полемике, где, в отличие от позиции, занятой М.Н. Катковым, критиковавшим украинофильство с 1862 г. и решительно обрушившимся на него в 1863 г., и от редакции «Вестника Юго-Западной и Западной России», где большую роль играло мнение М.В. Юзефовича, давнего противника украинофильского движения, Аксаков спорил с Костомаровым, исходя из существенной близости теоретических позиций, одновременно выступая против агрессивных нападок на Костомарова лично и украинофильство как направление, предо-

²⁴ Характерным примером славянофильской чувствительности к украинофильской проблематике и ответом на нее, даваемым в рамках доктрины, чтобы не допустить по этой логике обособления «малороссиян»/«украинцев» от «большой русской народности», служит акцентирование А.Ф. Гильфердингом в статье «Славянские народы в Австрии и Турции» (1860 г.), опубликованной в журнале «Народное чтение», «сложного» состава и других народностей: «Под именем Русского народа мы разумеем как Великоруссов, так и Белоруссов и Малоруссов, точно так же, как под именем Чехов мы разумеем и Чехов (в собственном смысле, т.е. жителей Богемии) и Моравцев; под именем Поляков — и Великополян и Малополян» (*Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. Т. II: Статьи по современным вопросам славянским. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. С. 4, прим. 1).*

²³ Там же. С. 12–13.

ставляя последним слово на страницах издаваемой им газеты.

Надлежит, в первую очередь, отметить, что публичная позиция Аксакова по вопросу о Малороссии и украинофильском движении и позиция, нашедшая отражение в его переписке, отличаются лишь по степени полноты высказанности. В условиях цензурных ограничений²⁵ он несколько смягчал свои аргументы или не высказывал их сполна, в частной переписке они проговаривались до конца. Острое столкновение между Аксаковым и Костомаровым случилось в самом начале издания первым «Дня», по поводу статьи Н.Г. Чернышевского в «Современнике» (1861, №7) «Национальная бестактность», в которой высказался резко против русинской, издававшейся во Львове, газеты «Слово» — на которую «День» отозвался статьей В.И. Ла-

²⁵ Не столько относящихся до его собственной позиции, сколько до возможности оппонентов отвечать ему — к данному вопросу Аксаков всегда был чувствителен и зачастую именно этим аргументом, как «связывающим руки» полемисту, желающему защищать точку зрения, согласную с правительственной, но не могущему это сделать — так как это значило бы нападать на «безоружного» или объявляющего себя таковым, пользовался для защиты принципа свободы слова и свободы печати. Так, например, в письме Н.И. Костомарову от 30.X.1861 Аксаков писал: «Я бы ничего так не желал, как чтоб позволили Полякам безнаказанно возражать мне в России. Под статьей Кояловича я даже прошу об этом, и предложил даже печатать анонимные возражения; но цензура это слово выкинула» (Переписка И.С. Аксакова с Н.И. Костомаровым о Малороссии // Русский Архив. 1906. Т. СХХII. С. 541). Упоминается статья М.О. Кояловича «Литва: Киевская Комиссия для издания древних грамот и актов Юго-Западной России и Польские Патриоты», опубликованная в №1 газеты «День» от 15.X.1861; см.: Коялович М.О. Шаги к обретению России. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. С. 471–480).

манского (написанной с куда более, по сравнению с Аксаковым, прямолинейных позиций, где в частности автор заявлял: «Мы не понимаем значения слов *малорусский*, а следовательно, и *великорусский патриотизм*, мы еще можем допустить *русский патриотизм*»²⁶). К сожалению, письмо Костомарова Аксакову не сохранилось, но по ответу можно относительно полно составить представление о содержании послания²⁷.

30 октября 1861 г. Аксаков писал Костомарову: «<...> на Малорусскую народность никто и не нападал; а если напали, так не на народ и не на народность, а на тенденции некоторых “патриотов”, касающиеся вопроса об языке. Вообще между мной и вами та существенная разница, что я стою на стороне истории и народа, а вы против истории и против народа. Как противоречащее народу, ваше учение может быть названо аристократическим. Так, например, вы хотите игнорировать вопрос веры, столь важный для народа Южнорусского и полагающий несокрушимую преграду между ним и католиками-Поляками. Вы или автор статьи “Современника” (это все равно, потому что вы говорите, что готовы подписаться под нею), утверждаете, что с уничтожением крепостного права “угашаются последние искры” вражды между Малороссами и Поляками (это вы пишете даже в вашем письме), забывая о борьбе вероисповеданий, двух разных просветительных начал. Народ этого не забывает, и я также. Вы идете наперекор не только народным тенденциям вашей Малороссии, но и тенденциям трехмиллионного народа

²⁶ Ламанский В.И. Геополитика панславизма / Сост., предисл., коммент. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 616.

²⁷ См.: Емельянов Е.П. Национальный вопрос в переписке И.С. Аксакова и Н.И. Костомарова // Научный диалог. 2013. №6(18): История. Социология. Этнография. С. 21–29.

в Галиции»²⁸. Говоря об отношении к полякам, Аксаков отвечал на упреки Костомарова: «Я не вызываю международную вражду, а напротив, предостерегаю от нее. Требование Киева и пр. я считаю *безумным*; следовательно все требующие Киева заслуживают название *безумных*. <...> Вы не хотели заметить, что я браню Поляков за то, что они портят сами *свое* правое дело неумеренными притязаниями»²⁹.

Особенную выразительность позиция Аксакова в отношении украинofilов получила в ситуации 1863 г., когда и ранее довольно активные дебаты были возбуждены Январским восстанием в Царстве Польском, быстро перекинувшимся на Западный край, — и обостренными спорами о «сепаратистских поползновениях». Так, защищая народный характер антипольского движения в Юго-Западных губерниях, Аксаков 1.IX.1863 г. писал на страницах «Дня»: «Напрасно г. Юзефович (говоря постоянно во имя местной администрации) старается <...> набросить тень подозрения на характер народного движения. “Возбужденные народные инстинкты поневоле следовало сдерживать, иначе, при существовании в значительной степени *социального* характера в анти-Польском движении народа, легко было дать этому движению возможность распространиться до размеров полного народного восстания против помещиков”. Мы не верим этому обвинению. Мы очень хорошо знаем, что Поляки постоянно, еще задолго до восстания, старались заподозрить в глазах правительства анти-Польские стремления Русского народонаселения — в социализме и демократизме. Об этом писал и г. Грабовский в статье своей помещенной в прошлогоднем “Дне”³⁰; об

ским публицистам по вопросу о Литве и Западных губерниях», опубликованной в № 15 и 16 «Дня» (от 20 и 27 января 1862 г. соответственно), писал: «Только ученые да публицисты стараются не признать этой простой истины; они видят не то, что действительно существует, а то, что хотелось бы им видеть существующим. Устремляясь, с величайшим рвением, вослед за всеми правительственными мерами и идеями, они не только стараются дать им разумное толкование и оправдание (каковы бы ни были эти меры), но заходят гораздо далее самой Власти и внушают ей предположения, весьма неумеренные и весьма пагубные. Они пользуются для этой цели историей и археологией во сколько это им нужно. Они не затрудняются нимало: одним почерком пера вычеркнуть целую народность с ее историей, как это и было сделано ими с Литвой! На место последней они поставили какую-то *Западную Россию*, о которой никогда никто и не слышал в те времена, когда, по их положительному утверждению, она именно существовала. Им представляются самые страстные влечения к *единению* у тех народов, у которых преемственный ряд поколений не оставил в истории ни малейшего признака подобных стремлений. Эти писатели до такой степени увлеклись системой, вновь изобретенной, *национального унитаризма*, что выводы из нее прикладывают к временам давно прошедшим, и с какою-то цинической страстностью прибегают, для своей цели, к современному демократизму и к учению о правах, преимущественно будто бы принадлежащих массам народным. Есть такие защитники России монархической и самодержавной, которые проповедают то же самое, что социалисты и самые отчаянные нивелёры (уравнители). Газета *Le Nord* несколько раз служила органом для подобных ярких писателей. И тот, кто подписывался *Малоросс*, и тот, кто подписывался *Лойко*, в сущности проповедовали, не более не менее, как восстание одного сословия против другого, и подстрекали чернь к грабежу и разбою, потому что изображали высшие классы (всюду отличающиеся от народа богатством, правами на собственность и высшей образованностью) *иностранцами, хищниками, вероотступниками* и т.д.» (День. № 15 от 20.I.1862. С. 7).

²⁸ Переписка... С. 538.

²⁹ Там же. С. 541.

³⁰ Грабовский в статье «Ответ Поляка Рус-

этом доносят и Подольские дворяне, в оправдание своего знаменитого адреса³¹, обвиняя, перед правительством, весь простой Русский народ, почитателей Шевченка, журналы “Основу” и “День” и вообще всех, враждующих с Польскою народностью — в демократических, социальных и революционных тенденциях. Неужели и Киевская администрация, как должно заключить из слов г. Юзефовича, разделяет это Польское воззрение на народное Русское движение?»³².

Еще ранее, в № 11, помещая в «Областном отделе» заметку «Голос из Харькова», написанную одним из молодых участников украинофильского движения в защиту народной одежды и украинского языка, Аксаков снабдил ее сочувственным примечанием — с характерным жестом сближения: «Пишущий эти строки живо помнит утро, когда к его больному старику-отцу, уже несколько лет переставшему выезжать из дому и носившему дома у себя, ради удобства, русское платье, явился однажды полицейский чиновник, с письменным приглашением дать полиции подписку: *сбрить имевшуюся у него бороду и впредь оную не отпускать*. К.С. Аксаков и Хомяков также были приглашены и также были обязаны подписками: *русское народное платье в публичных местах не носить*. Мы уже ожидали от местного начальства распоряжения, воспреещающего употребление и русского народного языка в публич-

ных местах, но к счастью времена переменялись»³³.

Отзываясь на мнения, высказываемые «Московскими ведомостями», «Вестником...» и некоторыми другими изданиями, Аксаков писал: «Мы с своей стороны не отрицаем, что несколько юных голов заражены сепаратистическими бреднями: сами по себе эти бредни нам совершенно противны, но они более безобразны, нелепы, смешны, чем опасны; мы убеждены, что они нисколько не представляют серьезной опасности для единства и целостности России, но могут быть очень опасны для самих этих сепаратистов, если только, при новом восстании Поляков, натолкнется на них раздраженное Малороссийское население. Несравненно опаснее, по нашему мнению (а этого именно и добиваются Поляки), придавать этим сепаратистическим тенденциям более значения, чем они заслуживают, и на этом основании принимать общие меры, падающие не на сепаратистов собственно, которых число слишком ничтожно, а на всех так называемых украинофилов, на все Малороссийское население, — меры оскорбляющие в Малоруссах чувство, совершенно законное, любви к родине»³⁴.

Но, формулируя нерв своей позиции, Аксаков утверждал: «<...> создалось мнение, что в настоящее время в Юго-Западном крае так называемый “украинофильский вопрос” важнее “Польского вопроса” и стоит на первом плане. Это мнение — ложное и вредное. Это мнение как раз на руку Полякам; они именно того-то и добиваются и стараются всячески пугать наших патриотов и местные власти — призраком опасности от украин-

³¹ Речь идет об адресе трехсот подольских дворян с просьбой о подчинении их губернии Царству Польскому (что, при отсутствии общей границы с Царством, означало прошение о, по крайней мере, административном восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 г.).

³² Аксаков И.С. Сочинения. Т. III: Польский вопрос и западно-русское дело. 1860–1886. Еврейский вопрос. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886. С. 181–182.

³³ Данная публикация — и в особенности как раз процитированное примечание — удостоилось гневной отповеди в «Вестнике Юго-Западной и Западной России» в статье «По поводу свиток и хохломани» С. Еремеева (№ 4, отд. III. С. 1–21).

³⁴ Аксаков И.С. Соч. Т. III. С. 303.

нофильства, с тем, чтобы отвлечь внимание от настоящей, действительной, серьезной опасности для края, заключающейся в Поляках и Польском элементе»³⁵.

Объясняя, почему в полемике, раз-
вернувшейся вокруг украинофильства,
он оказался ближе к кругу его сторон-
ников, чем противников, Аксаков по-
яснял: «Читателям “Дня” известно, что
мы всегда спорили с теми нашими пи-
сателями, которые старались создать
особый Малороссийский литератур-
ный язык, и доказывали тщету и не-
нужность их попыток. Мы вели ожив-
ленную полемику с г. Кулишем и с г.
Костомаровым и с “Основой” — жур-
налом, к сожалению, преждевремен-
но прекратившимся. Мы и впредь бу-
дем неослабно спорить с ними в преде-
лах литературных и равным оружием,
если только нам не помешает клевета
и вообще неуместное патриотическое
усердие <...> Мы восставали против
исторических и литературных убеж-
дений гг. Кулиша, Костомарова и дру-
гих, но наша вера в незыблемость Рус-
ского земского строя, в единство Руси,
основанное не на теории, а выработан-
ное историей и зиждущееся на един-
стве духовном, не допускала в нас ме-
ста смешным опасениям сепаратизма,
не позволяла нам бояться, как чумы
или огня, появления в свет книжек на
Малороссийском языке. Если <...>
они никому решительно не нужны, тем
лучше, тем они безвреднее, тем скор-
ей издатели убедятся в бесполезно-
сти своего предприятия. Что же каса-
ется до Евангелия, то при первом изве-
стии об этом переводе мы сочли нуж-
ным обратить внимание переводчика
на самый язык и посоветовали ему из-
бегать в переводе вкраившихся в Мало-
российскую речь полонизмов, а дер-
жаться ближе к Славянскому подлин-
нику; но мы никогда не присоединимся
к просьбе, с которую г. Волянец обра-
щается к высшему духовному началь-

ству *не* разрешать Евангелия на Ма-
лороссийском *наречии*. Благодаря св.
Синоду, может быть до миллиона эк-
земпляров разошлось и недавно вновь
напечатано по необыкновенно деше-
вой цене — Евангелия на *Русском на-
речии*, как значится на обертке, — и
потому, кажется, нет причины не быть
ему и на *Малорусском наречии*... На-
конец, Поляки и даже самые сепара-
тисты, издав свой перевод Евангелия
где-нибудь в Галиции, найдут сред-
ство распространить его и в Мало-
россии, как запрещенный плод, и сде-
лать из того отказа, которого добива-
ется г. Волянец, повод к новому неос-
новательному обвинению Русского
правительства и Русского общества
в насильственно-централистических
действиях. Пусть же наши близору-
кие патриоты подумают о том, куда
они ведут, какие принципы они при-
зывают к действию, каких мер они
просят — в пределах своей же соб-
ственной общественной жизни, — на
какой путь стараются они натолкнуть
самое правительство? Но оно, разу-
меется, останется глухо к подобным
призывам...»³⁶.

* * *

Позиция Аксакова в корне изменит-
ся к началу 1880-х, когда он, по словам
М.П. Драгоманова, вполне приста-
нет «к катковскому мнению»³⁷, одна-
ко данная эволюция будет связана не
столько с изменением теоретической
позиции, сколько с анализом изменив-
шейся ситуации — который приведет к
принципиально другим выводам из тех
же теоретических установок. В заклю-
чение перечислим основные пункты
понимания ситуации, которые дикто-
вали позицию в первые годы 1860-х —
и изменение которых привело к другим
оценкам в начале 1880-х:

³⁶ Там же. С. 305–306.

³⁷ Драгоманов М.П. Историческая Польша
и великорусская демократия. Женева, 1883.
С. 293.

³⁵ Там же. С. 301.

(1) К. Мацузато отмечает, «что картина этнических отношений на Правобережной Украине в XIX веке была и продолжает быть искаженной благодаря тому, что парадигма противопоставления украинцев русским (или наоборот) — парадигма, созданная историей этнических отношений региона после 1917 г. и, соответственно, способная объяснить только этнополитику региона этого периода, — применяется и для анализа этнических отношений до 1917 года»³⁸. Сейчас, после выхода целого ряда работ, посвященных данной проблеме, результаты которых были частично суммированы³⁹, названная парадигма была серьезно ослаблена — и тем не менее необходимо подчеркнуть, что решающим противником в споре за территории Западного края на взгляд Аксакова выступали не «украинофилы», на тот момент сводившиеся к небольшой и слабо оформленной группе, выдвигавшей свой альтернативный национальный проект, а великопольское национальное движение — в противостоянии которому украинофилы оказывались и объективно, и субъективно союзниками славянофилов, придавая должную убедительность отстаиванию тезиса о «непольском» характере данных территорий и о принадлежности местного населения в своем большинстве к «русскому народу»⁴⁰.

³⁸ Мацузато К. Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX века // *Ab Imperio*. № 1. С. 124.

³⁹ Западные окраины Российской империи...

⁴⁰ Из этого исходило и решение активно набирать деятелей украинофильского направления на работу в Царство Польское в рамках преобразований, предпринятых под руководством Н.А. Милютин, опиравшегося на славянофилов (большую роль в реформах в Царстве Польском играл Ю.Ф. Самарин, не занимавший никаких официальных должностей, а также кн. В.А. Черкасский и А.И. Кошелев). Так, на службу поступил П.А. Кулиш, о мотиве

своего решения писавший Н.Д. Белозерскому: «Говорят, что общественное мнение строго осуждает людей либеральных, заявляющих службою в Польше свое единомыслие с правительством. Где органы этого общественного мнения? кто представитель этого общественного мнения? Эта боязнь относится к нескольким говорунам, созидающим в своем воображении украинскую нацию, которой я нигде не нахожу от Петербурга до Одессы. Мы составляем нацию в смысле этнографическом, но вовсе не в политическом. Толки о будущей отдельности Украины исходили всегда от людей, наименее работавших над языком и историей этой проблематической страны. Неизвестно, приведут ли они общество к сознанию своей политической задачи, но покамест несомненно то, что литературно-общественный вопрос украинский страдает всего больше от этих праздных толков. Они пугают воображение влиятельных людей, не знающих Украины, и вследствие того вызывают против нас силу, против которой мы не имеем никаких средств бороться» (цит. по: Шенрок В. Указ. соч. С. 168).

Я.В. Конисский в письме к В. Шенроку вспоминал: «В сентябре 1865 г. мне было дано разрешение на поездку за границу; по пути я остановился в Петербурге и при свидании с Н.И. Костомаровым узнал, что Кулиш занимает видное место директора департамента народного просвещения и настаивает на том, чтобы в народных школах тех деревень, которые имеют украинское население, преподавание шло на русском языке <...>

В Варшаве мы встретились с Кулишем по-приятельски и на другой день вечером собрались у Белозерского <...>

Переход свой на службу в Варшаву он более всего оправдывал стремлением революционной польской партии восстановить шляхетскую Польшу в границах 1774 г. «Такая Польша погубила бы навеки Украину».

Наконец, когда речь зашла о народных школах в малорусских населенных пунктах, Кулиш с большим апломбом заметил, что вопрос о школьном языке князь Черкасский отдал всецело на его решение, и он решил учить на русском языке с первого дня поступления детей в школу.

(2) Укратинофильский национальный проект в начале 1860-х представлялся Аксакову имеющим мало шансов на практическую реализацию⁴¹. В этой

— Педагогично ли это? — спросил я.

— Если и не педагогично, зато политично, — отвечал Кулиш: — *мы должны провести сколь можно более глубокую межу между украинцами и поляками* (курсив. авт. — А.Т.); такую межою и будет русский язык» (Там же. С. 171, 172).

⁴¹ Впрочем, только до известной степени. В статье от 22.VI.1863 он проводит различие между вопросом о первоначальном обучении на белорусском и на украинском языках, поясняя свою позицию следующим образом: «<...> возникает вопрос — следует ли при первоначальном обучении давать некоторые права гражданства местному Белорусскому наречию или же прямо вводить крестьян в сферу Великорусской книжности. <...> Нам никак не следует давить, но напротив — укреплять и усиливать местный народный элемент как неперменное условие победы над Польской стихией.

Подобный же вопрос возник и в Малороссии, но мы не берем теперь на себя задачи — разрешать его для Малороссии, и ограничиваемся только Белоруссией. Белорусскому народу, вопреки большей филологической близости его наречия к Великорусскому в сравнении с Малорусским, — Великорусское наречие все же непонятнее, чем Малоруссу. Причина ясна. В Малороссии все общество говорит общим Русским образованным языком и почти не умеет говорить народным наречием; следовательно, простой народ, слыша эту Русскую речь и от своих панов, и от начальников, и от торговцев, естественно сблизился и сближается с нею так, что она естественно и невольно, в дальнейшем его развитии, упраздняет для него родное наречие. Белорусс же, в продолжение веков, не слышит другой речи от высшей среды, кроме Польской, особенно же в краях, наиболее ополяченных; Польская речь привычнее для его уха (напр. в Гродненской, Минской, частию Виленской губерниях); она ему сделалась невольно ближе, и изучение ее легче, чем книжная Великорусская речь. Наконец, по-Польски говорят в том краю все

ситуации репрессивные меры против него могли лишь оттолкнуть часть общества и усилить симпатии к украинофильству в Юго-Западном крае, тогда как общерусский национальный проект представлялся Аксакову достаточно сильным, чтобы местное население, по мере подъема по социальной лестнице, само, добровольно усваивало великорусский язык и великорусскую культуру — последним надлежало убрать препятствие в виде польского языка и культуры, а дальше процесс должен был двигаться своей собственной логикой.

(3) Укратинофильство на тот момент ограничивается исключительно рамками Российской империи — и потому не представляет угрозы сепаратизма: подобного рода мечты так и остаются мечтами, не имеющими никакой основы для своей реализации, не обладающими никакой социальной группой, на которую могли бы опереться.

По всем трем пунктам ситуация изменится к 1880-м — польское влияние будет серьезно ослаблено теми действиями, которые предприняло прави-

те, от которых он до сих пор непосредственно зависел, все, кто сколько-нибудь поднимается над уровнем простого народа. Поэтому нет ничего удивительного, что крестьянин, при потребности к ученью, довольно легко допускает своих детей учиться Польскому чтению и письму, как делу более обиходному и практически выгодному, чем Великорусский книжный язык. Но он бы еще охотнее стал учиться своему местному Белорусскому наречию, и нет никакого сомнения, что его элементарное развитие, столь необходимое для подъема его народного чувства и самосознания, в отпор Польскому влиянию, скорее совершится при помощи его родного наречия. Поляки это поняли, и вот почему они уже спешат захватить это орудие в свои руки. Они начинают и сами писать и издавать книжки на Белорусском наречии, облекая его в латинские буквы» (Аксаков И.С. Соч. Т. III. С. 113–114).

тельство после 1863 г. как для уменьшения польского присутствия в Западном крае, так и для уменьшения роли шляхты в Царстве Польском, способствуя глубоким изменениям социальной структуры общества за счет в первую очередь аграрной реформы 1864 г. С другой стороны, период с 1860-х до 1880-х продемонстрировал слабость (относительную) русского национального движения — по крайней мере, порождая все более глубокие сомнения в ассимиляционном потенциале русского общества и порождая в результате все большую готовность к принятию репрессивных мер, недостаточность которых понималась самими инициаторами, но ресурсов для подкрепления их мер позитивного плана было недостаточно⁴².

⁴² См.: Миллер А.И. Указ. соч.

В третьих, украинофильство с конца 1870-х гг. — усилиями М.П. Драгоманова — получило опору за пределами Российской империи, в австрийской Галиции, что дало движению и значительную свободу действий, и одновременно вывело его на перспективу полноценного национального движения — через образование нации, чье национальное тело на данный момент оказывается поделенным границами империй. Тем самым украинофильство превращалось в угрозу принципиально иного порядка — в национальный проект, способный конкурировать с проектом «большой русской нации», что и вызвало качественную смену оценок украинофильства в публицистике Аксакова начала 1880-х годов.

Сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
 - Анонсы новых материалов
 - Интервью с авторами, статьи и рецензии
 - Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала
- Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
 - Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
 - Сообщество читателей журнала
 - Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

Сергей Петров

ПРАВДА О МАМАЕ

Тема ордынского беклярибека Мамаю и Куликовской битвы является одной из наиболее популярных у авторов евразийской ориентации. Причину этого понять достаточно легко — самое известное сражение между русскими и татарами, закончившееся блестящей победой русских, которая оставила глубокий след в их исторической памяти, плохо укладывается в евразийскую концепцию «симбиоза Руси с Ордой» и требует объяснения. Выход из затруднительного положения евразийцы находят, объявляя Мамаю сепаратистом и узурпатором, захватившим власть у законных ханов из рода Чингизидов, отказавшимся от традиционного союза с Русью и ставшим марионеткой католического Запада в его войне против православного мира в целом и Руси в частности: «Наследники ханов Синею Орды — прежде всего Тохтамыш — придерживались традиционной политики союза с Русью, проводимой со времен Батюя. Мамаю же опирался на союз с Западом, главным образом с генуэзскими колониями в Крыму»¹.

Русские, выступая против Мамаю в Куликовской битве, сражались якобы не против Орды, а против ее и своего собственного врага, за законную ордынскую власть, представленную ханом-Чингизидом Тохтамышем: «Ясно, что Дмитрий Донской сражался на Куликовом поле отнюдь не против Монгольской империи, и преп. Сергей Радонежский благословил его на эту битву, надо думать, лишь тогда, когда стало очевидно, что Мамаю —

враг и Руси, и всей империи»². Чтобы понять, насколько эти утверждения соответствуют действительности, рассмотрим имеющиеся исторические факты, начав с происхождения Мамаю.

* * *

Представители семьи Мамаю, принадлежавшей к монгольскому роду Кият, в течение нескольких десятилетий занимали высокие государственные должности в Улусе Джучи. Прямую родословную Мамаю можно проследить до его прадеда Тулук-Тимура, который был даругой (правителем) Крыма при ханах Токте и Узбеке³. Примечательно, что члены семьи Мамаю традиционно выступали защитниками интересов рода Бату в его борьбе с сепаратистскими поползновениями младших ветвей потомков Джучи. Так, в 1328–1329 гг. произошло сепаратистское восстание против власти хана Узбека оглана Мубарака-Ходжи — потомка сына Джучи Орды-Ичена. При разделе улуса Джучи между его сыновьями Орда и его потомки получили во владение земли от Сырдарьи до Иртыша (нынешний Восточный, Центральный и Южный Казахстан), которые стали называться Белой Ордой. После подавления восстания Мубарака-Ходжи Узбек поставил правителем Белой Орды деда Мамаю Исатюю.

После смерти Исатюю при хане Джанибеке эту должность унаследовал его

¹ Гумилев А.Н. От Руси к России // <http://gumilevica.kulichki.net/R2R/r2r02b.htm#r2r02chapter3>

² Кожин В.В. История Руси и русского слова // <http://kozhinov.voskres.ru/slovo/7.htm>

³ Почекаев Р.Ю. Мамаю. История «антигероя» в истории. СПб., 2010. С. 28.

сын, дядя Мамай Джир-Кутлуг, который на рубеже 1350–1360-х гг. был убит родственником Мубарака-Ходжи огланом Урусом. Правителем Белой Орды стал сын убитого Тенгиз-Буга, двоюродный брат Мамай. В источниках отмечается его решительная борьба с царевичами-сепаратистами из рода Орды-Ичена. Так, хивинский историк XVI в. Утемиш-хаджи в своем сочинении «Чингиз-наме» сообщает: «Жестоко истязал и унижал он огланов этих... когда решил он возвести мавзолей над отцом своим Джир-Кутлы, то заявил: “Быть им строителями”, — и всю работу по возведению мавзолея поручил им, никого больше не привлекая. Даже воду подносить, делать кирпичи и подносить кирпичи — приходилось им. Много мук приняли они: у одних спина превратилась в рану, у других — грудь, у третьих истерзаны были ноги»⁴.

Тенгиз-Буга был убит в 1361 г., после чего ханом Белой Орды стал Кара-Ногай из потомков сына Джучи Туга-Тимура. До 1368 г., когда к власти пришел Урус, на белоордынском престоле сменилось еще пять ханов.

Об отце Мамай Алибеке известно, что он в конце 1350-х гг. был даругой Крыма. Происхождение из знатного рода, члены которого занимали высокие государственные должности, открыло Мамаю путь на вершину власти. В 1359 г. хан Бердибек назначил его на должность беклярибека — самую высокую в государстве после ханской. Кроме того, он получил в жены ханскую дочь Тулунбек. Однако в том же году Бердибек был убит, и на престол вступил Кульна, о происхождении которого определенно ничего не известно. Мамай утратил должность беклярибека.

Убийство Бердибека положило начало двадцатилетнему периоду междоусобиц в Орде, именуемому в русских летописях «замятней». На рубеже

1359–1360 гг. Кульна был убит. На ханский престол при поддержке вдовы Узбека Тайдулы вступил Наурус из потомков сына Джучи Тангута. В этот момент борьбу за Сарай начали потомки другого сына Джучи — Шибана. Их улус, располагавшийся в заяцких и сибирских степях, назывался Синея Ордой. Шибанид Хызр захватил Сарай и убил Науруса и Тайдулу, но менее чем через год был сам убит своим сыном Тимур-Ходжой, которому, однако, удалось продержаться в столице всего несколько дней. Убедившись в том, что усобица не собирается прекращаться, Мамай покинул Сарай вместе с ханскими женами и оставшимися в живых детьми из дома Узбека и откочевал на запад.

Эти события нашли отражение в русских летописях: «Бысть... замятня велика въ Орде. Убьень бо бысть царь Хыдырь от своего сына Темиръ Хожа и седе на царство на четвертыи день, а на семьи день царства его темникъ его Мамаи замыте всемъ царствомъ его, и бысть мятеж великъ въ Орде... А Темиръ Хожа побеже за Волгу и тамо убьень бысть, а князь Мамаи прииде за Волгу на горнюю сторону и Орда вся с нимъ и царь бе с нимъ именемъ Авдула...»⁵.

Упомянутый «царь Авдула» — это Абдаллах, которого в 1362 г. Мамай провозгласил ханом. О его происхождении имеется определенное свидетельство Ибн Халдуна, который сообщает, что он был «отроком из детей Узбека»⁶. Как Батуид и потомок Узбека, Абдаллах имел безупречные права на ордынский престол в противоположность узурпаторам из младших ветвей рода Джучи. Мамай занял при новом хане должность беклярибека и

⁵ Московский летописный свод конца XV века. ПСРА. Т. 25. С. 181.

⁶ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. Алматы, 2005. С. 276.

⁴ Цит. по: *Почекаев Р.Ю.* Указ. соч. С. 25.

начал борьбу за восстановление законной власти, почти сразу же увенчавшись успехом.

Уже осенью 1362 г. Абдаллах и Мамай взяли Азов, а вскоре затем и Сарай, выбив из него Шибанида Мир-Пулада. В Сарае началась чеканка монет Абдаллаха. Судя по их находкам от западных до восточных границ Орды, власть нового хана признавалась во всех джучидских землях. Тем не менее спустя полгода Абдаллах и Мамай были выбиты из Сарая братом покойного Хызра Мюридом. В следующий раз им удалось взять ордынскую столицу в 1367 г., после убийства Шибанида Азиза. Однако через несколько месяцев им пришлось покинуть Сарай, в котором укрепился потомок Туга-Тимура Улджай-Тимур.

В 1369 г. сторонники Мамаея вытеснили из Сарая Шибанида Хасана, но в этот момент умер хан Абдаллах. Вместо него Мамай провозгласил ханом другого потомка Узбека — Мухаммада-Бюляка. Чеканка монет от его имени началась в кочевой ханской ставке — Орде — в 1370 г. Однако новому хану было всего лишь восемь лет, поэтому в Сарае монархом была провозглашена жена Мамаея, дочь Бердибека Тулунбек, от имени которой в ордынской столице некоторое время чеканились монеты. Мухаммад-Бюляк был возведен на престол в Сарае в конце 1371 г. или в начале 1372 г.

Как уже говорилось выше, в 1368 г. к власти в Белой Орде пришел потомок Орды-Ичена Урус. В 1372 г. ему удалось выбить Мухаммада-Бюляка и Мамаея из Сарая, но в 1373 г. он сам был изгнан из столицы братом Мир-Пулада Ильбеком. Кроме того, в Белой Орде против него поднял мятеж потомок Туга-Тимура оглан Тохтамыш. В 1374 г. Мухаммад-Бюляк и Мамай изгнали Ильбека из Сарая, но вскоре были вновь выбиты из него Урусом, вернувшимся после подавления мятежа Тохтамыша. Еще раз захватить Сарай Мухаммаду-Бюляку и Мамаю удалось в 777 году

хиджры (1375/1376 г. от Р.Х.) — этим годом датируются последние сарайские монеты Мухаммада.

Тем временем Тохтамыш вступил в союз с правителем Чагатайского улуса Тимуром (Тамерланом), в связи с чем Урус был вынужден окончательно покинуть Поволжье и до своей смерти в 1377/1378 г. бороться с Тохтамышем за власть над Белой Ордой. Власть в Сарае захватил сын Ильбека Каганбек, который в конце 1377 г. был свергнут своим двоюродным братом Арабшахом. В Белой Орде после кратковременного правления сыновей Уруса Тохтогу и Тимур-Малика в 1378–1379 гг. власть окончательно перешла к Тохтамышу, который вслед за тем подчинил себе правителя Синей Орды Шибанида Каганбека и, видимо, в начале 1380 г. выбил из Сарая его двоюродного брата Арабшаха.

Тохтамыш происходил из рода младшего брата Бату Туга-Тимура, представители которого не имели права на ордынский престол. Кроме того, он пришел к власти при помощи внешней силы — чагатайского эмира Тимура. Поэтому относительно законного хана-Батуида Мухаммада-Бюляка и его беклярибека Мамаея Тохтамыш был изменником, мятежником и узурпатором.

Нет никаких оснований для обвинений Мамаея в узурпации власти. Он довольствовался должностью беклярибека, на которую был назначен еще Бердибеком — последним ханом Улуса Джучи до начала «замятни». Мамай даже не чеканил своего имени вдобавок к именам ханов на монетах, как это делал в те же годы правитель Чагатайского улуса Тимур. Он боролся против узурпаторов из младших ветвей потомков Джучи, выступая от имени законных ханов-Батуидов. Вряд ли можно винить Мамаея в том, что все взрослые потомки Узбека к тому времени погибли в усобицах, и ему не оставалось ничего иного, кроме как возводить на ханский престол детей.

Утверждения о том, что к 1380 г. Мамай сверг или убил своего «подставного хана» и сам стал правителем Орды, являются вымыслом. Монеты Мухаммада-Бюляка чеканились до 782 года хиджры (1380/1381 г. от Р.Х.) включительно. Кроме того, этот хан под именем Тюляка упоминается в русских источниках. Так, в феврале 1379 г. им был выдан ярлык претенденту на русский митрополичий престол Михаилу-Митяю, открывающийся словами: «Бесмертнаго Бога силою и величествомъ изъ дедеъ и прадедеъ Тюляково слово Момаевою дядиною мыслию»⁷. Отметим, что сохранение этого ярлыка в составе сборника ярлыков, выданных главам Русской церкви предыдущими ордынскими правителями (Менгу-Тимуром, Тайдулой и Бердибеком), свидетельствует, что на Руси не подвергали никакому сомнению законность пребывания «Мамаева хана» на ордынском престоле.

Русские летописи сообщают, что Мухаммад-Бюляк вместе с Мамаем командовал татарским войском в Куликовской битве: «Пришедшемъ рокомъ, преже бо начаша ся съездати сторожевыи полки и Рускии с Тотарьскими, самъ же великий князь наеха напередъ въ сторожевыихъ полцехъ на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго дьявола Мамаа, таче потомъ, не долго попустя, отъеха князь въ великий полкъ»⁸. Отсутствие последующих упоминаний о нем свидетельствует, что этот последний правитель Золотой Орды из потомков Бату был убит в сражении.

Гибель восемнадцатилетнего хана Мухаммада-Бюляка 8 сентября 1380 г. в битве с русскими сыграла роковую роль в судьбе Мамаево. По всей видимости, у него уже не было времени поставить на престол нового хана.

⁷ *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 91.

⁸ Новгородская IV летопись. ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 319.

Когда спустя несколько недель после Донского побоища войска Мамаево сошлись на Калке с войсками Тохтамышша, эмиры ордынского беклярибека, вынужденного на этот раз выступать от собственного, а не от ханского имени, перешли на сторону Тохтамышша. Мамай бежал в Крым, где вскоре был настигнут и убит посланцами Тохтамышша.

В руки нового хана попал гарем Мамаева, в том числе его жена Тулунбек, дочь Бердибека, которую Тохтамыш взял в жены, чтобы дополнительно узаконить свою власть над Джучиевым улусом. Однако, по всей видимости, Тулунбек не смирилась с властью узурпатора и плела против него интриги, что закончилось для нее трагично: «Въ лето 6894 (1386)... царь Токтамышъ убилъ самъ свою царицу, нарицаему Товлунъбека»⁹. Так от руки Тохтамышша погибла последняя представительница рода Бату.

* * *

Необходимо сказать несколько слов об отношениях Мамаево с итальянскими торговыми колониями в Северном Причерноморье в связи с тем, что в необузданном воображении евразийцев его нашествие на Русь в 1380 г. предстает чем-то вроде католического крестового похода, организованного папским престолом через генуэзцев. Из последователей Льва Гумилева наиболее красочно эту тему развил Вадим Кожинов: «Мамаева Орда, конечно, имела азиатское происхождение, но всецело оторвавшийся и отчужденный от монгольского государства Мамай вступил в теснейший союз с генуэзцами Кафы, то есть с авангардной силой Запада, и стал выполнять его волю, его “задания”, включился в ту политику, или, вернее, геополитику, которую Запад, руководимый папством, осуществлял»

⁹ Рогожский летописец. ПСРА. Т. 15. Стб. 151–152.

в XIV столетии на всем протяжении “линии”, отделявшей его от православной цивилизации»¹⁰.

Действительно, до середины 1370-х гг. Мамай поддерживал дружеские отношения с генуэзскими колониями в Крыму. В 1374 г. он лично посетил Кафу, где был с почетом принят местной итальянской администрацией. Однако уже в 1375 г. он конфисковал у генуэзцев 18 селений Судакской долины, захваченных ими у княжества Феодоро, бывшего вассалом Орды. Он также приказал обнести каменными стенами свою крымскую резиденцию Солхат (ордынские города обычно не имели крепостных стен), что указывает на опасения, которые он испытывал в отношении генуэзцев. Кроме того, Мамай оказывал покровительство конкурентам генуэзцев венецианцам — в 1362 г. ярлыком хана Абдаллаха он снизил для них налог с продаж с 5% (установленных Джанибеком в 1347 г.) до 4%, а в 1369-м — до 3%. В 1372 г. его хан Мухаммад-Бюляк выдал ярлык купцам Кракова, а в 1379/1380 г. — купцам Львова, что не могло не нанести ущерба торговле итальянских колоний¹¹.

Нет никаких оснований подозревать Мамаю в особых отношениях с итальянцами или римским престолом. По всей видимости, они были гораздо менее тесными, чем у правивших до того ордынских ханов. Достаточно вспомнить, что в эпоху расцвета Золотой Орды в Сарае существовала католическая епархия со своими храмами и монастырями, ханы обменивались дружескими посланиями с папами, а католические проповедники имели возможность свободно вести миссионерскую деятельность на подвластных Орде землях. Вот что об этом писал Карамзин: «В тот же год умер и знаменитый Хан Капчакский Узбек, памятный в нашей истории разорением Твери и

бедствиями Михаилова рода, союзник и приятель Папы Венедикта XII, который надеялся склонить его к Христианству и коему он позволял утверждать Веру Латинскую в странах Черноморских, особенно в земле Ясов, обращенных Монахом Римским Ионою Валентом; жена Ханова и сын присылали дары Венедикту, и Генуэзцы, жители Кафы, ездили к нему в качестве Послов Татарских»¹².

* * *

В заключение коснемся вопроса о том, как власть Мамаю и представляемых им ханов воспринималась на Руси. Как уже упоминалось, евразийцы пропагандируют идею о том, что на Куликовом поле русские сражались «против узурпатора Мамаю за законного царя Тохтамыша». На самом деле ни один русский письменный источник, близкий по времени создания к этим событиям, не подвергает сомнению законность власти «Мамаевых ханов» над Ордой и не обвиняет Мамаю в узурпации власти. Вопрос о том, законные или незаконные в Орде ханы, русских вообще не интересовал. Примечателен текст докончания, заключенного в 1375 г., т.е. после состоявшегося в 1374 г. «размирья» с Мамаем, между Дмитрием Московским и Михаилом Тверским. Речь в нем идет о войне с татарами как таковыми, безотносительно юридических оснований власти их правителей: «А с татары оже будет нам мирь, по думе. А будет нам дати выход, по думе же, а будет не дати, по думе же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с одиного всемь противу их. Или мы поидем на них, и тебе с нами с одиного пойти на них»¹³.

¹² Карамзин Н.М. История государства Российского. Том 4 // http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_1040.shtml

¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. С. 26.

¹⁰ Кожин В.В. Указ. соч.

¹¹ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 123.

Как указывалось выше, на Руси было прекрасно известно, что во главе татарского войска в Куликовской битве формально стоял хан, в законности власти которого над Ордой у русских не было сомнений. Тем не менее это не стало препятствием для русских выступить против него и даже его убить. При этом о существовании какого-то Тохтамыша на Руси в тот момент даже не подозревали. В русских летописях он впервые упоминается уже после Куликовской битвы как «некий царь съ востока», т.е. как никому до того не известная личность: «Тогда же Мамаи не въ мнозе утече съ Доньскаго побоища и прибеже въ свою землю въ мале дружине, видя себе бита и бежавша и посрамлена, и поругана, паки гневашеся и неистовяся, яряся, и смущашеся, и събра останочную свою силу, еще въсхоте ити изгономъ паки на великаго князя Дмитрия Ивановичя, и на всю Русскую землю. Сице же ему умышльшу, и се приде ему вестъ, что идетъ некий царь съ востока, именовемъ Тактамышъ, изъ Синие орды. Мамаи же, еже уготова на нь рать, съ тою ратью готовою поиде противу его, и сретошася на Калкахъ. Мамаевы же князи, шедше съ коневъ своихъ, и биша челомъ царю Тактамышю, и даша ему правду по своеи вере, и пиша къ нему роту, и яшася за него, а Мамаия оставиша, яко поругана. Мамаи же, то видевъ, и скоро побежавъ съ своими думцами и съ единомысленики. Царь же Токтамышъ посла за нимъ въ погоню воя своя и убиша Мамаия, а самъ шедъ взя орду Мамаеву и царици его и казны его, и улусъ весь поима, и богатство Мамаево взя, раздели дружине своей»¹⁴.

Евразийцы пытаются представить обмен русских князей послами с Тохтамышем после его победы над Мамаем как признание ими его власти: «И оттуду послы своя отпусти на Рязанскую землю къ князю великому Дми-

трию Ивановичю и къ всемъ княземъ Русскимъ, поведая имъ свои приходъ и како въцарися, и како супротивника своего и ихъ врага Мамаия победи, а самъ шедъ седе на царстве Волжскомъ. Князи же Русстии пословъ его отпустиша съ честью и съ дары, а сами на зиму ту и на ту весну за ними отпустиша коиже своихъ киличеевъ съ многими дары къ царю Токтамышю... На ту же осень князь великий отпусти въ орду своихъ киличеевъ Толбугу да Мокшея къ новому царю съ дары и съ поминки»¹⁵.

На самом деле обмен послами и подарками был обычаем в отношениях между равноправными государями. Признавать власть Тохтамыша и платить ему дань русские князья не собирались, о чем свидетельствует судьба посольства, направленного им на Русь летом 1381 г., по всей видимости, именно с целью получения дани: «Того же лета царь Тактамышъ, пославъ своего посла къ великому князю Дмитрию Ивановичю и къ всемъ княземъ Русскимъ, царевичя некоего Акъхозю, а съ нимъ дружины 700 татаринувъ, и дошедше Новагорода Нижнего, и възвратися въспять, а на Москву не дръзнулъ ити, но посла некихъ отъ своихъ товарищевъ, не въ мнозе дружине, но ити не смеаху болма»¹⁶.

Отказ русских князей от признания власти Орды и выплаты дани и стал причиной похода Тохтамыша на Москву в следующем году. Примечателен текст dokonчания, заключенного между Дмитрием Московским и Олегом Рязанским летом 1381 г.: «А с татары аже будет кн(я)зю великому Дмитрию миръ и ег(о) брату, кн(я)зю Володимеру, или данье, ино и кн(я)зю великому Олгу миръ или дан(ь)е с одинок(о) со княземъ с великимъ з Дмитреемъ. А будет немиръ кн(я)зю великому Дмитрию и брату ег(о), кн(я)зю Володимеру, с татары, кн(я)зю великому Олгу быти

¹⁴ Симеоновская летопись. ПСРА. Т. 18. С. 130.

¹⁵ Там же. С. 130–131.

¹⁶ Там же. С. 131.

со кн(я)земь с великимъ съ Дмитриемъ и съ ег(о) братомъ с одиного на татарь и битися с ними»¹⁷.

Как видим, условия этого договора точно такие же, как и условия договора 1375 г. с Михаилом Тверским. В обоих договорах речь идет о войне с татарами как таковыми, хотя в одном случае ими правили Мухаммад-Бюляк с Мамаем, а в другом — Тохтамыш. Русским не было никакого дела до законности или незаконности власти правителей Орды, для них Орда была единым — враждебным — целым.

* * *

Подведем итоги. Мамай был не сепаратистом и узурпатором, а наследственным борцом за единство Золотой Орды в интересах законных ханов из династии Бату против сепаратистов и узурпаторов из младших ветвей рода Джучи. Мамай был назначен на должность беклярибека Бердибеком — по-

следним ханом-Батуидом перед началом смуты. Впоследствии в этой же должности он защищал интересы законных ханов-Батуидов из рода Узбека — Абдаллаха и Мухаммада-Бюляка, на которые посягали представители родов Шибанидов, Ордуидов и Туга-Тимуридов, не имевшие прав на ордынский престол. Мамай и ханы, которым он служил, правили в ордынской столице дольше, чем кто-либо из их соперников (1362–1363, 1367, 1369–1372, 1374, 1375–1376 гг.). Отношения Мамаея с итальянцами и папским престолом не являлись более дружественными, чем отношения с ними предыдущих правителей Орды. Тохтамыш был предателем, мятежником и узурпатором. Последний хан Золотой Орды из рода Бату был убит русскими в сражении на Куликовом поле, что способствовало победе Тохтамыша над Мамаем.

Русские не считали Мамаея узурпатором, а его ханов незаконными, а относились к Мамаю и Тохтамышу одинаково враждебно. Орда была для русских врагом независимо от того, кто ею правил.

¹⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. С. 30.

АЛЕКСАНДР КОТОВ

Бюрократический национализм Михаила Каткова

Радуясь вместе с прочими русскими либералами смерти Николая I, М.Н. Катков язвительно отмечал в частном разговоре: «Если бы император Николай восторжествовал, то трудно и представить себе, что сделалось бы с ним; он уподобился бы Навуходоносо-ру — вышел бы в Летний сад и стал бы щипать траву»¹. Три десятилетия спустя самого Каткова будут провожать в могилу схожими каламбурами. Для следующего поколения русской интеллигенции он станет воплощением идеи «борьбы власти с народом», «самоценности сосредоточения всей власти в руках правительственного аппарата»².

Превращение респектабельного англомана в «гасителя» и «душителя» всегда вызывало повышенный интерес мемуаристов и историков. Либеральные современники, как правило, связывали эту «изумительную неустойчивость в своих воззрениях»³ с корыстно-субъективными мотивами. Историки советские, обличая реакционную природу умеренного либерализма и в чем-то, кажется, Михаилу Никифоровичу симпатизируя, обыкновенно отмечали причины объективно-классовые: «Ни Катков, ни Феокистов в собственном своем

сознании ничему не изменили, ничего не сжигали и уж конечно, никому не “продавались”»⁴. Наконец, для «неогосударственников» 1990-х гг. Катков — автор актуальных рецептов по лечению от либерализма и прочих «дурных болезней» современности. Собственно, от попыток вынести их идеи на современную политическую улицу пострадали многие классики русской общественной мысли. Но, как ни парадоксально, из отечественных публицистов именно издатель «Московских ведомостей» оказался для этого наиболее пригоден.

Каткову посвящена обширная литература. Из дореволюционных работ современному читателю будут интересны книги С. Неведенского⁵ и Р. Сементковского⁶. Автор первой со спокойной и не лишенной объективности доброжелательностью излагает биографию и взгляды своего героя; автор второй дает классическую либеральную трактовку катковской деятельности. К лучшим произведениям советской исторической науки относится монография В.А. Твардовской⁷, на современном фоне выделяются две книги С.М. Саньковой⁸. Но, разумеет-

¹ Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 106.

² Спор о России: В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. М., 2012. С. 217.

³ Сементковский Р.И. М.Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892. С. 5.

⁴ Пресняков А.Е. Воспоминания Е.М. Феокистова и их значение // Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы... С. 7.

⁵ Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1888.

⁶ Сементковский Р.И. Указ. соч.

⁷ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978.

⁸ Санькова С.М. Государственный деятель

ся, наибольший интерес представляют сами катковские тексты. За последнее время вышло несколько их сборников, в большинство из которых вошли преимущественно статьи «хватательно-охранительной» направленности⁹. Немного улучшило ситуацию шеститомное собрание сочинений — однако и оно, в силу своей неполноты и недостаточного комментария, представляет (по собственному признанию составителя) интерес скорее как первый шаг к академическому ПСС¹⁰. Таким образом, пока для полноценного знакомства с катковским наследием лучше всего подходят выпущенные С.П. Катковой тома «Полного собрания передовых статей “Московских ведомостей”», доступные широкому читателю на сайте РГБ.

Не все эти статьи (как, впрочем, и переизданные сейчас) принадлежат перу самого Каткова. Показательно в этом плане письмо Ф.И. Тютчева М.А. Георгиевской: «За неимением письменных извещений я стараюсь вычитать коли не вас, так мужа вашего из передовых статей “Московских ведомостей”... но как-то не удается. — Выдается из них, а особливо из последних по финансовым вопросам, только сердитый горб Леонтьева...»¹¹. Широкие читательские массы принадлежность передовиц тем более не волновала. Ю.С. Карцов в своей «Хронике распада» передает рассказ архитектора Пороховщикова: «“Москов-

ские ведомости” только что завершили блестящую кампанию. Московский английский клуб, выражая патриотические чувства населения первопрестольной столицы, в честь редакторов М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева давал парадный обед, в котором участвовал и Пороховщик. Оба редактора, М.Н. Катков и П.М. Леонтьев, сидели в центре стола на почетном месте. Кем-то был поднят вопрос: где кончается Леонтьев и начинается Катков? Вопрос этот обсуждался при дружном смехе, но удовлетворительного его решения найти никто не смог, ни сами юбиляры. Постановлено было общим голосом: Катков и Леонтьев составляют одно неразрывное целое»¹².

Публиковавшиеся в «Русском вестнике» литераторы называли Каткова и Леонтьева «московскими баронами», нередко объединяя их в триумвират с еще одним alter ego Каткова — профессором Н.А. Любимовым. Прочие сотрудники располагавшегося на Страстном бульваре «департамента Каткова» не имели своего голоса, всецело подчиняясь воле редактора. Н.В. Васильев, ставший редактором «Голоса Москвы» (газеты, подконтрольной не любившему Каткова Т.И. Филиппову), вспоминая о своем прежнем сотрудничестве в «Московских ведомостях», отмечал, что его участие в редакционной политике «было не более участия в пашне той мухи, которая сидела на лбу пахавшего вола»¹³. Колоритно описывал катковскую редакцию Ю.С. Карцов: «Состоящая из двух комнат, редакция эта напоминает контору в помещицкой экономии. Мимо меня снуют волосатые индивидуумы в длиннополох сюртуках, говорят они между собою вполголоса, жестами указывая в коридор, в который только скрылся артельщик. С первого взгляда вид-

без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб., 2007; *Она же*. Михаил Катков в поисках места (1818–1856). М., 2009.

⁹ Например, см.: *Катков М.Н.* Империя и крамола. М., 2007; *Он же*. Имперское слово. М., 2002.

¹⁰ *Катков М.Н.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Заслуга Пушкина. СПб., 2010. С. 9.

¹¹ Тютчев Ф.И. — Георгиевской М.А. 22.02.1866 // *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 6. М., 2004. С. 128.

¹² *Карцов Ю.С.* Хроника распада // Дом русского зарубежья (ДРЗ). Ф. 1. М-76(1). Л. 229.

¹³ *Голос Москвы*. 1885. № 1.

но, что эти господа самостоятельно-го значения не имеют. Властный хозяин там за стенкою; все прочие не более как его челядь; хотя они именуют себя сотрудниками, но собственного мнения иметь не дерзают и беспрекословно покорствуют хозяйской воле. Кто бы мог подумать, что пройдет несколько лет, эти раболопные поддакиватели, в свою очередь, станут хозяевами — обратятся в заправских “Катковых” и даже начнут пренебрежительно отзываться о покойнике, перед которым не смели вымолвить и слова»¹⁴.

Таким образом, «Московские ведомости» (как, впрочем, и многие другие русские издания того времени) представляли собой пример «персонального журнализма» — расцвет которого в Европе пришелся на рубеж XVIII–XIX столетий. Здесь уместно будет сказать несколько слов о т.н. «феномене Каткова». Уникальность положения, которое занял в петербургской России московский редактор, отмечали многие его современники. В посвященном его памяти номере «Московские ведомости» не без гордости цитируют английскую *Pall Mall Gazette* от 2 августа 1887 г.: «Есть нечто феноменальное в положении, занятом этим журналистом, имевшим влияние в сердце самодержавной России, на которое не может даже претендовать ни один печатный орган демократических государств Старого и Нового Света»¹⁵. Впрочем, знающий читатель при желании мог связать восхищение английского издания с влиянием печатавшейся там О.А. Новиковой.

Куда большую ценность имеет свидетельство Н.П. Гилярова-Платонова: в некрологе «Современных известий» он отметил в Каткове «явление небывалое, беспремерное, положение исключительное... Постоянное соеди-

нение государственного деятеля и публициста в одном лице, самое понимание обязанностей публициста как стража государственных интересов, — это явилось с Катковым и, должно полагать, с ним прекратится»¹⁶. Впрочем, относительно прекращения Гиляров ошибался: как минимум еще один пример «соединения государственного деятеля и публициста» до сих пор хранится в Мавзолее на Красной площади. Очевидно, что «секрет» катковско-го влияния — в пресловутой литературоцентричности старой России, архаичной вере тогдашнего русского общества в магию печатного слова.

* * *

В глазах современников Катков предстает не то античным, не то библейским героем. И если в тютчевской характеристике — «обуянный гневом Ахилл»¹⁷ — преобладает ирония, то кн. В.П. Мещерский в посмертном панегирике публицисту был предельно серьезен: «И вот в это время, в эпоху безграничного владычества Герцена, вдруг грянул гром. Среди раболопно-го безмолвия послышалась речь Каткова, твердая, мудрая, властная... Камень, брошенный твердой рукою, попал в цель. Скудельный божок дал трещину с самой макушки и до подножия. Вскоре новый удар — и божок рухнул в прах, остались одни черепки»¹⁸. «Классицистский» образ Каткова рисует и В.В. Розанов: «Катков был истинный царь слова... Это был человек собственно Александровской эпохи, Николаевской эпохи, ну — краешком Екатерининской эпохи. Вот когда

¹⁶ Гиляров-Платонов Н.П. М.Н. Катков // Гиляров-Платонов Н.П. Сборник сочинений: в 2 т. Т. 2. М., 1900. С. 522.

¹⁷ Тютчев Ф.И. — Тютчевой Е.Ф. Апрель 1866 // Тютчев Ф.И. Собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 6. М., 2004.

¹⁸ Мещерский В.П. Воспоминания о М.Н. Каткове // Русский вестник. 1897. №8. С. 5.

¹⁴ Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. СПб., 1906. С. 136–137

¹⁵ Легенды о М.Н. Каткове // Московские ведомости. 1887. №206.

бы он сыграл роль, — плечом к плечу около Карамзина, пожалуй — Державина, около Потемкина»¹⁹. Однако от современников Державина и Потемкина Каткова отличала вполне романтическая «свобода от правил», а равно и вполне романтическое чувство собственного одиночества в борьбе с наступающим хаосом «крамолы».

Субъективизм, свойственный М.Н. Каткову еще в молодые годы, раздражал как его оппонентов, так и покровителей. В.Г. Белинский предсказывал, что «бравата субъективности» — «это конек, на котором наш юноша легко может свернуть себе шею»²⁰. Предсказание критика-демократа чуть не сбылось в 1864–1866 гг., во время известного конфликта между «Московскими ведомостями» и П.А. Валуевым. Валуева, ранее безуспешно пытавшегося привлечь Каткова на свою сторону, сильнее всего задело то, что издатели «Московских ведомостей» «провозглашают себя изобретателями единства России»²¹ — чего бывший министр внутренних дел не забыл Михаилу Никифоровичу и одиннадцать лет спустя, когда через год после смерти Каткова просил М.М. Стасюлевича упомянуть во «Внутреннем обозрении» «Вестника Европы» об этой манере покойного²². Схожие эмоции испытывал и Александр III: «Все эти господа думают, что они истинные русские и кроме их никого нет. Должно быть, они и меня считают немцем или чухонцем. Слишком легко достается им этот балаганный патриотизм»²³.

¹⁹ Розанов В.В. Суворин и Катков. URL: http://az.lib.ru/s/suworin_a_s/text_0020.shtml

²⁰ Кантор В.К. Русская эстетика второй половины XIX в. и общественная борьба. М., 1978. С. 51.

²¹ Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати 60–70 гг. XIX в. Л., 1989. С. 161.

²² М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т. 1. С. 489.

²³ Балуев Б.П. Политическая реакция

Романтический «субъективизм» Каткова усугублялся еще одной особенностью его мышления, описанной ближайшим сподвижником редактора — Н.А. Любимовым: «...мир, в котором жил Михаил Никифорович, не был тот мир, который в данную минуту окружал его в действительности... Он имел обыкновенно дело не с людьми и вещами в их реальной полноте существования, а с образами людей и вещей, как стояли они перед его могущественным умственным прозрением, при освещении той или другой мысли, всецело поглощавшей его в данную минуту... В своих резких очертаниях существа эти нередко представлялись действующими более сознательно, полно и совершенно — в хорошую или дурную сторону, — чем те действительные люди, с их слабостями и непоследовательностями в добре и зле, которым эти черты принадлежали».

Любимов же отмечал довольно оригинальный характер катковской полемики: «Одним из основных приемов было не оставаться в оборонительном положении, не брать роли только оправдывающегося и защищающегося, но быстро переходить в атаку и нападение; иметь в виду не только оградить себя и отразить нападение, но и уничтожить противника, с первых шагов по возможности поставить его в такое положение, чтобы пришлось думать не о том, чтобы нападать, а о том, чтобы защищать самого себя. Другое правило было не разбрасываться в подробностях, а сосредотачивать удар на общем тоне того, против чего идет полемика, и на немногих, ярко выставленных пунктах... Впоследствии установилась довольно оригинальная практика. Михаил Никифорович избегал читать статьи, на которые возражал с такой силою. Кто-либо из близких передавал ему содержание статьи. Михаил Никифорович останавливался на выпуклых

80-х гг. XIX в. и русская журналистика. М., 1971. С. 169.

пунктах, просил отметить их и с ними знакомился через собственное чтение. Иначе ему захотелось бы возразить на все, а это помешало бы сосредоточиться... Михаил Никифорович в эпоху своей напряженной деятельности в «Московских ведомостях» не читал газет, кроме мест, отмеченных для него сотрудниками...»²⁴. Зная царившую в катковской редакции атмосферу, можно предположить, что далеко не всегда пересказ сотрудников был адекватен. Это могло бы объяснить, например, ту грубость, с которой ответили «Московские ведомости» на примирительную статью Н.П. Гилярова-Платонова об университетском вопросе. В ответ на попытку вступить за Н.А. Любимова — на которого как раз в это время обрушилась либеральная пресса — Никиту Петровича назвали «снедаемым гражданской скорбью газетным мудрецом»²⁵.

В какой-то степени Катков предвосхитил сталинский афоризм о том, что у каждой проблемы есть имя и фамилия. В его публицистике нет «объективных проблем» или «исторических закономерностей». Есть конкретные враги: «польская справа», различные «интриги» — изобличив и обругав которые, можно решить все сложности. Это также вызывало неудовольствие единомышленников. Например, К.П. Победоносцев пытался успокоить своего московского соратника следующим образом: «Тут не одна чья-нибудь рука или голова, тут бесы, имя же им легион. Это помрачение умов, в коем трудно или невозможно уследить одного известного беса помрачения. Оттого предупреждаю Вас против этого приема полемики. У нас болото, в коем не находится твердой точки для опоры: куда ни поставишь рычаг, проваливается. Возложите вину на одного, рискуете — возбу-

дить всех и никого не изобличить в особенности»²⁶.

Наконец, в качестве завершающего штриха к «романтико-героическому» облику Каткова, необходимо упомянуть о своеобразном культе его личности, распространенном среди следующего поколения консервативных публицистов. Все эти литераторы смотрели на Каткова так же, как в своё время декабристы и кн. Андрей Болконский смотрели на Наполеона. «Я со своим славяно-русским направлением шел одним своим стезею, глядел на старших, на Аксакова да на Каткова» — вспоминал в письме к А.А. Кирееву П.А. Кулаковский²⁷. «Занять общественное положение умершего Каткова» мечтал Л.А. Тихомиров²⁸. «Своего Тулона» нетерпеливо ждал и С.Ф. Шарпапов: «Мне до Каткова совсем не так далеко, как это представляется со стороны, но я еще дальше смотрю. Я попытаюсь дать нечто оригинальное: попробую в роли Каткова не ходить к Полякову и не строить Ликеев. Попробую совсем не иметь никакой партии, а дать голос всем честным и порядочным людям, которые что-нибудь могут сделать для России, не деля их на “наших” и “чужих” и не ища никакой поддержки, кроме абсолютного доверия читателей. При нынешнем печальном положении правительства, я совершенно уверен, что ему и в голову не придет “конструировать” нового Каткова; оно само за ним пойдет»²⁹.

* * *

В современной литературе деятельность Каткова принято делить на три этапа: 1) время «либерального уклона» — 1856–1862 гг.; 2) период «полуоппозиции» — 1863–1881 гг.; 3) вре-

²⁶ ОР РГБ. Ф. 120 (М.Н. Катков). К. 9. Ед. 47. Л. 1.

²⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 50. Л. 2.

²⁸ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 213.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Л. 76 об.

²⁴ Любимов Н.А. М.Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889. С. 123.

²⁵ Московские ведомости. 1873. №142.

мя контрреформ, «когда охранители были у власти»³⁰. При этом, как и в случае с К.Н. Леонтьевым, в его наследии необходимо выделять ситуативные оценки (менявшиеся в зависимости от политических обстоятельств) и постоянные мировоззренческие установки. К первым, очевидно, относятся публицистические выступления, посвященные судам, земствам, университетской автономии, экономическому протекционизму и роли государства в экономике, взаимоотношениям с Францией и Германией. К мировоззренческим же «константам» следует отнести, прежде всего, приверженность публициста к классической античной и европейской культуре, а также связанные с ней чувство формы и эстетическое преклонение перед созидующим, упорядочивающим могуществом государственной власти. Во-вторых, постоянным и неизменным идеологическим «базисом» являлся центральный элемент катковской программы — «народная политика», т.е. одна из форм национализма.

Разные исследователи по-разному пытались охарактеризовать катковскую идеологию. Г.П. Измestьева употребляет термин «либеральный консерватизм»³¹, А.А. Тесля определяет её как «гражданский национализм»³². Наконец, С.М. Санькова использует конструкцию «государственный национализм» — не вполне удачно определяя последний как «отстаивание приоритетов государствообразующей нации не ради нее самой, а ради общегосударственных интересов в целом»³³. Все эти опреде-

ления представляются не совсем точными. В целом верно отражая суть катковских взглядов, они недостаточно четко определяют место Каткова в консервативном идеологическом спектре XIX–XX вв. К представителям «государственного национализма» при желании вполне можно отнести Р.А. Фадеева, П.А. Валуева или В.В. Шульгина с его апологией парламентаризма³⁴. Нам представляется более целесообразным использовать термин «*бюрократический национализм*». Далее попытаемся обосновать это определение.

Формально взгляды Каткова действительно подпадают под определение «политического национализма»: принадлежность к «политической нации» для него определялась языком и подданством, а не религией и этническим происхождением. Публицист неоднократно повторял: «Решительно настаиваем, что в России нет и не может быть другой национальности, кроме русской, другого патриотизма, кроме русского, причем мы вполне допускаем, что русскими людьми и русскими патриотами могут быть, как и бывали, люди какого бы то ни было происхождения и какого бы то ни было вероисповедания»³⁵. «Национальность есть термин по преимуществу политический; какую бы из допускаемых в государстве религий человек не исповедовал и какого бы ни был он племенного происхождения, политическая национальность его определяется его подданством. Для того, чтобы быть русским в гражданском смысле этого слова, достаточно быть русским подданным»³⁶.

Хорошо известна позиция Каткова в еврейском вопросе: на протяже-

³⁰ Брутян А.А. М.Н. Катков: социально-политические взгляды. М., 2001. С. 16. Также см.: Бугаева В.А. Педагогическое наследие М.Н. Каткова. М.—Смоленск, 2011. С. 44.

³¹ Измestьева Г.П. Михаил Никифорович Катков // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 77.

³² Тесля А.А. «Польский вопрос» в публицистике М.Н. Каткова 1863 года. URL: http://www.hrono.ru/statii/2011/tes_katkov.php

³³ Санькова С.М. Государственный деятель

без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. СПб., 2007. С. 8.

³⁴ Шульгин В.В. Что нам в них не нравится. М., 1994. С. 133.

³⁵ Московские ведомости. 1866. № 24.

³⁶ Московские ведомости. 1866. № 142.

нии всей публицистической деятельности, его отличало резкое неприятие любых преследований еврейства и убеждение в необходимости ассимиляции последнего. Еще в 1866 г. «Московские ведомости» предлагают свой вариант «окончательного решения еврейского вопроса»: «Настала теперь для него (еврейства. — А.К.) пора отбросить в сторону это полунемецкое, полупольское рубище, которое отделяло его от русского народа, и слиться с ним в одно целое по своему языку и по своим гражданским чувствам... Впредь евреям в России не подобает быть ни немцами, ни поляками, а русскими людьми»³⁷. «Внезапное ополчение против евреев» в 1882 г. представлялось Каткову одним из проявлений «крамолы» и «противугосударственной интриги»: «за еврейским вопросом стоят непосредственно вопросы о кулаках, мироедах, попах, купцах, помещиках, наконец, о начальстве»³⁸. Отрицательно он относился и к еврейской эмиграции: «...уйдут более или менее зажиточные семьи... убудет лишь денег, а убыль в людях будет незначительная, и мы все-таки останемся с еврейским вопросом»³⁹.

Правда, некоторые публицисты либерально-славянофильского толка связывали катковскую «толерантность» в данном вопросе с субсидиями С.С. Полякова⁴⁰ — однако вряд ли только из-за этих денег Катков стал бы осложнять свои и без того непростые отношения с Н.П. Игнатьевым. «Каждый день, — жаловался московский редактор К.П. Победоносцеву, — делаются мне цензурным комитетом по поручению Игнатьева невыносимые придирки... За евреев мне грозят

карами»⁴¹. При этом абсолютно идентичной была катковская позиция в вопросе немецком: постоянно выступая против «немецкой интриги» в Прибалтике, Катков приветствовал привлечение в Россию «немецкого элемента»: «Чем обильнее притекает этот элемент в жизнь русского народа, тем лучше. Приток с Запада полезен и необходим России, слишком открытой для Востока»⁴².

Будучи, таким образом, сторонником «политического национализма», Катков не исключал из жизни «политической нации» и этнический или, как тогда говорили, «племенной» элемент. Например, причина поддержки им болгар — именно «племенное родство». Как для многих националистов, нация для Каткова — *расширенная семья*, могущая включать родных и приемных родственников. Показательны в этом отношении его протесты в 1887 г. против «облегчения натурализации» иностранцев: «Первый признак порядочной семьи состоит в том, что в ней принимаются лица лишь с выбором, а не первые попавшиеся. Благоразумно ли слишком поспешно равнять с членами этой семьи, предки коих “выстрадали” нынешнюю Россию, первых встречных, кто только натолкнется, не имея иных гарантий благонадежности их, кроме желания принять наше подданство и получить соответственные выгоды?»⁴³.

Зато элемент религиозный в качестве «атрибута народности» Каткова решительно не устраивал. Одна из причин его ненависти к полякам — смешение последними национальности с религией, в качестве же главного средства побороть польскую справу ему виделось «разделение католицизма с полонизмом»⁴⁴. Неоднозначным было

³⁷ Московские ведомости. 1866. № 53.

³⁸ Московские ведомости. 1882. № 110.

³⁹ Московские ведомости. 1882. № 109.

⁴⁰ Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870–1890-х гг. СПб., 2010. С. 116–117.

⁴¹ Катков М.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. СПб., 2012. С. 637

⁴² Московские ведомости. 1866. № 25.

⁴³ Московские ведомости. 1887. № 134.

⁴⁴ Московские ведомости. 1866. № 147.

и отношении московского редактора к отношениям государства с православной Церковью. В 1867 г. Катков задает острые и неудобные вопросы: «Православная церковь есть церковь по преимуществу соборная: где же соборное начало в нашей церкви? Православная церковь требует себе служителей по призванию: по призванию ли имеет она своих служителей у нас? Она отвергла как иудейский обычай всё, что может способствовать образованию потомственного духовного звания: где же как не у нас в целом христианском мире имеется потомственное духовное звание?»⁴⁵.

В более поздний период о церковной свободе речь уже не идет, но в целом отношении к Церкви как к социальному институту остается у Каткова прохладным. В.А. Твардовская отмечала его интерес к спиритизму⁴⁶, а «пророки византизма» К.Н. Леонтьев и Т.И. Филиппов сравнивали «московского опричника» с Феофаном Прокоповичем⁴⁷. При этом парадоксальным образом оба «византийца», мечтая о сильной и свободной Церкви, решительно порывали таким образом с византийской практикой церковно-государственных отношений и скорее тяготели к римско-католическому политическому опыту. Наоборот, «московский опричник» Катков в своем цезарепапизме был ближе к средневековым константинопольским реалиям. Очевидно, что несмотря на постоянные дифирамбы православной монархии, Церковь в качестве субъекта общественной жизни Катков не рассматривал. Но, разумеется, не был он и противником Православия. Скорее можно назвать Михаила Никифоровича предтечей нынешней «официальной духов-

ности». Например, в последний год его жизни на страницах «Московских ведомостей» сочувственно цитируется французская брошюра о России: «Подобно сосудам, которые пропитаны еще испарившимися благовониями, русская литература, равно как и русская душа, часто бывает пропитана чувством исчезнувшей веры. Из народа как от земли поднимается до холодных литературных слоев нечто вроде религиозного испарения»⁴⁸.

Самостоятельная Церковь представлялась Каткову одним из воплощений главного зла в национальной жизни. По его мнению, в «политической нации» не должно быть «государства в государстве», независимо от того, каким образом это «малое государство» выделяется из большого — с помощью дискриминации или, наоборот, предоставления привилегий. Таким образом, катковский национализм во многом действительно имел демократический характер. Не случайно К.Ф. Головин обвинял «катковско-победоносцевскую партию» в «бессознательном демократизме», «преклонении перед густыми народными массами» и стремлении к «единству в самой грубой его форме»⁴⁹.

Наконец, для окончательного уяснения сути катковского национализма необходимо отметить его отношение к США. Если для И.С. Аксакова Соединенные Штаты были воплощением «бездуховности», «безыдейности» и материализма⁵⁰, то М.Н. Катков об Америке отзывался крайне положительно, даже сравнивая борьбу России с Польшей с победой Севера над Югом: «Оба народа одушевлены чувством будущности; оба готовы на всевозможные жертвы для сохранения своего

⁴⁵ Московские ведомости. 1867. №162.

⁴⁶ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978. С. 151–152.

⁴⁷ Пророки Византизма: переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891). СПб., 2012. С. 67.

⁴⁸ Московские ведомости. 1887. № 103.

⁴⁹ Головин К.Ф. Мои воспоминания за 35 лет... Т. 2. С. 38–40.

⁵⁰ Аксаков И.С. Об отсутствии духовного содержания в американской народности // День. 1865. № 5.

государственного единства; оба исполнены духа патриотизма, в котором они могут сравнивать себя только друг с другом... Оба народа роднит и сближает друг с другом самая загадочность их для всех остальных... В то время, когда в Соединенных Штатах кипело междоусобие, какая слышалась по эту сторону Атлантики злорадная уверенность в окончательном падении этого юного могущества, какие смелые делались расчеты, какие перемены замышлялись и уже проводились в исполнение в их содействии!»⁵¹.

В переломном 1881 г. Катков фактически сравнивает себя с американскими республиканцами: «В северной Америке нет помину о партиях либеральной и консервативной в политическом смысле. Зато там есть две партии, которые постоянно и открыто борются между собой. В первой вся центростремительная сила государства, которою зиждется его единство и держится его целость, патриотический дух и национальное чувство: это партия государственная, которая в Америке зовется республиканскою. Другая представляет собою движение центробежное, партия расторжения и разложения, которая от этапа к этапу влечет людей к измене и бунту; она зовется в Америке демократическою партией. Всем известно, в которой из этих двух партий великой заатлантической страны присутствует дух жизни и свободы и которая, напротив, была оплотом рабства»⁵².

Если мы обратимся к внешнеполитическим идеям Каткова, то увидим, что и они были во многом исполненными американского духа. Рассуждения Каткова и его единомышленника С.С. Татищева о «здоровом национальном эгоизме»⁵³, который только и спо-

собен обеспечить мир во всем мире, во многом напоминают идеи Айн Рэнд о «разумном эгоизме» — только, конечно, в приложении к государствам.

* * *

Характерно, что многие единомышленники — такие как Тютчев или А.А. Киреев, причисляя Каткова и славянофилов к одной «московской» или «ультрарусской» партии, нередко называли ее партией *народной*. В слове «народный» Тютчев видел удачное сочетание французских слов «национальный» и «популярный»⁵⁴. Хорошо известно о полемике Каткова с «аристократической оппозицией» и газетой «Весть» — полемике, в ходе которой «трибун Страстного бульвара» проводил прямые аналогии между нигилистами и аристократами:

«В самом деле, какая перемена декораций! Назад тому несколько лет, в обществе... проповедовалась революция; все по уши сидели в демократических идеях, и говорить о праве собственности казалось постыдным и почти небезопасным. Теперь, вместо идей красных, пущены в ход самые белые. Нигилизм не удался, и вот обман оделся русским дворянином, принял осанку крупного землевладельца и заговорил о праве собственности. Почтенный джентльмен рассуждает в духе самого положительного благоразумия; с языка у него не сходит общественная нравственность; он весь в консервативных идеях; он заклятый враг демократов и революционеров; он терпеть не может чиновников-прогрессистов и с негодованием отзывается о произвольных действиях администрации в западном крае... Но как ни велика по видимому противоположность между нигилистом 1861 или 1862 года и джентльменом 1866 года, рассуждающим о крупном землевладении и пра-

⁵¹ Московские ведомости. 1866. №6.

⁵² Московские ведомости. 1881. №72.

⁵³ Подробнее см.: Котов А.Э. Два «русских Алкивиада»: К.Н. Леонтьев и С.С. Татищев // Клио. 2013. №7. С. 125–129.

⁵⁴ Тютчев Ф.И. — Горчакову А.М. 9.12.1863 // Тютчев Ф.И. Собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 6. М., 2004. С. 65.

ве собственности, верно то, что их создала одна и та же сила... Тот же дух, который веял тогда социализмом, дует теперь собственностью. Тогда этому духу нужен был язык “Современника”... теперь ему пригоднее статейки “Вести”... И те, и другие по отношению к России выражают собою одну и ту же творческую мысль. Нигилисты были нигилистами, и в том их достоинство что они по крайней мере не маскировались... Теперешняя агитация надела маску, но ближайшая цель ее в настоящее время состоит очевидно в том, чтобы убрать ненавистные ей начатки национальной политики в делах Российской Империи... Русское общество, по мнению ловких людей, действующих теперь консервативными приманками, не может понять, что если национальный характер государства ослабнет, то ослабнет и его единство, и что если ослабнет единство государства, то дела в нем не могут идти нормальным порядком и что в такой стране правительство находится в разладе со своим народом, что оно теряется в недоразумениях и часто подавляет то, что вверено его охране и в чем заключается его собственная сила. Русское общество, думают агитаторы, не поймет, что в России может быть только русское землевладение и русское дворянство, и что русское дворянство отнюдь не может вступать в солидарность, во имя отвлеченных интересов, с каким бы то ни было антирусским дворянством»⁵⁵.

В противовес защитникам сословных привилегий русской аристократии Катков в 1885 г. поддержал знаменитый проект А.Д. Пазухина — фактически превращавший это сословие в кузницу бюрократических кадров. Ю.С. Карцов считал, что пазухинский проект сначала носил «характер ярко сословный» и лишь «пройдя через горнило инстанций, он видоизменился, и в результате получился современный

бюрократический институт земских начальников»⁵⁶. Однако предпосылки этой «бюрократизации» были и в самом пазухинском тексте: «Аристократическая исключительность и сословная замкнутость противны характеру нашей истории и началам нашего государственного быта». «Мудрость законодателя состоит в искусном устройстве ворот, не настолько широких, чтобы в них ворвались негодные элементы, но и не настолько узких, чтобы затруднить получение дворянства для наилучших элементов из других сословий»⁵⁷. Не случайно К.Ф. Головин позднее иронизировал над любовью Пазухина к допетровскому чиновничеству: «Он искренно любил московского чиновника, приказного дьяка, “служилого человека”, как он называл этого очень малосимпатичного субъекта. Пазухин чистосердечно воображал, будто наши служилые люди коренным образом отличались от юристов, судей и разных коронных чиновников, служивших королевской власти на Западе»⁵⁸.

Много написано о борьбе Каткова с П.А. Валуевым — благодаря которой Михаил Никифорович и стяжал свою репутацию защитника гласности и борца с бюрократией. Однако нужно учитывать, что, борясь с последней, он не оставлял обществу никаких реальных средств защиты своих интересов перед властью. Это, в частности, имел в виду И.С. Аксаков в статье «Идеалы “Дня” и “Современная летопись”»: «...постараемся снять маску с наших противников и показать, что в сущности они и бюрократы — одного поля ягода, служители одного и того же начала, и что “демократствующий царизм с деспотическим властвованием над приниженною массой” есть, конечно,

⁵⁶ Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке... С. 377.

⁵⁷ Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1885. С. 57.

⁵⁸ Там же. С. 101–102.

⁵⁵ Московские ведомости. 1866. №243.

не цель и не идеал (мы будем добросовестнее наших противников) — но непреходящий результат их либеральных стремлений»⁵⁹.

Указанные Аксаковым тенденции проявились и во время борьбы с конституционными проектами 70–80-х гг., когда в «Русском вестнике» появилась знаменитая серия диалогов Н.А. Любимова «Против течения». В них соратник Каткова объявлял любое, даже чисто декоративное представительство первым шагом к революционной *delirium tremens*. Разумеется, страх перед представительством был связан с недоверием к обществу — состояние которого консерваторам представлялось близким к истерии. Этим, в частности, возмущался в своем дневнике солидарный с Катковым А.А. Киреев: «Как только какой-либо фракции русского общества даруется свобода большая, сейчас же она требует конституции. Освободили суды — адвокаты требуют конституции, освободили прессу — фельетонисты требуют конституцию. Обратились к специалистам (сведущим людям) земства, протестуют — зачем правительство само выбирает, мы это лучше сделаем, подавай это право нам!»⁶⁰.

Но наиболее характерным проявлением катковского «бюрократизма» стало «дело профессора Любимова» — точнее, печатная полемика по университетскому вопросу, развернувшаяся в середине 1870-х гг. Её история заслуживает отдельного разговора⁶¹, отметим лишь, что в ней «достойно» проявили себя обе стороны — и Катков с Любимовым, и их оппоненты — среди которых были в том числе и люди славянофильских взглядов. Полемика

эта во многом предвосхищала современные дискуссии по вопросам образования. Выступая рупором готовившейся университетскую контрреформу Министерства просвещения, «Московские ведомости» много говорили о проблемах тогдашних университетов, необходимости заимствования передового западного опыта, благотворности коммерциализации образовательного процесса.

Перекликались с современными «инновациями» и многие педагогические идеи Н.А. Любимова. Например, А.Г. Столетов, критикуя любимовский учебник по физике, отмечал преобладание в последнем «рекреационного» (т.е. развлекательного) элемента: «Чтоб этот увеселительный элемент (если он желателен) не мешал учащемуся, следовало, по крайней мере, старательнее отгородить рекреацию от учения. Мы серьезно боимся, что первым и преобладающим впечатлением от некоторых страниц книги будет именно какая-нибудь “муха со слона и блоха с верблюда”, или “калькуттский петух, зажаренный на электрическом вертеле”, и что эти занимательные предметы, легко и упорно поселяясь в воображении юного читателя, будут помехою для более серьезных умственных приобретений»⁶².

Не владея внедренным в ХХI в. инновационным социогуманитарным термином «бандерлоги», в 1860-е гг. «Московские ведомости» характеризовали своих оппонентов с изысканной дореволюционной тяжеловесностью: «Панургово стадо приходит в волнение, чтобы всячески препятствовать водворению солидного образования в России. Барашки производят удивительные эволюции и неутомимо работают. На них не действуют разумные доводы: на то они и барашки»⁶³. В 1870-е гг. к печатному слову редакция добавит

⁵⁹ День. 1865. № 10.

⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Дневник А.А. Киреева, 1881–1884. Л. 61 об — 62.

⁶¹ Котов А.Э. «Дело профессора Любимова»: власть и общество в борьбе за университет // Университетский научный журнал. 2012. № 2. С. 63–77.

⁶² Столетов А. Исторический физик // Голос. № 80. 21.03.1877.

⁶³ Московские ведомости. 1866. № 31.

также использование административного ресурса. В своих письмах Н.А. Любимов фактически шантажировал товарища министра народного просвещения И.Д. Делянова: «Если власть в этом деле, теперь обращающем общее на себя внимание, потерпит фиаско — последствия неисчислимы. Разрушение будет сочтено системой, принятой правительством»⁶⁴.

* * *

Таким образом, в 1870-е гг. Катков все больше осознает, что обладает лишь одним средством для проведения в жизнь своих взглядов — *государственным аппаратом*. Из «случайного органа государственной деятельности» «Московские ведомости» превращаются в «департамент Каткова», за них все чаще прямо заступает цензура⁶⁵. *Поэтому и национализм Каткова — в противоположность гражданскому, антибюрократическому национализму славянофилов — действительно целесообразно называть национализмом бюрократическим*.

Как известно, смерти Каткова в 1887 г. предшествовал его конфликт с Александром III, связанный с недовольством государя антигерманскими выступлениями московского редактора. Т.И. Филиппов злорадствовал в письме К.Н. Леонтьеву: «Анархическая выходка Каткова меня не удивила: мне очень хорошо известно при творство его охранительного исповедания, которое он принял как *parties pris* [готовое суждение], и потом построил на нем свое *position sociale* [общественное положение]. Он проповедует самодержавие только своим ближним, а сам признает его лишь до той поры, пока Власть идет с ним по одному пути. Лживая изворотливость, с которою он проводил раздельную

черту между Правительством и ведомством, достойна омерзения»⁶⁶. Иначе писал о последних днях Каткова перебравшийся к тому времени в Петербург Н.А. Любимов: «...физический недуг, таившийся в организме, принял сильное развитие под влиянием нравственных потрясений в защите русских интересов от немецкой вражды. Больному может служить великим утешением то общее ныне во все лагерях, кроме нескольких ничтожных кучек, сочувствие или, по крайней мере, уважение, какое возбуждает его многолетнее самоотверженное служение русскому делу»⁶⁷.

Характерно, что именно с 1886–1887 гг. многие консерваторы связывают упущенную возможность либерализации внутренней политики. К.Ф. Головин отмечал: «В половине 80-х гг., когда правительство было в зените своей популярности, а среди общества стояла тишь да благодать, был едва ли не лучший момент прочно заинтересовать культурные классы в ходе официального механизма... За самое скромное допущение выборного элемента в центральные учреждения были бы тогда благодарны»⁶⁸. Ю.С. Карцов считал, что именно в это время произошел «разрыв Царя с националистами»: «вторая половина царствования представляет господство бюрократии в чистом виде *sans phrases* [без фраз]. Откровенно, со спокойною совестью, задачи национально-исторические кладутся под сукно»⁶⁹. В неопубликованной «Хронике распада» мемуарист высказывался еще более жестко: «...в слепоте своей правительственная власть рубила сук, на котором сидела, угасала последние остатки духа патрио-

⁶⁶ Пророки Византизма... С. 412

⁶⁷ Летопись мимоидущего. «Отголоски» газеты «Свет». 1887 г. СПб., 1892. С. 342

⁶⁸ Головин К.Ф. Мои воспоминания за 35 лет... Ч. 2. С. 99.

⁶⁹ Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке... С. 390.

⁶⁴ РГИА. Ф. 1604. Ед. 472. Л. 20 об.

⁶⁵ Например, см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 3. Ед. 15. Л. 6, 11.

тизма, любви к родине и преданности к престолу, на протяжении всего государства и во всех слоях общества совершалась разрушительная работа... Клубок российской государственности разматывался. Правительство видело это разматывание, но как задержать его — не знало»⁷⁰.

Процесс этот единомышленники связывали с «пустыней», образовавшейся после смерти Каткова вокруг Александра III. По их мнению, при живом Каткове всё обстояло бы иначе. Так, А.А. Киреев считал, что в 1887 г. во власти московского редактора было вернуть министерский портфель Н.П. Игнатьеву⁷¹. Однако несоответствие колоритной фигуры М.Н. Кат-

кова новым, не без его же участия созданным условиям было очевидно даже К.П. Победоносцеву: «Это был человек, исполненный жизненной силы: ему довелось действовать на среду, переполненную внухами, и внухи одолели его»⁷².

Как нам представляется, причина катковской трагедии — не только и не столько в личности публициста, его оппортунизме или властолюбии. Идеология государственно-политического национализма, лишь внешне декорированная «православием» и этничностью, делала единственной основой национальной солидарности выдаваемый чиновником документ о подданстве. Носитель подобной идеологии не мог не превратиться из борца с бюрократией в апостола последней.

⁷⁰ Карцов Ю.С. Хроника распада. ДРЗ. Ф. 1. М-76(1). Л. 23-24.

⁷¹ ОР РГБ. Ф. 126. К. 11. Л. 6.

⁷² Пророки Византизма... С. 414.

«ВН» в соцсетях

Новости «Вопросов национализма» можно узнать на страницах социальных сетей, посвящённых журналу.

Facebook: facebook.com/vnatio; «В контакте»: vk.com/vnatio.

- Анонсы новых публикаций
- События журнальной жизни
- Оформление подписки
- Приобретение электронной версии
- Обсуждения и дискуссии

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

КОНСТИТУЦИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья третья

«Старое молчание о главном». Конституции спецпатриотов

Речь пойдет о двух проектах:

- 1) Института национальной стратегии (ИНС), выпущенном в свет в 2005 г.;
- 2) самодетельной группы С. Сулакшина.

Разберем их по очереди.

1. Проект ИНС (Белковский — Ремизов)

Если не знать, что вышеупомянутый Институт национальной стратегии создан Станиславом Белковским и существует под его патронажем, название сей организации могло бы ввести в заблуждение. Но ненадолго, ибо внимательный анализ документов приводит к устойчивому выводу: основная характеристика «национальной» стратегии Института — ее безнациональность, вненациональность.

С особой яркостью данное свойство проявилось при подготовке самого национально-стратегического из всех возможных документов — проекта Основного закона (Конституции) России¹. Перед нами заявка

патриотически настроенных политологов — весьма узко мыслящих, да еще и убежденных конструктивистов². Она выражает оба наиболее характерных противоречия в современном национал-патриотическом дискурсе. Во-первых, это противоречие между теми, кто считает, что государство первично, а нация вторична (авторы проекта, патриоты), и теми, кто все полагает наоборот (националисты). А во-вторых, между теми, кто понимает нацию как согражданство (авторы проекта, конструктивисты), и теми, кто видит в ней государствообразующий этнос, обретший свой суверенитет (националисты). Таким образом, с самого начала нужно понимать, что проект ИНС полностью внеположен русскому национальному дискурсу (актуальному национализму) и, соответственно, ничего общего не может иметь с проектом Русского национального государства.

Больше того. Поскольку националистический русский дискурс в проекте вовсе не учтен, попросту проигнорирован молчанием, можно сразу сказать, что проект не отвечает духу времени,

Статьи первую и вторую см.: ВН, № 15, 16.

¹ Конституция России. Проект Института национальной стратегии / Новый строй. Дискуссия Агентства политических новостей. М.: ИНС, 2005.

² Критический анализ конструктивистской позиции президента ИНС М.В. Ремизова см.: *Севастьянов Александр*. Идолы конструктивизма // Вопросы национализма. 2012. № 10, 11.

вектору развития постсоветского пространства вообще и России в частности. Путь создания национальных государств, по которому уже прошли все бывшие республики СССР и на который, пока робко, вступила Россия, явно расходится с тем путеводителем, который предложили авторы.

Фикция на фикции едет и фикцией погоняет

Все вышеозначенное проявлено уже на самой первой странице проекта, в его краткой преамбуле («Мы, граждане России, сохраняя в веках созданное нашими предками и ведомое Божьим промыслом российское государство, учреждаем его Основным законом») и первой статье («О суверенитете») первой главы («Основы государственного строя»).

Уже из преамбулы понятно, что субъектом суверенитета выступает некое согражданство («мы, граждане России»). В российском политическом контексте в роли такого согражданства выступает обычно не «русская», а «российская» нация. Ниже это еще раз подчеркнуто: «государственный суверенитет России... принадлежит российской нации» (1.1.3).

Но далее следует своеобразная расшифровка понятия, вступающая в противоречие с преамбулой: «Российская нация есть единство русского народа и других коренных народов России, открытое для всех людей, верных России» (1.1.4). Откуда это взято авторами, неизвестно. Но понятно, что даже если такое единство имеет место быть (доказано скорее обратное³), оно по объему не совпадает с согражданством, имея разные критериальные основания.

В своей пояснительной записке «Проект “государство-цивилизация”»

³ См. мою заметку «Лев Гумилев и Министерство обороны» в Интернете или заметку «Позиция страуса» в газете «День литературы» за февраль 2014 г.»

главный из авторов, Михаил Ремизов, разъясняет суть «многонародной нации», как он ее понимает: «Российская нация есть общность тех, кто причастен делу государственного и цивилизационного строительства России. Русский народ является органическим ядром этой общности, а коренные народы, лояльные России, — ее полноправными участниками... Логическим пределом этого процесса и является развитие вокруг русского этнического ядра, на базе созданной им имперской структуры, единой политической нации» (с. 63).

Слабость данного положения не только в том, что «масло не смешивается с водой» (народы, некомплиментарные по отношению к русскому, а их в России весьма много, не образуют с ним амальгамы). Но и в том, что сама подобная постановка вопроса требует от коренных народов сдачи экзамена на лояльность вовсе не России (это-то нетрудно), а именно и только русскому народу (что в ряде случаев вообще невозможно). Иначе никакой единой «многонародной нации» создать никогда не получится.

Авторы еще усугубляют слабость главного основания своего проекта, вводя специальную статью «Об источнике государственной власти», где пишут: «Единственным источником государственной власти в России являются граждане России как представители российской нации во всех ее поколениях, прошлых, настоящих и будущих» (1.6.1). Зачем они вдруг возвращаются к вопросу о суверене нашего государства? Затем, что сами ощущают: путаница у них в понятиях поразительная. Стремление конструктивистов непременно провозгласить тождество между нацией и согражданством ведет к экзистенциальному разрыву с историей и действительностью. Поскольку, если мы имеем право говорить о союзе русской нации с отдельными (!) коренными народами нынешней России (как и о вражде с другими, об их

подчинении), то никакой «российской нации» в нашей стране никогда и в помине не было. Это свежееиспеченный конструкт, не имеющий никаких шансов на выживание в политологическом словаре.

Таким образом, слабость умственного (логического) обоснования проекта выступает наружу с первых же строк.

Эта слабость — в сочетании со стремлением сказать новое слово в утверждении российской специфики — не раз еще проявится авторами проекта. Особенно заметно — в самом первом пункте первой статьи первой главы:

«Россия (Российская Федерация) есть государство, основанное на исторической преемственности по отношению к Союзу ССР, Российской Империи, Московскому царству, Древней Руси как этапам развития российской цивилизации».

Здесь впервые возникает это сакральное словосочетание: «российская цивилизация», за которым, однако, ровно ничего не стоит. Оно никак не расшифровано, не раскрыто, не разъяснено в тексте. Просто какое-то «принеси то, не знаю что». А была ли она, эта «российская цивилизация»? Аутентична ли она на перечисленных стадиях нашей государственности (очевидно, что нет, хотя бы потому, что ни о какой федерации до СССР не было и речи и т.д.)?

Таким образом, уже на первой странице проекта ИНС, который заслуживает названия утопического, постулирован сразу каскад фикций:

- 1) «российская цивилизация»;
- 2) «российская нация»;
- 3) «единство русского народа и других коренных народов России, открытое для всех людей, верных России, действительное во всех поколениях, прошлых, настоящих и будущих и до конца времен» (к примеру, выходит, единство русских и татар времен Золотой Орды).

Многовато для документа, претендующего на юридический характер. Сразу видно, что писали не юристы-цивилисты, а всего лишь философы, да и то неблестящие.

Сомнительные новации

На эту же мысль наводят и в дальнейшем многие пассажи, например: «При угрозе утраты независимости России... граждане России обязаны восстановить полноту государственного суверенитета России любой ценой» (1.1.6). Мило. Патриотично. Идеалистично. Столь же красиво, сколь и неосуществимо.

Наши конституционные утописты продолжают радовать читателя новациями. Они вводят понятие «исторического пространства России», предназначенного для последующего воссоединения с Россией (1.4.2).

Что это такое? Земли, населенные русскими и другими коренными народами России, оказавшимися в разделенном положении благодаря несправедливым границам? Так хотелось бы думать мне как соавтору законопроекта о праве русского, лезгинского и осетинского народов на воссоединение.

Да, примерно так, но только очень сложно, путано и непоследовательно: это «области традиционного расселения коренных народов России (здесь бы следовало добавить слово “компактного” и поставить точку! — А.С.), входившие в состав государственных образований, по отношению к которым Россия осуществляет историческую преемственность». Имеются в виду, очевидно, республики СССР. Но проблема в том, что они как входили, так и ныне входят в государственные образования за пределами собственно России.

Главная заковыка в том, что русские дисперсно расселены практически во всех бывших республиках Советского Союза, в том числе и вдали от наших непосредственных границ. Забыв об этом, авторы проекта пишут: «Со-

хранение территории России и освоение исторического пространства России — долг граждан России...» (1.4.5). Получается, мы не только не смеем мечтать об отделении, скажем, Чечни или Тувы, но и обязаны заботиться об «освоении» (читай: присоединении) Киргизии, Таджикистана, Молдавии?! По правде говоря, я за собой такого долга не знаю, не чувствую.

Напомню, как подобная проблема разрешалась в том проекте конституции, к созданию которого я имел в 1998 г. отношение:

«1. Россия стремится к воссоединению Русской Нации, оказавшейся в разделённом положении. 2. Россия стремится к свободному объединению со своими историческими территориями, населёнными преимущественно русскими людьми и представителями коренных народов России. 3. Русское государство стремится к добровольному государственному союзу народов общерусского корня: русских, украинцев и белорусов». По контексту, речь в первых двух пунктах шла лишь о граничащих с Россией территориях, компактно населенных русскими людьми.

В этом варианте все логично и понятно. В варианте ИНС — наоборот.

Чрезвычайно странное впечатление оставляет ст. 10 «О гарантиях государственного суверенитета». Оказывается, с президента эта обязанность по умолчанию снята. А на кого возложена? Я сначала не поверил своим глазам:

«Гарантом государственного суверенитета, независимости, территориальной целостности России и ее конституционного порядка являются единые Вооруженные силы России и все граждане России» (1.10.1).

Меня охватило недоумение. Как так? На простых граждан возлагается огромная ответственность, которая явно не по плечу? Но что делать этим гражданам, если кто-то кое-где у нас порой нарушит конституционный порядок? Создавать народное ополче-

ние? В тулумбасы бить? В колокола звонить?

Или что, у нас Вооруженные силы становятся новым официальным субъектом политики? Что ж, такие прецеденты есть, скажем, в Китае или Турции, где армия является своего рода государством в государстве и имеет голос и вес в делах государственного управления. Но в России последним самостоятельным выступлением армейских было восстание декабристов. После чего армия выполняла только подчиненные функции и защищала Россию, повинаясь приказам свыше, а не по собственной инициативе. Смена данной парадигмы должна была бы опираться на новый, непременно прописанный в Конституции, статус армии как одной из ветвей власти. Но этого нет.

Я так и не понял, как будет осуществляться на практике эта статья.

Что еще из новаций привлекает внимание?

Первое. Ст. 12 вводит такое понятие как «национальное достояние», которое «является неотъемлемым и неотчуждаемым, так как принадлежит российской нации во всех ее поколениях — прошлых, настоящих и будущих» (1.12.1). Объем этого понятия таков: «Земля, воздух, недра и другие природные ресурсы; памятники культуры (я бы добавил «и истории». — А.С.); технические и промышленные объекты, имеющие стратегическое значение для жизнедеятельности и обороноспособности страны» (1.12.2). Объекты н.д. «не могут находиться в собственности иностранных государств и их граждан», а «в отношении воды, воздуха, полезных ископаемых и других жизненно важных ресурсов... государство осуществляет исключительное право собственности в интересах всей нации» (1.12.3–4).

Идея, на мой взгляд, очень хорошая, имеющая аналогию в конституции Украины и некоторых иных, т.е. юридически состоятельная. Она не должна

быть забыта, отброшена. Ее хорошо дополняет п. 7 ст. 14: «Предприятия, являющиеся естественными монополиями, перечень которых определяется федеральным законом, не могут находиться в частной собственности». Согласен.

Второе. Ст. 13 («О социальных обязанностях государства») устанавливает: «Государство способствует укреплению семьи, осуществляя экономическую поддержку материнства, отцовства и детства». Здесь я вижу важное положительное новшество в поддержке отцовства (правда, из ст. 35 «Материнство, детство, семья» это понятие выбыло почему-то). Вместе с тем я бы не стал ограничиваться лишь материальными факторами, ведь укрепление семьи в гораздо большей степени зависит от моральных факторов (система ценностей, лестница приоритетов, сакральные смыслы семьи и т.д.), на поддержке и развитии которых необходимо сосредоточиться в т.ч. и государству, и — особенно — Церкви.

Третье. А вот смелая новация, которой суждено, вне всякого сомнения, быть оспоренной с разных сторон: ст. 15 «О религиозных основах российского государства». С тех пор как в цивилизованном мире Церковь отделили от государства, само понятие религиозных основ государственности оказалось вне философского дискурса, а уж идея ввести его в конституцию и вовсе стала крамольной. Но авторы проекта, преследуя вполне конкретную политическую цель, о которой я скажу ниже, не из воздуха почерпнули такую смелость. Они, несомненно, уловили вполне конкретные политические настроения — я бы даже сказал: настройки, — которые Кремль уже давно продвигает в российское общество. Уловили — и решили забежать чуток «вперед прогресса», провозгласив:

«Православие является государствообразующей исторической религией России. Религиозное и социальное служение Русской Православной

Церкви пользуется поддержкой государства» (1.15.1).

Неудачная грамматическая конструкция (кто чему служит?) не меняет сути: государство берет РПЦ на частичное обеспечение. Это, конечно, вызовет бурное негодование остальных конфессий. Предвосхищая, авторы бросают им кость: «Государство покровительствует традиционным вероисповеданиям (список? — А.С.) всех коренных народов России и проживающих в России этнических общин (т.е. нацменьшинств, в т.ч. сколь угодно экзотических. — А.С.) и солидарно с ними в осуществлении целей и ценностей, лежащих в основании российской государственности» (1.15.2).

Однако список таких целей и ценностей не приложен. Понятно, что авторы предлагают нам уравнение со столь многими неизвестными, что получаются сапоги всмятку, а не юридический документ. Ничего, кроме раздражения всех неправославных (в т.ч. русских атеистов и родноверов), они таким манером не добьются. Одно слово — философы...

Интересен смелый комментарий эксперта ИНС Владимира Карпеца: «Следует отказаться от определения России как светского (то есть религиозно нейтрального) государства. Вместо этого должно быть введено понятие государствообразующей — но не государственной, в смысле принудительном — и исторической религии — Православно-го христианства (включая Старообрядчество), и повторено определение трех других религий — ислама, буддизма и иудаизма — как традиционных (наряду с Православием) конфессий народов России... Верховный правитель и министры обороны, иностранных дел, внутренних дел, а также глава разведки и безопасности должны исповедовать Православие» (с. 110).

Что ж, такая тенденция в обществе есть. Станет ли она мейнстримом?

Четвертое. Конституция России признается высшим нормативом в стра-

не, в том числе, что важно, в отношении любых международно-правовых актов, за соответствием которых нашему основному закону следит специальная Конституционная палата Верховного суда. Я лично вижу в этом правильное направление мысли, которое сегодня достигло апогея в деятельности Национально-освободительного движения (НОД депутата Е. Федорова), считающего, что наш суверенитет ограничен конституционной нормой, отдающей приоритет международному праву. С этим приоритетом, безусловно, пора покончить, и тут проект ИНС предвосхитил идею.

Пятое. Новацией, вызванной желанием угодить Кремлю, приходится также считать исчезновение пункта о недопустимости цензуры из статьи «Свобода мысли и слова» (ст. 27).

Такие же «минусовые новации» — выпадение из перечня прав гражданина «права на жизнь» и на «защиту чести и достоинства». Особенно важно первое. Между тем один из экспертов ИНС правильно отмечает: «Право на жизнь также должно рассматриваться во всей своей полноте, то есть от зачатия до смерти и, тем самым, став правообязанностью, влечь за собой все соответствующие последствия, включая запрещение аборт, с одной стороны, защиту государством материнства и детства — с другой» (с. 112). Блестяще! Но в проекте Конституции эта важная мысль не нашла отражения.

Занятно появление такого норматива: «Каждый гражданин России обязан трудиться» (2.34.2), возвращающего нас к советской практике судебного преследования «за тунеядство». Впрочем, тут же прописана еще одна повергающая в недоумение норма: «Граждане России имеют право на защиту от безработицы» (2.34.4). Кто и как сможет ее реализовать, если только мы не возвращаемся в социализм, на что авторы нас не настраивали?

Наконец, наиболее знаковым является выпадение краеугольного камня

нынешней морально-правовой системы России: ст. 2 действующей Конституции, провозглашающей приоритет прав личности. В одной из пояснительных статей эксперт ИНС прозорливо отмечает: «Человек и, тем более, его права не могут быть высшими ценностями просто потому, что таковыми не являются» (с. 111). Он совершенно разумно поясняет: «Наряду с правами отдельного человека (и иерархически выше их) должны быть поставлены права народов, профессиональных и конфессиональных групп, профсоюзов, культурных сообществ и проч. Не говоря уже о правах государства в целом. Социальные корпорации должны быть признаны субъектами права, а внутрикorporативные нормы внутригосударственных объединений — неприкосновенными» (там же).

Все это так, но при этом о важнейших правах — правах нации, т.е. государствообразующего народа, эксперт, увы, «забыл». С этим согласиться невозможно! Ибо если и можно положить нечто на другую чашу весов, где уже лежат права личности, то это, конечно же, в первую очередь, права нации, а не государства и тем более не общественных групп типа корпораций или цехов, как в средние века.

Шестое. Своеобразное решение авторы проекта предложили для проблемы территориальной организации страны. С одной стороны, закрепляется старая неправда: федеративное устройство России (ст. 5 «О государственном устройстве России», гл. 3 «Федеративное устройство России»; соответственно сохраняется Совет Федерации). Привычным уже стало маньеристическое стремление авторов сочетать несочетаемое: «федеративное устройство России основано на ее государственной целостности». Милое дело! Да ведь федеративное переустройство, которому подверглась некогда единая, унитарная Россия, — это есть дробление, уничтожение, подрыв ее государственной целостности.

сти (обернувшееся в итоге распадом СССР). И ничто иное! Сохранить федеративное устройство России — значит сохранить перспективу ее распада.

С другой стороны, на деле проектом устанавливается довольно жесткая система централизованного управления страной, предусматривающая федерацию земель, равноправных по статусу, но полубесправных по факту. Так что федеративное устройство предстает скорее как некий камуфляж, к чему мы привыкли за годы советской власти. Впрочем, памятуя о том, чем закончилось свое существование многонациональное федеративное государство СССР, надо признать, что даже подобная «игра в федерализм» опасна, ибо несет в себе коды сепаратизма — смертельную для государственного организма инфекцию.

Седьмое. Самое интересное новшество — это предусмотренный проектом Высший совет национального единства (ВСНЕ), наделенный правом выдвижения кандидатуры президента и правом его отрешения от должности на основании выдвинутого госсоветом обвинения в измене или ином тяжком преступлении. Также ВСНЕ «осуществляет блюстительные функции во имя обеспечения преемственности государственной власти и развития общественно-политической жизни России» (4.72.1). Сколько должно быть членов ВСНЕ — неизвестно (тут авторы зевнули), зато известно, что треть его должна формироваться Всеармейским офицерским собранием, другая треть — РПЦ и другими традиционными конфессиями, а третья — академическим сообществом (РАН и университетами).

Офицеры, ученые, духовные лица: вот три корпорации, которым реально вверяется судьба России. И это глубоко правильно, на мой взгляд, ибо соответствует естественному делению на ранги любого биологического сообщества, во-первых, и существованию двух высших каст любого социума, во-

вторых. Условно говоря, брахманы и кшатрии должны блюсти страну; таков закон, данный свыше: Богом и Природой. Или, в конечном счете, просто Богом, ибо и Природа — от Него.

Восьмое. Блюсти — еще не значит править. Россия в проекте ИНС — не просто президентская, а суперпрезидентская республика. Президенту отводится 7 лет на правление, причем количество сроков ничем не ограничено, кроме возрастного порога. Внимательное чтение проекта приводит к мысли, что президент одновременно руководит как политикой (внешней и внутренней), так и экономикой, а равно вооруженными силами, судебским корпусом, силами правопорядка и дипломатией.

На роли суперпрезидента хочется остановиться подробнее. Комментируя предлагаемый проект, один из экспертов ИНС пишет:

«Требуется прямо закрепить положение главы государства как носителя Верховной власти, являющегося Арбитром, стоящим над законодательной, исполнительной и судебной деятельностью (а не властью). При этом, скорее всего, переименовав “Президента” в “Верховного правителя”... В дальнейшем следовало бы также осуществить переход от принципа выборности Верховной власти — если власть выборна, она не Верховна, а “верховен” избирательный корпус (а на самом деле те, кто им манипулирует), — к принципу преемственности. Уходя (или умирая), Верховный правитель официально назначает своего преемника, который затем утверждается на всенародном референдуме» (В. Карпец, там же).

Сам Ремизов именуется изобретенный его группой статус правителя «некоронованным монархом». И не обинуясь пишет: «Наш проект... предполагает укрепление верховной власти. Но именно для того, чтобы отвести верховной власти ту роль, которую она занимает в русской политической

культуре, — роль центра общества и даже, в определенном смысле, центра земного мира, гаранта правового и нравственного порядка — необходимо поднять ее над рутинной управления и конъюнктурой общественных дебатов» (с. 64).

Поднять (еще поднять!)? Куда? Разве что прямо на небо...

Чтобы достойно откомментировать такое, надо обладать пером Салтыкова-Щедрина. Поэтому я замечу лишь одно. Некоронованных монархов разных типов и складов история знает немало. Выборный император, как в Древнем Риме, — это ведь тоже своего рода президент. Как и Сталин или Мао — выборный вождь правящей партии. Вся разница зависит лишь от уровня легитимности и объема полномочий. Сегодня в России сложились все условия для авторитарного режима, близкого к абсолютизму, о чем я уже не раз писал. Почему бы не задуматься в таком случае о том, какого типа автократор нам нужен?

Лично меня, конечно, больше всего бы устроил вариант Сталина при условии, что это был бы вождь не какой-либо, а именно русской националистической правящей партии, как бы она ни называлась. Но авторы проекта не желают никаких ограничений для своего идола, даже в виде партийной программы или Политбюро. Ремизов специально подчеркивает: «Президент принципиально внепартиен и внеположен конкуренции социально-экономических программ». Что в этом хорошего, мне, честно говоря, непонятно. Нужен ли нам верховный правитель в статусе некоронованного монарха, который не связан никакими обязательствами перед народом и страной, бесконтрольный и безответственный? Вспоминая убийственные для Рима последствия утверждения режима императорской власти, я думаю, что Ремизов со товарищи берут на свою совесть чрезмерный груз.

Троянский конь СБ в АП

Внимательно изучив проект Конституции ИНС («ремизовского» или «белковского» института, кому как нравится), я сравнил его с недавно обнародованной путинской доктриной национальной политики, прозвучавшей как из предвыборной статьи кандидата в президенты, так и из «Стратегии государственной национальной политики» и других документов последнего времени. И понял, что Институт национальной стратегии сеял отнюдь не на камнях. Стало понятно, откуда у Путина, всегда отмалчивавшегося по поводу национальных отношений (и правильно, поскольку в Высшей школе КГБ этнополитике не учили, а демонстрировать на публике дилетантизм — неловко), появились вдруг программные установки и тезисы типа следующих:

- 1) «российская нация»;
- 2) Россия — многонациональная страна;
- 3) Православие — государствообразующая религия;
- 4) Россия — государство-цивилизация и т.д.

А в политической практике четко проявилась установка на суперпрезидентскую республику.

Что надо сказать по поводу этих главных установок?

Положим, первые два тезиса внушались Путину и раньше старыми советниками, унаследованными от Ельцина (Эмиль Паин, Валерий Тишков, Вячеслав Михайлов и др.), но три последних пункта явно появились под влиянием Михаила Ремизова со товарищи, за плечами которых, как за кулисами, виднеется профиль Станислава Белковского.

Комплекс идей, связанных с неприемлемыми как для науки, так и для русской политики «российской нацией» и «многонациональной страной», критиковался столь часто и подробно, что возвращаться к этому нет надобности. Остановлюсь на новациях.

Ключом к успеху если не самого проекта, то его авторов является, конечно, тезис о суперпрезидентской республике. И сопутствующий ему и сопряженный с ним тезис о православии как государствообразующей религии. Это блестящее сочетание — просто-напросто входной билет в Кремль. Не больше, не меньше.

Верный мудрому принципу раскладывать яйца по разным корзинам, опытный политтехнолог Белковский решил одно яичко подбросить в Администрацию президента. Сочинив заведомо востребованный Кремлем проект нового государственного устройства России, он тем самым продвинул в высшие слои нашей политической атмосферы своего троянского коня, битком набитого собственными рекрутами, из которых наиболее успешен Михаил Ремизов. Ловкий ход, ничего не скажешь!

То, не знаю что

Что же остается подлинно новаторского?

«Государство-цивилизация» — термин и тезис напыщенный, претенциозный, но идейно пустой. Ниже я попробую, опираясь на текст Ремизова и других, дезавуировать его более подробно.

Между тем этот внешне эффектный тезис во всеулышание уже повторил президент Путин, а глядя на него — и патриарх Кирилл. Им понравилось, польстило такое «возвышенное» определение зоны их полномочий. Михаил Ремизов пошел наверх, его стали привлекать к работе над государственными документами высокой важности.

Ввиду сказанного интересно все же попытаться понять, что же подразумевали авторы конституционного проекта? Первое слово принадлежит автору концепции — Михаилу Ремизову. В своей пояснительной записке «Проект “государство-цивилизация”» он излагает дело так (в скобках мои комментарии):

«Органичной для России политико-

культурной моделью является модель “государство-цивилизации”... Она означает, что:

— Россия складывалась не как “гражданская нация”, а как исторический проект определенного союза народов, ядром которого являются русские. Этот союз и является реальной основой политической нации России.

(Гражданской нации в России — типа «нации россиян» — никогда не было и нет, это совершенно верно. Но ведь и никакого «союза народов» с русским ядром никогда никто не заключал, никакие документы подобный союз не подтверждают. Под концептом союза народов исторической правды нет, а есть ложь и демагогия. Простой русский народ, размножаясь и усиливаясь, шел на все четыре стороны света, подчиняя себе все новые земли, кем-то, как правило, населенные, но никого специально себе в союзники не зазывая. Российские цари, преследуя по большей части династические интересы, военными усилиями закрепляли успехи русских колонизаторов или завоевывали иные территории. При этом населяющие их народы порой попадали в российские подданные совершенно автоматически, их никто не спрашивал. А других приходилось приводить к покорности силой. И только немногие просились сами, в страхе перед более агрессивными соседями; но просились не ради «великой России». Некий «договор народов», «союз народов» существует только в воображении ремизовых.)⁴

— Россия участвует в международной системе, но т.н. «мировое сообщество» не является источником ее легитимности, поскольку она рассматривает собственное “большое пространство” как исторически самоценный мир. Россия реализует на простран-

⁴ Настоятельно рекомендую читателям, желающим избежать иллюзий в данном вопросе, книгу: Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М.: МГУ, 1996.

стве Северной Евразии аналог американской доктрины Монро, предполагающей создание локальной международной системы, резистентной к внешнему вмешательству.

(С этим можно было бы согласиться, если бы не одно «но». Доктрина Монро, как известно, выражается формулой «Америка для американцев». Что соответствует роли американской нации как подлинного суверена страны — роли, сложившейся в ходе Войны за независимость США. Под американцами, американской нацией, при этом понимается именно и только согражданство, независимо от этничности: такова традиция ряда стран, в первую очередь Франции и США.)

Что же касается России, то для нее, во-первых, неорганично и не оправданно исторически такое понимание нации. Для нашей традиции нация — это государствообразующий народ, то есть этнические русские. И «российская доктрина Монро», соответственно, должна бы звучать как «Россия — для русских!», чего мы, однако никогда не слышали на официальном уровне, кроме как из уст Александра III. А во-вторых, ни русские, ни россияне до недавних пор и думать не могли о роли суверена собственной страны, да и сегодня с данной ролью пока не освоились.

Но признаем: Россия действительно существует в мире, никого не спрашивая о законности такого своего существования, и спрашивать впредь не намерена, надеюсь. Тут Ремизов прав.);

— Россия не является государством, берущим исток во французской революции, и не признает верховенства ее принципов. Она является локальной цивилизацией с собственной религиозной идентичностью и собственными культурно-географическими константами.

(Этот третий и опорный пункт ремизовского концепта слабее всех. Он призван как раз пояснить, как и почему Россия является особой цивилизацией,

но не может этого сделать ввиду отсутствия ясных критериев. Ибо если ориентироваться только на религиозную идентичность и какие-то невразумительные «культурно-географические константы», то запросто откроется банальная вещь: что ни страна, то цивилизация — островная Англия со своим англиканством, Германия со своим лютеранством, Франция, стоящая на идеалах эпохи Просвещения, консервативная католическая Италия и т.д. Такое открытие попросту аннулирует сам смысл определения «государствоцивилизация» ввиду его универсальности и отсутствия антагониста.)

В сущности, чтобы обосновать свой концепт, Ремизов должен был бы проделать всего два действия:

1) перечислить наличествующие в мире мегацивилизации (иначе придется брать политический микроскоп и признавать цивилизацией каждую локальную культуру). Таковых, на мой взгляд, сегодня наблюдается три: европейская, китайская и мусульманская⁵;

2) пояснить, почему Россия не относится ни к одной из них, а является собой или вовсе отдельную цивилизацию, собственно российскую, наряду с индийской, японской или еврейской и др.

Выполнима ли такая задача, я здесь не сужу. Но ясно, что с этим заданием Ремизов не справился, да, похоже, и не осознал его вовсе.

Критикуя Ремизова, я должен признаться, что сам тоже считаю Россию особой цивилизацией, умеренно самобытной; так сказать, Европой не европейски, глубоко также и азиатской по духу, хотя и не познавшей себя до конца и так до сих пор и не самоидентифицировавшейся. Но речь сейчас не обо мне и моих культурологических штудиях, а о том, что Ремизов не сумел обосновать свой концепт. А сумел только пролить дозу елеса на серда-

⁵ Подробнее см.: *Севастьянов Александр*. Битва цивилизаций: секрет победы. М.: Книжный мир, 2013.

ца наших пастырей, светского и духовного.

Бог ему судья за это, а не мы. Ведь перед нами лишь типичное для всей спекулятивной философии заблуждение: ставка на идеократию («смыслократию» в терминах нового поколения идеократов). Ремизов честно признается, что видит российское «государство-цивилизацию» не как данность, а пока что еще лишь как проект, главная задача которого «состоит именно в том, чтобы дать российской цивилизации ту систему эталонов, через которые она могла бы себя опознавать и воспроизводить» (с. 61). В этом завете со всей выпуклостью видна разница между спекулятивной философией, полагающей возможным раздавать эталоны с амвона, — и наукой, стремящейся эти эталоны открыть в жизни. Что поделаться: у философа нет другого товара, кроме идей. Вот он и пытается ими торговать, понятно.

В завершение — забавная проговорка, которой порадовал нас эксперт ИНС Юрий Коринец, который в статье «Между “старым государством” и “новой империей”» поддерживает предложенное Ремизовым название «государство-цивилизация» в противовес классическому «государство-нация». Оказывается, ремизовский термин понадобился, поскольку-де «слово “рейх” не свободно от позорного пятна», а «слово “империя” вызывает ненужную напряженность» (с. 118). Таким образом, истинное содержание этой новации оказывается вовсе не ново: это Империя (привет Проханову!). И оно лишь прикрывается «прилично» звучащей формулой.

Не уверен, что Ремизов (а тем более президент Путин и патриарх Кирилл) благословил бы подобное простое разъяснение-разоблачение... Но беда не в этом, а в том, что Коринец явно путает исторические указатели «вперед» и «назад». Уже в самом названии его статьи ход истории произвольно запущен автором строго в противоход ре-

альному. Ведь мы движемся, несомненно, через явно уже провалившуюся попытку создания новой империи — к старому, то есть национальному русскому, государству. И чем скорее это движение станет осознанным, тем болезненнее и успешнее оно пройдет.

И вот здесь, наконец, пришло время дать итоговую оценку конституционному проекту, вышедшему из стен ИНС имени Белковского.

Дело в том, что авторы данного проекта Конституции старательно обошли в своем проекте русский вопрос вообще, переведя разговор в плоскость «российской нации». На мой взгляд — это большая политическая и даже научная ошибка, непростительный анахронизм.

Идеологическая песнь, озвученная ИНС, оказалась исполнена в жанре «старое молчание о главном». А это значит, что будущего данный проект, повернутый в невозвратное прошлое, не имеет.

2. Проект группы С.С. Сулакшина

Не успел я проанализировать накопившиеся у меня проекты новой российской конституции, как печатный стан выдал в жизнь еще один таковой. На нем стоит копирайт лично С.С. Сулакшина⁶, а в выходных данных перечислено 24 фамилии трудившихся над ним. Есть ли среди авторов юристы и сколько их — неизвестно, как неизвестно и вообще, кто эти люди и в чем их вклад в проект.

Данный проект, по моим сведениям, намерено поднять на щит Национально-освободительное дви-

⁶ Конституция России (проект). Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2013. Как гласит Википедия, Степан Степанович Сулакшин (р. 1954, Томск) — российский политический деятель, генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии (Центра Сулакшина); доктор физико-математических, доктор политических наук, профессор.

жение депутата Евгения Федорова, имеющее цель преобразования в партию. Сильный ход: не всякая партия может предъявить публике готовый проект будущего государства, за воплощение которого она борется. А ведь это получше всяких партийных программ!

Итак, в чем же особенности этого проекта?

2.1. Основная особенность — полная юридическая беспомощность, дилетантизм и идеализм в самом худшем и отъявленном виде. Все это проявляется уже на первых страницах.

Преамбула предъявляет нам в качестве суверена — некую химеру, аналог «многонационального народа России», украшающего нашу действующую конституцию. И соперничающую с ним в нелепости: «Мы, русский народ и все братские (!) российские народы, соединившиеся в трудах, преодолениях и великих победах в ходе своей общей многовековой истории в единый Народ России...»

Перед нами очередная забавная попытка соединить несоединимое: показной пиетет перед реальной нацией России — государствообразующим русским народом, с одной стороны, и стремление подsunуть властям любимую игрушку — «российскую нацию», с другой стороны⁷. Упомянув в первых словах русский народ, в дальнейшем авторы норовят каким-то хитрым манером извернуться, чтобы вообразить невообразимое: «единый Народ России» (он же, как все понимают, «российская нация»). Как им хочется придумать то, чего нет, не будет и быть не

может! Неужели злосчастный опыт «советского народа», развалившегося, как карточный домик, ничему не научил?! Неужели даже жуткий пример Украины не заставил понять, что население, пусть и связанное согражданством, — это еще не народ, не нация?!

Такой подход уязвим во многих отношениях.

Во-первых, неправильно ставить на одну доску и наделять в равной мере суверенитетом единственный государствообразующий народ (русских) и народы, таковыми не являющиеся. Напомню, что проект русских националистов 1998 г. нашел другую формулировку: «Мы, русский народ и все граждане России», которая гораздо точнее выражает истинное положение вещей, предоставляя суверенитет каждому гражданину страны персонально, но при этом выделяя в качестве суверена лишь один народ, тот самый, которому данный суверенитет и принадлежит по праву, исторически и фактически.

Во-вторых, преамбула авансом награждает все народы России титулом «братских», что не может вызвать ничего, кроме мрачных воспоминаний о мираже «братских народов СССР» и горькой ухмылки по поводу современной России. «Пусть отрежут лгуну его гнусный язык!» — как писал в подобном случае Булгаков. Даже самый поверхностный взгляд мгновенно обнаруживает такие народы, назвать которые братскими может лишь лгун либо полный дилетант в этнополитике: ингуши и осетины, осетины и грузины, балкарцы и кабардинцы, черкесы и карачаевцы, якуты и эвены, башкиры и татары, армяне и азербайджанцы, чеченцы и русские, наконец, и т.д.

В-третьих, авторы не сочли нужным ввести словечко «коренные» в свою формулу, сделав тем самым все национальные меньшинства (мигрантов и беженцев в том числе) такими же участниками суверенитета России, как и ее коренные народы. Вот уж одолжили!

⁷ Сравним с точно такой же, по сути, формулировкой предшествующего проекта, рассмотренного выше: «Российская нация есть единство русского народа и других коренных народов России, открытое для всех людей, верных России». Поистине, стремление «угадать и угодить» начальнику — неистребимо у нас!

В-четвертых, не успев продекларировать некий единый «Народ России», они тут же и подорвали этот фантом заверением «...уважая каждый народ, живущий в России». Авторы впали в то же принципиальное противоречие, что и советская власть, которая, с одной стороны, насаждала концепт единого «советского народа», а с другой — делала все для воссоздания национальных элит, национальных культур и национального самосознания всех народов. Что закономерно кончилось конфузным крушением «советского народа» и распадом СССР на национальные государства.

Кстати, парой страниц ниже понятие «Народ России» расшифровывается как «сообщество граждан России»: опять нам всучивают французско-американскую модель «нация как согражданство», чего и следовало ожидать.

«Советский народ», «российская нация», «единый Народ России» — сколько надо еще идиотских экспериментов, чтобы перестать, наконец, делать из нашей страны плавильный котел по рецепту США?! Ну не годится этот рецепт для нашей страны! Другие мы!

2.2. Дилетантизм и идеализм продолжают с первого же раздела «Ценностные основы конституционного устройства России». В нем есть ст. 2 «Основные конституционные понятия», где мы встречаем 26 объяснений различным понятиям, которыми оперирует проект. В том числе: высшие ценности России, государственная идеология, долг, жизнеспособность, Народ России, обязанность, ответственность человека, подрыв высших ценностей России, русская (российская) цивилизационная идентичность, цели России, человеческий потенциал. Экзотично, не правда ли? Впечатление такое, что собрались старшеклассники-мечтатели, этикие «русские мальчики» Достоевско-

го — и ну выдумывать, как бы лучше осчастливить человечество...

Это впечатление усиливается, когда мы бросаем взор на некоторые конкретные определения, следующие ниже:

— «Русская (российская) цивилизационная идентичность — обеспечивающая максимальную жизнеспособность России самобытность обустройства ее территории и всех сфер жизни населения, устройства государственной власти и управления, выработанная на основе ее исторического опыта».

(Приравнивание русской идентичности к российской не имеет под собой оснований и легко разрушается даже на одном примере религиозной принадлежности: вряд ли кто согласится, что православие есть примета, отличительная черта всех россиян. И так будет в каждом случае, когда мы столкнемся с подменой этничности — согражданством. Далеко не все константы этноса являются таковыми для согражданства, и наоборот. Кроме того, заявив о «самобытности» нашего обустройства, неплохо бы определить, в чем она состоит, иначе заявление останется голословным.);

— «Цели России — желаемые качества и состояния предметов деятельности государственных органов, общества и человека, вытекающие из высших ценностей России».

(Ох уж эти идеократы-смыслократы! Лишь бы новое какое прокрустово ложе сочинить для «органов, общества и человека»! Какой безнадежной схоластикой веет от подобных умопостроений!)

С одной стороны, вроде бы и неплохо, что впервые после крушения СССР предполагается обретение Россией некоей идеологии, неких высших ценностей. С другой стороны, мне лично ясно, что основной закон России не может ни то, ни другое устанавливать директивным путем. Что до высших ценностей — это компетенция церквей, что до идеологии — это компетенция

партий. А уж какой из них главенствовать в России, это должны решать избиратели путем голосования. Попытка же всех загнать в единомыслие с помощью полицейской дубинки (любой закон всегда может сыграть ее роль), во-первых, неосуществима в принципе, во-вторых — по большому счету бесчеловечна, противоправна, противоречит основным международно признанным принципам и договоренностям в области прав человека и гражданина и вызовет возмущение наиболее мыслящей и совестливой части общества.

Сказанное легко подтвердить на примере того перечня высших ценностей, который заложен в проекте Сулакшина. Законом утвержденный «перечень высших ценностей» — нонсенс уже сам по себе, а между тем ст. 6 проекта так прямо и называется — «Высшие ценности России».

Первое, что бросается в глаза: среди этих ценностей мы не найдем русского народа, его там нету и следа. Вместе с тем «Абсолютной высшей ценностью является существование самой России — Родины Народа России» (2.6.3). Грамотному человеку сразу становится ясно: перед нами — типичное кредо патриота, так и не продвинувшегося к национализму. Для него государство — все, а нация, государствообразующий народ — дело десятое (в данном конкретном случае — вообще ничто). И дальше следует типичнейший набор патриотических банальностей, набивших оскомину еще в прошлом веке:

«Высшими ценностями России являются:

а) единство, неделимость, территориальная целостность и государственный суверенитет России (потерявши голову, готовы плакать по волосам: утратив жизненно необходимые нам территории, будем до последнего цепляться за те, с которыми живем, как в обнимку с осиным ульем. — А.С.);

б) ответственность России за судьбы мира и человечества (еще чего не хватало! Снова будем предлагать миру пра-

вославие и коммунизм, лезть в учителя человечества? Да уж после пережитых афронтов нам бы посидеть скромненько в своем уголке земшара да наладить какое-нибудь передовое хозяйство, показать, на что способны. А то ведь, кроме срама, из этой затеи не выйдет ничего. Как обрыдло это традиционное отвратительное самомнение! Нашлись «благодетели рода людского»! — А.С.);

в) всеобщее благо, общественное благо, благо всех законных социальных групп и благо каждого человека в их гармоничном сочетании;

г) забота всех и каждого о сохранении и умножении достояния Народа России...»

И так далее, вплоть аж до литеры «ч», включая «русскую (российскую) цивилизационную идентичность» (выше уже говорилось, что возможно лишь что-то одно на выбор), «сочетание традиционности и прогресса», «социальную справедливость», «альтруизм и сопереживание», «идейно-духовную мировоззренческую мотивированность человека и общества, устремленность к идеалу» и прочее в том же духе.

Сил нет продолжать, душат смех и слезы... Где, в каком инкубаторе выросли эти замечательные прекраснотушные люди, исполненные благих помышлений? Явно не на нашей грешной Земле. Кто, какой сатана внушил этим полусвятым исусикам мысль, что они могут заниматься законотворчеством? Все, что им по силам, — это написать устав какой-нибудь тихой обители, где собралась бы сотня-другая таких же далеких от мира и прекрасных душ...

Но наши прекрасные души норвят еще и зубы показать! Они полны серье-за! «Государство, — пишут они, — в соответствии с законодательством России пресекает фальсификацию истории России» (как будто есть в природе стопроцентно нефальсифицированный вариант). При этом немедленно впадают в очередное противоречие.

«Никакая идеология не может насаждаться насильственно», — утверждают они (2.8.3), но тут же грозят: «Запрещается деятельность граждан России и их объединений, юридических лиц, временно или постоянно проживающих и временно пребывающих на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства, иностранных юридических лиц, действующих на территории России, направленная на подрыв высших ценностей России» (2.9.1). Воображаю себе, какая вакханалия доносительства поднимется у нас немедленно после принятия такого основного закона, при наличии 23 официальных высших ценностей! Пресловутый «тридцать седьмой» покажется детсадовскими играми.

Лишнее доказательство того, что прекраснотушных утопистов на пушечный выстрел нельзя подпускать к политике...

Еще одним прелестным образцом юридического недомыслия служит статья 14 «Русская (российская) цивилизационная идентичность», которая содержит аж целых три пункта, ни в одном из которых, однако, не формулируется, в чем, собственно, эта идентичность состоит. А поскольку в вышеприведенном глоссарии это понятие раскрыто предельно неуклюже и неясно, то статья эта явно «мертвая».

Так же обстоит дело и со ст. 16 «Самодостаточность России», где нет ни слова о том, что же это, собственно, такое. И т.д. на каждом шагу.

Шокирующее впечатление произвела на меня как на опытного правозащитника глава 5 «Права и обязанности человека и гражданина в России». В которой содержатся такие статьи (вдумайтесь в названия): ст. 20 «Права и свободы человека»; ст. 21 «Долг и обязанность человека»; ст. 22 «Права и свободы гражданина»; ст. 23 «Долг и обязанности гражданина»... и еще отдельно ст. 27 «Свобода человека». Само собой разумеется, в законотворческом раже составители и не подума-

ли обратиться к всемирно признанным международным нормативам⁸, предпочтя заново выдумывать велосипед, наступать на грабли и ломиться в открытые двери. Смело вторгаясь в область морали, смысла жизни и целеполагания, вступая по этим поводам в конкуренцию со всеми действующими в России конфессиями, они создали весьма экзотический документ, к которому я и отсылаю любознательного читателя, чтобы не загромождать статью яркими несбыточными подробностями. Отмечу только, что тщательное распределение прав, свобод, долгов и обязанностей между человеком и гражданином тут же оказывается лишенным всякого смысла согласно п. 1 ст. 24: «Все равны перед законом и обладают на территории России всеми правами и свободами, исполняют равные обязанности и несут равную ответственность». Ну есть ли еще на свете такие мастера толочь воду в ступе?!

Из важных несообразностей со здравым смыслом надо отметить приобретение гражданства «...либо по другим основаниям» (каким?!).

Но पुще всего меня потрясла статья 119 со странным названием «Территориальная справедливость», которая провозглашает: «Государство обеспечивает каждому (!) человеку вне зависимости от места его проживания равные права по удовлетворению своих потребностей и равные возможности для осуществления своих прав и свобод».

Нелепое название статьи никак не объясняет, почему у граждан и неграждан, коренных и пришлых должны быть равные права и возможности. Похоже, здесь мы сталкиваемся с чисто либералистической отрывочной идеей об абсолютном приоритете прав человека — абстрактных прав

⁸ Например: Всеобщая декларация прав человека; Международный пакт о гражданских и политических правах; Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

абстрактного человека. То есть как раз с тем, с чем борется национально-патриотическое движение в России. В то время как в национальном государстве о равенстве прав граждан и неграждан не может быть и речи и никто, конечно же, не предложит равные возможности коренным жителям — и мигрантам.

Вместе с тем в проекте есть и тавтологические статьи, в частности ст. 50 «Гарантии прав коренных малочисленных народов», в которой «государство гарантирует защиту прав коренных малочисленных народов и лиц, относящихся к таким народам». После того как полное равноправие всех и каждого было уже манифестировано, подобное предоставление особых гарантий одной из групп населения является грубым нарушением равноправия, это слишком понятно...

2.3. Итак, ясно: группа лиц не от мира сего вознамерилась дать нам, русским и нерусским гражданам России, единый основной закон, ровно ничего при этом не понимая в цивилистике. В этой связи особый интерес, конечно же, у меня вызвал целый раздел проекта под названием «Народ России».

Тщетно я искал в этом разделе хотя бы тень понимания проблем, прав и интересов государствообразующего русского народа. Они не нашли отражения в законопроекте (как и в ныне действующей конституции). Центральное внимание законодателей было отдано таким статьям как «Народовластие», «Референдум», «Палата высших ценностей России»... Оная палата, цитирую: «а) по собственной инициативе и по запросам федеральных государственных органов дает заключение об оценке соответствия деятельности федеральных государственных органов высшим ценностям России; б) по жалобам граждан и по собственной инициативе проверяет на соответствие высшим ценностям России положения федеральных законов и обыкнове-

ний правоприменительной практики» (утопия в квадрате, чистый бедлам, как понимает читатель). И т.п.

Мало того: как уже говорилось выше, «Народ России един и формируется на основе русского народа и всех братских российских народов» (2.7.1). Читаешь эти прекрасные слова и не знаешь — плакать или смеяться. Где живут взрослые люди, написавшие подобный бред? На Земле или на Луне? Но уж явно не в России, где любой объективный наблюдатель видит, что никаких шансов создать нечто единое на основе русских и, к примеру, дагестанцев, чеченцев и ингушей — нет и не предвидится, и что с каждым годом различия между этносами играют все возрастающую роль.

Но есть и глава 8 «Русский (российский) мир», содержащая ст. 51 («Представители русского (российского) мира» и ст. 52 «Политика России в отношении Русского (российского) мира за рубежом». Как уже говорилось, принципиальное неразличение «русского» и «российского», отождествление этих понятий — прямо указывает на дефективность подхода законодателей, их непонимание фундаментальных основ нашей жизни. Характерно, что, стремясь представить «Народ России» как нечто единое, авторы умственно споткнулись, конечно же, о наличие разных вер, но попытались преодолеть этот водораздел, приписав «Народу России»... «единое отношение к свободе вероисповедания!» Увы, массовые поджоги мусульманами православных храмов в Татарстане, как и массовые протесты против строительства мечетей в русских областях, говорят совсем о другом.

В принципе, главы о «русском мире» имеют правильную направленность на поддержание связей и защиту тех лиц, кто происхождением или самоидентификацией связаны с русской цивилизацией. Но и тут авторы не избежали наивного утопизма: «Представители Русского (российского) мира обязаны

вести себя достойно (?!) и уважительно относиться к Народу России, истории, культуре и традициям России, не создавать своими действиями угроз безопасности России» (2.8.2) и т.п. Хотелось бы знать, удосужится ли «представитель Русского мира», имеющий, скажем, английское гражданство и работающий в голландской фирме, хотя бы заглянуть в текст конституции, любовно отшлифованной сулакшинской группой фантазеров, романтиков и идеалистов? Ну а нам, русским в России, и читать ее незачем: она ничего хорошего нам не сулит, никаких наших проблем не решает.

Жанр «старое молчание о главном», как и в случае с проектом ИНС, одержал зримый триумф. А это значит, что будущего не имеет и данный проект.

2.4. Игнорируя русских с их проблемами, не считая нужным привлечь их на свою сторону, группа Сулакшина пытается компенсировать это обещанием социальной справедливости для всех. Глава II так и называется: «Социальная справедливость». Как ни странно, однако в глоссарии — перечне основных понятий данного документа — такое понятие отсутствует. Никак не разъяснено оно и в указанной главе: что такое социальная справедливость, нам авторы не говорят. Очевидно, сами не знают.

Между тем социальная справедливость — понятие очень конкретное: сугубо классовое и национальное, оно не существует как единая для всех абстракция. Разные классы и сословия, разные этноконфессиональные группы понимают социальную справедливость очень по-разному, вплоть до антагонизма.

К примеру, рабоче-крестьянское понимание справедливости носит уравнительный характер, по принципу «всем — поровну». Когда булгаковский Шариков провозглашает: «А что тут думать? Взять все — и поделить!», смеяться здесь не над чем. Именно так

видит суть дела простой народ, именно так интерпретирует свойственную ему идею о всечеловеческом равенстве.

Подтвержу это примером из истории. Есть потрясающий документ, рожденный Февральской революцией 1917 г., — «Примерный наказ», составленный на основе 242 сельских и волостных наказов 1-му Всероссийскому съезду Советов крестьянских депутатов в мае этого года. Итоговое требование крестьян выглядело так: «Вся земля... отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней... Право пользования землею получают все граждане... Землепользование должно быть уравнительным, т.е. земля распределяется между трудящимися... по трудовой или потребительной норме...»⁹. Вот вам шариковщина в чистом виде — и в статистически значимом классовом выражении.

Совсем по-другому смотрят на вещи интеллигенты и предприниматели, вообще представители верхних классов, для которых мысль о всечеловеческом равенстве, несовместимая с их жизненным опытом, представляется ложной и в принципе неприемлемой. Для них понимание справедливости уместается в формулу «каждому — свое».

Эти две формулы не усреднить, не слить, не примирить. То, что сочтут справедливостью одни, другие ощутят как ее поправление. И т.д. Компромисс невозможен.

Наши авторы, конечно, даже не задумывались на этот счет. Надеясь примирить и объединить «Народ России», они лишь подбрасывают ему яблоко раздора.

2.5. Столь же прекрасноразумно и беспомощно выглядит ст. 128 «Россия — нравственное государство». Не говоря уж о многом прочем, непонятно, как этот императив будет соче-

⁹ Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 2001. С. 143.

таться с капиталистическим способом производства, который авторы не отвергают, но который огромное большинство людей связывает с безнравственностью (Прудон: всякая собственность — кража).

Между тем авторы допускают предпринимательскую деятельность и частную собственность (ст. 105 п. 2, 6, 7), в том числе на «природные ресурсы, не относящиеся к жизненно важным» (ст. 108) и даже на землю (ст. 109). Понятно, что такой, скажем, апостол морали, как Лев Толстой, уже на основании последнего заклеил бы сулакшинскую Россию именно как безнравственное государство. Да и марксисты бы все под этим подписались.

Любопытная коллизия возникает с природными ресурсами. К жизненно важным авторы отнесли «водные, воздушные и лесные ресурсы, недра и полезные ископаемые, за исключением общераспространенных» (с. 107). Они не уточнили, что нужно считать общераспространенным. Хотелось бы знать в этом связи, в какую категорию попадают металлы, уголь, газ, нефть... Авторы умолчали об этом, потому что сами не знают ответа, или потому, что не захотели прояснить?

Вообще глава 29 («Природные ресурсы России») содержит в себе вопиющее и непримиримое противоречие. С одной стороны, ст. 120 провозглашает: «Земля, ее недра, воды, леса и иные природные ресурсы в пределах территории России являются достоянием Народа России и используются в общественно значимых целях». Бросается в глаза, что статья обходит молчанием вопрос о собственности на ресурсы. Что немаловажно, поскольку следующая статья начинается с пункта: «Государство осуществляет научно обоснованное, рациональное и рачительное использование земли и ее недр...» Позвольте, а кто будет пользоваться этими наработками? Государство у Сулакшина — на службе частных лиц? Видимо да, поскольку далее

говорится: «Юридические лица обязаны рачительно и рационально использовать природные ресурсы. Государство поощряет развитие ресурсосберегающих и не загрязняющих окружающую среду технологий... Федеральным законом могут быть наложены обременения на частную собственность в виде требований по использованию наиболее экономичных и не загрязняющих окружающую среду технологий...» А на госсобственность не могут быть наложены такие требования? Или госсобственность вовсе не предусмотрена проектом?!

2.6. Но вся эта вопиющая несостоятельность, однако, блекнет перед ст. 123 («Мировая ответственность России за природные ресурсы»).

Неудачно уже само название статьи, возлагающее на Россию ответственность за свои — подчеркну, свои! — ресурсы перед всем миром. Казалось бы, наши ресурсы, что хотим с ними, то и делаем. И как хотим. Но появление данной статьи уже исключает такой подход. Мы, оказывается, ответственны за них перед всем миром... По правде говоря, у меня такое впечатление, что именно эту постановку вопроса нам пытаются навязать все постперестроечные годы наши западные «друзья», а мы с разной степени успеха от нее отбодряемся. А тут вдруг сами пошли навстречу Западу...

Текст этой капитулянтской статьи еще усугубил мои сомнения. Он разбит на два пункта. Первый гласит: «Россия осознает мировое значение принадлежащих ей природных ресурсов...». Второй добавляет: «Россия ожидает от соседних и иных иностранных государств ответственного подхода к использованию общих (?!!!) природных ресурсов».

Ешьте меня, мухи с комарами! Видит Бог, это не хозяйский тон! Возникла мысль, не Мадлен ли Олбрайт писала эти строки? В переводе сказанное означает: можете грабить нас, госпо-

да, мы ведь сознаем, что все это как бы не совсем наше, а скорее общее, но только грабьте аккуратней, пожалуйста. Не пролейте, не расплещите... Тьфу! Читать было противно до омерзения. Такого раболепия, смиренного холуйства, «непротivления злу насилем» я никак не ожидал! А ведь этот подход «опущенного» закладывается в основной закон страны! Эту психологию «опущенного» будут преподавать в школах и вузах нашим детям! Кого мы вырастим из них? Народ-слугу при сильных мира сего?!

Понятно, что при желании (!) слова насчет «общих» ресурсов можно истолковать в том смысле, что это-де воздушные или водные массы, перемещающиеся по территории не только нашего, но и сопредельных государств. Но это не единственно возможное прочтение. А потом, кто доказал, что никакие «наши» месторождения полезных ископаемых не имеют — краешком — выхода за пределы наших границ? Вот уже и «общие» ресурсы, по аналогии с воздухом и водой...

Если правда, что проект группы Сулакшина как-то связан с Национально-освободительным движением депутата Евгения Федорова, чьим главным козырем является борьба за суверенитет России и против ее эксплуатации Западом, то такой проект ставит под сомнение искренность политика.

2.7. Нельзя сказать, конечно, что в преисполненном несуразностями, фикциями и фантомами проекте Сулакшина вообще все плохо и ложно.

Мне, например, импонирует идея наделения президента полномочиями председателя правительства.

Проект сохраняет федеративное устройство России (что плохо), но устраняет неравноправие субъектов (что хорошо), упраздняя республиканское устройство некоторых и превращая их в рядовые области («земли»), а нашу кособокую, ассиметричную федерацию республик, краев и обла-

стей — в симметричную и равноправную федерацию земель. Возможно, федеративную пропасть нам придется преодолевать в два прыжка, и такой ход послужит первым из них.

Есть, наверное, и другие крупницы здравого смысла и пользы — не может же быть, чтобы двадцать четыре человека занимались только тем, что пытались перещеголять друг друга по части завиральных новаций!

Но в целом нам предложена новая конституция, преисполненная прекрасных слов, а на поверку — полная нелепица.

О чем говорит ее появление вслед за теми, вполне серьезными, проектами, о которых я рассказал выше?

О том, что ситуация с пересмотром действующей конституции, под воздействием изменившихся исторических условий и их осмысления, вызрела до конца. Общественный запрос на новый основной закон ощутили уже самые широкие круги нашего общества, готовые поставить производство самодеятельных проектов на поток.

Заключение

Мы рассмотрели развитие конституционного творчества на постсоветском пространстве и обнаружили любопытное обстоятельство. Повсеместно создание новых, по сравнению с советской, конституций отразило процесс становления национальных государств на месте всех бывших республик СССР. Повсеместно, кроме... России.

Наша большая страна остается пока что последней из бывших советских республик, где процесс преобразования в национальное государство (государство русских, разумеется) искусственно притормозился. Почему я утверждаю, что искусственно? Да потому что наше, российское право решительно и очень наглядно разошлось с российским же правосознанием, то есть с моральной оценкой действующих законов, основного в том числе.

Пример? Пожалуйста!

Если бы я сегодня публично заявил «Россия — для русских!», мое заявление могло бы повлечь за собой судебное преследование. Но вот в публике, среди окружающих, оно не вызвало бы особого возмущения. Более того, согласно опросам Левада-центра, меня поддержало бы квалифицированное большинство: две трети населения России (66%). Быть может, поддержало бы молча; быть может — без готовности немедленно вооружаться и идти на баррикады. Но — поддержало бы!

Казалось бы, чем мы рискуем, выдвигая такой лозунг? Надо смело провозглашать его и следовать тем путем, каким уже прошли все бывшие наши братские республики Советского Союза.

Однако мы, русские националисты, верные заветам русского великодушия, не провозглашаем, что Россия-де «только для русских». Нет, мы не хотим лишать равноправия лояльные («комплиментарные») к русским коренные народы. Мы лишь хотим вернуть себе нашу естественно-историческую форму самоуправления: Русское национальное государство, без которого мы чувствуем себя незащитными неприкаянными сиротами. Государство, в котором будет главенствовать принцип «все для нации — ничего против нации», а нация будет пониматься как государствообразующий народ.

Поэтому мы уже сейчас можем заверить все коренные народы России, которые помогут нам, русским, в восстановлении нашего суверенитета и государственности, в том, что в Русском национальном государстве они будут пользоваться равными с нами правами. Ну, а те, что будут вставлять нам палки в колеса на нашем нелегком пути, тоже потом свое получат...

Но вернемся к главной теме.

На данном этапе общественный консенсус сложился лишь в одном пункте: ельцинскую Конституцию пора от правлять в утиль. Характерно, что это

требование прозвучало даже со стороны прокремлевского Национально-освободительного движения (НОД), чей конек — борьба за суверенитет России и против ее эксплуатации Западом. Дело в том, что, как недавно официально признал Государственный департамент США, Конституцию РФ 1993 г., как и ряд ключевых законов нашей страны, писали американские советники. Их стараниями в основной закон нашего разгромленного государства были включены статьи 13 п. 2 и 15 п. 4 (отказ российского государства от собственной идеологии и признание приоритета международного права над внутригосударственным). НОД считает, что механизм гарантированного подчинения нашего тысячелетнего государства целям и задачам Запада был коварно запущен этими новациями. Таким образом, и с точки зрения борьбы за освобождение России от иностранной зависимости Конституция подлежит замене.

Но вот на что мы хотим ее поменять? Какое государство хотим получить на смену уходящему полуфабрикату? Тут консенсусом и не пахнет. Попытки спроектировать наше будущее, в виде конституционных проектов, начались, как мы выяснили, почти сразу после крушения СССР, и за последние 22 года их насчитывается не менее пяти. Они заметно разнятся между собой.

Как показал анализ этих конституционных инициатив, в нашем обществе назрело понимание того, что переходный период в развитии России исчерпал себя вместе с конституцией 1993 г. Это во-первых. А во-вторых — обнаружилось, что Россия встала на пороге простого и решительного выбора: следовать ли путем создания новой Российской Империи или же Русского национального государства.

Влиятельные силы общества стоят за тем и другим проектом. За Российскую Империю (в традиционном варианте: за счет русских, но не для

русских) стоит сегодня лично Путин и многочисленные патриоты, в основном старшего поколения, люди сталинско-брежневского советского закала, интернационалисты и великодержавники с оттенком православного консерватизма. За РНГ, как уже было сказано, — две трети населения, все русские националисты как представители восходящего течения, а с ними — молодежь в своем абсолютном большинстве.

Между тем в пользу РНГ, а не Империи все заметнее и весомее высказывается сама жизнь, которая со все возрастающей очевидностью демонстрирует невозвратимость прежней имперской парадигмы. К примеру: после всего, что мы наблюдаем на Украине, найдется ли еще такой идиот, который заявит о необходимости и возможности воссоединения России со всей Украиной, а не только с ее Юго-Востоком, включая Крым, Левобережье и небольшую часть центра?! Хочется верить, что по крайней мере среди ответственных политиков таких идиотов нет. Рано или поздно отпадут иллюзии и насчет Казахстана, русский Север которого тяготеет к России, а остальная часть — к Тюркскому союзу. И в итоге станет понятно, что единственный вариант расширения границ России — это приведение их в соответствие с картой компактного расселения русского этноса, как это показано на нашей карте «Русская Россия». Карте, созданной русскими националистами для демонстрации оптимальных границ РНГ.

Итак, для меня наш конечный выбор кажется предрешенным самой историей. По своей идеологии, по границам и по форме правления России суждено пройти до конца закономерным путем всех советских республик — и стать Русским национальным государством.

Вопрос: может ли национальное государство существовать при этом как

империя? На мой взгляд — да (Британская империя и Третий рейх тому примерами). Но это отдельная тема для разговора, которую сегодня я обойду.

Пока же отмечу, что анализ конституционных проектов обнаружил еще и другие важнейшие водоразделы в подходах к пониманию грядущего России как демократического (в плане прав и свобод) национального государства:

1) кому быть сувереном в этом государстве: русской нации (этнонации, разумеется) или российскому согражданству;

2) быть ли республике президентской (вариант: суперпрезидентской) или парламентской, вписывается ли в обе эти модели партократия;

3) быть ли государству унитарным или федеративным.

Всем, кто хотел бы принять участие в обсуждении проекта нашего будущего государства, я предложил бы уже сегодня задуматься над этими вариантами выбора.

Попутно отмечу парадокс: даже либералы понимают неотвратимость Русского национального государства! Они пытаются навязать нам свой вариант, конечно же, выхолощенный и «обезвреженный». Но хоть какой-то! А патриоты продолжают держаться за империю и навязывают нам именно ее.

Но нам, националистам, не нужно ни то, ни другое.

Нам нужно Русское национальное государство, конституцию которого надо готовить прямо сейчас.

Как показал анализ, за основу следует взять конституционный проект Лиги защиты национального достоинства от 1998 г., усовершенствовав его с учетом всего вышесказанного, дополнив удачными новациями из других проектов и проведя через горнило максимально широкой дискуссии.

И делать это надо не откладывая.

Русский народ ждет.

Мария Семанова-Фомина

ИЗ-ПОД ГЛЫБ СОВЕТИЗМА

К 80-летию сл дня рождения Сергея Семанова

«Напиши обо мне книгу и назови ее — “Мой отец Сергей Семанов”», — неожиданно попросил меня папа за несколько лет до смерти. Признаюсь — мне этого тогда не хотелось. У нас были странные отношения: отец не участвовал в моем воспитании, по крайней мере с четырех моих лет, когда родители расстались. Я прожила всю жизнь в Ленинграде–Петербурге, карьера и новая жизнь отца были связаны с Москвой. Долгие годы нас соединяла только не очень частая переписка.

«Здравствуй, Кискин» — так начинались его письма ко мне, и это было единственное ласковое слово, которое я слышала от своего отца. Его образ был связан прежде всего не с обликом, а с твердым, ясным почерком. Так же отчетливы и тверды, часто даже жестки, были его слова и высказывания. «Откуда ты извлекла эту тряпку из московской помойки?!» — возмущался он в одном письме в ответ на мой робкий вопрос, что он думает о стихах одной московской поэтессы. В наших письмах, видимо, не было ничего личного — только обсуждения каких-то событий и книг. Вся эта переписка длилась с перерывами лет 13–15, до моего 25-летия. И, как я с удивлением узнала, в нулевые годы отец вместе со всем своим архивом отправил ее в отдел рукописей «Ленинки». (И даже со своим характерным смешком потом рассказывал мне, что некий студент-историк написал по сюжетам наших писем учебную работу об образе советской девушки 1980-х годов.)

Но после перестройки и смерти его

родителей, моих дедушки и бабушки, Николая Афанасьевича и Елизаветы Яковлевны (в 1990 и в 1991 годах), моя переписка с отцом прекратилась. Целых восемь лет мы не общались: он не писал, я то уезжала из России, то была погружена в перипетии собственной судьбы. Потом узнала от него самого, какой это был нелегкий период его жизни. Многие сбросили его со счетов, полагая, что Семанов больше не протрезвеет и ничего уже не сделает. Но отец, по его собственным словам, «сумел отодвинуть стакан». Он тяжело переживал крушение страны, очередную смену вех русской истории. Но он сумел, со свойственной ему силой воли и бодростью духа, взять себя в руки. И тут начался последний и самый плодотворный этап его творчества — историка и публициста. Из-под его пера буквально полилась злободневная, острейшая публицистика на самые разные сюжеты нашей «россиянской» действительности. Он заново переосмысливал и наше советское прошлое.

Тут, как говаривал классик, нота бене. Одной из причин расставания моих отца и матери были, как это ни странно прозвучит, идеологические разногласия. Они вместе, с ранней юности, познакомившись на истфаке ЛГУ, шли в своих интересах рука об руку: сначала «оттепель», либеральное шестидесятничество, потом — увлечение Белым движением, самиздатом и тамиздатом, совместное чтение «Одного дня Ивана Денисовича» и всей подпольной лагерной литературы. (Побывавший тогда в их ленин-

градской квартире писатель Андрей Битов воскликнул: «Это какое-то бело-говардейское гнездо!») Но ближе к концу 1960-х, видимо, под влиянием тогдашнего гуру «русского клуба» Петра Палиевского, Сергей Семанов начал проделывать обратный путь: к тому, что позже назовут национал-большевизмом. И если моя мама (ныне известный искусствовед) оставалась стихийной русской националисткой и антисоветчицей, то отец со свойственной ему яростностью убедил себя, что можно русифицировать советскую власть, проникнув в ее высшие эшелоны.

Так началась его московская карьера в качестве заведующего редакцией серии ЖЗЛ и позже — на посту главного редактора журнала «Человек и закон». Она была прервана насильственно, известным теперь письмом Андропова в Политбюро о «русистах». Насколько мне известно, его вызывали в КГБ, много часов допрашивали, потом поместили под домашний арест. Ну и, естественно, на его дальнейшей карьере был поставлен жирный крест. Его, как он сам с улыбкой говорил, «подстрелили на взлёте». Но он никогда не представлялся, как это сейчас многие спекулятивно делают, невинной жертвой тоталитаризма. Незадолго до смерти сказал мне: «А что? Я сам виноват. Гора же не виновата, что губит альпинистов. Они сами на неё лезут. Так вот и я — полез на гору и свалился».

Но тогда Семанов, будучи столь редким в русском движении типом карьерного, «служивого» человека, тяжело это пережил. (Я узнала обо всем это, конечно, позже, от его ленинградских родственников.) Его национал-большевизм от всех этих катаклизмов не испарился, но он, видимо, более трезво взглянул на реальные возможности русских деятелей в СССР. В то же время ему осталась присуща такая черта: на первых порах увлечься, «обольститься» новой вла-

стью, пытаться разглядеть в ней черты патриотического «умного делания», возложить на нее какие-то государственные и даже «русские» надежды. Ему все время казалось, что удастся «из-под глыб» идеологии вычленить, высвободить правду о великой и трагической русской истории и поднять «русский вопрос». Такие надежды были у него и в брежневские, и в горбачевские времена. В то же время он, один из немногих в патриотической оппозиции времен «горбачевизма», не цеплялся за социализм. Хотя понимал, что уничтожение существующих форм государства повлечет за собой и резкое ухудшение жизни русского народа.

Итак, мы встретились в 1998 году, по сути, заново познакомились, ибо жили тогда уже «на планете иной» и сами стали иными, и с тех пор не расставались: наши отношения из редких эпистолярных перешли в частые телефонные, кроме того, я стала навещать его в Москве. Но главное — я читала все его публикации, от монографии о Сталине (которая показалась мне апологетической) до книг об Александре II и Брежневе, публикаций в «Нашем современнике» и «Русском вестнике». Он поражал меня смелостью, тем довольно редким в России гражданским мужеством, когда говорят и пишут, невзирая на «чины» и общественное положение. Мог написать о Ельцине, Гайдаре, Кобзоне или «Ксюхе Собчак» с одинаковой мыслительной и словесной беспощадностью. Брался за самые разные сюжеты, при этом писал просто, ясно, лаконично, всегда с фактами и цифрами. (Он как-то сказал, что текст без цифр и дат ему неинтересен.)

В первой половине нулевых Семанов был на подъеме, бодр, энергичен, ему нравились перемены, казалось, что «прищучат» не только Ходорковского, но и других олигархов, что «Россия вспрынет ото сна», очистится от компрадорской буржуа-

зии. «Полковник все делает правильно», — не раз говаривал отец тогда. Потом у него появилось ощущение наступающего застоя, он смеялся над взаимными награждениями, «брежневизацией» телекартинки. (Впрочем, «ящик», как он говаривал, был ему ненавистен практически всегда.) «Но застой для большого организма полезен» — помню и такую его фразу году этак в 2009-м. Он долго считал Путина способным на разворот РФ к России. Разочарование на сей счет было тогда массовым, но отец долго молчал о своих умозаключениях. Внутренне он оставался национал-большевиком с примесью белогвардейца, если позволено будет сделать такое ненаучное определение.

Тем неожиданнее стал для меня его резкий разворот в последние годы в сторону русского национализма. (Хотя это слово ему не нравилось, он считал его пропагандистски неудачным, «ну, да что теперь поделаешь».) Семанов вошел в редколлегия «Вопросов национализма», написал целый ряд статей, в которых приветствовал новый виток русского движения. Он живо интересовался, как себя ведут публично, как выглядят Егор Холмогоров и Константин Крылов (Интернетом он принципиально пренебрегал, говорил: «Я умру с пишущей машинкой»). Общался с Сергеем Сергеевым и Кириллом Титовым. Я думаю, что его статьи этого периода (в разных изданиях, в том числе и в «Русском вестнике») войдут в историю русского национального движения, как в свое время — статьи Михаила Меньшикова. Это тоже своего рода «письма к русской нации». Вот некоторые из его высказываний последнего периода жизни.

Из статьи «Тюрьма народа» (2011)

«Злобные марксисты-ленинцы и их явные и прикрытые последователи всех оттенков безусловно утверждали, что Россия — “тюрьма народов”,

а также “жандарм Европы” (позже — “империя зла”). Русский народ, стало быть, состоял из тюремных смотрителей и жандармов. Теперь русское государство полуразрушено, русский народ “опустили”.

“Так что же нам делать”, хныкал столет назад безвольный граф Толстой. Ответ очевиден. Для начала надо, что бесспорно, пробудиться, почувствовать себя свободными и вспомнить славную историю своих предков».

Из статьи «Первая русская революция» (2011)

«Как бы то ни было, но революция в России началась. Первая русская. Долго ли, скоро она продлится, но завершится, как заканчивались все революции в мире, — переменой общественно-политического строя, формы собственности и всем вытекающим отсюда. А в какие жизненные перемены это выльется, не может сказать никто...

Омоновские щиты и антирусская истерика казенных репортёров не помогут. И тут надо обратить внимание на новую составляющую начавшейся революции — провозглашение идеи национальной демократии. Русские патриоты-националисты весь прошлый век недооценивали значение общественных и личных свобод для граждан. Уже в смуту 1905 года правые круги считали, что свобода слова и все прочие выгодны лишь разрушителям России. То было опасное заблуждение, но оно сохранилось в русском патриотическом сознании ещё целое столетие. В разгар смуты 1991 года один известный поэт публично призвал: “Сохрани нас, ЦК и Лубянка”. Не сохранили, а главное — не хотели. Но возмущённый народ тоже оставить их не пожелал. Так русские патриоты снова упустили возможность возглавить революцию, истинно народную.

Русская молодёжь ныне вынуждена сама защищаться от кавказских бандитов и азиатских насильников, но

она отлично понимает продажность властей, корыстно заинтересованных в пресловутых “гастарбайтерах”. Осада районной прокуратуры, откуда спокойно только что отпустили убийц, о том свидетельствует...

ОМОН — это лишь инструмент. Важно, в чьих он руках. Простым топором можно создать потрясающий храм в Кижях, а бывает — старуху зарубят. Вот завтра ОМОН может отбить у охранников миллиардера, переправившего деньги за рубеж, или

пойти на разгром тайных игорных и публичных домов... работы для него довольно!

Народная русская революция началась».

До кончины Сергея Семанова оставались считанные месяцы...

По прошествии времени вспоминается только хорошее в личных отношениях и только лучшие мысли.

Сейчас мне уже хочется писать о моем отце Сергее Семанове.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Издательская группа «Скимень»

выпустила в свет книгу:

Хайнрих МАЙЕР.

Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического».

О диалоге отсутствующих

Книга известного немецкого политического философа и директора Фонда Сименса Хайнриха Майера (р. 1953) посвящена реконструкции заочного диалога двух выдающихся политических умов XX в. — Карла Шмитта и Лео Штрауса — об основах политического. Непосредственным поводом для нее послужила публикация в 1927 г. первой редакции «Понятия политического» Карла Шмитта. Внимательно сравнивая три редакции этого основополагающего текста политической мысли XX в., Майер приходит к выводу, что более поздние редакции этого трактата (1932 и 1933 гг.) представляют собой ответ на рецензию Штрауса, опубликованную в 1932 г. Автор также ставит в центр своего исследования вопрос о политической теологии и об отношении к ней Карла Шмитта и Лео Штрауса. Книга предназначена для философов, юристов, политологов, социологов, для всех, кто интересуется политической теорией XX в.

Максим Брусиловский

I. ПОДРОСТКОВЫЙ
КРИЗИС РОСТА В РУССКОМ
НАЦИОНАЛИЗМЕ

Рождённый на Первом Русском марше 4 ноября 2005 года новый русский национализм прошёл период становления на удивление быстро. Насмешки над «маргиналами-одиночками», ранее столь распространённые в «больших СМИ» и в среде экспертов, к началу десятых начали сменяться паническими настроениями — «на первых же действительно свободных выборах националисты возьмут процентов сорок!»

Увы, переоценка возможностей оказалась не лучше недооценки — к началу городских протестов конца 2011-го и всего 2012 года русский национализм подошёл неподготовленным. Массовые акции, имевшие все шансы стать «университетами» подросшего национального движения, таковыми не стали, а наступивший 2013-й принёс усталость и разочарование.

Пора разобраться, что пошло не так.

Адресат неизвестен

В первую очередь отметим аморфность и безадресность националистической доктрины. Попытки апеллировать к «русским вообще», без различия в первую очередь социальных слоёв, большого успеха не имели. Невозможно одновременно уловить в сети национальной пропаганды едва выживающего русского провинциала, находящегося зачастую далеко за порогом бедности; столичного офисного работника, вполне устроенного материально, но не имеющего достаточных

гражданских прав; и метящего в потенциальные олигархи крупного русского предпринимателя. Все они, возможно, готовы были бы поддержать националистов, но каждый на своих условиях и только после чёткого разъяснения — а что ему лично (или его кругу/социальному слою/страте) будет гарантировано в случае победы (как минимум на выборах) их выдвиженцев.

Пренебрежение «классовыми различиями» понятно. С одной стороны, всяческие учения о классах — это удел левых, которые в массе своей интернационалисты, то есть оппоненты. С другой — ещё недостаточно забыты советские спекуляции на тему «классовой борьбы» и прочих марксистских штампов, вполне уместных для века XIX, но смотрящихся уже полным анахронизмом в веке XXI.

За неимением лучшего упор в основном делается на низы. Считается, что обездоленный бедолага как более восприимчив к лозунгам о национальном унижении, так и более решителен в своих действиях — ведь ему чаще всего нечего терять, и он готов принять участие, например, в «народных сходах», становящихся всё более популярными. Мол, «завоюем низы — остальные сами придут».

На практике, однако, вылезает совершенно незапланированные нюансы. Низы плохо поддаются идейному влиянию и чаще всего не рвутся поддерживать на практике идеологические установки. (Например, кампанию «Покупайте у русских!» по бойкоту мигрантских магазинов и забегаловок. «Русские пробежки» аккумулируют десятки людей, но в масштабах современного города это капля в море.) И уж совсем не любят организовываться. Если их что-либо задело, они могут выйти на стихийный митинг, вплоть до

массовых протестных акций с плавным переходом в широкомасштабные беспорядки. Но организовывать массовые акции без внешнего толчка даже структурированная часть нацсообщества всё ещё не научилась. В итоге лидеры националистов чаще занимаются «политическим сёрфингом», пытаются оседлать очередную волну народного гнева, поскольку создать эту волну по собственной инициативе они пока не в состоянии.

Другая особенность — низы редко принимают участие в голосованиях всех уровней. Призывы «Приходи на участок и проголосуй за своих» особого отклика в этой среде не находят. То есть электорально националисты на данный момент значимой силой не являются.

Как следствие, на националистические мероприятия приходит довольно скромное количество представителей среднего класса. То есть вполне обеспеченных и, соответственно, хорошо или даже модно одетых горожан. Они просто не видят значительного количества «себе подобных». При том, что на практике у националистов есть немало тем, способных заинтересовать средний класс. Начиная с безопасности (от личной до безопасности ведения бизнеса — мигранты угрожают тому и другому) и заканчивая классическим «сохранением рабочих мест для коренных жителей» — проникновение диаспор не только в бизнес, но и на значимые чиновничьи места давно стало предметом тревоги.

Таким образом, при потенциальной поддержке и симпатиях миллионов граждан националистические организации и их лидеры имеют крайне малочисленный управляемый состав. Вследствие чего им никак не удаётся добиться симпатий русского верхнего класса. Отечественные Круппы и Бехштейны (за редким исключением) не спешат финансировать националистов, справедливо требуя предъявить им сперва значительные цифры «пе-

хоты», способной выйти на улицу по указке лидеров, или же увесистую долю электората, способного опять же солидарно проголосовать за конкретную партию или лидера.

А без финансовых вливаний не на что нанимать управленцев, занимающихся оргвопросами, структурированием кадров организаций и выстраиванием долгосрочной стратегии развития, что могло бы дать быстрый прирост численности новых активистов и способствовать их слаженному взаимодействию.

Замкнутый круг.

Число лидеров

Несмотря на экспансивный рост популярности идеологии национализма, сами лидеры националистов до сих пор остаются редкими экзотическими персонами в общероссийской политике. И вовсе не потому, что кому-либо из них не хватает политических дарований или харизмы. Просто их слишком мало и они, в отличие от прочих движений, не могут «брать массой».

Для сравнения посмотрим на либеральный сектор. Тут любой интересующийся либеральной идеологией может выбрать себе лидера/наставника/образец для подражания примерно как товар в супермаркете. На общественной арене присутствуют либералы всех возрастов — от молодёжи до древней старушки, есть либералы ещё из советских партийных аксакалов и есть либералы-антисоветчики, много мужчин, но хватает и женщин, вплоть до экзотических «хакамад», достаточно специалистов в разных областях, интеллигентов и бизнесменов. Все они имеют ту или иную долю общественной раскрутки, с соответствующей прессой и публичными мероприятиями. И это при том, что потребителей либеральной идеологии в разы, если не в десятки раз, меньше, чем симпатизирующих националистам.

Разумеется, можно говорить о неравенстве стартовых условий, финан-

совой поддержки, внимания СМИ, но ведь есть ещё и внутренний настрой на определённую стратегию. Либеральный сектор постоянно работает на расширение «ассортимента» лидеров и поддержание уже имеющихся. Тогда как националисты заиклены на нескольких имеющихся лидерах (каждый из которых может по тем или иным причинам не соответствовать запросам некоторой части националистического спектра) и совсем не стремятся возвращать новые кадры.

Как одно из следствий — это даёт уязвимость каждого уже имеющегося лидера националистов (отсюда уголовные дела) и подверженность давлению со стороны властей.

При этом всё ещё полностью отсутствуют известные националистически-неполитики. То есть лидеры общественного мнения в различных областях, открыто называющие себя националистами, но не занимающиеся политической деятельностью.

Чрезвычайно не хватает националисток-женщин. До сих пор не сформировано нечто вроде «Русского женского движения», заявок на роль «красавицы-лидера» за все прошедшие годы так и не поступило.

Политическая инфраструктура

Как в людском, так и в материальном аспекте инфраструктура национального движения болезненно деформирована.

При небольшом количестве лидеров-генералов и море потенциальной «пехоты» почти отсутствует среднеофицерский состав — связующее звено между верхом и низом. От десятников и сотников до командиров отдельных политподразделений, курирующих отдельные направления — от безопасности до юридических служб. (Точнее, юристы есть, но мало, зато нормальная служба безопасности так толком и не создана, несмотря на ряд попыток.) Уже упоминавшихся орговиков и управленцев можно перечислить по паль-

цам. Финансистов нет, как нет и понимания, зачем они вообще нужны. Всё на живую нитку: понадобились деньги — шапка по кругу. Работоспособных фондов, способных заранее собирать и аккумулировать необходимые средства, тоже нет.

Получается, что, с одной стороны, денег катастрофически не хватает, а с другой — желающим помочь русскому национализму *in general* непонятно, к кому обращаться и куда посылать деньги. В лучшем случае можно откликнуться на периодически стихийно возникающие кампании по сбору средств на адвокатов для очередных узников или на выплату штрафов. (Без всякой гарантии, что деньги будут потрачены эффективно.)

Совершенно не развита националистическая «среда обитания». На фоне огромного числа мигрантских кафе и либеральных клубов и ресторанов националисты почти не имеют своих мест для отдыха и встреч. Оттого подготовка большинства и так немногочисленных мероприятий проводится где придётся, вплоть до собраний актива организаций в обычном общепите.

Свой офис или штаб-квартиру мало какая организация националистов может себе позволить, так что о регулярной работе обычно и речи не идёт.

Русский марш как витрина национализма

Для уяснения всех просчётов и недоработок лучше всего посмотреть на главное событие года в национальном движении — Русский марш.

В 2012-м на волне протестов и опасений власти по поводу дальнейшего развития событий удалось «пробить» проведение РМ в самом центре Москвы — от Якиманской набережной прямо до ЦДХ, где и состоялся митинг.

В 2013-м РМ как на резинке утянуло обратно в окраинное Люблино, где он уже проходил с 2009 по 2011 год.

Конечно, сказалось давление властей на оргкомитет РМ. (Лидеров организаций настолько мало, что пересаживать их всех — задача технически не очень сложная, а заменять почти не кем.) Однако ясно, что даже при небольшом проявлении политической воли отстоять Марш в центре было бы возможно. (Напомним, что буквально за неделю до 4 ноября прошёл марш либеральной общественности во главе со всем паноптикумом «болотных вождей» прямо по лучшим центральным бульварам. Либералы нажали — и власть прогнулась.)

Но этой воли не только не оказалось, наоборот некоторые члены оргкомитета восприняли это даже с радостью. Дескать, в Люблино народ попроще, авось кто из местных жителей покинет свою панельку и присоединится к шествию. То есть ради сомнительного увеличения численности на смехотворную тысячу-другую человек было принесено в жертву качество шествия в целом, пропагандистский эффект, внимание СМИ и прочее.

Но главное — это окончательная победа концепции «Русский марш Святого Патрика» — весёлого народного праздничка, субкультурной тусовки «для своих» и развлечения для малоимущих обывателей.

Пускают на РМСП всех. О нормальной охране, защищающей от эксцессов и провокаторов и придающей значительно более серьёзный вид всему мероприятию, и речь не идёт, хотя, казалось бы, кому как не националистам заботиться о порядке! Соответственно, и за дисциплиной на самом шествии следить некому, отсюда разнобой лозунгов, вплоть до совсем дурацких, нелепые кричалки и «соревнования по прыжкам».

Прошли, задор показали, пар выпустили. На митинг остаётся один из двадцати пришедших, да и то — ораторов почти никто не слушает. Это обычная часть ритуала.

Полностью провалена идея сделать из Русского марша политическое мероприятие: демонстрацию протеста и смотр сил.

Поскольку демонстрация предполагает ответы на три вопроса: *кто* демонстрирует, *кому* и *что*?

Кто — это политизированный слой горожан, как господа в галстуках, так и парни в тяжелых ботинках. Им всем найдётся место. Но никак не обыватель из панельной многоэтажки, пусть даже и оставивший горячительное дома. Незачем гнаться за числом (толпы хомячков на Болотной при нулевом эффекте тому пример). Лучше меньше, да сильнее качеством.

Кому? Да уж точно не самим себе, как это до сих пор было принято. Демонстрируют всегда «городу и миру», а в первую очередь — потенциальным группам поддержки. Финансовым, деловым, культурным. Тем, кто может поддержать словом и делом. Много видели в Люблино офисов крупных компаний, редакций солидных СМИ, штаб-квартир тихих, но влиятельных организаций? А ведь именно под их окнами топот тысяч ног обычно приносит политический успех. Именно они должны впечатлиться, запомнить и сделать нужные выводы.

Но все они будут поближе к Якиманке и бульварам, а не к дикому полю городских окраин.

И наконец — что? Силу? Да, но не в виде разового спонтанного взрыва, а управляемую и перманентную силу политической организации. Нужно ясно отдавать отчёт в том, что неконтролируемые выбросы энергии масс (пусть и по самым справедливым и обоснованным поводам), выраженные в силовых акциях, большую часть населения тревожат, а то и пугают. И точно такие же действия, но имеющие вид спланированного мероприятия, скорее всего, найдут поддержку и понимание.

Сумма технологий

Основная угроза для национали-

стов — это замкнуться в своей субкультурной нише и в дальнейшем существовать где-то на уровне байкеров. Со своими знамёнами, символикой и шнурованными сапогами, но без всякого политического влияния.

Опора только на низы и «старые кадры» — в долгосрочной перспективе это провал и бесславное прозябание в политическом «Люблино» на окраине исторического процесса. Только расширение зоны своего влияния, направленное на формирование значительного числа своих представителей на всех уровнях общественной лестницы, может сделать русский национализм флагманом современной российской политической и общественной жизни.

Расширение «линейки лидеров» — насущная необходимость. Особенно это касается «лидеров второго плана», от молодой поросли в столице до регионалов — их требуется на порядки больше. Им нужно давать усиленную поддержку и продвигать вперёд, в том числе знакомить их со СМИ, давать слово на круглых столах, митингах и пр.

То же и с лидерами общественного мнения в неполитических областях. Группа поддержки из артистов, спортсменов и просто профессионалов своего дела нужна не только партии власти для занятия мест в парламенте, но и любому движению, претендующему на авторитет в обществе. Таких людей надо разыскивать и всеми способами привлекать к сотрудничеству.

Своя инфраструктура — основа для выживания русского движения. Горемычное шатание по чужим углам даёт постоянный отток перспективных активистов, которые не могут долго существовать в режиме чрезвычайных усилий. Невозможно постоянно надеяться только на очередной рывок энтузиастов и аскетов — этот начальный этап давно пройден, пришло время налаживать регулярную работу. С соответствующим уровнем удобств.

Ну и, разумеется, Русский марш должен изжить черты субкультурного

ритуала, превратившись в выставочный образец — смотр достижений и побед. В перспективе это марш будущих победителей — только с таким настроением появляются шансы на успех.

II. К ТЕМЕ «НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИЯ»

Рассуждения и мечты о конституции — одна из многовековых забав русского общества, наряду с картами, буриме и севрюжиной с хреном. При этом сам факт неперемennого наличия в нашей жизни этого странного артефакта редко подвергается сомнению. «За царя Константина и жену его Конституцию!» — кричали на Сенатской площади солдаты, злонамеренно подученные декабристами. И концептуально они были в чём-то правы.

К настоящему моменту мы знаем два вида конституций, применяемых на нашей родине. Наиболее частый вариант — это именно «жена» верховного правителя, неважно как называемого — от генсека до президента. Он может пользоваться ею по личной надобности как ему заблагорассудится, не давая никому отчёта — семейное же дело! Вот чем плоха была сталинская конституция? Разве в ней были пункты про ГУЛАГ, пытки и массовые казни? А уж брежневская и вовсе сочинялась как разлюли-малина (если не считать, разумеется, мозолящего глаза пункта о партийном верховенстве). И при этом все понимали, что к действительности все эти писанные благоглупости не имеют ни малейшего отношения.

Второй и более экзотический вариант — это «кондиции». Некий свод ограничений опять же для верховного правителя: «туда не лезь, этих не трогай». Налагаются эти кондиции всегда теми, кто в данный момент сильнее верховной власти, но в силу обстоятельств не могут занять её место напрямую.

Это может быть как внешняя власть (от монголо-татар до «международного сообщества»), так и внутренние деятели, имеющие влияние и силу (от «верховников» до олигархов). Стоит ли удивляться, что кондиции разрываются при первом же изменении силовых векторов, и в первую очередь при укреплении центральной власти?

Таким образом, любая конституция в российских условиях является второстепенным декоративным элементом при первостепенности личности правителя и государственной системы. Сейчас даже нет консенсуса в обществе на тему, нужна ли нам президент-

ская или парламентская республика. «Народные массы» скорее склоняются к первой, как более понятному эрзацу традиционной самодержавной модели (с постоянно мерцающей вдалеке перспективой замены этого эрзаца на «нормальную» монархию). Элиты склонны ко второй, как дающей им большую возможность для независимости (извечная мечта российских элит, в том числе региональных, обособиться от державной длани центральной власти). Вот этот спор сейчас более актуален. А там уж будущий правитель выберет себе «жену»-конституцию по вкусу.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СКИМЕНЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Ярослав Бутаков

ЧТО ОТВЕТАТ ЛЕВЫЕ НА РУССКИЙ ВОПРОС?

ОТ АВТОРА. Марксистский журнал «Альтернативы» положил начало крайне важной и своевременной дискуссии по русскому вопросу. К сожалению, он оказался не способен её поддержать, сохраняя беспристрастие по отношению к различным оттенкам марксистской точки зрения. Автор воспользовался тем, что журнал «Вопросы национализма» проявляет значительно большую терпимость к идейным взглядам оппонентов, нежели некоторые левые к «отклонениям от генеральной линии» в собственной среде, и благодарит редакцию «ВН» за предоставленную возможность публикации¹.

Ни классики марксизма, ни большинство других теоретиков и практиков социалистической революции не игнорировали значения и объективного характера вопросов, связанных с проявлениями национальной идентичности. Успех левых всегда и почти в любой стране (особенно в такой многонациональной, как Россия) трудно представить без адекватного выражения ими национальных аспектов общественного сознания.

Не стану повторять всем известных истин про то, какое высокое значение

¹ Статья Я. Бутакова, отвергнутая «Альтернативами» по идеологическим соображениям, печатается без каких-либо сокращений, хотя со многими утверждениями автора редакция «ВН» категорически не согласна. Надеемся, что данная публикация станет отправной точкой для содержательной дискуссии. — *Ред.*

большевики придавали национальным вопросам и как это помогло им добиться политической победы. Не буду разбираться во множестве определений «нации», данных как марксистами, так и представителями иных течений. Постараюсь основываться прежде всего на фактах, которые могут быть установлены с достаточной надежностью. Хотя теоретический инструментарий здесь тоже потребуется, но я избегаю увязания в дебрях дефиниций. Как говорил персонаж из классического произведения русской фантастики, возвещая научную этику будущего коммунистического человечества: «Мы вернулись к очень древней мудрости... “Противоречивыми словами ты сбиваешь меня с толку. Говори лишь о том, чем я могу достичь Блага!”»²

Признаюсь, автор не рассчитывает на то, что с его доводами и выводами многие сразу согласятся. Извинительно недоверие к мотивам, движущим автором. Еще сравнительно недавно он был известен как человек правых взглядов, хотя и с симпатией к социализму. Но этим сочетанием — национализм с социализмом — разве в нынешней России кого-то удивишь! Давно не считаю себя правым, однако читатель легко может счесть некоторые нынешние суждения автора данью прошлым увлечениям, а то и вовсе идеологической диверсией. Что же, это забота автора — постараться быть как можно более рассудительным и убедительным.

² *Ефремов И.А.* Час Быка. М.: Правда, 1991. С. 410.

Завершу столь длинное отступление личного характера утверждением, вынесенным из собственного опыта: ни одно политическое направление не свободно от ненаучных мифов. Однако если правое мировоззрение только на них и основывается, то лишь в рамках левого мировоззрения можно преодолеть мифологию и утверждать положительное научное знание. Эта рациональная посылка, надеюсь, исчерпывающе объясняет нынешний мировоззренческий выбор автора, который и займется на этих страницах изложением и аргументацией того, что ему представляется положительным знанием по дискутируемому вопросу.

1. Нации и национальное сознание — объективная историческая реальность

С общетеоретических позиций совершенно нечего возразить против основной концепции статьи А.В. Бузгалина³, которую я, если вкратце, воспринимаю так: справедливое решение национальных вопросов невозможно вне справедливого решения вопросов социально-экономических. «Как особый вопрос некоего принижения роли и особенно жесткой эксплуатации именно русских, — пишет указанный автор, — он [русский вопрос] не стоит. Другое дело — и это принципиально важно — что стоит, и очень остро, не только вопрос эксплуатации большинства граждан наших стран со стороны правящих “элит”, но и вопрос подавления национальных экономик, культур, языков, традиций и ценностей различных народов нашей многонациональной Родины со стороны глобального капитала, и, соответственно, вопрос их защиты и развития»⁴. Это, без сомнения, так. Это — одна сторона объективного положения дел.

Однако существует и такой объективный фактор, как массовое общественное сознание, в котором, как известно, объективная реальность может отображаться с разной степенью адекватности. Общественное сознание включает в себя не только рациональную картину мира, но и иррациональные мотивы, всякого рода предрассудки, коллективные мании, фобии и т.д. Всё это в совокупности и составляет «национальное самосознание». И, формулируя политическую повестку любых вопросов, приходится иметь дело не только с реальной социально-экономической ситуацией, но и с той виртуальной реальностью, которая складывается в представлении масс.

Даже если бы левые в наше время обладали всеми информационными мощностями современного государства, то и в этом случае вряд ли они сумели бы за короткое время привить всем сугубо рациональное видение социальной действительности. Как известно, Советскому государству, левому по идеологии и обладавшему полной монополией на информацию, этого не удалось сделать за три поколения. Но в ближайшее время левым не приходится рассчитывать даже на что-то отдаленно похожее — никто им добровольно такой власти в руки не даст. Значит, им придется иметь дело, главным образом, с теми массовыми настроениями, которые формируются помимо их, левых, просветительской и пропагандистской работы и вопреки ей. Что же, не впервой, большевики тоже находились в такой ситуации, однако приспособились к ней и в итоге победили. Я неспроста то и дело напоминаю об отношении большевиков к национальному вопросу и еще не раз это сделаю.

И пусть многое в этих массовых настроениях является буржуазными (а то и более — классово-примитивными) предрассудками и пережитками. Высокотехнологично отстраниться от них и третируют как отсталость — путь к сектантству и самоизоляции (такое с ле-

³ Бузгалин А.В. «Русский вопрос»: марксистский анализ // Альтернативы. 2013. №2 (79). С. 6–18.

⁴ Там же. С. 17.

выми случалось не раз). Терпеливо, без навешивания ярлыков, разъяснять, что к чему — уже гораздо лучше. Тщательно исследовать вопрос и выяснить, какие из массовых настроений на деле являются деструктивными фобиями, какие — нейтральными иллюзиями, а какие отражают объективные процессы *национального развития*, и действовать в соответствии с полученным знанием — наилучший путь из возможных.

Когда в тех или иных городах и весях России (в том числе столичных) большие массы населения вдруг выходят на улицы протестовать не под левыми лозунгами, требуя не повышения зарплат, не снижения тарифов ЖКХ, а выселения нелегальных мигрантов или наказания «убийцы-кавказца», то, казалось бы, самое время критически проанализировать факты и попытаться ответить самим себе на вопросы. Почему под националистическими лозунгами на улицу выходит гораздо больше по-боевому настроенного народа, чем под левыми?⁵ Не упускают ли левые из виду чего-то существенного? Нет ли досадного пробела в их объяснении реальности, в который успешно вторгаются правые со своими примитивными «теориями»?

Вместо этого у многих левых возникает некий «синдром Винни-Пуха». Помните, что было, когда Винни-Пух отправился за медом на воздушном шарике? Точнее, его слова? «Знаешь, Пятачок, мне кажется, что это какие-то неправильные пчелы! И, скорее всего, у них неправильный мед!» Такие левые отгораживаются от тревожащих фактов забором из ярлыков: «погромщики, хулиганы, люмпены, лавочники»⁶ и т.д.

⁵ Галкина Е. Бирюлево и основной вопрос Дракона // Интернет-газета «Рабкор». 29 октября 2013. URL: <http://rabkor.ru/opinion/2013/10/29/birulevo>

⁶ Денисов Д. Дезертирство на полях информационных войн // Интернет-газета «Рабкор». 22 октября 2013. URL: <http://rabkor.ru/opinion/2013/10/22/wars>

и ищут какой-то другой народ, лучше отвечающий их идеальным представлениям о том, за что должен бороться рабочий класс.

Ну что поделать, если среди нашего народа заметнее всего пока «неправильные пчелы»? Ну нету у нас другого народа! Придется работать с ним, каким бы неприятным он ни казался, сколь бы далек он ни был от светлых идеалов пролетарского интернационализма. Думаете, большевикам сто лет назад было легче? Вряд ли, скорее наоборот. Также вряд ли удастся заменить этот народ на какой-то другой. Мечтать об этом можно сколько угодно, и даже можно попытаться это сделать. Но ведь нет никаких оснований полагать, будто импортированные рабочие окажутся более восприимчивыми к социалистической пропаганде, чем коренные российские.

Непродуктивно и пытаться заменить исторически сложившиеся формы национальной идентичности на некие искусственные конструкты. В либеральной среде давно в ходу утверждение о том, что русских как единого народа не существует. Это утверждение повторяется на все лады.

Вот, например, одно из недавних высказываний такого рода: «Я бы, скорее, говорил о русских народах. Сама русскость сегодня настолько выхолощена — я не уверен, что русский народ вообще существует, что это действительно народ, а не искусственно сконструированная нация. В последние века воцарился механистический взгляд на человека, словно он некий автомат: у него есть потребности, они порождают определенный спрос, который надо удовлетворять... Все поведение такого человека — набор определенных реакций. Винтик в сложной машине. С опорой на эти взгляды создавались нации, экономики, социальные теории, а народы со своим этническим сознанием спрятаны где-то внутри этих конструктов. Но они могут быть актуализированы. И тогда я не берусь утверждать,

сколько будет русских народов, сколько самобытных языков»⁷.

Ниже я еще покажу, каким образом цитируемый автор опровергает сам себя своим высказыванием (если кто сразу не увидел), а пока о другом. Если общее самовыражение национальности «русские» будет каким-то образом замещено на несколько самовыражений, скажем, регионального характера, то как это сможет подвинуть нас к социализму? Очевидно, что такая замена лежит совершенно в стороне от задач общественного прогресса, а в какой-то степени и подменяет их.

Или кто-то из читателей верит, что русская национальная идентичность уже сама по себе есть препятствие на пути свободы и социализма? Тогда скажу, что этим «товарищам» по пути с Гитлером и ему подобными «социалистами». И то же самое, если они относят это вообще хоть к одному какому-то народу на Земле и склонны делить национальности на «прогрессивные» и «реакционные»...

Сам автор не склонен манифестировать свою этническую принадлежность к русским. Во всяком случае, пока русский язык в этом государстве остается государственным. А кроме языка — что еще связывает человека в современном мегаполисе с этносом предков?

У кого-то — другая ситуация. Этнос — это, вообще-то, племя по-русски, и предполагает наличие политических функций у традиционных структур — семьи, рода, клана. Да еще обязательные религиозные ритуалы. Ведь одного лишь различия в культовых обрядах бывало достаточно, чтобы положить начало новым этносам.

Отсюда и нестыковки в поведении этнических групп современного общества. У одних этнос — это еще живая традиция и структура племени, у дру-

гих — уже давно только язык и история. Все находятся на пути от первого ко второму, просто на разных этапах, которые современная действительность физически сблизила и столкнула, вот и возникают многие напряженности в межнациональной сфере.

Для современного индивидуума, не отягощенного традиционными этническими структурами и стереотипами, этническая самоидентификация становится неактуальной, превращается в дело свободного выбора, даже забавы. Он может, например, с группой увлеченных единомышленников заняться конструированием какого-нибудь искусственного этноса и присущей ему субкультуры — варягов, скажем, или вятичей, или даже эльфов с гномами. Это, конечно, на время, пока ему не надоест это занятие, точнее — пока заботы о хлебе насущном в обостряющейся борьбе за существование при капитализме не отвлекут его навсегда от приятного хобби. Но в любом случае этничность, если его родной язык не подвергается стеснениям в быту, для него не принципиальна. Его национальное самовыражение может выйти на другой уровень. Более важной для него становится гражданская идентичность. Особенно, если он часто выезжает за рубеж, где во всех анкетах в графе «Nationality» он должен указывать не лингвистическую, а государственную принадлежность, одинаковую для всех в его стране: «Russian Federation».

Для автора, как подобного индивидуума, отождествление себя с россиянином является гораздо более актуальным, чем отождествление себя с русским. Ему лично близка идеология тех, кто пропагандирует общероссийскую, надэтническую национальную идентичность как основу гражданственности⁸. Однако автор сознает, что это личное,

⁷ Трофимов-Трофимов В. Правила могут поменяться: Проектное государство // Россия для всех. 27 октября 2013. URL: <http://russiaforall.livejournal.com/72462.html>

⁸ <http://russiaforall.ru/events/press-konferentsiya-sozdanie-novoy-politicheskoy-sily-vystupayushchey-za-formirovanie-edinoy-natsii/>

субъективное мироощущение нельзя механически перенести на коллективное, общественное. И если пытаться строить политическую деятельность на искусственном преодолении сложившихся национальных идентичностей, а не на использовании их состояния и процессов их эволюции, то к успеху такая деятельность не приведет. Она не выйдет за пределы маргинальной тусовки.

2. Ошибочно подменять национальные вопросы социальными

Здесь сразу должен выразить свое отношение к одному, на мой взгляд, распространенному и опасному заблуждению. Да, конечно, справедливо решить национальные вопросы нельзя, не решив социальные. Но это вовсе не означает, что решение социальных вопросов будет автоматическим решением вопросов национальных, что последние будто вообще не требуют отдельной проработки и отдельного решения. Еще раз напоминаю в связи с этим про успешный революционный опыт большевиков.

Есть и другой опыт большевиков, точнее — их наследников, коммунистов монопольно правящей партии. Опыт негативный и настораживающий. Он показывает, что при отсутствии острых социальных противоречий несправедливость в национальных вопросах воспринимается ничуть не менее остро, чем в классово-антагонистическом обществе. Скорее, даже более, так как в этом случае на них фокусируется значительно больше внимания. Ну, а откуда берется национальная несправедливость в государстве, строящем социализм? Полагаю, что именно из-за невозможности (по крайней мере, ограниченной возможности) для чисто экономической эксплуатации в таком государстве начинают особенно охотно использоваться сугубо административные рычаги для всякого рода этнического протекционизма и потакания

этническим фобиям и предрассудкам. Это неизбежно, если провозглашается, будто «национальный вопрос у нас давно решен» только потому-де, что «социализм у нас в основном построен».

Представляется, что надежды отбояриться от постановки и решения чисто национальных вопросов до следующей победы социализма, после чего эти вопросы якобы отпадут сами собой, таят в себе опаснейшие иллюзии. Тот же самый негативный опыт СССР убедительно свидетельствует, что на любой известной нам стадии социализма эти нерешенные национальные вопросы способны стать мощнейшим стимулом социальной и политической реакции и в очередной раз сокрушить дело социализма.

Поэтому я выдвигаю иной принцип: справедливое решение национальных вопросов есть необходимая предварительная предпосылка решения задач социалистической революции. И это, кстати, опять-таки, кажется, прекрасно осознавали большевики в революционный период. Оно и понятно: нация — категория буржуазная по определению. Буржуазно-демократическая революция логически неизбежно предшествует революции социалистической (хотя во времени может получиться смешение и переплетение обеих). Социальной и политической реакцией последней четверти века Россия отброшена столь далеко назад, что ей еще заново предстоит совершать буржуазно-демократическую революцию.

Основной запрос в межнациональных отношениях, как и в любых других, есть запрос на справедливость и равенство. И вряд ли какой-нибудь сознательный марксист станет отрицать, что эти запросы всегда исходят не только от национальных меньшинств, но и от национального большинства. Каждая эпоха по-своему корректирует их. Нелепо подходить к решению национальных вопросов в России нашего времени с программой большевиков вековой

давности. «Марксист», который вознамерится сделать так, своей закоснелостью и неадекватностью уподобится замшелому монархисту-клерикалу из «Русской народной линии» с лозунгом «православие, самодержавие, народность». Необходимо изучать реальные процессы в обществе и общественном сознании. И прежде всего — **необходимо уяснить, чего хочет большинство. А для этого — что это большинство собой представляет.**

Так мы подходим к вопросу о том, кто такие русские. На нем спекулируют все кому не лень, особенно, конечно, националисты. Типичная черта любых националистов — подменять реальный народ, от имени которого они выступают, своим мифом о нем. И, как правило, они всегда бывают жестоко разочарованы тем, что народ не соответствует их «возвышенным» представлениям о нем. Тогда националисты начинают говорить о «национальной элите», которая якобы воплощает в себе лучшие качества их виртуального народа. В итоге они неизбежно приходят к оправданию сегрегации внутри своего народа и господства над ним кучки безответственных олигархов.

Стоит ли левым повторять их ошибку? А ведь нередко путь левых есть повторение того же пути правых с их заблуждениями. Большинство народа не готово к социализму? Не беда! Есть авангард народа, есть революционная партия («элита» то бишь), которая поведет народ, ломая его «предрассудки», к светлому будущему... До боли знакомый, трагический путь...

Volens nolens, если российские левые желают прийти к успеху, им придется работать с реальным русским народом. Совершить революцию против воли большинства русского народа, может быть, технически и возможно. Однако спустя некий промежуток времени результат окажется для них очень и очень плачевным, как это уже случилось раз в начале 90-х гг. прошлого века (хотя тогда, быть может, по другой причине).

Разновидностью опасной иллюзии универсального решения всех вопросов путем решения вопросов социальных является, на мой взгляд, уверенность в том, что и все национальные вопросы могут быть разрешены одним универсальным способом. Бесспорно, есть принцип равноправия, в соответствии с которым политика в этой сфере и должна выстраиваться. Но осуществление этого принципа может требовать различных конкретных шагов — в зависимости от конкретного национального вопроса.

Поэтому теоретически вроде бы правильное суждение, что «проблема русских как якобы “главного народа” на самом деле упирается... в решение социально-экономических и социально-политических проблем всех народов, населяющих наше некогда общее пространство»⁹, при существующей левой традиции может быть воспринято однозначно — как отрицание национальных проблем русского народа, требующих от левых особого подхода. Однако такое восприятие может оказаться априорным по отношению к фактам, доктринерским и чреватым теми опасными иллюзиями, о которых было сказано выше.

3. Русский вопрос объективно присутствует в общественном сознании

Основной национальный факт российской действительности состоит в том, что **77,67% граждан Российской Федерации объявляют себя русскими.** Это данные Всероссийской переписи населения 2010 года. С тех пор эти цифры, конечно, несколько уменьшились, но незначительно¹⁰. Этих людей никто не заставлял идентифицировать себя с

⁹ Бузгалин А.В. Указ. соч. С. 15.

¹⁰ Динамику уменьшения, а она вряд ли резко изменилась в ту или иную сторону, можно рассчитать, исходя из того, что по переписи 2002 г. русские составляли 79,83% населения РФ.

русской национальностью. Перепись — дело добровольное. По каким-то мотивам (их может быть множество, и каждый из них носит личный характер) они решили, что это для них важно.

111 миллионов граждан этого государства считают себя русскими. Вряд ли от этого факта продуктивно отмахиваться, полагая русскую самоидентификацию каким-то недоразумением или следствием зловредной пропаганды националистов, клерикалов, буржуазии, ФСБ или сталинистов (лишнее вычеркнуть). Просто так даже чихнуть не получится — нужен раздражитель. А здесь все-таки не соринка в носу, а больше сотни миллионов (пока еще) живых людей.

Тем, кто считает, что русская самоидентификация есть инерция общественного сознания, конвертируемая в политику лишь какими-нибудь «люмпенами и лавочниками», советую обратиться к результатам новейшего исследования Агентства социальных технологий «Политех»¹¹. Оно было проведено при содействии Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга EAWARN и вызвало бурный общественный резонанс¹². Можно, конечно, при желании,

отмахнуться и от этого материала. Но, планируя конкретную политику, желательно основываться не на стереотипах и иллюзиях, а хоть на каких-то экспериментальных данных. Будет больше этих данных — станем их сопоставлять. До тех пор, пока мне не докажут фальсифицированность сведений, представленных в указанном исследовании (думаю, что это будет непросто), я намерен его использовать.

Пока такой небольшой факт оттуда. 51% опрошенных полагают, что в гражданские паспорта необходимо вернуть графу «национальность». По национальностям же эта доля распределяется так, что именно среди русских больше всего сторонников обязательного указания этнической принадлежности — 54%¹³. То есть заметно больше половины русских в этом государстве считают — в первую очередь для себя самих — важным подчеркивать этноязыковую идентичность. Можно как угодно относиться к ним, обзывать националистами, шовинистами и прочими нехорошими словами, но от факта значительной распространенности подобных настроений никуда, кроме эмиграции (вот только в какой стране подобного нет?), стойким интернационалистам деваться некуда. Значит, им надо либо попытаться перешибить обух плетью и убедить полсотни миллионов людей в том, что они морально неправы, либо постараться задуматься: а нет ли в этом факте чего-то такого, что не описывается только презрительными ярлыками и должно быть рационально осмыслено, объяснено и, может быть, использовано в практических революционных целях?

Конечно, 54% — большинство весьма нестойкое. Но дело-то не в том, немного больше или немного меньше половины, а в том, что позиционирование по национальному признаку актуально для очень большой части наших со-

¹¹ Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни: Материалы к слушаниям на тему «Национальный вопрос в общественно-политической жизни России» / Под ред. М.В. Романова и В.В. Степанова. М.: Общественная палата РФ, 2013 (на правах рукописи). — 168 с. URL: <http://www.sova-center.ru/files/xeno/politeh-13.pdf>

¹² Городецкая Н. Нации хотят самоопределения в паспорте: Социологи изучили этнические настроения россиян // Коммерсант. 19 сентября 2013; Большинство россиян хотят вернуть в паспорт графу «национальность» // Радио «Эхо Москвы». 19 сентября 2013. URL: <http://www.echo.msk.ru/news/1160646-echo.html>; Без единого образа жизни, но уважая друг друга // Сайт Общественной палаты РФ. 20 сентября 2013. URL: <http://www.oprf.ru/1449/1473/newsitem/22561>

¹³ Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни... С. 13.

отечественников. При этом другая их часть вовсе не обязательно относится к такому позиционированию резко негативно. Для многих из них оно просто в данный момент неактуально. Мнения такого рода имеют обычно склонность изменяться в сторону тех, кто в чем-то убежден. Если у довольно значительной части людей есть единый и неотъемлемый критерий взаимной оценки, то имеется большая вероятность, что те, кто еще не определился с ориентирами, рано или поздно включают мнение «твердо убежденного меньшинства» (тем более — большинства) в свою «систему ценностей».

В настоящее время в среднем 37% россиян (разных национальностей) считают, будто именно русские в РФ находятся в приниженном, угнетенном положении, в то время как 53% с этим утверждением не согласны. Однако в столичных регионах России полагают, что угнетены по национальному признаку 46% русских (против 43%, которые так не считают). И это не может не настораживать, особенно левых. Пусть в сознании этих 46% картина реальности искажена. Но ведь какие-то объективные факторы привели к появлению именно таких массовых настроений?¹⁴

При этом только 33% русских в тех же столицах считают, что за русскими нужно законодательно закрепить какой-то особый правовой статус в России, а среди русских в национальных республиках Поволжья таких и вовсе лишь 17%.¹⁵ Лично я оптимистично оцениваю эти цифры. Несмотря на широкую распространенность представлений о национальном угнетении русских, только от одной шестой до одной трети их считают, что альтернатива этому — некий привилегированный статус. Большинство надеются, что решение национальных проблем — в фактическом обеспечении всем национальностям равных прав.

Вместе с тем у национализма есть значительный политический потенциал. Вот еще тревожные, на первый взгляд, цифры: 55% русских в столичных регионах и 53% русских в краях и областях предпочли бы голосовать на выборах главы региона за русского¹⁶. Программа кандидата не имеет значения — только национальность. И это показывает, насколько высок уровень недоверия у национального большинства по отношению к согражданам других этносов. Опять ксенофобские предрассудки, скажете? Возможно. Однако сами они — не причина, а лишь симптом более глубоких общественных причин, научный анализ которых левые не вправе подменять клейменем массовых настроений.

Отмеченные процессы лежат за пределами оценок, «что такое хорошо, что такое плохо». Точнее, было бы непродуктивно применять к ним эти оценки. Какое дело эволюции массовых настроений до мнения отдельно взятого индивида, даже группы индивидов? Правда, встречаются иногда называющие себя левыми, которые смотрят на мир в точности как правые — глазами субъективного идеалиста: «Мир должен соответствовать моим представлениям о нем, а если нет — то тем хуже для него». Но окружающей реальности безразлична гордая поза субъективного идеалиста, и тем хуже именно для идеалиста, если он этого не понимает.

Впрочем, хватит вещать банальную в общем-то истину, что всякое воздействие на общественные процессы может быть успешным (и принести политический успех инициатору) только в том случае, если оно совпадает с направлением объективно происходящих изменений. Считаю, что сказанного достаточно. Вернусь к русскому вопросу.

4. Русские — не этнос, но формирующаяся нация

Черты, замечаемые специалистами по этнологии и выдвигаемые ими на

¹⁴ Там же. С. 35.

¹⁵ Там же. С. 46.

¹⁶ Там же. С. 25.

первый план, действительно характеризуют русский народ, но не по отдельности, а только в совокупности этих черт. Цитированное мною ранее высказывание — «я не уверен, что русский народ вообще существует, что это действительно народ, а не искусственно сконструированная нация» и т.д.¹⁷ — замечательно демонстрирует то, что сам его автор не вполне разобрался в понятиях, которыми оперирует.

Нация — всегда в какой-то степени искусственная конструкция. На нее очень сильное влияние оказывает государство. В конце концов, что дает нам право говорить о *нации*, как не существование *государства* (вариант — выраженное стремление к его созданию)? При этом далеко не все государства складывались в соответствии с этническими границами. Кроме того, разве нация — это синоним этноса, разве она обязательно должна ему соответствовать? Как раз наоборот: между нацией и этносом существуют значительные несовпадения.

В той же мере, в какой можно говорить об отсутствии русских как этноса, следует говорить об отсутствии французского, немецкого, испанского и многих других этносов. И одновременно, поскольку мы можем говорить о французской, немецкой, испанской нациях, мы вправе говорить и о русской (а не о российской) нации. **Русские — не этнос, а нация. И это объясняет многослойность, неоднородность данного явления.**

Французского этноса, например, тоже нет. Есть несколько франкоговорящих этносов, часть из которых была консолидирована во французскую нацию благодаря завоеваниям французской короны, а позднее — французских революционных армий. При этом за рамками французской нации остались франкоговорящие этносы в Бельгии, Швейцарии, Пьемонте и Канаде. Немецкого этноса также не существует, по

крайней мере в Германии, он проявляется лишь в эмиграции. В Германии есть немецкая нация, составленная из множества тевтоноязычных этносов еще позже, чем нация французская. Часть этих этносов не вошла в немецкую нацию: в Австрии, Швейцарии, Эльзасе. И приблизительно теми же самыми характеристиками можно описать любую европейскую нацию. Вот и русская — не исключение.

Неоднородность русских, общая русская (не российская!) самоидентификация людей с разными, причем совсем не обязательно славянскими, этническими корнями — верный признак того, что русских адекватно описывать в категориях не этнических, а национальных.

Поэтому когда этнолог В.В. Тишков¹⁸ говорит: «Если мы сравним русских из Архангельской области и Ставропольского края, с Камчатки или Поволжья, то из общего между ними увидим только язык и, пожалуй, православие. Остальные культурные матрицы будут отличаться... Очень часто образованному русскому из среды, скажем, инженерно-технической интеллигенции проще найти общий язык с татаринном или чеченцем из своей социальной среды, чем с русским из другой социальной среды»¹⁹ — эта характеристика лишь подтверждает, на мой взгляд, сказанное мною выше²⁰.

Творчество, например, братьев Стругацких в литературе или Виктора Цоя

¹⁸ Руководитель Отдела по связям с общественностью Института этнологии и антропологии РАН, сын академика В.А. Тишкова — директора этого Института.

¹⁹ <http://rus.rus4all.ru/interview/20130703/724213919.html>

²⁰ Я не комментирую здесь явно ошибочное — но, тем не менее, стереотипное в различных кругах — мнение цитированного специалиста о православии как факторе единства русского народа. Это совершенно отдельная тема, которая не может быть затронута в рамках данной статьи.

в музыке происходило в лоне **русской национальной полиэтнической культуры** и является ее органической частью. При этом российские (точнее будет написать — русские — как прилагательное) евреи, корейцы, представители других этносов закономерно гордятся своими выдающимися сынами и дочерьми, их вкладом в **русскую культуру**. Такие люди не просто интегрированы в русскую национальную культуру, но их деятельность формирует таковую. Такое явление присуще общности, которую привычнее называть не этносом, а нацией. **Русский народ — это нация**, и она не полностью совпадает с массивом граждан РФ.

Частое же недоумение, возникающее у специалистов, когда они пытаются втиснуть сложную и многомерную реальность русской национальности в прокрустово ложе академических дефиниций, вызвано, на мой взгляд, тем, что **русская нация еще не вполне сложилась. Она еще находится в процессе своего формирования** из разных этносов, проявляя и здесь феномен «догоняющего развития».

Отставание сложения нации у русских вызвано особенностями исторического развития, главная из которых, по-видимому — издавна имперский, завоевательный характер государственности под именем Руси. Завоевания, совершаемые правящей верхушкой этого государства, вызывались отнюдь не избытком сил и людности русского народа (русских этносов!), а напротив, поглощали эти народные ресурсы в интересах военно-феодалной элиты. Эту парадигму русской истории весьма точно выразил еще В.О. Ключевский своим знаменитым афоризмом: «Государство пухло, а народ хирел»²¹.

Представляется, что А.В. Бузгалин неточен, говоря про правившие Россией верхи: «...именно русская по нацио-

нальности «элита» бывшей империи»²². Эта «элита» имела многонациональное происхождение начиная уже с XV в.²³, а в дальнейшем ее полиэтичность, в связи с территориальным ростом Российского государства, могла только увеличиваться. Эта «элита» формировала свою верхушечную культуру, называя ее «русской». Но данное название было совершенно неправомерным — культура «элиты», особенно в XVIII — начале XX вв., в императорский период, практически не имела точек соприкосновения с культурой *массы русского народа*. Наконец, эта «элита», как было сказано, расширяла свою барскую вотчину — Россию — своими *военными завоеваниями*.

Национальное сознание русских не могло развиваться, будучи придавлено государственным — в примитивной форме лояльности к личной власти, потом — к власти партии или просто столичного центра. Пространство, населенное русскими, всегда скреплялось имперской вертикалью власти и никогда — горизонтальными связями, хотя бы даже чисто экономическими. Такое положение сохраняется по сей день. СССР, а за ним Российская Федерация наследовали имперскую структуру государственного устройства.

Представляется закономерным, если существование русской нации получит политическое выражение в учреждении национальной государственности — вне той бывшей имперской территории, на которой уже провозглашена государственность других наций. Это касается и тех наций, которые ныне входят в состав Российской Федерации — их государственность есть сложившийся факт и никоим образом затрагиваться не должна. На остальной же территории, где русские составляют абсолютное большинство, они имеют

²² Бузгалин А.В. Указ. соч. С. 11.

²³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекции XXVII, XXXI // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т. II. М., 1988. С. 131, 193.

²¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция XLI // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т. III. М., 1988. С. 12.

полное право на самоопределение, независимое от пережиточной надстройки имперской вертикали.

Но это всё теория, — возразит читатель. Где факты, показывающие, что путь провозглашения чисто национальной государственности перспективен для русского народа?

5. Пролетарский интернационализм и право русских на самоопределение

Для того чтобы ответить на вопрос, надо сначала правильно его сформулировать. Формулировка вопроса, приведенная выше (а она довольно распространена), страдает нелепостями или сознательной подменой понятий. Во-первых, что значит «чисто национальной»? Провозглашение национальных республик в первые годы советской власти не означало, что это будут «чисто национальные» республики, что в них будут пользоваться гражданскими и политическими правами только представители титульной национальности. Почему же априори считается, будто Русская республика обязательно должна стать таким исключением? Никакая не «чисто», а просто национальная республика — такая же, как Татарстан, Башкирия, Чувашия, Удмуртия и т.д.

Во-вторых, формулировать подобный вопрос отдельно для русского народа и для других народов Российской Федерации — значит впасть либо в шовинизм, либо в русофобию. Почему русский народ выделяется чем-то особенным? Почему к нему неприменимы такие же нормы права, что и к другим? Принцип равноправия наций и права наций на самоопределение в одинаковой степени должен быть распространен на всех, иначе это уже не будет иметь ничего общего с левой доктриной. Все эти отдающие апартеидом дефиниции русского народа как «государствообразующего по сути»²⁴ долж-

ны быть совершенно неприемлемы для левых. Ну, а если неприемлемы, то какая может быть им альтернатива, кроме равных прав русской нации со всеми остальными? Разве только в упор не замечать ста десяти миллионов русских...

Инерция имперских стереотипов общественного сознания, действительно, так сильна, что ей подвержены и левые, считающие, что русским вроде бы как не к лицу многое из того, что составляет неотъемлемые атрибуты других наций... Вся эту метафизику про «объединяющую роль» русского народа, его «скрепляющую державную функцию», его «всечеловечность», равно как и про «авангардную роль русского пролетариата среди трудящихся всех наций России», левым следует раз и навсегда отбросить как дурно пахнущую идеологией национальной исключительности! **Русские — не более, но и не менее, как одна из множества наций, населяющих Россию.** Просто она составляет три четверти населения РФ и по численности абсолютно преобладает на большей части ее территории, только и всего.

Поэтому вопрос, заданный в конце предыдущего параграфа, должен быть правильно переформулирован следующим образом: **где факты, показывающие, что путь провозглашения национальных государств в рамках Российской Федерации приемлем и перспективен для проживающих в ней народов?**

Эти факты — во всей послереволюционной истории России. Единственным сохранившимся завоеванием Октябрьской революции, на которое реакция не решилась покуситься за два с лишним десятилетия своего господства, осталась национальная государственность многих народов России. Значит, путь создания национальных республик и других форм национально-территориальной организации в рамках федеративного государства полностью оправдал себя. Он доказал свою жизнеспособность. Он отвечает объективным закономерностям исторического развития. Он перспективен.

Известно, что в ходе национально-государственного строительства СССР возобладала де-факто сталинская концепция автономизации при номинальном сохранении равноправия республик. А в устройстве РСФСР концепция автономизации оказалась закреплена также и формально, несмотря на то что первые советские конституции России предусматривали совсем иную форму национально-территориальной организации. Статья 2 Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, составлявшей первый раздел Конституции РСФСР 1918 г., провозглашала: «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик». Статья 2 Конституции РСФСР 1925 г. начиналась словами: «Российская Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, строящееся на основе федерации национальных советских республик». По смыслу этих фраз, **любая территория в составе РСФСР должна была входить в одну из национальных республик, образующих эту федерацию.**

Известно также, что, после того как план автономизации, при выработке основ конституционного строя СССР в 1922–1923 гг., был отклонен, Сталин выступил с идеей создания Русской республики. Таким образом, хотя эта идея также была отклонена партией большевиков, ничего крамольного в ней не усматривалось, она фигурировала как возможный вариант национально-государственного образования. В том, что она в итоге не реализовалась, позволительно усмотреть один из факторов, облегчивших Сталину установление режима личной власти в партии и стране на волне шовинистической реакции.

В самом деле, если Русской республики нет, то где же государственность русского народа? Логично думать, что это и есть вся Российская Федерация, включая даже территории национальных республик в ее составе (хотя в та-

ком случае государственность этих наций превращается в фикцию). Нерешенность национального вопроса для русских наравне с прочими национальностями России легко возродила привычные имперские понятия о державообразующей (хотя ее тогда так не называли) роли русских. Потворствуя этим массовым настроениям, Сталин укреплял свое положение. Сталин предложил свое «решение» русского вопроса — в духе «народа — старшего брата».

Отсутствие русской национальной государственности, территориально отличной от прочих национальных республик в составе России, неизменно будет провоцировать имперско-шовинистический ответ на русский запрос о справедливости в межнациональных отношениях. Уже сейчас этот ответ настойчиво предлагается в виде «статуса государствообразующего народа», который, разумеется, ничего не даст русским, кроме временного удовлетворения ущемленному национальному чувству, зато сильнее укрепит авторитарное господство олигархии. И никакой социализм не в силах будет предотвратить такого вечного возвращения к великодержавному шовинизму, если не утвердить фактического равноправия государственных статусов всех наций России. А последнее невозможно без образования русской национальной государственности в составе Российской Федерации.

Осуществление права наций на самоопределение, вплоть до образования собственных государств, справедливо расценивалось большевиками как решение задач буржуазно-демократического этапа российской революции. Вместе с тем на современном историческом этапе создание Русской республики можно трактовать и как последовательное воплощение принципа пролетарского интернационализма. Многие левые (и статья А.В. Бузгалина, на которую я здесь неоднократно ссылаюсь, — лишнее тому подтверждение) не собираются отрицать огром-

ного вклада русских в дело революции и строительства социализма в СССР, поднятия экономического и культурного уровня прежде отсталых окраин Российской империи. Так неужели, выполнив свой интернациональный долг, русские еще не заслужили от братских народов признания своего права на национальную государственность?

Таким образом, с какой стороны ни подойти, мы вынуждены констатировать: исторически назревшее справедливое решение национальных вопросов в современной России невозможно без образования одной, а лучше — нескольких Русских республик в составе РФ. Это требование программы-минимум, в рамках решения задач еще буржуазно-демократической революции, и стало бы адекватным ответом левых на русский вопрос.

6. Реорганизация федерации

Российская Федерация, преобразованная в федерацию равноправных национальных республик, видится следующим образом. Учитывая огромное пространство проживания русской нации, наличие существенных региональных особенностей, возможность их последующей исторической эволюции в отдельные нации, целесообразно создание нескольких региональных Русских республик. При существующих конфигурациях границ экономических районов, субъектов и федеральных округов РФ одной из наиболее оптимальных смотрится такая конструкция:

1. **Русская Дальневосточная Республика:** Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Еврейская АО²⁵, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Чукотский автономный округ. Территория — 3545 тыс.

²⁵ Русские составляют 90,4% населения Еврейской АО; да и вообще «еврейская автономия» на Дальнем Востоке смотрится как безобразная, глумливая выходка государственного антисемитизма.

кв. км. Население — 6441 тыс., в том числе 5588 тыс. (86,8%)²⁶ русских.

2. **Русская Сибирская Республика:** Алтайский, Красноярский края, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области. Территория — 4008 тыс. кв. км. Население — 16 131 тыс., в том числе 14 343 тыс. (88,9%) русских.

3. **Русская Уральская Республика:** Пермский край, Курганская, Свердловская, Тюменская (с обоими автономными округами), Челябинская области. Территория — 1950 тыс. кв. км. Население — 14 176 тыс., в том числе 11 882 тыс. (83,8%) русских.

4. **Северно-Русская Республика:** Архангельская (с автономным округом), Вологодская, Калининградская, Ленинградская (с Северной столицей), Мурманская, Новгородская, Псковская области. Территория — 1089 тыс. кв. км. Население — 12 071 тыс., в том числе 10 248 тыс. (84,8%) русских.

5. **Центрально-Русская Республика:** Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Кировская, Костромская, Московская (с Москвой), Нижегородская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ярославская области. Территория — 682 тыс. кв. км. Население — 35 819 тыс., в том числе 31 861 тыс. (88,9%) русских.

6. **Южно-Русская Республика:** Краснодарский, Ставропольский края, Астраханская, Белгородская, Волгоградская, Воронежская, Курская, Липецкая, Оренбургская, Пензенская, Ростовская, Самарская, Саратовская, Тамбовская, Ульяновская области. Территория — 927 тыс. кв. км. Население — 33 622 тыс., в том числе 28 551 тыс. (84,9%) русских.

На всей территории шести предполагаемых Русских республик проживает 118,3 млн. человек, из которых русские составляют 86,8%. Это — 92,4% всего русского населения Российской Феде-

²⁶ Численность населения приводится по данным Всероссийской переписи 2010 г.

рации. В то же время в двадцати одной ныне существующей национальной республике РФ русские (только 7,6% от общей численности русских в РФ) составляют в сумме лишь 34,6% от населения этих республик.

Из субъектов РФ, намеченных здесь для объединения в Русские республики, только в Чукотском автономном округе русские не составляют абсолютного большинства — всего 49,7% (при этом они там — относительно наиболее многочисленный народ). Этот округ, впрочем, может остаться и вне региональной Русской республики. Во всех остальных сохранившихся автономных округах доля русских существенно больше половины (меньше всего — в Ямало-Ненецком — 59,7%). Из областей и краев РФ самая низкая доля русских — в Астраханской области, но и там она составляет 61,2%.

Таким образом, есть все этнографические и политико-правовые основания для объединения всех территорий, не входящих в состав ныне существующих республик РФ, в несколько Русских республик.

Возможно, что для более справедливого представительства столь крупных субъектов РФ придется изменить нормы конституции, касающиеся формирования Совета Федерации. Скажем, сделать это представительство пропорциональным численности населения, но не менее двух от каждой республики — для сохранения представительства от небольших национальных республик. Или установить, что новые республики делегируют в Совет Федерации столько же представителей, сколько посылали туда составлявшие их субъекты до своего объединения в республику. Наконец, может быть, совсем не обязательно менять нормы представительства. Так легче избежать упреков в том, что русские хотят закрепить за собой большинство в верхней палате. Ведь никакой федеральный закон не может вступить в силу без одобрения нижней палаты,

избираемой пропорционально численности населения.

Можно не сомневаться, что устраивающий всех порядок представительства в Совете Федерации так или иначе будет выработан, если только вопрос создания Русских республик встанет в политическую повестку дня.

Автономные области и округа могут сохраниться в составе новых республик. Более того — там могут быть образованы новые, созданию которых сейчас препятствует нынешняя формальная федеративная структура. Это будут автономии в составе Русских республик, но без права субъектов федерации — нечто вроде национальных районов в 1920-е гг. Почему бы, например, в таком случае не создать Шорский национальный округ в составе Сибирской республики или Саамский — в составе Северно-Русской? Возможно также восстановление ранее упраздненных в процессе «укрупнения субъектов РФ» автономных округов. В любом случае предлагаемая структура позволит значительно гибче решать вопросы самоопределения и развития малых народов, чем ныне существующая.

Чем такая реорганизация Российской Федерации вообще выгодна левым? Во-первых, она позволит им дать асимметричный ответ правым на их спекулятивные «решения» русского вопроса в духе «особого статуса» и выбьет из-под ног националистов если не всю почву, то большую ее часть. Во-вторых, реализация такой программы будет означать децентрализацию власти, разрушение имперской вертикали, развитие федерализма, создание более благоприятных условий для демократических процессов и борьбы за социализм. В-третьих, сам процесс выработки и принятия республиканских конституций предоставит левым возможность побороться за закрепление более прогрессивных принципов государственности для территорий, на которых проживает свыше 80% населения России. А это не сможет не повлечь за

собой прогрессивного пересмотра федерального законодательства.

Предвижу одно из основных возражений против представленного плана: мол, провозглашение Русских республик откроет путь к наделению русских в них исключительным правовым статусом и даже к этническим чисткам. Такое возражение исходит из априорной характеристики русских как каких-то дикарей по сравнению с другими народами Российской Федерации и является по сути расистским. Ведь в национальных республиках в составе РФ живут русские и пользуются там всеми правами граждан Российской Федерации. Так почему же граждане РФ других национальностей не смогут пользоваться аналогичными правами в Русских республиках? Федеративное государство как таковое и верховенство его законов над законами республик представленным планом отнюдь не упраздняются. Даже наоборот — прогнозируемым следствием его осуществления явится укрепление федерации.

Выше говорилось о том, что больше половины русских в столицах, краях и областях РФ готовы голосовать при выборах главы региона только за русского²⁷. Выскажу теперь гипотезу, что это — не вульгарный шовинизм, а признак зрелой политической нации. Буржуазной, разумеется, нации, далеко еще не готовой воспринять полностью идеологию пролетарского интернационализма. Но любой марксист понимает, сколь опасно пытаться перепрыгнуть через конкретно-исторические этапы развития общественного сознания.

А какое место при новой структуре Российской Федерации займет этнически нейтральная самоидентификация «россиянин, гражданин РФ», приоритетности которой многие не чужды? Думаю, что примерно такое же, как «европеец, гражданин Европейского союза» для многих жителей Старого Света. Такая идентичность сейчас на первом ме-

сте только у меньшинства. Однако она очень перспективна для будущего.

7. Этот проклятый миграционный вопрос

В своей статье А.В. Бузгалин подчеркивает: «А вот поддерживать ужесточение миграционных барьеров левым не пристало»²⁸. А вот почему, собственно? В таком общем виде отношение к проблеме миграции выглядит как некая моральная заповедь, покоящаяся на чем-то безусловном авторитете и не требующая рационального обоснования. Между тем принципиальное отличие левого от правого — в том, что левый ищет рационального, а не доктринального, обоснования любым своим взглядам.

Безусловно, что действия, унижающие достоинство человека по национальному признаку — и не одних лишь мигрантов, а кого угодно, — не только не пристали любому порядочному человеку, но и требуют решительного противодействия. Но очевидно при этом, что вопросы порядка въезда в страну, условий натурализации и т.д. — сугубо прикладные и этически нейтральные. Тем более было бы странно делать то или иное отношение к объективным социальным последствиям миграционной политики *буржуазного* режима ключевым критерием принадлежности к левым.

Упомяну к месту, что я продуктивно сотрудничаю с общественной инициативой «Россия для всех» (в основном по вопросам борьбы с клерикализмом). Кроме того, в названии этого движения я усматриваю удачный троллинг правых с их лозунгом «Россия для русских». Потому что «Россия для русских» означает на самом деле: «Россия — *прежде всего* (или даже: *только*) для русских». В этом лозунге главное — умалчиваемые слова «только» или «прежде всего». Отсюда следует, что реально на место русских будет поставлена какая-

²⁷ См. прим. 16.

²⁸ Бузгалин А.В. Указ. соч. С. 15.

нибудь очередная «элита». Закономерным образом осуществление лозунга «Россия для русских» всегда будет воплощать принцип «Россия — только для элиты». Поэтому в лозунге «Россия для всех» я вижу логическую альтернативу идеям не только национальной, но и социальной сегрегации. Именно постольку я его и поддерживаю.

Но как общая нравственная максима лозунг «Россия для всех», на мой взгляд, неотделим от параллельного отстаивания принципов «Китай для всех», «Япония для всех», «Израиль для всех», «Армения для всех», «Саудовская Аравия для всех», «Африка для всех», «Люксембург для всех» и т.д. и т.п. Без этого данный лозунг выглядит троллингом уже не лозунгов правых, а здравого смысла и общечеловеческих ценностей.

К чему это я веду? К тому, что любой актуальный политический вопрос должен рассматриваться марксистом в контексте текущих задач классово-вой борьбы. Совершенно понятно, что принципиальной целью социализма является отмена всех и всяческих национальных границ вообще. Однако это не означает, что к этой цели нужно стремиться здесь и сейчас, не учитывая всех остальных факторов. Иначе говоря, самый прямой путь — не всегда самый верный.

Цель и средство находятся в диалектическом единстве и по своим внешним проявлениям могут вступать в кажущееся противоречие. Вот классический урок истории. Любая крупная революция стремится утвердить мир без насилия или, по крайней мере, с меньшим уровнем социального насилия по сравнению с предшествующим режимом. Однако для достижения этой цели всякая революция вынуждена прибегать к концентрированному насилию по отношению не только к свергаемым ею господствующим классам, но и к тем отрядам революционных (в массе своей) классов, которые на деле оказываются вольными или невольными пособниками свергаемых классов.

Вот поэтому и пресловутый мигрантский вопрос, и многие другие вовсе не так просты, как кажутся на первый взгляд, и для их успешного решения в целях социализма недостаточно исходить из общих принципов, освященных, как некоторым представляется, моральной санкцией. Нужен конкретный анализ каждой конкретной проблемы.

В настоящее время поощрение трудовой иммиграции в Россию, осуществляемое буржуазным режимом, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом и международной рабочей солидарностью. Ввоз рабочих из Средней Азии, помимо того, что он служит повышению прибылей эксплуататорского класса за счет сокращения расходов на оплату труда, ослабляет социальное напряжение в Средней Азии и продлевает существование там авторитарных режимов²⁹. Мало того: он служит важным фактором, позволяющим российским капиталистам усиливать степень эксплуатации рабочих всех национальностей — «импортных» и «коренных», ухудшает условия борьбы трудящихся России за свои права и в таком качестве воспринимается многими русскими рабочими³⁰. Это не говоря уж о том, что поставленный на поток ввоз рабочей силы в страну служит мощнейшим источником коррупции в органах власти и «правопорядка»³¹.

²⁹ Бутаков Я. За или против миграции? Только факты, без эмоций // Интернет-газета «Рабкор». 30 августа 2013. URL: <http://rabkor.ru/opinion/2013/08/30/migration>; Рыбин А. Порочность трудовой миграции // Интернет-газета «Рабкор». 14 октября 2013. URL: <http://rabkor.ru/debate/2013/10/14/get-out>

³⁰ Копылов С. Мелкобуржуазная извращенность сознания // Интернет-газета «Рабкор». 4 сентября 2013. URL: <http://rabkor.ru/debate/2013/09/04/bourgeoisie>

³¹ Муртазаев А. Операция прикрытия, или Власть ушла с базы // Интернет-газета «Рабкор». 25 октября 2013. URL: <http://rabkor.ru/opinion/2013/10/25/authority>

Это я вовсе не к тому, чтобы воспринимать среднеазиатских трудовых иммигрантов как штрейкбрехеров по отношению к русскому рабочему движению, как пособников (пусть невольных) русской буржуазии, с которыми нужно бороться обязательно запретом на иммиграцию или хотя бы ужесточением визового режима. Нет, конечно. Тем более что российский буржуазный класс на такую меру не пойдет: слишком важны гастарбайтеры для его прибылей, а главное — для провоцирования ксенофобских настроений и отвлечения русских трудящихся от действительных задач классовой борьбы. Он может только время от времени проводить показательные акции против нелегальной миграции, заигрывая с электоратом, а на деле будет продолжать ту же политику. В этих условиях левый, отстаивающий во что бы то ни стало право мигрантов приезжать в Россию, чтобы прокормиться, уподобляется буржуазному «филантропу» с его бесплатным супом для безработных.

Что левые ответят такому рабочему, который считает, что гастарбайтеры лишают его части законного заработка? Что он в соответствии с интернациональным классовым сознанием обязан с ними поделиться? Но в такой ситуации это получается — делиться с работодателем, да еще с байскими среднеазиатскими режимами. Рабочий может называть такой «интернационализм» чокнутым³², послать предлагающих его левых куда подальше крепким рабочим словом и... Нет, не скажу, что будет прав. Оценки типа «прав — не прав» в данном случае непродуктивны. Однако совершенно очевидно, что «левые», исповедующие такой «интернационализм», будут неадекватны запросам массы трудящихся на социальную справедливость. А уж жгучее желание использовать про-

тив недовольных массовой иммиграцией всю мощь репрессивного аппарата *буржуазного* государства³³ выглядит явно не пристойнее для левого, чем указание на негативные социальные последствия миграции. Причем они негативны и для самих трудовых мигрантов, консервируя социально-политическую архаику на их родине.

Совершенно очевидно, во всяком случае, что отношение к вопросу **трудо-вой иммиграции в Россию, пока социалистическая революция в ней не победит окончательно, требует от левых не узко доктринерского подхода, а гибкого варьирования тактик в зависимости от задач текущего момента.** Это же относится и к любому вопросу вообще, а не только к данному.

8. Итог

Предложенные тезисы по национальному вопросу, ядром которых является план реорганизации Российской Федерации в федерацию нескольких крупных Русских республик с уже существующими в ней национальными республиками, являются, конечно же, лишь одним из возможных вариантов ответа левых на русский вопрос. Однако необходимо предлагать варианты, вырабатывать конкретный ответ на этот вопрос, а не игнорировать его присутствие — как совершенно **отдельного от прочих социальных вопросов** — в общественном сознании. Иначе, как уже бывало не раз, другие политические силы дадут на него иллюзорный, но временно удовлетворяющий массу ответ — в духе шовинистической риторики, деклараций о «государствообразующей роли» национального большинства, сегрегации отдельных нацменьшинств и общего ужесточения авторитаризма.

³³ См. комментарии Вячеслава Красавина к статье: Бутаков Я. Пролетарский интернационализм vs буржуазный мультикультурализм // Интернет-газета «Рабкор». 15 октября 2013. URL: <http://rabkor.ru/opinion/2013/10/15/fight>

³² Котылов С. Чокнутый интернационализм // Интернет-газета «Рабкор». 21 августа 2013. URL: http://rabkor.ru/debate/2013/08/21/international_for_loonies

КТО МЫ: ЕВРАЗИЙЦЫ ИЛИ ЕВРОПЕЙЦЫ?

Вышеозначенный вопрос уже не одно столетие, что называется, будоражит русские умы и сердца. Сколько мыслителей — философов, писателей, ученых — высказывались и писали по данному поводу. Высказываются и пишут по сию пору. Более того, евразийство как политическая платформа именно в постсоветский период стало особенно модным. Европу евразийцы видят неким средоточием зла, откуда оно расплодилось по всему миру. Дескать: «Католическо-протестантская Европа навязала человечеству аморальную технологическую потребительскую цивилизацию». Вроде бы «обвинение» бьет наповал, тем более что это истинная правда. Ну а если посмотреть на это не с позиции «возмущенного разума», а глазами средне-статистического человека, обывателя? С данной позиции это естественное желание подавляющего большинства людей: хорошо, в достатке жить, одеваться, питаться, интересно проводить досуг и т.д. Западная Европа и ее прямое порождение — Северная Америка просто сумели создать столько материальных и духовных ценностей, что лучше прочих могут эти естественные желания своего населения удовлетворить. И то, что почти весь остальной мир с завистью смотрит на благополучие Запада и хочет жить так же, — разве это насильственное навязывание?

В нашей как политической, так и художественной литературе любят перечислять многочисленные прегрешения Европы перед Россией (что тоже, в основном, чистая правда). Но при этом умалчивают о том прогрессе, ко-

торого мы добились благодаря тому, что и до татаро-монгольского нашествия, и после свержения ига Россия развивалась в рамках общеевропейской цивилизации. Более того, можно утверждать: почти все успехи русской культуры как в гуманитарном, так и в техническом аспектах связаны с вышеназванным фактором. Великая русская литература XIX и начала XX века, творчество художников-передвижников, реалистов и абстракционистов, классическая музыка, русский рок, опера, балет — все это не самобытные явления, типа горлового пения или некоторых видов японского искусства, а ветви европейской культуры и неотделимы от нее. Даже древнерусские иконопись и зодчество возникли не сами по себе, а являются продолжением культуры Византии, то есть Восточной Римской империи. Ко всему, у нас общие не только культура, но и обличье, и Бог — все мы «белые» люди и христиане. А что в России всегда было не так, как в Западной Европе, — это уровень жизни; что верно, то верно. Но разве Запад в этом виноват, а не наша власть — цари и аристократы, генеральные и прочие секретари или нынешняя «вертикаль», которым всегда приятно осуществлять свои дорогостоящие желания-капризы за счет масс простого народа?

Одна из самых больших исторических «обид», которую нанесла Европа России и которую часто педалируют наши западоненавистники, связана с тем же монголо-татарским нашествием. Дескать, Русь преградила дорогу в Европу монголо-татарским ор-

дам, потому Запад и «урвал» вперед. Мы же отстали на два с половиной века, пока под игом мучились. С тех пор догоняем и никак не догоним, с того и живем хуже. И опять — ни дать ни взять чистая правда. Вот только при этом как-то забывается, что Русь заслонила Европу от монголов не из благородных побуждений, а вынужденно, в силу своего географического положения. Борясь за независимость, Русь на себе погасила основную силу монголо-татарской экспансии на Запад. Точно так же находящийся на другом конце Европы испанский народ в раннем Средневековье, сопротивляясь арабскому порабощению, спас всю Европу (в том числе и Русь) от неминуемой мусульманизации. А в то время данное нашествие было не менее, если не более опасно для европейской цивилизации, чем нашествие язычников-монголов. Уж арабы наверняка бы «обрезали» в Европе всех мужчин, а всех женщин одели в паранджи.

Не выдерживает никакой критики и такое широко растиражированное еще с советских времен утверждение: «Русские, в отличие от европейцев, не уничтожали, не грабили, не порабощали завоеванные народы». Это вообще сказки для детей. Не надо делать из наших предков непорочных ангелов. Они ничуть не лучше и не хуже прочих европейцев. Они так же, как англичане, немцы, французы, испанцы, ощущали себя сильной нацией, нацией завоевателей. Они завоевали Сибирь, Прибалтику, Польшу, Кавказ, Среднюю Азию со всеми вытекающими отсюда последствиями. И европейцы, и русские делали общее дело — распространяли передовую европейскую культуру, христианскую веру. Распространяли не безболезненно, с войнами, с кровью, а потом так же несли одно бремя — «бремя белого человека».

Совсем несовременно звучит и тезис философа И.А. Ильина, который

любят повторять современные «евразийцы»: «Западные народы не разделяют и не терпят русского своеобразия». Исходя из своего более чем двадцатилетнего армейского опыта, предложу тем «евразийцам» пожить в относительно узком кругу с представителями других народов, например в казарме. Спросите у тех, кто служил в Российской армии и в последние десять-пятнадцать лет существования Советской армии, когда процент «небелых» призывников резко увеличился. Спросите у бывших солдат и офицеров, представители каких наций не терпят русского своеобразия? И поверьте, это не немцы (хоть и российские или советские), не литовцы, не латыши, не эстонцы, всегда считавшиеся стопроцентными западниками. Все они за редким исключением нормально уживались с русскими, хоть и не изображали показного дружелюбия. А вот попробуйте ужиться в таком коллективе с дагестанцами, азербайджанцами, карачаевцами, ингушами, чеченцами... с грузинами и армянами, если их соберется больше трех человек... И тогда вам станет окончательно ясно, кто в действительности не терпит русского своеобразия, да и вообще никакого другого, кроме своего.

Сторонники евразийства пытаются внушить нам, что исторически Россия, конечно, не Азия, но и не совсем Европа. Это якобы переходная страна, посредница между двумя мирами. И у многих наших политических деятелей всех мастей и калибров эта идея стала прямо навязчивой — во что бы то ни стало поставить Россию враскоряку, одной ногой в Европе, другой в Азии. Напрасные потуги, против сложившихся исторических реалий не попрешь. Наша духовная прародительница Византия — восточный осколок Римской империи. Именно под влиянием Византии сформировалась в основном восточноевропейская цивилизация. В то же время

под влиянием Западной Римской империи сформировалась вся западно-европейская цивилизация. Таким образом, если эти державы древности родные сестры, дети Великого Рима, то мы, русские и другие православные народы, образно говоря, двоюродные родственники всем народам Западной Европы. А тем народам, что духовно сформировались под их влиянием, Северной и Латинской Америки — троюродные. С Азией таких духовных связей у нас нет, ни с мусульманами, ни с буддистами. Я, конечно, прежде всего имел в виду россиян-христиан. Но если учесть, что немало россиян-мусульман, представителей таких народов, как татары, башкиры, уже не одно столетие находятся в орбите европейской культуры, то не менее 90% населения России — это стопроцентные европейцы. Потому не надо добровольно надевать на себя ярлык этакой неполноценной, не вполне европейской нации. Мы не просто европейская нация, мы великая европейская нация. И нам не пристало заниматься таким недостойным делом, как поиски корней русофобии на Западе, ибо как массового явления ее там просто нет. Сейчас к нам на Западе, за исключением некоторых политических деятелей типа Бжезинского, относятся в общем довольно равнодушно. Такое бы равнодушие надо продемонстрировать и нам к ним. Это отношение равных к равным. У нас же, увы, постоянно рвутся выяснять, почему Запад нас не уважает и какие у этого неуважения исторические корни. Да разве сейчас этим нужно заниматься? Оглянитесь вокруг, стряхните с глаз

шоры. Разве на Западе сейчас живут наши самые злостные недоброжелатели? Давайте смотреть не на отдельных, пусть даже достаточно высокопоставленных русофобов, а на все западное общество; а оно в основном не желает нам ни добра, ни зла. В той же Украине вы найдете куда больше людей, искренне желающих, чтобы «передохлы усе москали». А уж на Кавказе по обе стороны хребта нас ненавидят не менее 80% этнических кавказцев. Если не верите, съездите, проверьте, но не советую. В Средней Азии процент поменьше, но он тоже немаленький.

Мы, как и большинство западноевропейских наций, наследники имперских традиций, и потому так же, как русских ненавидят многие их бывшие «младшие братья», так же англичан, французов, португальцев, испанцев, голландцев и вообще всех европейцев ненавидят потомки их бывших подданных из бывших колониальных владений. Ненавидят даже через поколения, даже приехав в Европу и вроде бы де-юре став европейцами. О том свидетельствуют межэтнические столкновения в западноевропейских странах. И под огнем этой ненависти мы с Западной Европой сейчас оказываемся как бы в одной лодке. Так стоит ли заострять внимание на наших различиях и негативных примерах из прошлого? Не лучше ли увидеть наконец, как много у нас общего? А общего, поверьте, намного больше, чем различий.

Виктор Дьяков,
писатель

АВТОРЫ НОМЕРА

Близнеков Владимир Леонидович (р. 1971), философ (Ph.D.), публицист, юрист-международник, в настоящее время проживает в Швейцарии (Берн). Печатался в журналах «Политический класс», «Сократ», в «Русском Журнале».

Брусиловский Максим Анатольевич (р. 1965), публицист, общественный деятель.

Бутаков Ярослав Александрович (р. 1973), кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения современных идеологий Института глобализации и социальных движений (ИГСО).

Валькович Мирослав Викторович (р. 1982), экономист, предприниматель, политолог.

Вержбицки Анджей (р. 1970), доктор политических наук, профессор Варшавского университета.

Жучковский Александр Григорьевич (р. 1986), журналист, публицист, общественный деятель.

Иванова Настасья Владимировна журналист, сотрудник Правозащитного центра «РОД», публиковалась на сайтах «Свободная пресса», АПН, «Русский обозреватель».

Котов Александр Эдуардович (р. 1980), кандидат исторических наук, доцент Государственного университета морского и речного флота им. адм. С.О. Макарова. Автор монографий «Русская консервативная журналистика 1870–1890-х гг.: опыт ведения общественной дискуссии»

(2010) и «Птенцы гнезда Каткова» (2013).

Крупкин Павел Ливерьевич (р. 1959), политолог, кандидат физико-математических наук, руководитель Центра изучения Современности, автор книги «Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального обсуждения» (2010).

Любомудров Марк Николаевич (р. 1932), театровед, критик, публицист, общественный деятель, профессор Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, вице-президент Международного фонда славянской письменности и культуры, автор книг «Старейший в России» (1964), «Федор Волков и русский театр» (1971), «Н. Симонов. Ю. Завадский» (1984), «Противостояние. Век XX: традиции — авангард» (1991), «Русский рубеж» (2003), «У истоков русской сцены» (2010) и др.

Мозжерова Марина Анатольевна кандидат медицинских наук, врач-клиницист.

Неменский Олег Борисович (р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Павлов Дмитрий Сергеевич (р. 1984), историк, публицист, магистр востоковедения, преподаватель

Санкт-Петербургского государственного университета, соавтор монографии «Ближний Восток: война и политика» (2010).

Петров Сергей Анатольевич
(р. 1972), кандидат филологических наук.

Севастьянов Александр Никитич
(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009), «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011), «Дело Тихонова–Хасис. Палачи или жертвы?» (2012) и др.

Семанова-Фомина Мария Сергеевна
искусствовед, публицист.

Сергеев Сергей Михайлович
(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализма», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Тесля Андрей Александрович
(р. 1981), кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ), г. Хабаровск. Автор книги «Первый русский национализм... и другие» (2014).

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
великого русского мыслителя
Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»**

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:
8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

SUMMARY

The 17th volume of VOPROSY NATION-ALISMA (STUDIES IN NATIONALISM) opens with a selection of expert opinion on Ukraine crisis and its consequences for the Ukrainian nationalism and for the Russian one.

Doctor Marina Mozzherova examines the myths and realities of Russia's demographic problem.

Cover story is *Nationalism and religion*.

Publicist Alexander Zhuchkovsky sums up the first five years of Patriarch Kirill's managing Russian Orthodox Church.

Culturologist Mark Lyubomudrov makes modern adjustments to Sergei Uvarov's triad of *Orthodoxy, Autocracy and Nationality*.

Philosopher Vladimir Bliznekov explores the phenomenon of "holy nationalist" Joan of Arc and her influence on the French political culture.

Andrzej Wierzbicki, a professor in University of Warsaw, speculates about the role of Catholicism in the Polish nation building.

Historian Sergey Sergeev examines polemics on the national question in Russian social thought in the late 1880s — early 1890s. He considers in detail standpoints of Vladimir Solovyov and Konstantin Leontiev as the leading religious thinkers of the era.

Historian Dmitry Pavlov analyses new trends in religious life of Iran.

Publicist Miroslav Valkovich considers

the ratio between Slavic neo-paganism and national democracy.

In the rubric *Translations*, we publish fragment of Adrian Hastings's book '*The construction of nationhood, ethnicity, religion and nationalism*', considering nationalism as the phenomenon of Christian culture.

Sociologist Paul Kroopkin examines the forms and the role of collective identities in social life.

Journalist Nastasya Ivanova recalls the 'anti-fascist campaign' in the Russian media in the early 2000s and shows its impact on the anti-democratic processes in Russia.

Philosopher Andrey Teslya analyzes the Ukrainian question in Ivan Aksakov's publicism in beginning of the 1860s.

Philologist Sergey Petrov unmasks an old myth of Eurasianism associated with the figure of Mamai, the powerful commander of the Blue Horde.

Historian Alexander Kotov examines the specific 'bureaucratic nationalism' of Mikhail Katkov.

Publicist Alexander Sevastyanov completes his series on the Constitution of the Russian national state.

Art historian Maria Semanova-Fomin recalls her father Sergey Semanov, the famous historian and publicist.

The volume ends with the rubric *Controversy*. Publicist Max Brusilovsky considers 'the crisis of adolescence' in contemporary Russian nationalism, and political analyst Yaroslav Butakov expresses the Marxist perspective on the so-called 'Russian question'.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 25.02.2014.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8–964–551–49–52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8–916–950–61–43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8–964–580–19–92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.